

63.3(2Рос-6Клн)
К П 44

ПОДРОЖНИК

Выпуск 5

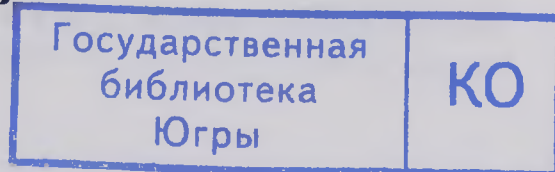
ПОДРОЖНИК

Краеведческий альманах
Выпуск 5

Редактор-составитель
Валерий Белобородов

- 088570-3

Мандр и Ка
Тюмень
2005

ББК 26.89

П 44

П 44 ПОДОРОЖНИК: Краеведческий альманах. Вып. 5 / Ред.-сост. Белобородов В.К. — Тюмень: Мандр и К^а, 2005. — 352 с.

Очередной выпуск «Подорожника» посвящен в основном истории Тобольского Севера. Читатель сможет познакомиться с публикациями А. Иконникова в «Тобольских губернских ведомостях», архивными материалами Г. Дмитриева-Садовникова, биографиями деятелей прошлого.

Особняком в альманахе стоит роман М. Плотникова «Клад Кучума». Возврат этого произведения читателю — еще один шаг в исследовании творчества автора «Янгал-маа».

Книга адресована всем, кто интересуется историей родного края.

© Белобородов В.К. (автор идеи), 2002.

© Белобородов В.К. (составление), 2005.

© Дыба-сын В.В. (обложка), 2005.

© Государственная библиотека Югры (издание), 2005.

© Мандр и К^а (издание, оформление), 2005.

ISBN 5-93020-323-7

Ситцевый юбилей

Сегодня, открывая пятый номер альманаха, можно смело утверждать: идея «Подорожника» оказалась плодотворной. Эпоха соцреализма, в которой человек всегда был колесиком и винтиком чего-то непонятого большого, слава богу, прошла. И креатив Валерия Белобородова грозит стать самой перспективной идеей в краеведении последних, как минимум, восьмидесяти лет. Вернуть читателю то, что ему практически недоступно, быть компасом во времени на необъятном пространстве края — все это оказалось под силу одному человеку. Таких людей, способных воплощать свои идеи в жизнь, сегодня называют не иначе, как «мачо».

К нему понемногу подтягиваются другие не менее увлеченные люди, чтобы на страницах «Подорожника» приоткрыть завесу таинственности, покрывавшую многие стороны нашей вчерашней жизни. А. Петрушин и В. Цысь, А. Федулов и Г. Кушнир... Имен пока не так уж и много! Но и номеров пока лишь только пять...

На фоне прямо-таки культуртрегерского окружения, радеющего о нашей культуре, с истинными помощниками было очень непросто. До тех пор, пока не отыскалась-таки организация, планам которой идея редактора-составителя «Подорожника» оказалась не чуждой. Государственная библиотека Югры помогает «Подорожнику» от номера к номеру становиться все объемней и краше. Отнюдь не в ущерб форме.

За свой век альманах уже много в чем поднаторел. Замечен в первой публикации архивных материалов, в возврате забытых имен, в стремлении редактора-составителя делать каждую книжку запоминающейся.

В первом выпуске альманаха В. Белобородов напоминал: «...подорожник — скромное растение, вечный спутник человека, нередко дающий ему исцеление от легкого недуга. Люди

старшего поколения помнят и другое значение слова: каждому хоть раз в жизни доводилось уносить из родного дома в котомке или чемодане подорожники — заботливо приготовленные для путника съестные припасы».

В незначительный юбилей (в наше нестабильное время всякое число тщится выглядеть юбилеем) — пять выпусков воплощенной идеи! — хочется страдать убеждением, что котомка всегда будет полной. И несущий ее на плече всегда будет сильным. На зависть всем...

Позавидуем по-доброму мужчине с котомкой...

Ю. Мандрика

Из Березова

В последние десять лет как-то часто стали выдаваться годы, очень неблагоприятные для здешнего края. Обь, кормилица и поилица всего населения, которое тянется по ее берегам на протяжении почти двух тысяч верст, во всю длину Березовского округа, в эти годы становилась страшным врагом, который одним разом уносил с собой благосостояние, накопленное десятками лет. Мы говорим об опустошительных наводнениях, случающихся здесь время от времени вследствие необыкновенного половодья и разлива Оби и рек, в нее впадающих, преимущественно Иртыша и Тобола. Такие наводнения, очень редкие, по словам старожил, в прежние годы, в последнее время стали повторяться чаще и чаще: факт замечательный, на который стоило бы обратить внимание специалистам, тем более что в этом случае отвлеченные интересы науки слишком тесно связаны с первыми насущными потребностями жизни. Наводнение — это настоящий бич для края, оно парализует его лучшие промышленные силы. Несколько таких годовряду могут вконец разорить русское и отчасти инородческое оседлое население, приютившееся по берегам Иртыша и Оби, а ведь это население служит, некоторым образом, проводником цивилизации в разбросанные по всему краю, уходящие далеко на север кочевья здешних инородцев — остяков и самоедов.

По самому характеру местной природы население, расположенное по упомянутым рекам в Березовском и отчасти в соседнем Тобольском округе, имеет характер преимущественно промышленный. Хлебопашеством не позволяет заниматься климат, да и мест, удобных для этого, нет или очень мало; зато Иртыш и в особенности Обь заключают в себе неистощимый запас превосходной рыбы, в лесах водится пушной зверь и растет кедровый орех, а самые берега Иртыша и Оби с их бесчисленными рукавами, или так называемыми здесь протоками,

представляют по большей части богатейшие луговые пространства, на которых вместе с тальником растет высокая густая трава. Протоки, которыми особенно богата Обь и которые по величине своей напоминают обыкновенные наши небольшие реки¹, очень разнообразят местность и придают ей особенную жизнь и колорит. Окаймленные высоким, стройным густым тальником, эти протоки чрезвычайно живописны в полную воду; в них всегда тихо, вода не шелохнется, по сторонам сплошной ровной стеной, стоя в самой воде, идет зеленый тальник, вверху видишь голубую полосу неба, ярко отражающуюся на гладкой поверхности воды с переливами мягкой зелени тальника; в бурную погоду здесь нередко находят для себя спасенье бедные рыбацьи лодки и каюки (каюк — большая крытая лодка) зажиточных промышленников. Островки, образуемые протоками, обыкновенно служат самыми привольными местами для скота. Здесь он и от зверя безопаснее (зверь, звирь — обыкновенное название медведя), и находит себе защиту от холодных ветров и летнего зноя. Обилие воды и травы и удобство мест чрезвычайно благоприятствует развитию скотоводства, насколько необходимо оно для поддержания домашнего крестьянского быта, и в этом отношении хозяйство прибрежных жителей, пока не было наводнений, шло очень успешно. У редкого домохозяина не было по две, по три пары рогатого скота и лошадей; у более зажиточных рогатый и рабочий скот водился десятками. Коровье мясо, масло, кожа частью сбывались жителями на городские рынки в Тобольск и Березов, но большею частью шли на собственное употребление, так как при дешевизне еще в недавнее время означенных продуктов, зависевшей от дешевизны хлеба, сбыт их за несколько сот верст не мог приносить большой пользы здешнему прибрежному жителю. Для него как промышленника гораздо более имеет значение лошадь; она его чуть ли не главное богатство и уж, во всяком случае, главное подспорье в его хозяйстве.

Известно, какую роль играют в торговле перевозочные средства. Если и есть товар, но не на чем его везти, то почти все

---

¹ Есть, впрочем, в особенности ниже Березова, и такие протоки, что по величине своей не уступят Каме и Волге. Один из таких рукавов, называемый Малою Обью, равняется почти самой Оби.

равно, что его нет. Но мы сказали, что все прибрежное население в здешнем крае живет главным образом промышленностью; что добудет здешний крестьянин от рыбного и пушного промысла, что успеет он скупить и выменять у инородца и сбыть в хорошие руки, тем он и кормится. В летнее время об удобстве сообщений не может быть и речи; лодка здесь вполне заменяет собою и телегу, и коня. Тут вы не увидите ни одной проторенной дорожки, ни одного летнего экипажа. Несмотря на то, лето здесь вовсе не такое время, чтобы оно благоприятствовало развитию торговых и промышленных операций; ничего похожего на ярмарочное движение не бывает в течение всего лета на здешних главных промышленных пунктах. Торговля и промышленная жизнь здесь проявляется главным образом зимою; потому и при огромном протяжении Березовского края лошадь, а у кочевых инородцев олень как перевозочные средства получают в этом крае особенное значение.

Летом почти все здешнее население занято бывает рыболовством. С началом весны, по вскрытии рек, инородцы снимаются со своих зимних кочевьев, сгоняют оленей на Урал, где оставляют их пастись целое лето, складывают свои чумы в лодки, которые связывают по две и по три в виде парома, и отправляются иногда верст за 500 и более на Обь на все лето для рыбного промысла. В то же время местные русские промышленники, мещане, казаки, крестьяне снаряжают свои каюки, на которых также на все лето отправляются за рыбой на низ Оби, верст за 500, 700 и ниже Березова. Рыба ловится на так называемых песках, отмелях, которые составляют собственность инородческих обществ, за исключением лишь очень немногих, принадлежащих русским крестьянам. Собственные средства местных жителей или, скорее, неуменье взяться за дело не позволяют им, однако ж, удерживать за собою пески, чтобы самостоятельно заняться добычею рыбы в больших размерах; все лучшие рыболовные места по Оби издавна отдаются в кортом иногородним купцам и промышленникам, которые каждое лето приходят на Обь сверху, с Тобола, Туры и Ницы, на судах и дощениках. В этом отношении судовые рыбопромышленники могут назваться настоящими хозяевами богатых обских рыбных промыслов; их большими неводами налавливается самое боль-

шое количество обской рыбы, они же скупают у местных жителей, русских и инородцев, самую большую часть добываемой рыбы. Это бы все ничего, но дурно то, что крупные рыбопромышленники сильно эксплуатируют местных жителей, действующих вразбивку; последние, в особенности инородцы, обыкновенно забираются у них в долг хлебом, солью, разными припасами и снарядами, нужными для их быта. Эти долги с годами накапливаются, и инородцы в отношении к содержателям песков становятся уже в положение не хозяев, а батраков, которые обязаны навалливать им за долги известное количество рыбы по самым дешевым ценам. К тому же пески хотя по распоряжению начальства и отдаются в кортом с торгов, но по отсутствию конкурентов² отдаются обыкновенно задешево прежним же содержателям. Так монополия уже успела прочно водвориться на Оби, и это служит сильною помехою для развития здешней рыбопромышленности в такой степени, чтобы она, составляя самую важную и самую надежную отрасль местной промышленности, служила истинным источником богатства для всего здешнего населения, как русского, так и инородческого.

Гораздо свободнее и самостоятельнее чувствует себя здешний житель в отношении к заработкам и промыслам в зимнее время.

² Впрочем, как же и быть конкурентам, когда само губернское начальство до последнего времени расположено было жертвовать интересами края выгодам нескольких или даже одного монополиста. Например, назад тому три года при отдаче с торгов Мелексимского рыболовного песка, одного из лучших, находящегося в 180 верстах ниже Березова, был вот какой случай. Песок этот содержал раньше один из влиятельнейших тобольских купцов, особенно заинтересованный здешним краем. Только некоторые из здешних купцов вздумали посоперничать с ним, хотели удержать песок за собою и потому на торгах, бывших при здешнем окружном управлении, дали цену, высшую против предложенной прежним содержателем, который много и не торговался. Это, однако ж, он делал неспроста: он почти открыто смеялся над усилиями таких пигмеев, каковы здешние купцы, состязаться с ним, тобольским титаном. Когда надобно было только утвердить торги (а утверждаются они губернским начальством), титан явился к кому следует, предложил для виду надбавить против последней состоявшейся на торгах цены, которая простиралась до 600 руб., несколько десятков рублей, и песок по-прежнему остался за ним; березовские же соперники так и остались с носом. Зато на последующих торгах на тот же песок уже никто не посмел состязаться с титаном, и песок ушел вполтину прежней цены. Кстати, о том же титане. Около того же времени, к которому относится рассказанный нами казус, одна компания вздумала открыть пароход-

Пока сами общества, русские и инородческие (мы разумеем оседлых инородцев, которых здесь гораздо более, чем кочевых), не будут пользоваться песками и иметь собственные суда или большие каюки для сплава рыбы или же пока не разовьется пароходство, которое будет иметь на своей стороне все преимущества пред нынешними тяжелыми судами, до тех пор местное население не освободится из-под зависимости от судовых рыбопромышленников, и те выгоды, какие доставляет летний рыбный промысел при превосходном водяном сообщении здешнего края с другими частями губернии и с соседними богатыми губерниями, Пермскою и Томскою, будут доставаться в чужие руки. Совсем другой характер имеют в этом крае промыслы зимние, из которых самый важный — добыча пушного зверя. Зверя нельзя забирать кучею, как рыбу неводом, его нужно бить в одиночку из своих рук, и потому в этом промысле здешний инородец полный себе господин. По первому снегу с первыми холодами отправляется он на ловлю зверя, перекочевывает со своими чумами и оленьими стадами с места на место, углубляется внутрь сибирских тундр и лесов и с богатою добычею песцов, лисицы, белки и проч. идет к Обдорску для положения ясака и сбыта пушного товара. Такою кочевой жизнью

ство по низовью Оби (по Оби до соединения ее с Иртышом, равно как и по Иртышу, давно уже ходят пароходы), выговорив себе при этом право исключительно содержать пароходы в течение десяти лет. Все обрадовались этому предприятию, с которым, по-видимому, должно было кончиться преобладание монополистов, подобных тому, о котором у нас идет речь; компания сделала самые пышные обещания, она обнадежила здешних и обдорских (Обдорск ниже Березова на 400 верст, о нем еще скажем дальше) промышленников, что возьмет у них рыбу, и те поудержались сдать ее судовым рыбопромышленникам. Дело между тем поведено было компаниею очень дурно; единственный принадлежащий ей пароход оказался из рук вон плохим; он едва-едва дотащился до Березова, и то благодаря баржам, которые тянули его на буксире. Ну и принуждены были здешние и обдорские промышленники (из числа немногих местных купцов только у одного есть судно, которое ходит с рыбой вверх по Оби до Тобольска) обратиться к тому же тобольскому титану, которым было пренебрегли, с нижайшими просьбами взять у них рыбу по каким угодно ценам, и дал же им почувствовать себя при таком благоприятном случае этот господин, так что и до сих пор местная промышленность не может оправиться от удара, нанесенного ей этим обстоятельством (впоследствии слышно было, что на слезы березовских бедняков титан сделал великолепный вклад в один из Т. храмов божьих).

отличаются в особенности самоеды, которые, занимая северную половину Березовского округа вплоть до Ледовитого моря, имеют в своем пользовании лучшие места для звероловства. Южную половину округа населяют вместе с русскими, приютившись на берегах Оби, остяки, которые и по языку, и по внешнему виду отличаются от самоедов. Остяк ведет уже более оседлую жизнь, чем самоедин. Живя ближе к местным торговым и промышленным пунктам, чаще соприкасаясь с русскими, остяк имеет более возможности распродать по частям наловленного им зверя, чем самоедин; мелкие русские промышленники сами объезжают более населенные остяцкие волости, снабжают остяков хлебом, солью, разными мелкими товарами на инородческую руку и взамен этого берут у них рухлядь, которую и сдают оптовым торговцам. Напротив, самоеды, кочуя по неизмеримому пространству, заключающемуся между Архангельской и Енисейской губерниями, вниз по течению р. Оби до самого моря, нуждаются в таком пункте, где бы они могли приходить в столкновение с русскими промышленниками и обменивать, и сбывать свои произведения. Такой именно пункт представляет Обдорск, известный своею ярмаркою, самую важную в этом крае. Обдорск в старину был крепостью, ныне же это небольшое селение, представляющее самый крайний на севере губернии населенный пункт (далее до самого моря, до которого остается еще около 800 в., а может быть, и целая тысяча, уже пойдут разбросанные кочевья инородцев); здесь, в Обдорске, постоянно живет несколько русских купцов, не менее, чем в Березове, здесь же живут представители местного инородческого управления: со стороны инородцев самоедский князь Тайшин и со стороны русского правительства отдельный участковый заседатель. Исправное положение ясака инородцами — вот о чем преимущественно заботятся тот и другой, и это же положение ясака, по всей вероятности, послужило началом ярмарки, которая теперь чем далее, тем более получает значения для края, по мере уменьшения пушного зверя на южной половине Березовского округа. Обдорская ярмарка начинается с 1 января каждого нового года и продолжается почти месяц. Главные предметы торговли на ней со стороны инородцев — песок, олени шкурки, лисица, птичье перо, рыба и рыбный клей, а со стороны русских —

хлеб, сукно, преимущественно красное, которое инородцы очень любят, бумажный товар, холст, шелковые и шерстяные материи, бобер, кожи выделанные, табак простой, железные изделия, ме-режи; всего с той и другой стороны привозится товаров, по показаниям знающих людей, более чем на 100 тыс. руб. серебром (по официальным сведениям показывается менее). Из Обдорска ясак поступает в Березов, куда в конце января представляет его сам князь; в то же время также для сдачи ясака приезжают сюда и другие князцы и старшины инородческие со всех инородческих волостей. От этого наплыва инородцев в Березове также образуется ярмарка, но здесь она имеет уже гораздо менее значения, чем в Обдорске. Главный пушной товар здешнего края — песец — сбывается из первых рук в Обдорске и оттуда уже прямо, без раскупорки и остановки в Березове, направляется на Ирбитскую ярмарку; точно так же, не останавливаясь, идут из Обдорска и другие товары, набираемые на тамошней ярмарке; идет преимущественно белка, бывает немного лисицы и выдры и очень незначительное количество соболя и горностая, которыми в последнее время край очень обеднел, но все это на здешней ярмарке продается и покупается не открыто, на базарной площади, на которой, впрочем, и во всякое другое время ни разу не увидишь не только ни одного воза или балагана, но и ни одной бабы с калачами, а по домам русских купцов и промышленников, и торг идет на скорую руку, так как купцы и промышленники торопятся на Ирбитскую ярмарку; поэтому ярмарка проходит без всякого оживления, и для постороннего человека она даже вовсе незаметна. Притом же все означенные товары, как мы заметили выше, набираются торговцами не вдруг, на одних ярмарках, а исподволь с самого начала зимы и большею частию на местах, в остяцких поселениях по рр. Сосве, Вогулке и Сыгве. Еще недалеко то время, когда у здешних купцов в одних руках скоплялось белки до 100, до 150 тысяч штук; в какие-нибудь восемь, десять лет все изменилось, зверь значительно уменьшился, в особенности по верховью Оби, и нынешний год со всего края едва ли пошло в Ирбит до 70 тысяч белки. В первых числах февраля здешнее купечество собирается на Ирбитскую ярмарку. Более дешевые и более грузные товары заранее отправляются в Тобольск в обозах; провозная плата в

хорошие годы бывает недорого — от 50 до 70 коп. с пуда за расстояние от Березова до Тобольска в 1050 верст. А то для выиграния времени и по дешевизне провоза по ту сторону Самарова, большого торгового селения, находящегося на половине пути между Тобольском и Березовом, оправляются иногда товары на долгих только до Самарова, а отсюда до Тобольска или до самой Ирбители везут на переменных. Более же дорогую мягкую рухлядь здешние купцы обыкновенно возят с собою в возках на переменных лошадях, на которых дней в шесть-семь доезжают до Тобольска, а там до Ирбители «рукой подать», всего каких-нибудь 400 с лишним верст. Прогонная плата в хорошие годы не превышает $1\frac{1}{2}$ коп. за версту и на лошадь и даже бывает еще менее. Таким образом, весь путь, который проходят здешние пушные товары, считая от Обдорска, где закупается наибольшая часть их, до Ирбители, составляет близко 2000 верст, и если принять во внимание, что Обдорская ярмарка начинается с 1 января, а Ирбитская с 1 следующего февраля, то нельзя не видеть всей важности перевозочных средств в этом крае в зимнее время. От Обдорска до Березова перевозка товаров и пассажиров производится на оленях, по крайней редкости населения и огромности расстояния между станциями (здесь есть станции земские) лошадь не выдержала бы трудности пути между этими двумя пунктами, тогда как олень бежит целую сотню верст, не отдыхая и довольствуясь одним снегом, который он хватает на бегу. С Березовом езда на оленях прекращается, и отсюда до Тобольска уже на каждой станции, хотя бы то и в инородческих селениях, содержатся лошади.

* * *

Кроме зверя зимою местные жители, в особенности русские, промышляют также и рыбу. С уходом судов рыбопромышленников, которые стараются пораньше, с началом сентября, сняться со своих стоянок, чтобы заблаговременно прийти, по крайней мере, до Тобола, рыболовство не прекращается, напротив, деятельность в этом отношении местного прибрежного населения, можно сказать, усиливается. Вся рыба, какая ловится летом и идет на суда, обыкновенно тут же на месте солится (и, надобно прибавить, солится очень дурно, так что совершенно почти утрачивает свой настоящий вкус) и в этом уже виде развозится

потом по зиме и распродается по всему Зауралью. Теперь, с наступлением осени, жители заботятся о том, чтобы приготовить к зимнему пути запасы свежей рыбы, которая имеет превосходный вкус, ценится и покупается очень хорошо. Для этого по берегам Оби в удобных местах они устраивают сады, куда пускают добываемую по осени рыбу, которую потом, с наступлением морозов, вытаскивают неводами на лед и замораживают. Осенний лов рыбы производится преимущественно важанами (род сетей длиной до 10 и шириной до 4 саж.), для чего устраиваются по Оби загороди из толстых жердей, в промежутки которых, бывающие в пол-аршина, и спускаются важаны. Так продолжается до тех пор, пока не станут реки. Впрочем, пока еще тонок, лед рыбу продолжают ловить — на небольших реках, как говорится, по подледью, неводками, а на Оби — гимгами (так называются большие морды, бывающие длиной до четырех, а шириной и шириной до двух и более арш.), также с помощью загородей, которые делаются через всю реку. На больших реках, впадающих в Обь, ловится таким образом так называемая черная (т.е. в смысле дешевая, низкого сорта) рыба, язи, щучки и т.п., и ловится по местам в огромном количестве (нынче, например, на одной такой речке, близ Кондинска, с начала зимы добыто до 1000 п.), на Оби добывается преимущественно осетр, нельма и муксун. С наступлением жестоких морозов речки промерзают, и сама Обь, как говорится здесь, замирает, т.е. от недостаточного соприкосновения с внешним воздухом вода в ней портится и рыбадохнет, почему рыболовство прекращается; так бывает с начала или с половины января. Большая часть добываемой осенью и зимою рыбы отправляется и увозится зимним путем русскими промышленниками — крестьянами, мещанами и купцами — в Тобольск, на Ирбитскую ярмарку, на Богословские заводы, некоторая же часть продается зырянам, ежегодно приезжающим в этот край из соседней Архангельской губернии.

Кстати, о зырянах. В промышленном отношении они много значат для здешнего края, и кажется, что влияние их на местную промышленность, сделавшееся особенно заметным с 50-х годов, все более и более увеличивается. Архангельские торгаши зыряне — это народ, что называется, продувной — бойкий,

сметливый, изворотливый, не чета инородцам. Зырянин сумеет и надуть простака-инородца не хуже русского, и в то же время заслужить благоволение земских властей. Не знаем, как зыряне относятся к инородцам в своей, Архангельской, губернии, но для здешнего края, для здешних инородцев они приносят большую пользу как единственные и притом очень сильные конкуренты русским промышленникам. Мы видели, как русские промышленники успели прибрать к своим рукам рыбные промыслы на Оби и поставить в этом отношении инородцев в самое незавидное положение; немудрено, что при отдаленности края, при малочисленности купцов и бедности капиталов то же могло случиться, хотя и не в такой мере, и с пушным промыслом. Да оно, пожалуй, так и было, если принять во внимание, что до преобладания зырян на Обдорской ярмарке пушной товар не покупался у инородцев, а обменивался на продовольственные припасы и разные мелкие товары, которые русским промышленникам обходились очень недорого в сравнении с ценностью вымениваемой рухляди. Зыряне едва ли не первые познакомили инородцев с деньгами и научили давать им цену. Являясь на Обдорскую ярмарку с порядочным запасом наличных денег, они не только подняли ценность пушного товара в глазах инородцев, но и сделались настоящими установителями цен на ярмарке. В этом главное значение зырян для здешнего края. Кроме того, они же принимают наибольшее участие в торговом движении, возникающем здесь в начале зимы, прежде Обдорской ярмарки.

Владея богатыми стадами оленей, зыряне перебираются по первому зимнему пути со своими стадами через Урал, достигают с. Мужы, находящегося почти на половине пути между Березовом и Обдорском, и здесь завязывают торжок, называемый Михайловским (он бывает 7 и 8 ноября), на который привозится товаров русских и инородческих примерно на 10 тыс. руб. (по официальным сведениям показывается гораздо менее). Главный предмет сбыта на этом торжке — свежая рыба, осетр и нельма осеннего улова. Зыряне покупают рыбу большими партиями и отправляют ее в Архангельскую губернию, откуда она идет в Петербург. Они берут также муку, оленьи шкуры, отчасти пушнину. Со своей стороны зыряне продают семгу, сахар,

скоромное масло, оленье туши и языки, инородческую одежду из оленьих шкур и разные свои изделия. Березовские жители обыкновенно запасаются с этой ярмарки почти на всю зиму рыбой, оленьим мясом, маслом и рыбьим жиром.

На Богословские заводы рыбу отправляют на оленях так называемым Сосвинским трактом, который, считая до первого русского селения, называемого Новым строением, тянется на 1200 верст и идет почти все пустынными местами, по горам и по рр. Сосве и Лозве³.

Таким образом, торговое и промышленное движение в Березовском крае изменяет свой характер по временам года. Летом оно ограничивается почти только теми пунктами, где пристают суда рыбопромышленников⁴ и, находясь в совершенной зависимости от последних, много терпит от недостатка конкуренции и влияния монополистов; напротив, зимою благодаря существующей ярмарке и торжкам, а также деятельной конкуренции архангельских зырян оно получает больший простор, развивается с большею силою и на более правильных основаниях и охватывает собою почти весь край. Конечно, при этом самая перевозка товаров на таких огромных расстояниях, какие отделяют здешние торговые пункты от главных рынков — тобольского и ирбитского, откуда край снабжается всем для него нужным, много способствует оживлению зимней торговли и промышленности. Между тем как летом все огромное количество добываемой на Оби рыбы сплавляется гуртом на больших судах немногих крупных рыбопромышленников, зимою товары должны идти в возах на лошадях или перевозиться на оленях, что в свою очередь развивает

³ Этот путь, по которому изредка проходили только сосвинские остяки, стал известен с 1856 г. Здешний мешанин В. Добровольский первый прошел по нему с товарами купца Чечурова, так как по случаю бывшего в том году сильного наводнения по Тобольскому тракту лошади гибли от бессенницы и перевозка товаров на Ирбитскую ярмарку стоила очень дорого.

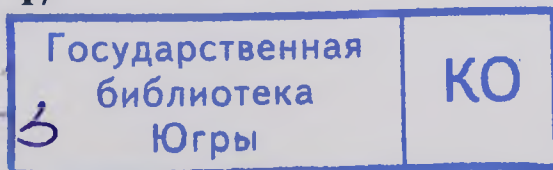
⁴ Только в северо-восточной части Сургутского отделения, граничащего с Томской губернией, проявляется с начала лета ярмарочное движение; здесь бывает два торжка — один в селе Ларьятском с 22 по 30 мая, другой — в селе Юганском с 8 по 15 июня. Но эти торжки — последствия зимних промыслов и получили свое начало оттого, что тамошние инородцы, имеющие селения и кочевья по рр. Ваху и Югану, возносят ясак весною. На том и другом торжке со стороны инородцев идет рухлядь: соболь, лисица, выдра, белка, а со стороны русских купцов — красные товары и разные изделия, требуемые инородцами.

извозничий промысел, делает выгодным содержание лошадей и оленей. Перевозка товаров и разных местных произведений, начинаясь с рекоставом, в особенности усиливается в январе и феврале по случаю бывающих в это время ярмарок Ирбитской и Обдорской; все, что увозится отсюда на Ирбитскую ярмарку и что привозится оттуда обратно, все это отправляется зимним путем, а в Ирбители стараются обыкновенно сделать годовой запас всего, что требуется для Березова и для края из красных, бакалейных и прочих товаров, кроме предметов первой необходимости. Эти последние, как-то: хлеб, соль, овощи и т.п. — приплавливаются уже летом на судах и в каюках рыбопромышленников.

Таков характер местной промышленности. При тех неблагоприятных условиях, которых отчасти коснулись мы выше и которые заключаются в характере самих промыслов, в отношениях русских к инородцам, в отдаленности края, редкости населения и т.п., нельзя было, конечно, ожидать быстрого и прочного развития местной промышленности, однако ж, судя по тому положению, в каком она находилась лет 20, 15, 10 тому назад, трудно было бы предполагать, чтобы она могла дойти до той степени упадка, на которой находится в настоящее время. Здесь все вспоминают прежнее хорошее время, когда всего было вдоволь: и рыбы, и зверя, и птицы, и хлеба, и всякой благодати. Действительно, если взять только 10—12 лет назад, мы найдем, что край был много богаче тогда и естественными произведениями, и капиталами. Купечество в Березове и Обдорске жило на широкую ногу, и между купцами были порядочные капиталисты. В мелком промышленном мире встречалось много зажиточных казаков, мещан, крестьян; не в редкость можно было встретить между ними таких, которые бывали на Ирбитской ярмарке. Березов улучшался, обстраивался, так что г. Абрамов, составивший в начале 50-х годов «Описание Березовского края», находил в свое время Березов порядочным городом. У инородцев и частью русских промышленников водились богатые стада оленей. Горностаи, белка ловились в изобилии и отправлялись — первые десятками тысяч, а последние сотнями тысяч штук на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Относительно дорогих зверей — соболей, черных с проседью и черно-бурых лисиц — давно замечено, что эти породы быстро, с каждым годом все более и более умень-

шаются; однако ж из помянутого «Описания» г. Абрамова видно, что соболи еще в его время были не в редкость, так что в 1850 г. их было отправлено из Березова на Ирбитскую ярмарку до 1600 штук, а это цифра очень почтенная. Рыба была вдвое дешевле против нынешней, хлеб — в три-четыре раза дешевле, сено бывало нипочем. В какие-нибудь 10—15 лет все изменилось. Несколько капиталов лопнуло, остальное купечество прижалось или перемогається кое-как, с грехом пополам. Дошло до того, что лица, слывшие когда-то богачами, стали заимствоваться у местных чиновников деньгами по мелочам. Многие из мелких рыбопромышленников разорились вконец. Число каюков, ходивших прежде из Березова на низ за рыбой, уменьшилось наполовину; вместо 30 их стало ходить не более 15. Бедствия для жителей города и для края начались со страшного упадка оленьего скота, бывшего в 1848 г. вследствие особенной повальной болезни, которая прошла Архангельскую губернию и оттуда была занесена в Березовский край. Она истребила десятки тысяч оленей; особенно городские промышленники, которые водили оленей по 1000 и более голов, лишились в это время почти всего своего скота. Затем следовал ряд наводнений, опустошивших край до последней степени. Наводнения прежде всего лишают край главного источника его богатства — рыбы. Вода захватывает все удобные места для ловли рыбы, все пески, уровень воды поднимается так высоко, что невода рыбопромышленников оказываются несостоятельными, и рыболовство останавливается; так проходит целое лето, а с тем вместе уходит и лучшее время для улова рыбы, тем более что она идет с моря по вскрытии Оби вверх по реке правильными массами и чрез более или менее правильные промежутки времени: так, сначала идет сырок, за ним суток через двое или трое — нельма, в пятые сутки — муксун и осетр, затем следуют щекур, пыжьян, сельдь и налим. Далее — наводнения, конечно, много способствовали уменьшению пушного зверя; разливаясь на огромные пространства, покрывая все низменные места, вода захватывала и зверьков, и особенно их маленьких детенышей, которым трудно спастись на материке. По крайней мере, после наводнений сильно стало заметно уменьшение зверя: горностаи, говорят, убежал от здешней воды в Ишим. Соболи нынче в редкость, черно-бурых лисиц в нынешний ясак поступило очень немного;

- 088570-3

белка также ловится в меньшем количестве⁵. Только песец продолжает водиться хорошо в северной части края, на самоедской тундре, и он-то поддерживает еще несколько знаменитую некогда в здешнем крае торговлю пушными зверями. Кроме того, наводнения губят большую часть скота, коров и лошадей, которые составляют очень важную статью в хозяйстве здешнего оседлого населения, — лишают край перевозочных средств. Вода почти до самой осени стоит на лугах, а когда наконец сойдет (раз, именно в 1849 г., было и так, что вода замерзла, не успев совершенно войти в берега), луга, в другое время покрытые роскошной травой, представляют из себя лишь сплошные темные пространства тины и грязи, покрытые плесенью и путиной. На них или вовсе не показывается, или только едва начинает выступать трава. Лошади и коровы вязнут и, не находя ничего под ногами, бьются около тальника и с жадностью хватают верхушки и листья этого деревца, которым природа щедро наградила этот край. Тот же тальник, или, как здесь обыкновенно говорят, тал, идет в корм скоту и зимою; с осени, пока еще листья тальника свежи, жители собирают их и сохраняют на зиму; когда же и этот запас истощится, тальник рубят, вывозят на собаках, скоблят с него зеленую кожицу и, размешав в холодной воде с небольшою примесью муки, кормят этим скот до самой весны. Разумеется, немногим удастся прокормить его таким образом — только тем, у кого есть лишние запасы муки. Много скота гибнет зимою, особенно в сильные морозы; большую часть коров жители бьют заблаговременно. Наконец, наводнения лишают край последнего подспорья в продовольствии: птицы бывает очень мало, грибов и ягод почти вовсе не бывает. Птица в хорошие годы во множестве появляется на привольных луговых местах, на озерах, протоках, речках; она, кроме того, что составляет вкусную пищу, дает еще перо и пух, которые составляют немаловажную статью в местной торговле; здешний лебяжий пух ценится хорошо и покупается охотно русскими промышленниками и архангельскими зырянками. Вот какие и вот сколько дурных последствий оставляют по себе наводнения. Конечно, не во власти человека предотвратить

---

⁵ Зверь больше сохранился в верховьях рек Сосвы, Ляпина, Югана, Ваха, впадающих в Обь, вероятно, потому между прочим, что здесь наводнения несильны.

это бедствие, насылаемое природою, повинующуюся в этом, как и во всех случаях, законам необходимости, но все-таки он может значительно ослабить силу этих последствий, если заблаговременно позаботится об этом. Например, отчего бы здешнему населению, имея пред глазами горькие опыты прошлого, не позаботиться о том, чтобы в хорошие годы, когда не бывает наводнений, когда трава наполовину остается нескошенной, делать хоть небольшие запасы сена на будущий год, на случай наводнения и бессенницы в том году? Правда, русский мужик тяжел на подъем, не привык сам начинать дела; ну, в таком случае было бы недурно, если бы позаботилось об этом начальство. Что касается до городских жителей, то, кажется, они уже убедились в необходимости делать подобные запасы и думают приступить к этому нынешним летом, если оно будет благоприятно; увидим, исполнят ли они свое благое намерение.

Особенно тяжел был для края последний, 1862 год; в этом отношении он именно скрасил предыдущие трудные года. Но об этом до другого раза.

* * *

Мы заговорили о бедствиях, обрушившихся на Березовский край в прошлом, 1862 году. Бедствия эти начались с весны, которая на этот раз немного принесла радости заиндевавшему и обледеневшему в течение долгой и суровой зимы инородцу; после холода пришлось испытать голод. По каким-то высшим административным соображениям казенной муки для инородцев в предшествовавшее лето было заготовлено, вопреки всем настояниям местного начальства, значительно меньше, чем сколько требовалось на самом деле. Кажется, что администрация в этом случае возлагала большие надежды на вольную хлебную промышленность, но как эта последняя сосредоточилась почти в одном лице того же тобольского титана, уже знакомого читателям, то неудивительно, что в этот раз промышленность изменила, не оставшись, однако, сама внакладе. Реки в прошлом году вскрылись очень поздно, не только Обь, но даже Сосва, на которой стоит Березов, очистилась ото льда уже в конце мая. Поэтому суда и каюки рыбопромышленников, снабжающих отчасти край хлебом и другими продовольственными припасами, замедлили приходом, припасы хлеба в казенных ма-

газинах и у частных лиц истощились, и пришлось в ту пору порядочно голодать, в особенности бедному классу русского населения, у которого здесь нет вовсе общественных запасных хлебных магазинов, и оседлым инородцам, живущим по сию сторону Березова и не имеющим оленей. Здешние купцы, пользуясь таким хорошим случаем, повытаскивали из своих амбаров остатки затхлой, слежавшейся от времени муки и наполовину со всяким сором, пылью, мышиным пометом продавали инородцам по каким хотели ценам. К счастью, природа как будто нарочно позаботилась о своих ближайших детях — инородцах: с началом весны появилось, особенно по берегам рек, множество кротов, которыми и пробавлялись инородцы в голодное время. Положат, случалось видеть русским, штук двадцать целиком, с потрохами (содравши только из экономии шкурку, которая шла на мех), в котел и этим импровизированным супом питаются, что крайне возмущало неких, слабых совестью, особ, недоумевавших, как можно крещеным есть такую гадину, да еще в Великий пост. Однако ж при всем том без несчастных случаев, говоря полицейским слогом, не обошлось. В начале нынешнего года в «Губернских ведомостях» было заявлено, что вследствие недостаточного заготовления хлеба в Березовском крае в прошлом году умерло голодной смертью 15 инородцев; это стало известно уже гораздо после⁶, помимо местного начальства, и нынче подтвердилось формальным следствием. Это следствие, стоившее следователю больших трудов и хлопот, раскрыло много темных сторон местного управления, характеризующих в особенности жалкую степень развития здешнего домощенного чиновничества; но об этом мы предполагаем сказать особо, по поводу здешнего уездного училища, как учреждения, специально назначенного к тому, чтобы разливать свет истинных, гуманных понятий на весь этот край, такой отдаленный и глухой. Здесь же прибавим только, что следствием обнаружено еще, что кроме означенных 15 инородцев в сургутской⁷ больни-

⁶ Тобольское общество заявило свое сочувствие к бедственному положению березовцев, устроивши в пользу их так называемый благородный спектакль, но эта была уже поздняя помощь; березовцы голодовали весною прошлого года, а спектакль шел в январе нынешнего года.

⁷ Вся эта драма разыгралась в Сургутском отделении Березовского округа, граничащего с Томской губернией, чрез которую и дошло до Тобольска

це на глазах начальства умерло тою же жестокой смертью еще пять несчастных инородцев, которые были привезены в больницу уже крайне истомленными голодом и для которых медицинская помощь оказалась бесполезною. И, по всей вероятности, эти 20 человек не были единственными жертвами невежества и недостаточного внимания к интересам инородцев со стороны тех, от кого зависело предотвратить это бедствие...

За поздним вскрытием рек, что само по себе уже было большим несчастьем для края, следовало продолжительное наводнение; большая вода в том году простояла почти целое лето и много сделала опустошений. Нам довелось отправляться в этот край в начале сентября, и мы отчасти были свидетелями, какие следы оставило по себе прошлогоднее наводнение. Несмотря на осеннюю пору, оказалось, что Обь только что вошла в свои берега, небольшие протоки были переполнены водой, которая стояла почти везде в уровень с берегами; случалось и так, что, когда лодка наша входила в протоку, мы плыли среди густых аллей тальника, на пол-аршина стоявшего в воде. Везде, где только вода захватывала материк, видны были следы разрушений и запустения. Разрушенные водою берега Оби обваливались, на лугах не было ни травинки — они представляли из себя сплошную массу грязи и тины, покрытую плесенью; в деревнях, расположенных в низменных местах, виднелись исковерканные избенки и амбарушки, а по улицам, по которым еще недавно сновали лодки, стояла грязь непроходимая. В одном месте быстроною воды оторвало часть мыса, на котором была расположена деревня, и две улицы снесло начисто. Везде прибрежные жители жаловались на разорение и на ожидающие их еще впереди бедствия. Один мужик, помнится, на Алымской станции, так буквально ударился в слезы. «Луга у нас, батюшка, — говорил он, обращаясь ко мне, — богатеющие, вот мы живем на три семьи, своими домками, преж бывало ставили сена по 1000 копен, у трех хозяев водилось до полсотни лошадок, извозом занимались больно ладно. А нонче почесть вся скотинушка изгибла, есть стало нечего. Было немного способных местов у остяков, где кое-как еще пробавлялась

первое известие о голодной смерти нескольких инородцев, а как Сургут (заштатный город) отстоит от Березова почти на 1000 верст, то тамошнему участковому заседателю и немудрено было скрыть все это от березовского начальства.

скотинка, да и те взял за себя в кортом строшинский голова и мирскую скотинку всю повыгнал, чтоб ему, собаке, ни дна, ни покрышки, так бедная и свалилась...». Принимая меня за служащего чиновника, жители то и дело обращались ко мне с просьбами и за советами относительно исходатайствования у правительства по такому тяжелому году каких-либо пособий в хлебе или льгот во взносе податей. Мое положение было вовсе не таково, чтобы я мог что-нибудь посоветовать им, но на спрос мой, составляют ли они об этом общественные приговоры, один разумный мужик отвечал: «Вестимо, батюшка, что надо бы сообща составить приговор, да мудрено, вишь, сделать эфто. Богатые мужики гнут в свою сторону, им на лапу, как народ терпит такое безвременье, ну и норовят, кабы расстроить общество, толкуют, что-де казна нам за подмога». Вообще на всем протяжении пути от Тобольска до Березова я замечал, что почти в каждой русской деревне большинство населения — бедные и менее достаточные крестьяне — находятся в сильной зависимости от нескольких, очень немногих зажиточных мужиков, чему, конечно, много способствует отсутствие хлебопашества между крестьянами и промышленный характер селения. Иногда на всю деревню приходится два, три богатых мужика, которые и снабжают остальных своих однодеревенцев хлебом, деньгами и проч.; разумеется, эти одолжения, за которые бедняки должны работать на богатых, только более и более отдают первых в руки последних и, несколько не увеличивая благосостояния общины, только развивают монополию и кулачество. В этом отношении особенно было бы желательно заведение между русским прибрежным населением, живущим промышленною жизнью, общественных ссудных касс, из которых бедные крестьяне-промышленники могли бы делать правильные займы, чтобы самостоятельно вести свои дела, а то, как, например, в последние тяжелые годы, бедняку-крестьянину, чтобы не умереть с голоду (повторяем, у здешних крестьян, как не занимающихся хлебопашеством, нет общественных хлебных запасов, которые бы могли гарантировать их на случай голодного времени), не остается другого выхода, как идти в кабалу к богатому мужику.

Мы говорили в предыдущей статье, как много значит для благосостояния здешнего крестьянина, не имеющего хлебопа-

шества, домашний скот — корова и лошадь. В этом отношении прошлогоднее наводнение особенно тяжело отозвалось для здешнего населения. Быстрое возвышение цен на хлеб в последние три, четыре года отняло всякую возможность у жителей при недостатке хлеба прокармливать скот хлебом, как это удавалось в прежние, подобные же годы, например, в 1857 г., когда наводнение было едва ли не более прошлогоднего; от этого нынче население лишилось почти всего своего скота. Коров перебили, а лошадей предоставили воле божьей — большую часть их пустили в поле на более удобные места в том чаянии, что авось они сами отыщут себе корм, отроют его из-под снега. Разумеется, почти все они погибли от холода и голода, но некоторые, немногие, все-таки каким-то чудом уцелели. В самом Березове нам доводилось видеть, как иная лошадь, о которой и забыл совсем хозяин, печально побродит по улицам города, потолкается в тот или другой двор и тут же, где-нибудь недалеко от полиции, издохнет. В Обдорске, сказывают, один тамошний купец, чтобы не видеть томления своих любимых лошадей, предупредил грозившую им голодную смерть: велел их перерезать. Один здешний казак, хотевший какими ни есть средствами сберечь свою лошадь, в конце зимы ухитрился кормить ее рыбой, мелкими щучками, которые в изобилии ловятся в Сосве, и та поневоле должна была преобразиться из травоядного животного в плотоядное. Лошадей по тракту в Тобольск едва достало на то, чтобы возить почту и земские подводы. В начале зимы еще можно было найти возчиков до Тобольска, но ко времени Ирбитской ярмарки уже нельзя было и думать отправлять товары и даже пускаться налегке, на переменных, без подорожной. Хорошо еще, что, при всей беззаботности русского крестьянина, нашлось несколько хозяев, у которых оставались от прежних годов запасы сена: это только предотвратило поголовный падеж скота. Березов же в этом отношении очень много обязан пригородным осякам. По речке Вогулке, впадающей поблизости города в Сосву, они нашли уже зимою удобные места, оставшиеся безопасными от наводнения и покрытые густою высокою травой, на которой, конечно, лежал толстый слой снега; снег этот осяки разгребали, резали потом ножами и рвали руками траву и на нар-

тах⁸, запряженных собаками, привозили в город для продажи. Только благодаря этому город оставался зимою не вовсе без молока, которое продавалось, да и то с трудом, по 15 коп. сер. за штоф, и уцелело у более зажиточных обывателей десятка два-три лошадей, способных возить воду. Кто хотел сберечь свою лошадь, тот не жалел платить за нарту сена, что не составит и копны, от 1 р. 20 к. до 1 р. 40 к. сер., тогда как обыкновенно здесь сено бывает нипочем — коп. 40—50 воз с вывозкою. Имея порядочный запас сена от прошлых годов, можно было нажать хорошие для крестьянина деньги; так, в Кондинском селе один тамошний крестьянин, имевший такой запас сена, выручил от продажи его в одну нынешнюю зиму до 200 р. сер., кроме того, что прокормил свой скот.

Недостаток в лошадях тяжело отозвался и на других предметах домашнего хозяйства жителей. Дрова, стоящие обыкновенно 60—65 коп. сажень, а лучшие, березовые — 75—80 коп. с вывозкою, нынешней зимою продавались по 2 р., 2 р. 50 к. сажень, а березовые доходили до 3 р., тогда как почти кругом Березова лес. Возить дрова из лесу нужно было на собаках или на оленях, что им вовсе не под силу, и некоторые горожане предпочитали рубить на дрова ограды своих, а не то и чужих (был один такой случай) дворов или старые строения. Подвозу товаров из Тобольска по зимнему пути решительно не было, прошлогодние же запасы у здешних купцов к Ирбитской ярмарке истошились, так что некоторое время, пока купцы ездили в Ирбит, откуда они успели захватить с собой более необходимые товары, Березов оставался почти вовсе без чая, сахара и табака.

Это все, впрочем, уже дальнейшие и, так сказать, второстепенные последствия бывшего в прошлом году наводнения; ближайшим же его последствием был дурной исход в том году летних рыбных промыслов, которые всегда будут составлять самую важную отрасль местной промышленности.

* * *

Мы уже объяснили выше, каким образом наводнения препятствуют хорошему улову рыбы по Оби; нам остается сказать, что прошлогоднее наводнение в этом отношении было самое неблагоприятное для рыбопромышленников. Особенно много оно по-

⁸ Иностранческие легонькие сани, приспособленные к езде на оленях.

вредило тем из них, которые имеют пески между Березовом и Самаровым и далее вверх по Оби; рыба ловилась лучше на низу да еще, как слышно, в верховьях Оби, в Томской губернии. На низу успели достаточно наловиться, прежде чем подступила самая большая вода; вверху лов был хорош оттого, что вода спала раньше, чем здесь, и рыба по большой воде прошла туда с моря беспрепятственно огромными массами. Здесь же, как мы уже заметили, полая вода стояла чуть не целое лето; большая часть песков оставалась затопленной до половины августа, так что раньше этого не было возможности вовсе приступить к промыслам. Лов был довольно удачен только на так называемых высоких песках, где вода не была глубока⁹. С убылью воды рыба везде стала ловиться лучше, но дело подходило уже к осени, становилось холодно, и рыбопромышленники, чтобы не замерзнуть по дороге, должны были торопиться в обратный путь. Обыкновенно с началом сентября, а то и в конце августа рыбопромышленники уже начинают сниматься со своих стоянок; в прошлом же году, чтобы идти не вовсе с пустыми посудинами и благодаря нескольким красным дням, выдавшимся в первых числах сентября, они несколько позамешкались — недели на две, на три оставались долее обыкновенного. Между тем к концу сентября ударил 20-градусный мороз, Обь и Иртыш стали неожиданно рано, и рыбопромышленники потеряли последние шансы на успешный исход своих промыслов. Недостаток улова они могли бы вознаградить соразмерным возвышением цен на наличную рыбу, так как этот товар всегда найдет себе покупателей, и, конечно, не остались бы без барышей, если бы только суда и каюки их благополучно дошли, по крайней мере, до Тобольска. Но, сколько нам известно, до Тобольска успел дойти один только паузок тамошнего мещанина Коркушенко, который имеет промыслы дальше всех на низу, на так называемой Хамоельской Оби, верст за 500 ниже Обдорска, и который поднялся с места в обратный путь 17 августа, остальные все суда и каюки замерзли на пути к Тобольску на более или менее дальнем от него расстоянии. Судно главного рыбопромыш-

⁹ Самым лучшим в этом отношении песком оказался упомянутый нами выше Мелексимский песок, так дешево доставшийся тобольскому титану, которому, таким образом, удалось и на этот раз благополучно вынырнуть из воды, тогда как другие чуть-чуть не захлебнулись: такое уж счастье человеку!..

ленника тобольского купца Плеханова зимовало близ Кондинска, в двухстах с небольшим верстах от Березова и, следовательно, не дошло более чем на 800 верст до места своего назначения. Единственное здешнее судно, принадлежащее купцу Нижегородцеву, замерзло на полдороге к Тобольску, в 450 верстах от Березова. Тобольский купец Плотников, промышленяющий выше Обдорска, поднялся с места, кажись, и рано — судно его прошло Березов 5 сентября, а все-таки 250 верст не дошел до Тобольска. Рыбу пришлось перегружать с судов на подводы и везти зимним путем по высоким, судя по прошлогодней бессеннице, ценам¹⁰, да, кроме того, еще надобно нынешнею весною поднять суда вверх, чтобы нагрузить их провиантом, солью и прочими припасами. У некоторых промышленников рыба так и не разгружалась или только разгружалась часть ее, и теперь, как слышно, пароходы собирают разбросанные там и сям по Иртышу и Оби рыбопромышленные суда, дощеники, каюки, лодки, задержанные по осени ранним льдом, и таскают их до Тобольска. Выиграла в прошлом году одна только компания Резанова, единственный пароход которой успел еще как-то вовремя дотащиться до Тобольска (впрочем, к прошлогоднему рейсу он был, кажется, несколько поисправлен); рыба, которую он привез с собой, продана, говорят, очень выгодно. Муксун, например, стоящий обыкновенно не дороже 18 к. (на низу, за Обдорском, он обходится в

¹⁰ Так хорошо известный читателям тобольский титан и тут, слышно, хотел ухитриться в чаянии хоть немножко вознаградить себя за непредвиденный убыток, разумеется, в счет простоты и невежества своего ближнего. Наняв возчиков, кондинских крестьян, для перевозки бывшей у него на судне рыбы (около 20 тыс. п. по 1 р. сер. за пуд) до Тобольска, он или его доверенный, уж не знаем, употребил при нагрузке товара какой-то фокус, вроде превращения муксунов в полумуксунков, так что на каждой подводе очутилось рыбы на несколько пудов больше того количества, какое следовало по условию. Крестьяне, которые сначала было и не заметили этого (видно, фокусник отвел им глаза), немало дивились, отчего это лошадям их (несколько лошадей издохло) так трудно достается рыба, да уж потом как-то обман открылся. Прибывши в Тобольск, крестьяне объявили претензию, которая, однако ж, начальством была принята холодно. К счастью, как раз в это время произошел переворот в администрации, и титан хотя-нехотя должен был убоготворить возчиков за всю излишне привезенную ими тяжесть. За достоверность настоящего казуса не ручаемся, но тем не менее слух обо всем этом был сильно распространен в Березове и, во всяком случае, очень хорошо характеризует деятельность титана и его репутацию в здешнем крае.

4—4½ к. сер.), продавался осенью в Тобольске от 28 до 30 к. сер. Все это еще раз доказывает необходимость устройства пароходов для развития рыбопромышленности по Оби. Компания Резанова, взявшая себе 10-летнюю привилегию на содержание пароходных сообщений от Березова вниз по течению Оби, не только не подвинула вперед этого дела, но, напротив, наносит ему существенный вред, отнимая у других возможность то же дело устроить более разумным и толковым образом. В этом отношении означенную якобы пароходную компанию скорее следовало бы назвать компанией для помехи развитию пароходства по низовью Оби или, пожалуй, компанией для устройства только парохода, а уж никак не пароходства по Оби: так как в течение пяти лет она посылает сюда только один, да и тот бессильный, пароход наименованием «Иоанн», который до настоящего времени решительно не принес никакой пользы краю, все равно как бы его и не было. Мы слышали, что на этот предмет уже обращено должное внимание губернского начальства, и, видя, с какою энергией и любезной готовностью за 1000 верст от нас предпринимается все, что только служит к пользам края, мы можем надеяться, что с прекращением настоящей пароходной монополии в недалеком от нас будущем пароходы все чаще и чаще станут бороздить широкое низовье Оби на диво остякам и самоедам, которые назвали их на своем языке огненными лодками, будут чаще и чаще заглядывать в Березов, и наш бедный, угрюмый, заброшенный в глушь севера городок оживет и повеселеет, потому что сбросит он тогда с себя иго гнетущих его теперь кулаков-торгашей, потому что не будет он тогда питаться, как прошлую весну, затхлою, сорною мукою, гнилыми щучками и деревянными поземами¹¹, не станет покупать, как нынче¹², трехгодовалых уток, на которых и мясо-то все изветрело и превратилось в никуда негодную тряпку, не будет платить втридорога за все, чем бы он хотел отвести свою душу,

¹¹ Позем (слово остяцкое) — это сушеная рыба. Он готовится большею частью из муксуна, реже из щуки и нельмы. Рыбу развешивают на шесты и сушат на солнце. Они вкусны, только когда свежи.

¹² Нынешнюю весну удивительно, какая у нас бедность птицы, хотя большеводия и нет. Между тем здешние торговцы продовольственными припасами вовсе почти не заботятся о том, чтобы запастись их в свежем виде и предохранять от гниения и порчи. Не так давно несколько пудов дрянного мяса и масла, оставшегося у торгашей в ожидании хорошего времени для продажи, по настоянию местного лекаря было побросано в воду.

будь то кусок черного хлеба, кусок сахара или кусок голландского сыра...

Что касается здешних, собственно березовских рыбопромышленников, то они надеялись по крайности выгодно сбыть в Ирбители свежую, осеннего улова рыбу (осетра и нельму), которая ловилась порядочно, но и тут не потрало. Рыбу, как и все другие товары, следовавшие на Ирбитскую ярмарку, отправили Сосвинским оленьим трактом чрез Богословские заводы, за провоз платили дорого — по рублю и более серебром за пуд только до Нового строения¹³, где товары переваливают на лошадей, и оттуда до Ирбители считается еще с лишком 460 верст, — рыба пришла поздно, когда цена на нее вследствие огромного подвоза ее из Томской губернии, с верховьев Оби, значительно упала, и, таким образом, наших рыбопромышленников не вывезла и Ирбитская. Не остались внакладе только те, у кого были свои олени и кто успел распродать рыбу по заводам; прочие все, кто рассчитывал на Ирбитскую, понесли убыток. Один из здешних казаков, стремившийся также с рыбой в Ирбить, особенно пострадал в этом случае потому только, что хотел пробраться в Ирбить более коротким и дешевым путем — по вершине р. Конды, через Пелым и Туринск. На этот путь сворачивают с Сосвы, проехав верст 500 или 600 Сосвинским оленьим трактом, входят в речку Тапсуй, впадающую в Сосву, и, достигнув вершины речки, пробираются потом волоком верст на 60 до вершины р. Конды, откуда уже на лошадях следуют далее по Туринскому округу. Этот путь действительно ближе, и здешние без особенных затруднений прежде по нему бывали. Но про-

¹³ Спешим исправить ошибку, вкравшуюся в предыдущую нашу статью относительно расстояния между Березовом и Новым строением, находящимся в Пермской губернии. Там сказано, что Сосвинский тракт идет до этого последнего пункта на протяжении 1200 верст. Эта цифра слишком преувеличена, и, вероятно, тот, кто говорил мне ее, разумел расстояние всего пути от Березова до Ирбители. Сколько именно надобно считать от Березова до Нового строения, определить трудно по разногласию показаний тех, кто там бывал; один говорит 700 в., другой — 900, третий — 1000. Вернее всего принять среднюю цифру — от 800 до 900 верст. Во всяком случае, путь этот считается ближе, чем через Тобольск, и если требуется более продолжительное время на проезд по этому направлению, то это зависит от дикости и неустройства самого пути, на котором не только нет станций, но и мало жилья; едут только днем, а ночью ставят оленей на подножный корм и дают им роздых.

шлогоднее наводнение отразилось и на Пелыме, корма и там сильно вздорожали, и казак наш дорого поплатился за свою ошибку — за провоз своего товара должен был платить непомерно высокие цены. Между тем по Верхотурскому тракту от Нового строенья до Ирбити сена было вдоволь, вследствие же ранее распространившихся слухов о большом количестве товаров, следующих из Березова на Новое строенье, в этом пункте сделался настоящий наплыв возчиков, из которых большая часть привозила на заводы муку и должна была возвращаться порожняком, а потому провозная плата до Ирбити была нынче почти наполовину дешевле против прошлогодних годов (прежде платили 30 к. сер. с пуда, а ныне 18 к.). Кстати, чтобы показать, в какое критическое положение ставила нынешняя Ирбитская ярмарка наших рыбаков и отчасти для характеристики их нравов, вот еще один случай, бывший на ярмарке с двумя березовцами, которые оба рыбаки. Данилов, мещанин, проживающий постоянно в с. Мужы, отправился на ярмарку вместе со здешним казаком Фофановым и по дороге, на Новом строенье, запродавал своему товарищу партию осетров по 4 р. 50 к. сер. за пуд, но ни расписки, ни письменного условия с него не взял, а удовольствовался только 200 р. задатка. Фофанов поехал в Ирбить, а Данилов по своим делам замешкался на заводах, поручив своему брату, раньше его отправившемуся на ярмарку, получить там остальные деньги за рыбу. В Ирбити между тем цена на осетра спустилась на 3 и на 2 р. 50 к. за пуд; Фофанов, предвидя чистый убыток, ударился на попятный двор — отобрал за отданные уже им 200 р. что ни лучшего икряного осетра, рассчитал его по 3 с чем-то рубля, а за остальную рыбу сам еще потребовал денежки, утверждая, что он ее не покупал, а только взялся довести до Ирбити. Долго бились с ним, усовещивали, таскали и к городничему, и в словесный суд, заставляли и крест целовать, и присягу принимать, выставляли и свидетелей, которых ответчик отводил как родственников Даниловым, — казака-горожанина ничего не проняло; мещанин-деревенец так и остался на «бобах» и хотя отдал рыбу тому же Фофанову, но уже по 2 р. 50 к. за пуд. Если, как в настоящем случае, промышленник не постыдился покривить совестью перед своим же братом, русским рыбаком, то что после этого подумать об отношениях

здешних мелких торгашей (о крупных мы уже упоминали), и особенно казаков, этих потомков завоевателей края, к инородцам, которых они считают за полулюдей? Подобные случаи, где общий говор положительно указывает на виновного и где, однако ж, недостает некоторых юридических формальностей для обвинения его судом, конечно, гораздо реже будут повторяться с введением так горячо желаемого и здесь, в Сибири, гласного суда с участием присяжных. А еще лучше, если бы подобных случаев вовсе не было, что возможно только при том условии, если будут распространяться, на первый раз хоть между русским здешним населением, современные понятия о гражданской честности и правде, об уважении личности каждого без различия племени, сословия, возраста и пола, о соблюдении интересов каждого, о равенстве всех без различия, русский ли то, остяк или самоедин, перед законом и общественным судом как равноправных граждан одной и той же великой земли русской, но все это только *ria desideria* — одни только хорошие желания, далекие до действительности... А отчего бы, кажется, не приступить к осуществлению их! Ведь время... И вот опять волей-неволей мы сталкиваемся со здешним уездным училищем, как единственным учреждением, специально назначенным к тому, чтобы разливать свет истинных гуманных понятий в здешнем крае, таком отдаленном и глухом.

* * *

Гораздо лучше шла в прошлую зиму торговля пушным товаром, хотя и здесь не обошлось без затруднений и разного рода скачек с препятствиями; не будь этих затруднений и препятствий, здешнее купечество могло бы еще на этот год поправить свои делишки, да и сами инородцы выиграли бы больше.

Уловом зверя вообще нельзя было похвалиться в прошлом году. Соболя и горноста́я была самая малость, лисицы и белки, сравнительно с прошлыми годами, было тоже немного, но песец, водящийся в северной части Березовского округа, на самоедской тундре и по отлогостям Урала, ловился не в пример хорошо. А как песец-то главным образом и поддерживает все более и более упадающий здесь пушной промысел и дает жизнь единственной ярмарке в этом крае, бывающей в начале каждого года в Обдорске, то можно было ожидать, что Обдорская

ярмарка в нынешнем году сойдет как нельзя лучше — выручит как продавцов рухляди — инородцев, так и покупателей — русских купцов, сбывающих потом этот товар оптом на Ирбитской ярмарке и давно уже жалующихся в этом отношении на убытки. Но тут встретилось одно маленькое затруднение, которое испортило все дело. Самоедов с песцами и оленями наехало много, гораздо больше, чем сколько бывает их в Обдорске обыкновенно¹⁴, а покупателей оказалось мало, то есть, пожалуй, их было и немало, да покупать было не на что: у купцов, приехавших за рухлядь, было в запасе все, кроме... денег. Надобно ли видеть в этом горестном обстоятельстве отражение общего безденежья, тяготеющего над российским купечеством, или это говорит только о крайнем обеднении здешнего купечества вследствие местных причин и условий, о которых мы объясняли в первой нашей статье, — решать не беремся, однако ж, судя по тому, что денег не оказалось не только собственно у березовских (им уж и Бог простит!), но и у тобольских, хотя бы и первостатейных, купцов и даже у самих архангельских зырян, можно с большею вероятностью заключить, что недостаток денег на ярмарке был только симптомом общего недуга, которым страдает наша родная коммерция. Впрочем, относительно зырян, бывших в Обдорске, надобно сделать оговорку; слышно было, что они сильно поджидали денег от своих из-за Урала, и если их не получили, то потому, что посланный будто бы где-то застрял в дороге¹⁵. Конечно, со стороны зырян это могли быть и шутки, делающие честь их коммерческой ловкости и изворотливости. Как бы то ни было, только песца навезено было на ярмарку значительно более, чем сколько шло его в предыдущие годы, а денег привезено значительно менее — предложение перевысило запрос, и цены на песца, с давнего времени довольно прочно установившиеся в этом крае, сильно упали. Толстого белого песца, обыкновенная цена которого от 80 до 90 к. сер., покупали нынче не свыше 71¹/₂ к., а к концу ярмарки можно было купить и на 65 к. и даже дешевле. Песец-крестова-

¹⁴ Некоторые злые языки приписывали это обстоятельство отсутствию на ярмарке губернских чиновников, коих-де очень боятся инородцы.

¹⁵ Переход через Урал действительно затруднителен и даже опасен по причине бывающих нередко сильных буранов, которые, случается, совершенно заметают снегом и людей, и оленей.

тик, стоящий обыкновенно 50–60 к., шел на 35 копеек. Разумеется, для инородцев это было вдвойне невыгодно. Кроме того что песок их шел задешево, часть песка осталась вовсе непроданною. Во время или вслед за Обдорской ярмаркой здешнее начальство обыкновенно продает с торгов ясак, поступающий с инородцев на удовлетворение их частных общественных повинностей, как-то: на отправление земской гоньбы, на содержание писарей и т.п. К нынешнему году в счет этого ясака собрано было 5 тыс. белых песцов, но вся эта партия осталась и до сих пор остается непроданною за неимением покупателей с наличными деньгами. Главный покупатель пушного товара на Обдорской ярмарке тобольский купец П., за которым обыкновенно оставался и ясак (не потому, впрочем, чтобы это было особенно выгодно для инородческой казны, а более, так сказать, по уважению к особе покупателя, который в этом деле пользовался до сих пор неограниченным кредитом), нынче вовсе и не был на ярмарке, а послал вместо себя приказчика, снабдив его нужными инструкциями еще более, чем деньгами. Сей последний, уверенный в могуществе своего патрона, кинулся было на торги, храбро представляя вместо всяких денег и залогов собственноручное письмо хозяина, не подкрепленное даже формальной доверенностью, но на этот раз патрон ошибся в своих расчетах. Его клиенту было отказано, чем он, кажется, сильно обиделся и чуть ли даже не пригрозил обидчикам... В простоте сердца он все еще не мог сообразить, что времена стали уже не те и что в каких-нибудь 3–4 месяца многое изменилось — многое из того, что считалось доселе непоколебимым авторитетом, чему готовы были служить и служили, как кумиру, заподозрено и разоблачено. Впрочем, на этот раз как клиент, так и его патрон могут утешиться: времена их силы и владычества в здешнем крае еще не совсем миновали, доказательством чего может служить то, что означенную партию песцов, остающуюся непроданною, по необходимости придется отдать в их же руки, хотя уж, конечно, со значительною уступкою против той цены, в какую он принят от инородцев¹⁶. Других, более выгодных покупателей нет и

¹⁶ Песец принимался в ясак в $71\frac{3}{4}$ коп.; эту же цену давал в Обдорске во время ярмарки и приказчик П., хотевший кредитоваться у начальства. Теперь его хозяин предлагает за песка уже только 62 к.

никого не имеется в виду. Рассчитывали было на пароходную компанию Резанова, предназначенную служить пользам края, даже были уверены, что она, по крайней мере на этот раз, выручит инородцев, тем более что пушной товар, как было слышно, продан был ею нынче в Ирбита с большою выгодною, — но не тут-то было. Так много наобещавшая компания отозвалась тоже неимением денег.

* * *

Итак, безденежье расстроило в нынешнем году Обдорскую ярмарку; несмотря на большой съезд инородцев и значительное количество бывшего в ярмарке песка, она кончилась далеко не так удовлетворительно, как бы того можно было ожидать, судя по улову зверя. Большая часть покупателей, явившихся на ярмарку с маленькими средствами, обрадовавшись неожиданному понижению прежних высоких цен на песка вдруг на 15, 20 к. сер., поторопились закупиться в начале ярмарки, а потом, как цены еще более понизились, покупать уж было не на что, и им поневоле приходилось разыгрывать роль лисицы, решившей в известной басне, что виноград зелен. Кто был пожилистее и подогадливее, тот и выиграл больше. Купцы, что покрупнее, разумеется, не горевали; набравши порядочные партии песка, они торопились в Ирбить, где надеялись продать его с хорошим барышом.

Ирбитская ярмарка вот уже несколько лет кряду очень не благоприятствует здешним оптовым торговцам мягкой рухлядью. Спрос на пушной товар, видимо, уменьшился с того времени, как поднят был в России крестьянский вопрос, и чем дороже и ценнее зверь, тем хуже пошла продажа его. Это тем более было накладно для здешнего купечества, что поворот этот совершился вдруг, неожиданно, круто; в короткий промежуток времени между Крымскою кампаниею (в продолжение Восточной войны здешняя рухлядь шла очень тихо, по самым дешевым ценам) и крестьянской реформой пушной товар быстро поднялся в цене, и надобно было быть очень дальновидным, чтобы не соблазниться этим, как оказалось после, эфемерным явлением. Как было, например, не попробовать счастья на горностае, когда он в 1856 и 1857 гг. ценился чуть не на вес золота: в Москве, говорят, продавался в розницу по рублю сер. за шту-

ку. Горностаевые тальмы были тогда в большой моде и ценились, самые худшие из них, — свыше 50 р. В Ирбити в ярмарку 1857 г. горностаи отдавались на 50 и более коп., а на следующий год он шел уже в 28—30 коп., в последние же два года упал почти на 20 коп. Один из тобольских купцов П. привозил в Ирбитель назад тому года три или четыре большую партию горностаев, но по тем ценам, какие в то время существовали на ярмарке, отдать поспешил, а может быть, что также очень вероятно, и самолюбие не позволило. Ну и возился он потом со своим горностаем целых три или четыре года, заставив его в это время совершить путешествие из Ирбити обратно в Тобольск, из Тобольска в Нижний, из Нижнего в Москву, из Москвы обратно дорогою опять в Ирбитель, где будто бы нынче только удалось ему разменять этот товар на кяхтинский чай. Цены на лисицу, белку также понизились, хотя, впрочем, говоря вообще, и не в такой резкой пропорции. Лисицы черно-бурые и сиводушки идут в последнее время вяло. У одного из здешних купцов есть пара богатых черно-бурых лисиц, которые ценятся им в 300 р. сер., но вот уж несколько ярмарок он возвращается с ними обратно из Ирбити, где не дают за них и 100 рублей¹⁷. Лисицы-сиводушки заметно также теряют свое прежнее значение; насчет лисиц-белодушек — они отдаются нынче по большей части в одних партиях с сиводушками с незначительною надбавкою цены на этих последних. Это обстоятельство, очень невыгодное для здешних купцов, которым при розничной покупке сиводушка обходится более чем вдвое дороже против белодушки, приписывают все более и более процветающему в Москве искусству подкрашиванья мехов, благодаря которому вы можете задешево купить лисицу, в сущности дрянную, но по виду нисколько не уступающую самой хорошей сиводушке.

¹⁷ Слышно было, что обладатель этой пары лисиц, судьбою которых интересуется целый Березов, имел намерение сбыть их инородцам в ясак на Обдорской ярмарке. Это бы и лучше всего, только в настоящее время при нынешнем порядке сбора ясака это будет несколько затруднительно. А то в прежние времена зачастую бывали такие явления, что иная черно-бурая лисица покупалась у инородцев за бесценок, увозилась потом в Ирбитель и в случае неудачи поступала к какому-нибудь здешнему же антрепренеру, который дожидался хорошего года, т.е. когда зверь ловился плохо, и продавал лисицу тем же инородцам, но уже в пять, в десять раз дороже против той цены, по какой она принималась в ясак.

Поэтому лисица-белодушка спрашивается на Ирбитской ярмарке охотнее и идет еще ладно, туда-сюда. Белку в 1857 г. отдавали на 13 коп., а в 1858 г. она шла уже на 8 коп., в последующие годы цены на нее колебались между 9 и 10 коп.

Тверже стояли цены во все это, можно сказать, критическое для пушной торговли время на соболя и песца. Соболю идет отчасти в Европу, на Лейпцигскую ярмарку, и это обстоятельство, по всей вероятности, более всего поддерживает ценность этого зверя. Нынче в Ирбители, слышно, он ценится очень хорошо — 9, 10 и более рублей, но это вовсе не утешение для здешних торговцев рухлядью. Березовский край, как мы уже замечали выше, сильно обеднел этим роскошным зверем. В прошлом году в Ирбитскую ярмарку отправлено было из здешнего края не более семи сорочков¹⁸. В нынешнем году собственно из Березова не было увезено ни одного соболя, из округа же отправлено всего только четыре или много-много пять сорочков, из коих два принадлежали шеркальскому крестьянину Новицких, недавно приписавшемуся в березовские 3-й гильдии купцы.

Что касается до песца, то цены на него в последние три года даже возвысились сравнительно с ценами 1857 г. как вообще самого лучшего в течение десяти лет в отношении сбыта пушного товара. Так, в 1856 г. толстый белый песец шел в Ирбители на 60 к., в 1857 г. — на 86 к., в 1859 г. — на 80 к., а в 1860-м поднялся на 90 к., и эта цена оставалась преобладающей на ярмарке до нынешнего года. Здешний белый песец находит себе сбыт не в одной России, он требуется также на Кяхту, в Китай, хотя, впрочем, это требование, бывшее назад тому лет 10 очень значительным, все более и более уменьшается. Зато в последнее время стали охотнее покупать песца московские и казанские купцы. В Петербург часть песца доставляется из Архангельской губернии от тамошних зырян, которые берут его в Обдорской ярмарке. Нынче и в прошлом году они были бедны деньгами и в оба года вывезли песца не более 7 тыс. (в нынешнем году только около 2 тыс.), тогда как в предыдущие годы в один год вывозили до 10 и более тысяч. Зыряне набирают одного только белого песца — песца-крестоватика и норника они, пожалуй, сами продают в Обдорской ярмарке.

¹⁸ В сорочке, как самое слово показывает, считается сорок соболей.

Прибавим к этому, что вследствие плохого улова зверя в прошлом году, за исключением песца, прочего пушного товара пришлось ныне везти в Ирбить гораздо меньше против прошлогоднего количества. Так, лисиц-сиводушек и белодушек вместе в прошлом году отправлено было примерно 2700 шт., а нынче — около 1400, белки в прошлом году шло до 250 тыс., горноста́я — до 10 тыс., ныне же первой отправлено до 80 тыс., а последнего — только 2 тысячи. Таким образом, весь расчет у здешних торговцев рухлядью в нынешнем году был на песца, так дешево купленного в Обдорске, откуда его повезли в Ирбить, примерно до 27 тыс. голов, считая тут и песцов-крестоватиков и недопесков.

Но здесь мы опять встречаемся с тем же затруднением, которое так много наделало вреда здешним рыбным торговцам, рассчитывавшим также на Ирбитскую ярмарку, — мы говорим о затруднении в перевозке товаров от Березова до Ирбита вследствие бессенницы и упадка лошадей по Тобольскому тракту. Оттого, собственно, что товары замедлили приходом на Ирбитскую ярмарку, здешнее купечество если и не проиграло нынче на пушном товаре, то все-таки выиграло много меньше против того, как это было бы при своевременной доставке товара.

Весь пушной товар приходилось везти тем же Сосвинским оленьим трактом, по которому была отправлена и рыба. А как этим трактом до сих пор проезжали немногие, то в оленях и в возчиках, знающих дорогу, встретился большой недостаток, не говоря уже о дороговизне провозной платы. Приказчик одного тобольского купца, торгующего здесь постоянно, по необходимости должен был взять за себя назначавшуюся в Ирбить значительную партию рыбы, которая вовсе была ему не нужна, для того только, чтобы освободить подводы для отправки своей пушнины. Главный тобольский торговец рухлядью Плеханов отправил свою кладь с зырянами, которые раньше ни разу не бывали по Сосвинскому тракту. Купец Чечуров, постоянно живущий в Обдорске, хотел обратиться в Ирбить на своих оленях совершенно особым трактом — по Оби и потом по р. Конде на Пелым и Туринск, но как тот, так и другой, оба из числа первых здешних торговцев рухлядью, потерпели неудачу. Партия Плеханова, в которой было одного песца до 10 тыс. голов, при-

шла в Ирбитель уже совсем по окончании ярмарки¹⁹, спустя четыре или пять дней после ее закрытия, и продана, говорят, не наличные деньги, а на срок — чуть ли не на год. Чечуров должен был бросить своих оленей на полдороге, потому что хороших кормовых мест по этому тракту не оказалось или, может, не умели их найти, и кое-как довез свой товар на переменных лошадях, что стоило ему очень дорого. Остальные здешние купцы также опоздали более или менее на ярмарку, отчего немало потеряли. Пушной товар вообще шел ныне в Ирбители довольно хорошо, но гораздо лучше он шел в начале ярмарки; к концу ярмарки цены постепенно падали. Таким образом, белку продавали раньше якутские и другие купцы по 12–13 коп., а здешние отдали ее большею частью по 9½ коп. (в покупке 8½ коп.); песец белый ушел на 80 к., крестоватик — на 79 к., но те, кто успел приехать пораньше, числу к 20, продали несколько дороже.

* * *

В корреспонденции моей, напечатанной в № 29 «Тоб. губ. вед.», допущена довольно важная ошибка, которую считаю обязанностью исправить. Там сказано, что за песцов, которые в прошлом году собраны были с инородцев в ясак на удовлетворение их частных повинностей и продавались с торгов, доверенный тобольского купца П. предлагал в Обдорске в кредит ту самую цену, по какой они принимались в ясак, т.е. 71½ к. сер. за песца. Это сведение, полученное мною от частного лица, ошибочно. Из дела о торгах на помянутые песцы, которое недавно мне довелось читать, видно, что доверенный П-ва давал только 61 к. за песца, т.е. разница сведения, раньше мною сообщенного, против официального, которое, конечно, в этом случае надобно считать истинным, составляет более чем 10 к. сер. При этом считаем кстати заметить для тех, кто интересуется пушными товарами, что означенные песцы в числе 5045 голов остаются

¹⁹ Главная ошибка зырян состояла в том, что они от села Мужей до Нового строения хотели провезти товары на проход — на одних и тех же оленях, тогда как здешние хозяева-оленщики считают нужным раза два или три менять оленей, заблаговременно делая по Сосвинскому тракту выставки. За свою просрочку зыряне вместо рядной платы по 1 р. 50 к. с пуда от Мужей до Нового строения получили по 1 р., но, говорят, они от того не унывают, они довольны тем, что узнали наконец дорогу по Сосве.

ся до сих пор еще непроданными, купец П-в хотя и обещался взять их с надбавкою одной копейки против цены, выданной его доверенным, однако ж обещания своего не исполнил, и несчастные песцы, которые, впрочем, сохранились во всей целости и недавно в предотвращение порчи просушены и проветрены, все еще ждут себе покупателя. Мы думаем, что люди не богатые, но нуждающиеся в теплых шубах, как-то: чиновники средней руки, учителя семинарии и гимназии и т.п., могли бы составить кампанию для покупки помянутых песцов, что обошлось бы для них довольно дешево и без всякого обмана и затруднений, так как они будут иметь дело с начальством, до сих пор не подававшим повода сомневаться в его беспристрастности и честности. Да и для инородцев, которые менее всего виноваты в этой истории и больше всех терпят от нее, приглашаемая кампания сделала бы доброе дело.

* * *

В довершение всех неприятностей, какие принес с собою Березову прошлый, 1862 год, он не был хорошим годом и в отношении климатических условий, которые так много значат для народного здоровья. Лето здесь стояло холодное и дождливое; в половине осени чуть не сделалась зима, а первая половина зимы вышла совершенно похожа на осень. Прибыв сюда в первой половине сентября, я имел случай наблюдать за изменениями температуры, и в первое время не мог надивиться резким переменам погоды, свойственным здешнему климату. Конечно, более или менее быстрые переходы с тепла на холод и наоборот — очень обыкновенное явление и в других местностях нашего обширного отечества и вообще характеризуют климат Европейской России, но нам не доводилось раньше встречать, чтобы перемены эти были так резки, как здесь, на севере. Здесь иногда зимою, в декабре месяце, идет дождь, зато летом, в июне, выпадает глубокий снег. 15-градусный мороз в апреле месяце здесь не редкость, но бывает и так, что в апреле же разражаются сильные грозы. В Обдорске, который, по крайней мере, на три градуса севернее Березова, в 1857 г. во время праздника Рождества Христова было так тепло, что на второй день праздника шел дождик и некоторые из приехавших на ярмарку купцов визитировали и прогуливались в легком пла-

тье и черных пуховых шляпах. Здесь, в Березове, 23 декабря прошлого года почти таяло, снег под ногами был рыхлый и мокрый, ртуть в термометре Реомюра поднималась до $1\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. 22 апреля нынешнего года прошла несколько в стороне от Березова, к западу, грозная туча с громом и молнией. Через три дня, 26 апреля, такая же туча разразилась над самым Березовом. Чтобы были такие ранние грозы, например, в Казани, где нам пришлось прожить несколько лет, или в Перми, которая еще ближе знакома нам, мы не припомним. Правда и то, что после апреля месяца до последних чисел июля нынче мы гроз уж более не видали. Или вот еще противоположные явления. В прошлом году 9 апреля был настоящий мороз, 16-градусный, 4 мая было до 9° холода, а около 10 июня выпал снег по колено. А то, если не ошибаемся, в 1852 г., рассказывают здесь, на второй или на третий день Пасхи, которая была чуть ли не в апреле, Березов буквально чуть не занесло снегом совсем, и с улицами и домами. В этот день протопоп, как водится, служил обедню, и когда кончилась служба, он, чтобы переждать метель, которая началась с утра, зашел неподалеку в один дом — в нынешнее здание училища, но тут и принужден был остаться до следующего утра, потому что ни выйти, ни выехать не было никакой возможности. Те, которые приехали к обедне в экипажах, возвращаясь из церкви, должны были бросить на дороге экипажи и спасаться до дому чуть не ползком. Чтобы попасть в дом, надобно было лазить чуть не по крышам. Такие необыкновенные бураны случаются здесь, впрочем, очень редко и бывают непродолжительны, тот, о котором мы говорим, продолжался не более полутора суток, через день вся эта груда навалившего снега стаяла настолько, что можно было свободно ходить и ездить по улицам.

В гигиеническом отношении, мы полагаем, нет ничего хуже, как это несоответствие температуры с временем года, эти быстрые, по-видимому, совершенно случайные перемены в погоде. Прошлый год дал себя почувствовать в этом отношении березовцам. Здесь в простом народе существует общее убеждение, что чем суровее и холоднее зима, тем это лучше — легче — для здоровья. А уж если пойдет тепло и с ним сырость, слякоть, когда следует быть морозам, не жди ничего доброго. Это именно и

было в прошедшую зиму и первую половину нынешней. Снег выпал тогда очень рано, почти с половины сентября, но холодов больших вовсе не было. Напрасно я, новый здесь человек, наслышавшись раньше о суровости здешних зим, ждал, что вот-вот стукнет 40-градусный морозец, особенно после того, что видел, как рано здесь выпал снег и стали реки, — ничуть не бывало: 40-градусных морозов мне пришлось ждать, по крайней мере, целых два месяца — они наступили уже в январе месяце, около Крещения, да и то не были продолжительны. Очень сильно после этого упал в моем мнении Березов. Зима напугала нас только в конце сентября и начале октября, когда были морозы градусов в 15—17 и когда стали реки. После такого приема, по-видимому, нельзя было ждать ничего путного от здешней зимы, но она только пошутила, не больше. 6 октября ртуть в термометре²⁰, накануне стоявшая на $16\frac{1}{2}^{\circ}$ холода, вдруг поднялась на 2° тепла, в течение двух следующих недель возвышалась на 4—5 градусов и затем хотя вдруг упала опять на 6—9° холода, но это ненадолго, на пять, на шесть дней; 26 октября Реомюр показывал уже $1\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Затем температура стала понижаться постепенно от -1° (27 октября) до -12° (4 ноября), но после того она опять довольно последовательно возвышается и 16 ноября представляет только 4° холода. Следующие два дня стоял 20-градусный мороз, 19 ноября Реомюр показывал $-15\frac{1}{2}^{\circ}$, 24-го — Екатеринбургский день, когда обыкновенно свирепствуют так называемые екатерининские морозы, — было только 10° холода, а в течение трех следующих дней ртуть поднялась до -5° (27 ноября). Затем опять холода, но небольшие — от 10 до 18° и не далее как до декабря месяца, в начале которого температура снова быстро возвышается до -4° (3 декабря). С 5 по 15 она колеблется между -16° и -9° , в 15 и 16 числах — 20-градусный мороз, а там опять возвышение температуры — сначала постепенное, а потом неожиданно быстрое. 22 декабря ртуть с -12° поднялась на -3° , а на другой день Реомюр показывал уже 1° и $1\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. 24 декабря -10° , но в течение трех следующих дней ртуть снова возвышается до -5° (27 декабря), и только с началом января вся эта неурядица в температуре исчезает, ртуть быстро падает до 20, 30, 40 и более градусов, и березовцы начинают чувствовать себя в своей тарелке.

²⁰ Мы везде разумеем здесь термометр Реомюра.

Но каково, скажите, им было выносить это полузимье, которое тянулось целых три месяца, эту продолжительную борьбу зимы с осенью? И действительно, прошлогодняя осень и первая половина зимы имели неблагоприятное влияние на здоровье здешних жителей; между ними открылись болезни, большею частью простудные, смертность увеличилась. Население заметно приуныло. А тут еще как раз против города на Сосве образовалась довольно большая полынья, чего прежде никогда не бывало, хотя на Оби полыньи во время зимы бывают нередко. Некоторые из простонародья, которое здесь порядочно-таки предано суеверию, с недоверчивостью смотрели на это новое явление и толковали, что это для жителей приготовлена могила, которая до тех пор будет требовать все новых и новых жертв, пока совсем не закроется.

* * *

Неблагоприятные климатические условия, о которых мы сказали в предыдущей статье²¹, были причиною развития между здешним населением болезней простудного свойства — лихорадок и горячек; сюда надобно отнести также ревматизм, который здесь бывает очень упорен и нередко осложнен другими болезнями. Этого рода болезням, в особенности ревматическим, много способствует и самый характер занятий жителей. Большую часть лета и начало осени они проводят на воде за рыбной ловлей. Ловить рыбу в одиночку колыданом или сетками еще ничего, здесь рыбак не выходит из лодки. Но когда идет в дело невод, тут уж приходится рабочим по колено бродить в воде, и если лето стоит холодное, то до ревматизма или горячки недалеко. Русский рабочий на этот раз обыкновенно запасается броднями, которые хоть сколько-нибудь предохраняют его от сырости и холода, но остяк об этом не заботится. Тем меньше станет заботиться о нем его хозяин: «им это в привычку, — ответит он вам, если вы с сожалением отнесетесь к полунагому, посинелому от холода батраку-инородцу, — это уж такой народ, как есть привычный...». Но ведь не слоновой же крепости костяной состав у инородца, и уж если ревматизм заберется в его кости, то большого труда стоит выжить его оттуда, на полгода и более привяжет он его к больничной койке, и несчастный инородец после открытого приволья

²¹ См.: Тоб. губ. вед. 1863. № 35.

природы, попавши в душную атмосферу больницы, под дисциплину фельдшеров и больничных сторожей, истомится здесь до последней степени...

Из прошлогоднего отчета по здешней инородческой больнице, с которою вместе соединена и городская, видно, что в течение года, с 1 ноября 1861 г. по 1 ноября 1862 г., всего больных пользовано было в больнице 146 человек, в том числе инородцев 78. Из общего числа больных более половины, именно 75, страдали простудными болезнями, 57 имели лихорадку простую (*Febris continua*), катарального и ревматического свойства, у остальных 18 был ревматизм. Из числа первых умерло 5 человек, из последних — 2, пропорция, как видит читатель, дающая слишком невыгодное понятие о здешнем ревматизме. Кроме того, 76 больных горячками и 8 страдавших ревматизмом пользовано было в частной практике по г. Березову, причем, несмотря на слишком большое несоответствие в числе больных горячечных и ревматиков, на тех и других приходится смертных случаев поровну, именно по одному умершему, если же число страдавших этими двумя болезнями сравнить с общим числом больных, пользованных в частной практике, то первые будут относиться к последним, как 1 к $2\frac{1}{2}$, считая при этом больных как внутренними, так и наружными болезнями, и как 1:2, если взять только одни внутренние болезни, каковых больных показано по отчету 168. Горячки свирепствовали преимущественно во вторую половину года, и именно, по замечанию отчета, в августе, сентябре и октябре. В частной практике по Березовскому округу, или, вернее, по Кондинскому и Обдорскому отделениям²², больных всего пользовано 395, из коих 354 страдали внутренними болезнями, каковы горячки, скорбут, ревматизм, воспаление глаз, понос, глисты, золотуха, сифилис и пр., а остальные 41 имели наружные болезни, как нарывы, ушибы, ожоги, раны. Горячкам катаральным и ревматическим подвергались 72 человека, больных ревматизмом было 11, итого больных собственно простудных было пользовано 83. К общему числу больных, страдавших внутренними болезнями, эта последняя цифра будет от-

²² Сургутским отделением заведует особый врач, который представляет отчеты прямо во Врачебную управу. Здесь же кстати заметим, что население Кондинского и Обдорского участков простирается, по последним сведениям, до 19410 д. обоюго пола.

носиться, почти как 1:4. Смертных случаев между больными, пользовавшимися в частной практике по округу, не было, по крайней мере, таких случаев не значится в отчете.

Медицинская часть, говоря вообще, далеко еще не устроена в здешнем крае, который требует особенного внимания в этом отношении. Давно уже замечено, что население инородческое в здешнем крае не увеличивается, а уменьшается. Это зависит сколько вообще от крайней бедности и неразвитости, от того нравственного и материального убожества, в каком находится до сих пор это племя, сколько и, в частности, от развития между инородцами губительных болезней, преимущественно сифилиса. Зло это уже давно занесено сюда, разлившись в массу инородческого, в особенности оседлого, населения (кочующие самоеды, как мало соприкасающиеся с русскими, в этом отношении сохранились гораздо более, чем остяки), оно, так сказать, уже сроднилось с натурою этого племени, перешло в наследственный физический порок и в настоящее время выражается общим худосочием, болезненностью, хилостью организма и разными накожными болезнями, преимущественно чешуйчатою сыпью на голове и конечностях, которую медики называют *Lepra*, проказа. Из упомянутого выше отчета по здешней инородческой больнице видно, что, несмотря на частые случаи венерической болезни между инородцами, особенно остяками, редко наблюдались чистые формы этой болезни, большею же частью она осложнялась другими болезнями, преимущественно скорбутом и ревматизмом. В продолжение года пользован был 21 случай сифилитической болезни, но только у одного больного была замечена гонорея, в 20 случаях болезнь имела вторичные и третичные формы. Чаще всего встречались язвы на теле и поражение слизистых оболочек полости рта, зева и носа. В частной практике в отношении сифилитической болезни пользовано было только три случая гонореи: один — в городе, а прочие — по округу. Из этих данных, нам кажется, следует заключить, что врачебно-медицинская помощь в здешнем крае требуется не столько в видах предотвращения развития заразной болезни, сколько в видах пресечения уже существующего и укоренившегося зла, которое до такой степени проникло в массу разбросанного на огромном пространстве инородческого населения, что едва ли уже есть возможность истребить

это зло в самом его корне. Кроме того, как необходимое следствие той незавидной обстановки, среди которой живут инородцы, между ними довольно сильно распространены скорбут, глистная болезнь и воспаление глаз. Сырость и холод в их жилищах, почти исключительное употребление в пищу рыбы, которую они очень часто едят сырую, без хлеба и без соли, постоянный, разъедающий глаза дым в юртах — вот причины этих болезней. Слепые, с проказою на голове остяки и остятки вам нередко попадаются на улицах Березова, большая часть их живет милостыней.

К чести правительства надобно, однако ж, сказать, что в отношении устройства медицинской части в здешнем отдаленном крае оно показало большую заботливость, и если все принятые и предположенные на этот счет меры до сих пор не привели к тем результатам, каких можно было бы ожидать от них, то это зависело уже от ближайших исполнителей правительственных распоряжений, от недостатка во врачах, тем более врачах дельных, глубоко преданных своему долгу, и от самой отдаленности края, куда не всякий решится ехать служить и откуда каждый, заехавший издалека, старается поскорее выбраться вон. Подробнее обо всем этом мы предполагаем сказать в следующий раз.

А. Иконников

ТГВ. 1863. № 17, 18, 23, 24, 27, 29, 30, 35, 40.

«...на прямой путь и полезный труд»

Автор публикуемого очерка Александр Иванович Иконников (1833, Ирбит — 1917, Чердынь) был, возможно, крупнейшей фигурой березовской политической ссылки второй половины XIX века. Коренной уралец, выпускник Пермской духовной семинарии и Казанской духовной академии, он начал трудовую деятельность в 1854 г. учителем Пермской семинарии, но вскоре перешел на гражданскую службу и к октябрю 1861 г. дослужился до должности чиновника для особых поручений при губернаторе¹. Как вскоре обнаружилось, этот весьма дельный чиновник уже около года руководил нелегальной политической организацией из 40–50 человек, ставившей своей целью изменение существующего в России политического строя. Летом 1862 г. это тайное общество было раскрыто², руководитель его выслан в Тобольскую губернию и в сентябре прибыл в Березов.

В Березове А.И. Иконников не был мрачным затворником, томительно дожидавшимся дня освобождения, и сумел привнести заметное оживление в местную общественную жизнь. По донесению военно-окружного начальника полковника П.И. Гинца, он «с разрешения начальника губернии занимается разбором статистических сведений из архивных источников березовских присутственных мест, участвует в литературных вечерах» и «прекрасным поведением заслужил общее внимание как служащих лиц, так и местных жителей, принят у всех с радушием»³. Кроме указанных в донесении занятий, Иконников еще обучал мальчиков церковному пению, а главное — основательно изучал экономику края и вообще местную жизнь.

¹ Фильгус В.Е. Революционные демократы А.И. Иконников и Ф.П. Некрасов в тобольской ссылке // Исторический сборник / Тюмен. гос. педагог. ин-т. Тюмень. 1967. Т. 33. Вып. 1 (6): Ученые записки. С. 117.

² Устюгова В.Н. Пермское тайное общество (кружок А.И. Иконникова) // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 406, 409.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Лл. 11–12.

Это исследование и дало материал для литературного труда, воплотившегося в очерке «Из Березова».

В очерке не оставлено без внимания ни одной из главных составляющих экономической жизни Березовского края в середине XIX века, обрисовано положение в рыбной промышленности, пушном промысле, торговле, транспорте, выявлены причины упадка северной экономики. Очевидная причина — природные условия. Участвовавшие наводнения нанесли урон не только рыбному промыслу, но и животноводству (из-за позднего освобождения лугов от воды мало заготавливалось сена и нечем стало кормить скот), и единственному зимнему виду транспорта — гужевому (из-за той же бескормицы), и, как следствие, торговле (не на чем стало вывозить рыбу на продажу в Тобольск и другие места), а отсюда и продовольствию населения ввиду недостаточного завоза товаров и их дороговизны, и его здоровью. Но автор называет и другие веские причины. В рыбной промышленности — это низкое качество обработки рыбы, в торговле и только что зародившемся паромном сообщении — монопольное положение крупных предпринимателей из Тобольска и других городов. Не в последнюю очередь способствовали упадку и недостатки в местном управлении.

Уроженец Ирбита, конечного пункта для значительной доли производимого на севере товара, Иконников подробно исследовал состояние Обдорской ярмарки и особенности пушной торговли края. В частности, он оценил как положительное явление колонизацию края зырянами из Архангельской губернии, порождавшую конкурентов русским скупщикам пушнины и этим способствовавшую повышению уровня жизни аборигенов. В очерке также подробно описаны летние и зимние торговые пути, подчеркнута настоятельная необходимость в развитии паромного сообщения юга губернии с низовьями Оби. Внимательно рассмотрел автор и положение «инородцев» — коренного населения Низового края.

Как видно из текста, материал для очерка автор черпал не только из архивов березовских присутственных мест. В своем исследовании он опирался на данные последних лет как по Березовскому, так и по Сургутскому краю, которые могли быть получены и от местных жителей, и от приезжих чиновников, и из других источников, возможно, даже из родного Ирбита.

По-видимому, все это исследование Иконников провел по предложению тобольского губернатора А.И. Деспот-Зеновича. Недавно вступивший в должность губернатор очень нуждался в объективной информации с севера, тем более что к этому моменту остро встал вопрос о положении инородцев, резко ухудшившемся⁴. Рассчитывать на получение такой информации от местных чиновников не приходилось, они обязательно о чем-нибудь бы умолчали, а что-то представили в выгодном для себя свете. Беспристрастную картину мог дать образованный и опытный человек со стороны, не связанный личными интересами и давно установившимися отношениями. Известный своими смелыми и нестандартными управленческими решениями, Деспот-Зенович вполне мог остановить свой выбор на Иконникове (широкого выбора у него и не было), определить место его ссылки, наделить не свойственными для политссыльного функциями и даже оговорить возможность перевода после выполнения работы в местность с более здоровым климатом. Такое предположение позволяет объяснить и информированность автора очерка, и доброжелательное отношение к нему березовского общества, и публикацию в губернской газете. Вероятно, в данном конкретном случае губернатор и политссыльный оказались единомышленниками и действовали согласованно. Как косвенное подтверждение этого предположения выглядят отдельные реплики автора, в которых осуждается позиция прежнего губернатора по отношению к Северу и приветствуются действия нового.

В январе 1864 г. Деспот-Зенович посетил Березов и виделся с Иконниковым, а 30 января последний направил губернатору докладную записку, в которой просил исходатайствовать для него возможность служить в Тобольской губернии, а если этого сделать нельзя, то перевести в один из южных городов губернии или дозволить проживать в Обдорском участке и смежном Туруханском крае, где он надеялся найти частные занятия в промышленной компании купца М.К. Сидорова и принести пользу краю исследованием этой местности⁵.

14 февраля 1864 г. А.И. Деспот-Зенович писал генерал-губернатору Западной Сибири А.О. Дюгамелю: «Желая дать Икон-

⁴ См.: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Лл. 13–16.

никову какое-нибудь занятие, приличное полученному им образованию, и тем обеспечить его нравственное направление, я поручил ему собрание статистических сведений о Березовском крае и разработку и поверку их на месте. Труды эти исполнены были им со всевозможным усердием и должною отчетностью». И далее: «Получив докладную записку Иконникова и считая одной из главнейших обязанностей всякого честного администратора направлять деятельность способных людей на прямой путь и полезный труд... я решил всепокорнейше просить Ваше Превосходительство употребить ходатайство Ваше о дозволении отставному коллежскому асессору Иконникову вступить на службу в Тобольске под непосредственную и личную мою ответственность. Смею уверить Ваше Высокопревосходительство, что способности, ум и образование дадут в нем правительству одного из лучших и полезнейших деятелей, а школа несчастий, сознание ошибок и искреннее раскаяние не позволят уклониться от прямого пути»⁶.

Разрешение вновь поступить на государственную службу Иконников не получил, но его просьба о переводе была удовлетворена. В 1864 г. Александр Иванович переехал в Курган, а оттуда в следующем году в Тюмень, где жил уже с семьей и работал частным образом при городской думе и общественном банке, а в последующие годы — секретарем городской думы и сиротского суда. Изредка его сообщения из Тюмени появлялись в «Тобольских губернских ведомостях». Около 1880 г. А.И. Иконников возвратился на родину, в Ирбит, где много сил отдал общественной деятельности в земских учреждениях и учебных заведениях города, был мировым судьей⁷.

Исследование А.И. Иконникова, проведенное в березовской ссылке, — один из заслуживающих внимания примеров сотрудничества власти и оппозиции, которого, вероятно, всегда не хватало России. Будь в стране побольше таких администраторов, как А.И. Деспот-Зенович, и меньше было бы кровавых революционных потрясений.

В. Белобородов

---

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 1. Д. 95. Лл. 18–20.

⁷ Фильгус В.Е. Указ. соч. С. 122–126.

Дмитрий Большой
(Чиновник Д.Г. Скорняков)

Так обдорские ненцы звали земского заседателя Дмитрия Григорьевича Скорнякова, управлявшего в 1821–1825 гг. огромной волостью. Свое прозвище он получил за высокий рост, ласковое обращение с инородцами и бескорыстие. Тобольский врач Ф. Белявский после поездки на Крайний Север губернии писал, что, когда губернатор Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский добился освобождения северян от повинностей и стал направлять к ним врачей, обдорские инородцы говорили: большой Дмитрий хорош, и мальшй Дмитрий хорош (губернатор был невысокого роста)¹.

Другой современник на основании свидетельств многих тоболяков писал: «До какой степени исправник Скорняков был любим остяками и самоедами за свою доброту и бескорыстие, доказывает следующий случай. Узнав о переводе его в г. Ялуторовск, остяки и самоеды отправили от себя депутацию к тобольскому губернатору. Когда при приеме начальник губернии М.В. Ладыженский спросил их, что им нужно, то они в голос и с некоторым гневом отвечали: «Зачем ты взял от нас Митьку? Нам Митьку надо, другого не надо»².

Д.Г. Скорняков, по всей видимости, сибиряк. В службу он вступил осенью 1801 г. — был принят в Тобольское губернское правление. Отсюда в 1819 г. уже опытным чиновником отправлен на север, где прожил многие годы. Служил заседателем Березовского окружного суда, кондинским частным комиссаром. В апреле 1821 г. получил назначение частным комиссаром в Обдорск. Здесь он сумел добиться значительного сокращения скопившихся недоимок, привел в надлежащий порядок устро-

¹ Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. Тюмень, 2004. С. 139–140.

² Голодников К. От Тобольска до Обдорска летом и зимою // Тобольские губернские ведомости. Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX–начала XX вв. Тюмень, 2004. С. 209.

енные для снабжения инородцев хлебозапасные магазины. Как отмечено в формулярном списке Скорнякова, составленном в 1840 году, когда ему было уже 52 года, «вообще же касательно нравственности преподаваемы были полезные опыты, необходимые в сем крае, особенно для инородцев, кои с чувством благодарности делают лестные для него отзывы, в каковых похвальных действиях засвидетельствованы ему на письме как местным начальством, так и гражданским губернатором...»³.

Далее Скорняков побывал еще в должностях березовского земского исправника и окружного судьи и в мае 1828 г. переведен окружным судьей в Тюкалинск, но через пять лет ввиду дефицита хорошо знавших север чиновников возвращен земским исправником, т.е. начальником края, в Березов.

В январе 1841 г. Дмитрию Григорьевичу выпал нелегкий жребий организовать поимку Ваули Пиеттомина, вожака шайки, грабившей в тундре соплеменников и угонявшей их оленей. Следственная комиссия, назначенная для выяснения причин беспорядков, отмечала решительные и умелые действия исправника, приведшие к аресту возмутителя спокойствия. «За усердие и распорядительность» Скорняков был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени⁴.

Пока Скорняков служил в Березовском округе, у него подросли дочери, и он стал просить о переводе в другое место, где бы можно было дать им образование. Губернское начальство из соображений пользы дела не спешило удовлетворить его просьбу, но, наконец, все же направило городничим в г. Ялуторовск. Этот этап служебной деятельности Д.Г. Скорнякова также нашел отражение в литературе.

Тобольский художник и литератор М.С. Знаменский в повести «Исчезнувшие люди» представляет Скорнякова в образе городничего Квасова, чинившего препятствия ссыльному Лягушкину (декабристу И.Д. Якушкину) и священнику Илье Яковлевичу (отцу автора С.Я. Знаменскому), затеявшим благое дело — устройство в городе школы для мальчиков. Городничий награждается снисходительными эпитетами «видный», «любезный», «галантерейный блюститель тишины и спокойствия града Полу-

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 45. Лл. 209–211.

⁴ Ваули Пиеттомин: из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. Омск, 1940; *Голодников. К.* Указ. соч. С. 208.

торовска». В повести он представлен как олицетворение противоположной ссыльным революционерам стороны. Более ясно конфликт описан в очерке М.С. Знаменского «Иван Дмитриевич Якушкин»: когда началось строительство училищного здания, городничий запретил его, как начатое без разрешения. Но вскоре вмешался губернатор — упоминавшийся выше М.В. Ладыженский, и строительство возобновилось.

Воспитанник декабристов, автор, конечно же, тенденциозен, он, безусловно, на стороне их и своего отца, взявшихся за благородное дело просвещения. Конфликтная ситуация и ее стороны оцениваются под углом зрения его кумиров, ведь самому автору в описываемое время было всего девять лет⁵.

Примерно в 1846 г. в семье Скорняковых родилась еще одна дочь — Аграфена, вошедшая в историю российского революционного движения. По окончании Тобольской Мариинской женской школы она некоторое время работала в ней, затем перешла учительницей рукоделия в Тюменскую женскую гимназию, а весной 1869 г. переехала в Петербург для поступления на акушерские курсы и там вышла замуж за вольнослушателя технологического института Александра Васильевича Долгушина, которого могла знать еще в Тобольске: он учился там в гимназии. Как раз в этом году Долгушин организовал в столице кружок «сибиряков-автономистов». В него вошла и Аграфена Дмитриевна.

Осенью 1872 г. на квартире Долгушина сформировался новый кружок, один из первых в России развернувший пропаганду среди крестьян. В нем участвовали тюменец И.И. Папин⁶, выпускник Тобольской гимназии Н.А. Плотников. Долгушинцы отпечатали прокламации «К интеллигентным людям», «Русскому народу» и «Как должно жить по закону природы и правды». Кружок был разгромлен осенью 1873 г., члены его разосланы по тюрьмам. К дознанию была привлечена и А.Д. Долгушина. После суда она переезжала вслед за мужем по местам его заключения и ссылки⁷.

В. Белобородов

⁵ Знаменский М.С., Белоголовый Н.А. Исчезнувшие люди: Повести, статьи, воспоминания. Воспоминания сибиряка. Иркутск, 1988.

⁶ См. о нем: В родных пенатах под колпаком полиции // Подорожник: Краевед. альманах. Тюмень, 2004. Вып. 4. С. 81–90.

⁷ Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 386.

«Предание, исторический рассказ Котцкого княжества Алачевых»*

Извлечено из находящейся в библиотеке Обдорского Миссионерского братства св. Гурия рукописи¹ инородца Качакарских юрт Котской волости Березовск. окр. Григория Афонасьева Охранова, поступившей от учителя миссионерского училища Алексея Григорьевича Охранова² 10-го сентября 1903 года.

Рукопись написана темными чернилами, плохим наклонным почерком, на бело-серой бумаге фабр. Ятес № 6; знаков препинания мало, и они поставлены без всякого смысла, до которого иногда трудно добраться. Мною расставлены сообразно смыслу знаки препинания с орфографическим правописанием слов, где оказалось возможным.

«По покорении Сибирского царства Ермаком вышеозначенное Котское княжество оставалось, котский самый князь Алачев, непокоренным сотоварищами Ермака, так как он имел себе полную власть самовластия и полного правления.

При покорении Оби сотоварищи Ермака проплыли в Березовский городок, который именовался раньше предком всех народов с разных стран, потому в особенности Сосвы и Ляпина, и прочих рек. По прибытии (свих)³ вышеупомянутые сотоварищи Ермака атамана основали город Березов под названи-

* Рукопись хранится в Архиве РГО. — Публикация Ю. Мандрики.

¹ Инвент 461. XIV/54.

² Охранов Алексей Григорьевич (ок. 1877—1921) — священник. Родился в семье инородца-остяка юрт Низямских Березовского округа. Воспитывался в образцовой церковно-приходской школе Тобольской духовной семинарии. В 1894 г. был назначен учителем в Шеркальскую церковно-приходскую школу Березовского округа. С 1905 г. — дьякон, с 1907-го — священник. С 1908 г. более 10 лет был священником церкви с. Няксимвольского Березовского уезда. В 1921 г. расстрелян в Березове вместе с другими заложниками — противниками советской власти. — *Прим. В. Белобородова.*

³ Вероятно, их.

ем, Суматвош — раннее его название. Тогда Ермака уж не было в живых. Когда покорил Ермак Сибирское татарское царство, тогда на реке Великой Оби владел котский князь Алач, могущественный и силой, и славой, и сына его Игичея, который обитал в Котском городке, или в Котском монастыре, в тогдашнее время не покорил его под русскую власть: он оставался при своем владении Приобском. Он владел остяками Оби от города Березова и даже далее устья Иртыша, за 50 верст по реке Иртышу. А в полуденную гору — по реке, называемой Согом. На устье этой реки остяцкие юрты Чагинские. И до вершины реки Дальний Согом из них по реке находится ⁴. И вверх от Белогорья, по реке Оби, по Сургутскому тракту, от Тренькинских юрт до Кольпкульской⁵ волости и ко Ломпокольской. Даже имел господин Игичей на это грамоты. Они не подчинялись русским властям, сами производили суд и расправу над остяками⁶. По данной им грамоте от Московского Царя и Великого князя Всея России Игичею и его двоюродному брату, Онже Юрьеву, Царь и Великий князь Феодор Иоаннович особой грамотой, данной 7102 г. ф. 18 дня, в которой говорилось: «Пожаловали *смаочины* свой сибирские земли остяцкого Игичея и его брата», а потому имел влияние собирать ясак в свою пользу звериными шкурами разного зверя, а потому имел великое состояние, богатство. Впоследствии, когда мать по смерти мужа, князя Алача, отца Игичея, ездила в Москву и приняла⁷ Св. Крещение под именем Анастасии⁸. А потом, на второй год, т.е. по 1602 году, крестился Игичей, а имени его не находим. Было где-то, а только невероятно, по преданию, Архип. По прибытии в Котский городок он, Игичей, построил первый храм христианский, в вышеозначенном городке Котском святую церковь во имя Преп. Чудот. Зосимы и Савватия, деревянный храм, или назвать церковь, и принуждал своих подданных принимать крещение, или закон христианский, и сам принуждал.

И даже с помощью его крестились некоторые реки: Сосва и Казым, и давал много помощи, и принуждал Святому Крещению.

⁴ Тут невозможно разобрать слово.

⁵ Название неразборчиво.

⁶ Монастырский архив.

⁷ Монастырский архив.

⁸ Далее не разобрано три слова.

А по своей волости, как в его владение, или волость, тогда входили семь городков: Чемаша, Шеркалы (Котцкий), Большой-Атлымский и Мало-Атлымский, Карым-Карский, Ендырь, Белогорский-Троицкий, и так сама наша Обь до времени оставалась под его владением, и потому у Царя и Великого Князя Всея России ходатайствовал: среди Оби, своих владениях инородцев, в Котском городке построить монастырь для просвещения своей остяцкой орды, т.е. инородцев-язычников для просвещения в вере христианской. И по тому поводу перевели бывший тогда в г. Березове монастырь, называемый Воскресенский⁹, который существовал 12 лет, старцев-монахов, которых перевели из города Березова и прикрыли монастырь.

Тогда князь Алачев основал в своем Котском городке деревянный собор во имя Св. Троицы, потом стал именоваться Котским Свято-Троицким монастырем, и который просуществовал ровно 100 лет.

Князь Алачев оставался при своей власти, уполномоченным в своем владении, и со своего народа собирал ясак в свою пользу звериными шкурами разного зверья: соболем, лисицами, горностаем и росомахой, бобром и выдрой, и прочим еще зверем. И после покорения Сибири уже много годов собирал в свою пользу ясак, даже за 50 с лишком годов.

А как князь Алачев и потому строил церкви по своей волости, так как в тогдашнее время не с кого было насилу принудить, князь строил на свое содержание приходские церкви Чемаша, Шеркалы, Малой-Атлым, Сухоруково и Троицко-Белогорскую».

«Падение Котцкого княжества Алачевых.

При третьем князе Алачевых, так как они имели жительство зимою в Котцком городке, а в летнее время из Котцкого города за 20 с лишком верст, т.е. на запад от Котцкого городка, на юго-запад, вниз по реке Оби, 15 верст — юрты Низямы, от них вышеозначенный юго-запад, называемая речка Хадос юган: там имели жительство для летнего промысла и вешнова рыбы и потому уезжали туда, имели большой там дом, в котором и теперь есть много сокровища, у которого только остались одни кучи, которые (?) лесом.

⁹ «Рукопись от Иоанна Кузнецова».

Они захотели, по тогдашнему ихнему обычаю, построить укрепленный городок напротив Алешенских юрт, на юго-запад, по южной горе, называемая протока, около леса, Его-пост, т.е. сосновая проточка, на сосновом острове, которые отстоят от северной горы в расстоянии от зимних юрт Алешенских около 15 верст, задумал князь Алачев собрать свой народ со своей волости, по р. Оби, от города Березова и до устья Иртыша, стоящих работников, с месяца мая работать на все лето: копать землю и рыть каналы, мостить кверху землю и пропустить воду кругом крепости.

Но они проработали месяца полтора; когда пришла морская рыба, они задумали (как питался народ в тогдашнее время рыбою, а русского хлеба не было в этой стране и негде было взять, а тогда народ пропитывал свои семейства одной только рыбой и промыслял весной язя, а летом — сырка, а осенью — более щуку, муксуна — во время тоже лета и проч. рыбы, и сушили ее на солнце, и делают доныне: из чистых кишок рыбьих жир и варят варку, и пропитывали свои семейства и потребляли для себя) поэтому, поработавши некоторое время, ста (?) промеж собою задумали советоваться: если придется нам работать в течение лета у нашего князя, тогда наши семейства должны голодной смертью помереть. Тогда собрали общий сход и сделали в том рассуждение: послать в г. Березов в тогдашний суд к воеводам и земским начальникам просить царской милости: в подданство русского государства, добровольно платить государственный ясак звериными шкурами из местных зверей, из рода в род. Приписались к Кабинету Его Величества со своими собственными землями, доколе продлятся наши роды.

Тогда князь Алачев пытался судиться со своим народом в тогдашнем земском суде в г. Березове, и все осталось тщетным: из Березовского земского суда вынес только три *беленьких соболя*, а потом сказал народу вслух, что впредь и после никогда пусть не судится: из семи анбаров пышного товара осталось только три соболя.

Итак, по существовании его княжества Котцкий монастырь содержался на его собственном содержании, и вся Котцкая волость была под Котцким монастырем, когда же отложились ос-

тяги Котцкого княжества, тогда монастырь испытал много бедствий, даже и приходские церкви стояли многие годы без пения и служения, без служителей, потому что при царе и Великом Князе Всея России было гонение: по переводению церковно-богослужебных книг.

Должность содержания Котцкого монастыря при отпадении княжества, при недостатке средств монастырь попадал в крайнюю бедность, испытывали монахи — ходить собирать деньги и хлеб по русским городам Российской империи.

И тогда отведено было монастырю: остров сенокосу и земли для дроворуба по три версты на все четыре стороны, Царем и Великим Князем Всея России, Самодержцем Феодором Алексеевичем¹⁰, и крестьянами для монастыря, которые работали в крепостной зависимости для посева хлеба для монастыря, которые населены были в Ялуторовском округе, на речке Исети, до пятидесяти семей, три деревни, которые и ныне именуются, по здешнему монастырю, Котцкой волости, потому что были когда-то крестьяне Котцкого монастыря, населенные из Пермской и Вятцкой губерний, называемых бобылей.

По отпадении княжества Котцкого монастыря и монастырь получил название Кондинского, наименовался из Котцкого Кондинским монастырем».

1915 года 17 октября, с. Обдорское.

Гр. Дмитриев-Садовников¹¹.

---

¹⁰ Летопись от Иоанна Кузнецова.

¹¹ Дмитриев-Садовников Григорий Матвеевич (1885–1921) — учитель, краевед. В 1904–1913 гг. преподавал в Ларьякском сельском начальном училище Сургутского уезда, в 1913–1917 гг. — учитель в Обдорске. Изучал историю и географию Тобольского Севера, этнографию и язык ханты, публиковал научные и публицистические статьи, стихотворения в тобольских периодических изданиях.— *Прим. В. Белобородова.*

«Население Котцкого монастыря или Кондинского села русским народом»*

Извлечено из той же рукописи инородца Г.А. Охранова, что и «Предание, исторический рассказ Котцкого княжества Алачевых». Из краткой биографии лиц, населявших село, я привожу нижеприведенную выдержку о зырянине, как более интересную.

«Паршуковы — зырянского происхождения: по имени был некто Михаил, каким-то родом приехавший по реке Сосве из Архангельской губернии, как ныне населяются зыряне. Добровольно пришедший в Кондинский монастырь, первоначально поступил в заработки монастырю, а потом в крепостное владение, так как земля монастырская. А инородцы тогда не принимали на свои владения из крестьянского сословия.

В тогдaшнее время постоянный наплыв был разбойников, которые грабили села и деревни, крестьян и остяков, и даже самый монастырь редко избавлялся.

Когда приплыла шайка разбойников, более 20 человек, жители Кондинска многие разбежались по лесам. И много сделали грабежу, тем более брали себе пропитания для своей провизии. И тогда, узнав о Михаиле-зырянине, который знает путь им по реке Сосве и может провести через Урал в Архангельскую губернию, схватили его и повезли с собою¹.

Когда проплыли по реке Оби, впали на Сосву, не хватая города Березова, по Лапальской протоке, которая впадает за 50 верст выше города Березова. И так, город не знал, до донесения из Кондинского монастыря, о потере зырянина Михаила.

По впадении в реку Сосву, напротив воды, так как лодка была очень большая, тогда уже лодка начала вставать на мелях,

* Рукопись хранится в Архиве РГО. — Публикация Ю. Мандрики.

¹ Летопись отца Михаила Кузнецова хотя говорит, что Михаил-зырянин не возвратился живым, монастырский архив знает только о потере, а прибытие его не упомянуто, осталось в списках безвестным.

у них не хватило пищи для пропитания себя². Стали терпеть голод. Тогда атаман разбойников приказал каждый вечер кидать жребий, кого из среды себя надо колоть: на кого падет жребий, того утром кололи: первоначально, до обеда, ходили собирать кедровый орех шишками, по мешку на каждого человека; когда возвращались к лодке своей, тогда кололи назначенного им. Так ихняя жеребьевка простиралась несколько дней, то один вечер выпал жребий на своего путеводителя, Михаила.

Так, по обыкновению ихнему, на каждое утро ходили наперед собирать шишки, по мешку, то Михаил начал собирать шишки и стал мало-помалу от них отдаляться: не столько собирает, сколько от них оттягивает, и когда скрылся с глаз, тогда бросил и мешок, дал ногам волю бежать.

Когда утонул от них дальше к реке и переплыл Сосву; переплывши Сосву, не вышел на берег: противоположный берег был крутой, и на котором подмытое дерно навесилось, поэтому он и не смел выйти на берег, так как его могут найти; из воды подлез под дерно и забился далее, под толщину.

Через полчаса времени начались слышаться голоса: пришли в погоню. Пришел атаман, с которого места спустился Михаил плыть, тогда приказал делать плот, плыть через реку. Когда переплыли, поднялись для розыска бежавшего. Когда атаман сам ошел местность, тогда сказал товарищам своим, что на суше его следу нету; приказал копьями тыкать подмытое дерно. Но так как он сидел под самым толстым местом, копья летают мимо его и не хватают тела. Когда истыкали тонкое место на несколько сажень в оба конца, тогда атаман сказал товарищам, что он не вышел из воды, утонул в реке, то приказал товарищам переплыть назад и бросить розыск.

Когда прошло более суток, так как не слышать шуму, вышел из-под дерна и пошел разыскивать, нет ли тут жилья и не попадет ли кто из жителей местности. По долгим розыскам наткнулся на одного жителя со старухой. Приходит к ним. У них обыкновенная землянка, юрта, как и ныне живут кочевые народы в лесах: кроме одной хижины, ничего не имеют. Попросил их сохранить его жизнь от разбойников. Стал рассказывать свою историю, как его украли из Кондинского монастыря. Слыхали

---

² Рассказ Михаила остался от моего дяди, Александра Охранова: предание.

они про Кондинский монастырь или нет: старик говорит, слышал. Потом скрыл, так как более некуда скрыть, кроме как под нару, заклал сверху досками, а потом лопотью, или одеждой своей, которую они имели для себя. Он пролежал сутки, потом слышит разговор народа. А он ни жив ни мертв, думает, что дошли разбойники, от которых бежал. Наконец стали со стариком: некоторые стали старика спрашивать, по ихнему языку, не видал ли он беглых разбойников и не приходил ли к ним украденный из Кондинского монастыря по имени зырянин Михаил, которого украли разбойники для проводки через Урал. Старик открыл им, что сбежал от разбойников, скрывается у них. Тогда открыли, и вышел Михаил. Тогда узнал: казаки из города Березова, более 25 человек, которые были посланы по донесении из Кондинского монастыря о краже Михаила-зырянина разбойниками, который спасся бегством от них.

Потом взяли казаки Михаила с собою для показания, где находятся они. Тогда Михаил довел, где они обитались. Нашли только пустую лодку. Имущества было, когда они находились: было серебро и золото, а ничего не оказалось, куда они девали. А сами сбежали, и нашли их только пустую лодку. Оттоль воротились и казаки, и Михаила привезли в Березов. Из Березова отправили в Кондинский монастырь, где от него был сын Павел. От Павла — Николай и Семен, от Николая — четыре сына, от Семена — два: Евгений и Ефим, от которых произошло поколение более 15 душ мужского пола».

1915 г. 29 октября, с. Обдорское.

Гр. Дмитриев-Садовников

Остяцкие сказки¹

*В Западно-Сибирский Отдел
Императорского Русского
географического общества*

Имею честь уведомить Отдел, что я получил 20 руб., присланные от 12 января за № 26, а также вопросы и указания Г. Потанина, с которых я списал копию для должного руководства, подлинные же листки при этом возвращаю в Отдел.

Если прилагаемые при сем две остяцкие сказки окажутся достойными напечатания, то покорнейше прошу Отдел выслать мне за них деньги, сколько придется по расчету.

*Учитель уездного училища Демин².
Февраля 1883 года.
Березов.*

Ответы на вопросы, присланные Г. Потаниным

I

На вопрос о том, что прежде медведь жил на небе и затем спустился на землю

В старинные годы медведь жил на небе, привязанный на железной цепи, в особенной горенке. Долго ли, коротко ли он жил, ему скучно стало, и он начал сердиться, что вот живет один. Хотя бы, думает он, на свет поглядеть, но обо всем этом

¹ Рукопись хранится в Государственном архиве Омской области. Частично утрачена. — *Публикация Ю. Мандрики.*

² Демин Александр Гаврилович (ок. 1834—после 1888) — учитель. Окончил Тобольскую гимназию, преподавал с 1858 г. историю и географию в Омском уездном училище. В 1881—1886 гг. — учитель Березовского уездного училища. Состоял членом губернского статистического комитета. Член-учредитель Тобольского губернского музея. Печатался в местных периодических изданиях. В частности, в «Тобольских губернских ведомостях», в №№ 30 и 31 за 1888 г., опубликован его очерк «Город Березов» (см. второй выпуск «Подорожника»). — *Прим. В. Белобородова.*

никому не говорит. Однако так он огорчился, что лапой махнул железную цепь, и она вся рассыпалась. После этого медведь стал ломать дверь и, когда проломил ее, вышел на улицу. Ребята хозяина³ кричат: «Отец, сын на улицу вышел!». Медведь осердился на ребят и давай бить их и собак тоже. Ходя по небу, он ступил одной ногой в яму. Вытащив ногу, медведь взглянул в яму и увидел землю. «Эко, — думает он, — какое славное место: везде лиственницы, елки», и осины уже покраснели, так как была осень. «Ах, — думает он, — на земле веселее жить!». Погулявши, он — опять в горенку. «Сын мой любезный, что ты это осердился на меня?» — спросил хозяин, а медведь молчит. Потом хозяин говорит: «Сын мой любезный, ты, видно, не хочешь с нами жить, оттого и осердился на меня». Вдруг медведь по-человечьи сказал хозяину: «Ах, не хочу здесь жить». «Но, сын мой любезный, еще не время уходить отсюда тебе, поживи еще немножко». «Хозяин мой, я жил у тебя, но неохота стало жить». Как хозяин ни уговаривал его еще пожить у него, медведь не согласился. «Я потому не буду жить у тебя, что ребята стали кричать: «Наш сын на улицу ушел», я и осердился, собак и ребят убил; потом повернулся назад и попал ногой в яму, и увидел в этой яме землю. Такое веселое место. Вот бы, подумал я, где пожить бы мне. Гляжу, что-то красное⁴ на ней, так весело». — «Сын мой любезный, пустить тебя на землю я согласен, но только знай, что на земле человека нет: я еще не пустил его туда, тебе будет скучно, и как будешь жить один?». — «Ничего, проживу как-нибудь, может быть, когда-нибудь человек и будет на земле».

Тогда посадил медведя в детячью колыбель и опустил на <...> цепях на землю. Медведь соскочил с колыбели, а ее подняли наверх. Медведь туда и сюда стал ходить и никого не видел. Вот ходил, ходил он, на передние лапы рукавицы надел и на голову шапку. И опять стал ходить куда попало. «Ах, — думает он, — правду говорил хозяин, что никакого человека нет на земле, даже и следа никакого нет». Медведь осердился, снял с лап рукавицы и с головы шапку, бросил их кверху за плечи, потом он во всю силу пустился бежать. Только слышит он, что

³ Так остяки называют бога.

⁴ Это был спадший осенью с деревьев лист.

кто-то кричит: «Что, медведюшко-батюшка, рассердился, зачем бросил рукавицы и шапку?». Медведь поворотился назад: никого нет, а рукавицы и шапка лежат, тут он поднял их и пошел вперед. Немного погодя он опять рассердился, рукавицы и шапку бросил и бегом побежал дальше: бежал, бежал, остановился в другой раз и слышит: «Что ты, медведюшко-батюшка, бросил рукавицы и шапку?». Он оборотился: и рукавицы, и шапка лежат тут. Надевши рукавицы и шапку, он опять побежал. Потом он в третий раз осердился, рукавицы и шапку бросил кверху. Только слышит: «Что ты, медведюшко-батюшка, осердился, зачем бросил рукавицы и шапку?». Он оборотился и видит, что сидит старуха, а рукавицы и шапка лежат подле нее. «Ах, — говорит старуха, — медведюшко-батюшка, ты зачем так сердишься, ведь говорил тебе хозяин, что на земле человека нет? Меня пустили на землю затем, что тебе одному скучно жить. У меня, медведюшко-батюшка, пища есть, а у тебя нет, как же ты будешь жить?». Медведь рассердился и сказал: «Найдется что есть, я найду». Старуха и говорит: «Ты не найдешь без хозяина, если он отпустит, то будет пища, а не отпустит, то голодом будешь жить. Ты, сын мой любезный, проси у хозяина чего-нибудь, он и отпустит тебе».

Медведь сел по-человечьи, передние лапы положил на колени и завыл, как волк, но только своим голосом. Сидел он, сидел, чувствует, что ему тяжело стало, будто что-нибудь съел, сделался сытым. «Давай полежу немножко» — и набок повалился, полежал и задремал. Потом медведь вдруг пробудился — кто-то разбудил его: «Вставай, говорит, ты так день и ночь будешь лежать и на ноги не поднимешься». Он вскочил на ноги, раньше был тяжелый, а тут сделался легким, раньше был жирный, а тут сделался худым — спина как доска. Медведь глядит: идут рядом корова, лошадь и олень. Вдруг кто-то говорит: «Что, сын мой любезный, если ты так будешь жить, то умрешь с голоду, ступай скачи на них и убей их». Медведь встал и погнался за ними, но они как птицы полетели, так что он никак не мог их догнать.

Потом кто-то говорит: «Ах, сын мой любезный, они на виду стоят, и тебе не поймать их. Когда я пушу на землю человека, у него все будет: олени, коровы, лошади. А ты как будешь жить,

как будешь добывать себе пищу? Ты, сын мой любезный, когда корова, лошадь или олень делает шаг, а ты должен два, тогда <...>». Медведь умом думает: «Нет у меня ни ножа, ни топора, как буду убивать их?».

Тут вдруг он осердился, вскочил и погнался за оленем и догнал его. Передней лапой взмахнул на оленя и так разорвал его надвое. Потом погнался за коровой и ее догнал. Тоже разорвал. Наконец погнался за конем. Но конь стал лягаться, медведь никак не мог поймать его. Тогда медведь пошел к ручью и там спрятался. Глядит, конь ест траву. Как поближе подошел к нему, медведь вскочил на спину к нему. Конь помчался во всю мочь, а медведь давай драть ему шею, и конь пал и издох. «Теперь у меня пищи благодать!» — думает медведь.

Так жил он, жил, а человека все нет, и старухи не стало. Вот настал холод, и снег выпал, близко зима. Медведь думает: «Как я буду жить зимой?». Вдруг кто-то говорит: «Сын мой любезный, я говорил тебе, что еще нет человека на земле, как хочешь, так и живи». Тогда медведь стал проситься на небо к хозяину. Кто-то говорит: «Ну, сын мой любезный, уж когда ты ходил на землю, то я не возьму тебя на небо. А ты сделай вот что: ступай в лес, найди высокий холм и сделай землянку для лежания». Медведь так и сделал. Вырыл яму, покрыл деревом и сверху забросал землей, потом давай рвать травы, мху, сносить все в землянку, сделал мягкую постель.

Вот он залез в землянку, дверь засыпал, ночью уснул. Спал, спал, вдруг разбудился и говорит: «Ночь коротка была», а между тем целый месяц проспал. Вот лежит медведь, хочет есть. Думал, думал умом: что буду есть? И, задумавшись шибко, давай лизать лапу, и вдруг стал очень сыт. Тогда он повернулся на другой бок и опять заснул.

Снова спал медведь месяц и, проснувшись, опять лизал лапу. И как зима продолжается восемь месяцев, то и медведь переменял положение восемь раз и каждый раз лизал лапу.

Однажды пробудился он, совсем спать не хочет, сидит, сидит он и думает: «Хотя бы мне белый свет увидеть». Медведь отворил дверь и увидел, что на дворе уже весна: снегу нет и стало тепло. Он не вышел на улицу, а только высунул голову из дверей, а лапы положил на порог, чтобы посмотреть, что делается

на дворе. Вдруг залаяли на него собаки. Медведь глядит: два человека идут со стрелами. Медведь думает: «Как? Когда хозяин пускал меня на землю, то говорил, что там нет ни человека и никого другого! Как же это они могут убить меня?». Медведь осердился, выскочил на улицу и кинулся на людей, стрелы их сломал, самих убил, собаку разорвал надвое.

После этого медведь подумал: «Если у человека силы больше, пусть он убивает меня, а если у меня силы больше, то я буду убивать его». Затем медведь такой тяжелый стал, что сел и сидит. Вдруг кто-то говорит: «Эх, сын мой любезный, если ты будешь сердиться, то тебе человека не убить, а он будет всегда убивать тебя. Говорю тебе, что настанет такое время, что если на тебя сто человек нападут, ты убьешь всех их. И опять такое время настанет, что если ты кинешься и на одного человека, то он убьет тебя. Это от того, сын мой любезный, что я повелел, чтобы в человеке силы было больше, а в тебе меньше, хотя у тебя такая сила, что ты можешь лапами рвать землю, но все-таки человек будет убивать тебя. Я дозволил человеку всякого зверя убивать и всякую шкуру надевать на себя, и потому хорошо будет жить ему на земле. Сын мой любезный, сердись на меня или не сердись, человек будет убивать тебя и шкуру твою продаст за деньги.

После этих слов медведь кругом посмотрел и видит: везде юрты, везде остяки, одни рыбу ловят, другие стреляют зверя и птиц. «Зачем я очутился здесь, — думает медведь, — ведь мне велено жить в лесу без огня? Если увижу человека, и он не потронет меня, то и я не потрону его».

Медведь отправился в лес, и там он нашел двух товарищей. Они все вместе сделали землянку и проспали в ней зиму.

В землянке медведи думали: «Хозяин велел, чтобы силы было в нас больше, теперь убить нас некому. Если два или три человека придут к нашей землянке, мы разорвем их и не оставим крошек».

Долго ли, коротко ли лежали они, вот два человека нашли их. Медведи думают: «Два человека ничего не стоят для нас». Два человека срубили верхушки нескольких деревьев и всунули их в дверь <...> Медведи тогда осердились и [хотели] было верхушки выбросить вон, но ничего не могли сделать. Тогда

они присмирели. Люди сделали сверху отверстие, в него один медведь хотел было выскочить, но люди убили его обухом, затем другого и третьего.

Хотя медведи издохли, а все-таки думают: «Видно, хозяин говорил правду, что у человека сила больше, а мы думали, что у нас больше, и вышло, что люди убили нас, а не мы их».

II

Поверье о том, что медведь всеведущ

У остяков есть поверье, что медведь всеведущ, что он знает все помыслы человека и слышит все разговоры его, хотя бы находился далеко, поэтому остяки никогда не бранят медведя, они говорят, что если кто бранит медведя да пойдет в лес, то непременно будет съеден медведем и что даже медведь может забраться к ругателю в юрту и съесть его.

III

Принятие присяги

Остяки принимают присягу так: они состригают с медведя шерсти, закатывают ее в хлеб и съедают. Принимают также присягу на медвежьей коже, на которую становятся ногами. Еще принимают присягу так, что скоблят или разбивают медвежьих зубы или коготь и съедают в хлебе. Присяга совершается и на медвежьей лапе — <...> край лапы. На медвежьей голове не присягают, а только клянутся.

IV

Кара медведем за ложную присягу

Два остяка пошли на медведя и при этом поклялись на медвежьей лапе, чтобы не выдавать друг друга. Но когда они подошли к медведю, то он кинулся на одного остяка, другой испугался, побежал домой. Первый остяк убил-таки медведя, и когда он пришел домой, то узнал, что товарищ его задавился.

Также медведь может забраться в юрту к остяку, давшему ложную присягу, тогда съест его тут же или утащит в лес и там съест.

V

О почитании огня остяками

Остяки почитают огонь. Бывает так, что если кто заканчивает пить вино, то клянется над огнем. Поставит над ним рюмку с водкой, потом разрежет палец, и кровь капает в рюмку. Держит палец над рюмкой до тех пор, пока не остановится кровь. В это время дающий клятву произносит заклинание. Остяки без огня никуда не ходят, оттого, что верят в его большую силу.

VI

О добывании огня тремя братьями

Пошли в лес три остяка, братья родные. Каждый из них взял кремень, огниво и трут. Только трут у каждого жена нарочно вымочила, чтобы они в лесу замерзли, так как это было зимой. Когда они пришли в лес, то озябли и хотели развести огонь, но оказалось, что у каждого трут сырой. Что тут делать? Старшие братья послали младшего брата в лес, не найдется ли где огня? Отойдя немного, остяк смотрит: куржак на дереве. Он стукнул в землю и узнал, что тут медвежья берлога.

Младший брат стал просить медведя, чтобы он пустил его вместе с братьями погреться к нему в берлогу. На это медведь отвечает, что у него огня нет, пищи тоже, что он всю зиму без пищи лежит, чем же станет он кормить их, когда они захотят есть? «А ты сделай вот что, — сказал медведь остяку, — залезь на высокую лиственницу, и где увидишь огонь, туда и ступай». Остяк так и сделал — залез на высокую лиственницу, смотрит: огонь, как гора, разведен. Младший брат туда и пошел и увидел, что вокруг огня великан ходит. Великан сказал остяку: «Ты, кажется, уже раз приходил за огнем, теперь опять пришел». На это остяк ответил: «А, это, дедушка, ты!». Сам схватил топор и погнался за великаном. Великан испугался и убежал в лес. Остяк видит: вокруг огня лежат шкуры соболя, лисьи, беличьи. Он все это сложил на нарты, взял огня и отправился к братьям.

Вот привозит он все это в свою юрту. Братья смотрят и дивятся, откуда это он взял? Младший брат рассказал им все, тогда все трое собрались и погнались за великаном, но догнать его не могли, потому что он делает шаги большие.

Стали братья охотиться. Старшие братья добывают всяких зверей, а младший нет. Наловивши много зверей, старшие братья собрались ехать домой, а младший брат сказал: «Я поживу здесь, может быть, что-нибудь и изловлю». Вот собрался он идти в лес, огонь сверху потушил и пошел. В лесу никого не попалось ему. Приходит он домой, смотрит: вода в котле горяча, чувал топится, а никого нет. «Что это такое?» — думает он. На другой день опять никто не попался ему. Остяк приходит домой, смотрит: опять чувал топится, дрова в котле согреты. «Что за чудо?» — думает он. Лег спать. Утром проснулся, видит: пимы у него высушены и одежда тоже. Он отправился в лес, но опять никого не видел. Приходит остяк домой, смотрит: на нарах девица сидит и в котле варится пища. «Откуда ты?» — спросил ее остяк. Девица отвечала: «Я дочь великана, он хочет породниться с тобой, отдает меня за тебя замуж». Тогда она стала угощать остяка и сказала: «А жить я у тебя буду на седьмой день, тогда меня и жди». Девица положила остяку на нарты соболей, лисиц, куниц, белок, и он отправился домой.

Братья опять удивились, откуда это он все взял?! На седьмой день он стал ждать невесту. Вот она приехали и привезла несколько нарт, запряженных всякими оленями: и белыми, и серыми, и <...> На нартах было положено множество всякой меховой одежды. Тогда младший брат рассказал про все своей матери и братьям, и стали они все вместе жить-поживать и добра наживать.

VII

О сотворении человека

Сначала бог пустил на землю старуху, она по его повелению родила сына, а потом дочь, от которой, по повелению же божьему, родилась тоже дочь. Тогда дядя женился на племяннице.

VIII

О хождении бога по земле

Когда люди размножились на земле, то бог захотел посмотреть, как они живут там, для чего он и спустился на землю.

Только видит он, что у людей нет ни <...>, ни кимог?⁵, ничего нет. Господь бог ходил, ходил, в лес пошел, видит: сухое дерево, внутреннее сгнило, осталась одна береста. Господь бог взял дерево и принес на воду — в протоку. Приходит он сюда на другой день и нашел дерево, полное рыбы, которую отдал людям. Потом господь бог научил людей делать мережу, ставить перевесы и научил заниматься разными промыслами.

IX

Мамонт

(по-остяцки — мукор?, по-самоедски — яко-саремик?)

Мамонт теперь живет под землей, так там и ходит живой, и если только выйдет на землю, так и издохнет. И вот те мамонты, которых кожу и кости находят на земле, лишь вышли на землю, сейчас же издохли. В прежние времена мамонты жили на земле, а как пустил бог на землю человека, то он повелел мамонту жить под землей.

X

Сказание о собаке

Когда еще собаки были на небе, то они стали думать: «Чем же мы будем питаться, когда бог пошлет нас на землю?». Вот послали они одну спросить об этом бога. Бог сказал ей: «Человек будет давать тебе мясо и жир, а сам будет есть кости». Собака пошла от бога. Товарки спросили ее, что бог ответил ей, а она и забыла. Пошла во второй раз, бог сказал ей то же, что и в первый раз. Выйдя от него, она опять забыла его ответ. Тогда пошла собака спрашивать бога в третий раз. Он ответил ей: «Человек будет питаться жиром и мясом, а вам будет давать кости». Так теперь и есть. Остяки любят собак. У каждого из них есть по собаке.

А. Демин

---

⁵ Кимга? — это морда для ловли рыбы.

Сказка о дьяволе и дьяволихе*

(старинная остяцкая сказка)

Жила-была бабушка со внучком. Мальчишка все бегал на улице играл. Бабушка вышла на улицу и говорит: «Ты, внучек, не бегай по дороге, которая позади дома, а бегай по той, которая против дверей». Мальчишка все играл, смешкал и думает: «Зачем бабушка не пускает бегать по дороге, которая позади дома?». Он взял и побежал по задней дороге. Бежал, бежал, видит: стоит землянка. Мальчик подбежал к окну и смотрит: сидит дьявол слепой и дьяволиха слепая. Сидели они, сидели, дьяволиха выхватила саблю и поставила в чувал острием кверху, а старик схватил большую музыку и стал играть на музыке, пока он играл на музыке, свалился в трубу жирный бык. Старуха подскочила, заколола быка, разрешила его на мелкие части и положила в котел, и заварила его. Как скипел котел, мальчик подошел к котлу, наложил полон мешок мяса и дожидается у окна. Дьяволиха и говорит: «Что, муж, тебе досталось?». Он говорит: «Нет, а тебе, старуха, досталось?». Она ответила: «Нет». Старик и говорит: «Ладно, завтра большего быка попросим». Мальчик прибежал домой, отдал бабушке мясо. «На, бабушка, мясо!». Бабушка стала его бранить: «Зачем ты ходил туда?». А мальчик опять убежал туда.

Прибежал мальчик, а у дьявола и дьяволихи уже <...> котел. Мальчик подошел к котлу, наложил полон мешок и встал за окном, стоит, слушает. Дьявол с дьяволихой стали есть. Когда наелись, старуха и говорит: «Что, старик, наелся?». «Нет». Старик спрашивает: «А ты, старуха, наелась?». «Нет...». «Стой, — говорит старик, — там за домом у нас дом стоит, там мальчик есть, не он ли таскает? Ты поставь-ка саблю в чувал, а я буду играть на музыке». Мальчик в ту пору прибежал домой, вдруг с улицы

* Рукопись хранится в Государственном архиве Омской области в фонде Западно-Сибирского отдела Русского географического общества вместе с ответами А. Демина на вопросы Г. Потанина. — *Публикация Ю. Мандрики.*

шум, подошел к дому, и стало их дом качать. Но сколько бы ни качало дом, не могло вырвать. Мальчик соскочил с постели и побежал к дьяволихе, схватил он потихоньку саблю и музыку и побежал. Прибежал мальчишка домой, а у бабушки готов чувал. Мальчик схватил саблю, поставил в чувал острием кверху и стал играть на музыке. Вдруг ввалился в чувал дьявол и наткнулся на саблю, мальчик подскочил к дьяволу, схватил саблю и давай дьявола резать, приговаривая: «Будет с тебя, что моего отца съел, мать, дедушку, дядей и теток». Потом мальчик дьявольское мясо изрезал и вывалил на улицу. Опять мальчик схватил саблю, поставил в чувал острием кверху, схватил музыку и стал играть. Вдруг ввалилась дьяволиха в чувал, наткнулась прямо на саблю. Мальчик подскочил и изрезал дьяволиху и вывалил мясо на улицу. Потом стали они, бабушка со внуком, каждое утро есть жирных оленей и стали жить-поживать да добра наживать.

Сказка про огненную реку *(из новых остяцких сказок)*

Жили-были два брата. Одного звали Путлевка, а другого Ковшичек. У них нечего стало есть, они пошли путешествовать. Долго ли, коротко ли они шли по дороге, увидели город не город, юрты не юрты. Стали они рассматривать и увидели большей частью все лавки, а только один дом. Тут жил дьявол с дьяволихой. Наши путешественники подождали, пока они лягут спать. Дождавшись, когда дьявол с дьяволихой легли спать, они вошли в дом.

Когда дьявол пробудился, сказал Путлевке и Ковшичку: «Здравствуйте, внучки». Они сказали: «Здравствуй, дедушка». Дьявол путешественников накормил и напоил. Он спросил их: «Куда же вы идете?». Они отвечали: «Куда-нибудь идем, кто-нибудь да наймет нас». Дьявол сказал: «Я вас найму».

Вот долго ли, коротко ли жили Путлевка и Ковшичек у дьявола. Стали они думать, как бы он не съел их. Они стали проситься у него съездить за дровами, он сказал им: «Ну полноте, сидите дома, моя баба сама съездит за ними, впрочем, ваша воля, поезжайте». Путлевка и Ковшичек сели на лошадь и поехали. Как только они скрылись за город, взяли запрягли лошадь задом наперед и гнали ее как можно скорее. Вдруг слышат они, что

дьявол с дьяволихой гонятся за ними. Подъехавши к огненной реке, они увидели, что из нее высунулось пламя. Только кто-то сказал им: «Переходите смелей». Они как только услышали этот голос, то перешли реку. Дьявол подбежал к реке и стал кричать: «Воротитесь, Путлевка и Ковшичек, назад». «Нам какое дело есть, зачем мы воротимся назад?». Дьявол и дьяволиха воротились назад, а Путлевка и Ковшичек пошли дальше.

Долго ли, коротко ли они шли, вышли к царю в город, они в другие дома не заходили, а прямо пошли к царю. Царь спросил Путлевку: «Не умеешь ли ты строить?». Путлевка ответил: «Я умею». И царь определил его на стройни. Ковшичку же велел перед баней жить. Когда же Ковшичек хотел спать, то заходил в баню. Раз царские снохи пошли в баню париться. Там они играли с Ковшичком вениками, а старшая сноха говорила младшим: «Не троньте его, зачем трогаете».

Вдруг Ковшичек соскочил, хлопнул дверью и ушел к царю. Поклонился он в ноги царю и говорит: «Когда мы пошли от дьявола, то он обещался дать нам трубу, которая сколько есть на свете птиц и зверей, всех прокормит». Царь его напоил-накормил и сказал: «Ступай, теперь твоего дела нет». Ковшичек ушел. Путлевка пришел к царю на обед. Царь спросил Путлевку: «Когда вы пошли от дьявола, что он обещал вам?». Путлевка отвечал: «Дьявол нам ничего не обещал». Царь же сказал, что [Ковшичек] рассказал мне, будто дьявол обещал вам трубу. Путлевка сказал: «Точно, обещал». На это царь сказал: «Ступай и сегодня же принеси эту трубу». Путлевка поплакал-поплакал, да делать нечего — пошел за трубой.

Когда Путлевка подошел к огненной реке, стал он по одной стороне туда и сюда ходить, а сам плачет. Вдруг высунулась голова из воды — старика с седой бородой. Старик спросил: «Что же ты, Путлевка, плачешь?». «Я оттого плачу, что царь послал меня за трубой, которую обещал дьявол». «Ты не бойся, я дам тебе мудрость, ступай через реку, и когда ты придешь в город, остановись возле какой-нибудь лавки и стой. Когда дьявол с дьяволихой начнут спать, ты залезь на сени и сиди. Как дьяволиха выйдет в полночь, ты ей вскочи на голову, она поймает тебя и скажет мужу: «Путлевка пришел», а он скажет ей: «Вскипяти котел, будем варить его». Ты же им скажи: «Чем

мое-то тело пахнет, теперь оно сажа, а вы наперед накормите меня хорошей пищей, тогда и сварите...». Ну теперь ступай, больше твоего дела нет». Путлевка пошел далее. Приходит он в город. И стал за лавку. Когда дьявол с дьяволихой заснули, то он залез на сени. В полночь вышла дьяволиха на улицу. Путлевка заскочил ей на голову. «Путлевка, ты?» — спросила она. Он ответил ей: «Я». Она схватила его, побежала и закричала: «Старик, вставай, Путлевка уже пришел!». Дьявол сказал: «Кипяти котел, заварим его». Путлевка сказал: «Чем мое-то тело пахнет, теперь оно сажа». Дьяволиха говорит: «Это правда, что он ел, когда ходил-то». Путлевка на это сказал: «Теперь кормите меня, кормите пищей, а когда я ожирею, тогда меня съешьте». Вот его и стали кормить хорошей пищей. День прокормили его, а вечером говорят: «Надо Путлевку съесть». Старик говорит: «Ступай, старуха, покажи Путлевке трубу, которую мы обещали им». Она пошла, открыла лавку и показала трубу. Путлевка ей и говорит: «Ты, что же, одна смотришь в трубу? Дай, я хорошенько посмотрю». Когда старуха дала ему трубу, то он толкнул старуху в сторону, а сам побежал. Дьяволиха стала за ним гнаться. Подбежавши к огненной реке, Путлевка, не останавливаясь, смело перебежал через огненную речку. Дьяволиха подбежала к реке и закричала: «Путлевка, воротись назад». Путлевка сказал: «Какое мне дело осталось у тебя?». Дьяволиха вскричала: «Ладно, беги, когда-нибудь тоже в мои руки попадешься». Путлевка, не оборачиваясь назад, пошел вперед. Вот и приходит он к царю, отдает ему трубу в руки, царь поблагодарил его и опять спрашивает: «Чего-нибудь еще дьявол с дьяволихой не обещались ли тебе?». «Нет, ничего не обещались», — ответил Путлевка. А царь сказал, будто Ковшичек сказал, что дьявол обещался дать им золотую лошадь с крыльями, а крылья-то огненные. Путлевка отвечал: «И точно, обещался». Тогда царь сказал: «Ступай же, приведи лошадь». Путлевка поплакал, поплакал и пошел. Приходит он к огненной реке, и опять старик высунул голову и спрашивает: «Что ты плачешь?». — «Оттого я плачу, что царь послал меня за лошадью с крыльями, а крылья-то огненные». «Ступай, та же мудрость, которую я говорил тебе давеча». Путлевка пошел и приходит в город, а дьявол с дьяволихой уже спали. Путлевка залез на сени и ждет. В

полночь дьяволиха вышла на улицу, он и вскочил ей на голову. Дьяволиха спросила: «Путлевка, ты?». Он ответил: «Я». Она закричала: «Старик, вставай, Путлевка пришел! Кипяти хоть мой котел, сварим его и съедим». Путлевка сказал: «А чем мое мясо пахнет? Оно теперь в саже». Они стали его держать и хорошей пищей кормить. Под вечер старик и говорит: «Теперь надо котел варить, но сперва покажи ему, старуха, обещанную лошадь». Когда они пошли, дьяволиха отворила амбар и стала показывать лошадь. Путлевка сказал ей: «Дай мне, я сам посмотрю». Дьяволиха отдала ему лошадь, он толкнул ее, сам сел на лошадь и поехал к огненной реке, через которую лошадь сама перелетела. Дьяволиха закричала: «Воротись, Путлевка!». А тот ей отвечал: «Ни за что не ворочусь». Она сказала: «Ну, если ты придешь опять, то хотя тело будет у тебя в саже, мы съедим тебя». Путлевка поехал к царю и отдал ему лошадь в руки.

Царь же опять спрашивает Путлевку: «Чего еще наобещали дьявол с дьяволихой?». Путлевка отвечал: «Ничего не обещали». А царь на это и говорит, что будто бы обещали свою дочку замуж, которая сидит на балконе. Путлевка отвечал: «Точно, правда, обещали». Царь сказал: «Ступай, приведи ее ко мне». Путлевка со слезами пошел. Вот и приходит он к огненной реке, а сам плачет. Старик высунул голову из воды и спросил: «Что ты плачешь, Путлевка?». Он отвечал, что царь велел привести золотую дочку, обещанную им дьяволом. Старик сказал: «Ну, не знаю, выйдешь ли ты живым или нет, — и прибавил: — заходи со мною в воду». Путлевка зашел с ним в воду. Шли, шли они по дну, вдруг увидел Путлевка пребольшой город. Вошли они в этот город, старик велел поставить самовар, а сами они пошли далее. Старик взял с собою золотое кольцо и отдал его Путлевке. Вот они приходят и видят дверь. Старик отворил эту дверь, и они вошли туда, а там оказался ров. Шли, шли они по рву, пришли к западне. Старик стал говорить: «Это западня возле самого дома девицы. Когда ты выйдешь на западню, то стой как можно тише. Тебе будет ударять в лицо ветром тонкое сукно, и ты его поймай и по этому сукну поднимись наверх, когда поднимешься, тут и будет горница, кругом в ней стулья стоят, а посредине стол, на нем стоит чашка с водой, ты стукни кольцом по столу и сам сделаешься кольцом и сумей свалиться в чашку с водой. Когда

девица придет, взглянет в чашку, возьмет тебя, и потом тебе больше дела нет. Оставайся здесь». Старик ушел домой. Путлевка подслушал, что дьявол с дьяволихой усердно молились богу о том, чтобы пришел Путлевка к ним и, что хотя тело будет в саже, чтобы им съесть его. Потом, когда дьявол с дьяволихой утихли и поставили стражу солдат, которые были вооружены саблями, он тихонько вышел на западню, и ему стало ударять в лицо тонким сукном, то он взмахнул руку и поймал сукно. Затем поднялся по тому сукну вверх, стукнул Путлевка кольцом по столу, сделался сам кольцом и свернулся в чашку. Девица пришла, посмотрела, походила и села на стул, взяла музыку и стала играть. Наигравшись, она повесила музыку на стену, потом девица подошла к кольцу, положила его в карман и спустилась вниз. Солдаты стали говорить ей: «Однако ты Путлевку взяла». Но она сказала: «Вы еще заговорите, вы его съели, может быть, костей его нет, а вы еще ищите его». Девица пошла вверх, по тонкому сукну спустилась книзу и стала на западню, которую отворила, вошла в реку, а западню заперла.

Пошли они по рву, солдаты же, смутившись, побежали к дьяволу и рассказали ему, что приходил Путлевка и взял его дочь. Дьявол нашел западню, взял солдат и жену и пошел по рву. Путлевка же с девицей вышли из рва и дошли до города. Старик закричал им, что дьявол с дьяволицей и солдатами уж гонятся по рву. Тогда он побежал, отворил огненную реку, и вода вбежала в ров. Дьявола и дьяволиху и солдат сожгло огненной водой. Старик и говорит Путлевке и девице: «Не ходите к царю, я у вас сяду богом в этом городе». Они согласились и стаскали все имущество дьявола в этот город и стали жить-поживать да добра наживать.

Остяцкая сказка

В некотором царстве, в некотором государстве жили старик со старухой. У них было два сына, из которых младший жил с ними, а старший потерялся. Уж где-где ни искали его, а найти не могли, так что и забыли про него.

Однажды младший сын поставил ловушки на зайцев, потом пошел посмотреть их и вдруг видит, что кто-то выкатился из лесу, подбежал и утащил его зайцев. Он хотел было погнаться

за вором, да думает: «После поймаю, и если я застаю его, то сломаю ему голову». Придя домой, он и говорит отцу: «Тятя, у нас кто-то ворует зайцев». Отец сказал: «Видно, вор голоден, есть хочет, пусть немного поест». Сын ответил: «Если он ставит ловушки, то я ведь не хожу воровать к нему». А отец: «Если хочешь словить вора, то иди утром, до свету».

Младший сын встал утром рано, пошел в лес, а вор уже успел раньше его обобрать всех зайцев из ловушек. Он и на этот раз не погнался за вором, думает: «На третий раз я выслежу его, из которого места он ходит». Вот на третий раз пошел он еще раньше, но опять все зайцы были обобраны. Тогда он погнался за вором по снегу. Так гонится он день, гонится ночь и выкатился к лиственничному дому. Зашел он в него и видит, что человек сидит спиной к чувалу, а лицом в передний угол. Взглянувши на этого человека, он по сказанным родителями приметам думает: «Как будто мой брат». Сперва хотел было ударить его палкой, но руки опустились. На нарах увидел он братину жену, которая шила соболью шубу, она сказала: «Нет, ты не бей брата». Тогда брат вскочил на ноги, и они, узнав друг друга, стали целоваться. Старший брат сказал: «Я воровал твоих зайцев для того, чтобы призвать тебя к себе и увидеться с тобой, а зайцы твои все целы, мне и своих довольно». На радости старший брат подарил младшему соболью шубу. Переночевали они. Утром старший брат пошел в лес, а младший стал проситься с ним. Старший же не стал брать его. Тогда младший брат говорит: «Неужели ты полетишь на крыльях?». — «На крыльях я не полечу, а только с тобой мученье будет». — «А я все-таки не останусь», — сказал младший брат и стал надевать деревянные лыжи, а старший брат надел выдровые. Вот пошли они. Старший брат лишь пошевелит ногами, лыжи сами катятся, а младший брат не может за ним угнаться. Старший брат сказал: «Вернись к снохе, а то ты замаешь меня». Погнавшись еще немного, младший брат закричал: «Брат, я ворочусь домой». Старший брат остановился и сказал: «Я давеча говорил тебе, что воротись к снохе, так ты замучил меня; да смотри, иди по следу, а в сторону и шагу не делай».

Когда младший брат пошел домой, то никакого следа не было. Вот идет он и видит — справа лось бежит, а слева соболь. Он

хотел было шагнуть к которому-нибудь из них. «Да нет, — думает, — брат не велел в сторону шагать, пойду прямо до дому». Не доходя до дому 25 сажень, вдруг видит он: бежит соболя. «Постой, — думает, — не убью ли я соболя?». Кинулся он за сободем, а между тем увели его на трои сутки, так что брату пришлось искать его. И он нашел его на четвертые сутки ночью в одной юрте. В этой же юрте была девка. Оказалось, что эта девка и была сободем. Старший брат увидел, что брат его с девкой дерутся. Тогда он стал укорять младшего брата: «Ах ты, брат, зачем ты сюда попал, ведь я послал тебя домой, к снохе, чтобы прямо домой шел, а в сторону шагу не делал бы! Иди со мной». Вышли они на улицу. Старший брат спросил: «Зачем вы дрались?». Младший отвечал: «Она поставила мне есть с условием, чтобы я тогда ел, когда женюсь на ней, а не женюсь, так и не ел бы. Как же я могу жениться на ней, когда она живет в лесу?». Старший брат сказал: «Поди, воротись к ней, ведь она знает, где я живу». Тот воротился и сказал девке, что готов жениться на ней, она ответила: «Поди, а я буду за тобой».

Потом братья пришли перед утром домой и видят, что в юрте две бабы сидят и шьют по собольей шубе и что одна из баб была невестой младшего брата. Стали они жить вместе. Жена старшего брата рано встает стряпать, а младший брат с женой спят, да и только, уж скоро <...> встают <...> Жена старшего брата сердилась на сноху, что та спит так долго, и все бранила ее.

Однажды старший брат на всех осердился за то, что жена не успела приготовить ему завтрак, и он ушел голодный. Младшая сноха сказала мужу: «Смотри, старший брат придет домой с тем, чтобы убить свою жену, а ты успевай выхватить саблю у него». Младший брат так и сделал. Лишь только старший брат, придя домой, замахнулся саблей на жену, он выхватил у него саблю и при этом сказал: «Нет, брат, не тронь свою жену». Старший брат сутки пробыл молча. На другие сутки он обулся, оделся и отправился на небо, а они не знали, что он туда пошел. А жена младшего брата и говорит мужу: «Ты знаешь, куда брат пошел?» — «Нет, не знаю», — ответил тот. — «А я скажу тебе, что он ушел на небо, взять у бога дочь замуж».

Между тем дома старик со старухой день и ночь ищут младшего сына и найти не могут, потому что когда он погнался за

вором, то след замело снегом, и никак найти было нельзя. Так что пока они искали сына, настало и лето. «Постой, старуха, я поеду на лодке, может быть, не могут найти на берегу следа». Старик поехал. Вдруг на левой стороне реки слышит он, что кто-то сказал: «Перевези меня». Он взглянул, а это был сам лесной, такой большой, что одного его пальца лодка не поднимет.

Лесной сказал старику: «Если кто пройдет после меня и спросит: «Не видел ли кого?», то ты скажи: «Видел, но давно перешли реку». Затем сам лесной перешагнул через реку на другую сторону и убежал в лес. Немного погодя опять по левой стороне показался лесной настоящий и сказал старику: «Перевези меня». Старик перевез его. Лесной вынул из кармана соболя и дал старику. Лесной спросил старика: «Видел ты кого-нибудь?». — «Видел». — «А давно прошел?». — «Недавно». — «Смотри, дитячко, ты <...> для меня. Если убьют меня, то на реку падет черная стрела, и ты плыви как можно скорее домой. Если я жив буду, то на реку падет белая стрела, тогда ты подожди меня».

Когда он ушел, то в лесу сделался такой шум, что земля затрещала, и старик хотел было бежать, но подумал: «Может быть, бог сделает для меня что-нибудь хорошее». Немного погодя старик слышит: шум сделался меньше, и вдруг на реку упала стойком белая стрела. Драка же между лесными была из-за того, что первый лесной украл у второго жену. Через несколько времени приходит второй лесной вместе со своей женой. Лесной спросил: «Что, на реку пала стрела?». — «Пала». — «Взял ты ее?». — «Взял». — «Ну ладно, перевези нас за реку». Старик перевез их. Жена лесного сказала: «Ах, у нас ничего нет подарить старику!». Тогда она оторвала рукав от платья и подарила старику, а рукав был так велик, что его хватит на шесть женских платьев.

Лесной сказал старику: «У меня, дитячко, ничего нет, а вот сходи к тому лесному, которого я убил, на нем есть одежда, шесть сними с него, седьмую же не тронь, не то жив не будешь. Впрочем, если сумеешь, то и седьмую сними, эта одежда дорого стоит: три тысячи рублей». Старик пошел снимать, и как шесть одежд снял, то увидел седьмую: «Ах, хорошее платье!» — подумал он. Старик стал снимать седьмое платье, а лесной начал шевелиться. Однако старик поскорее сделал ворот из дерева и снял с лесного платье. Затем он собрал все платья и положил их

в лодку, но те были так тяжелы, что лодка только на один палец шла от воды. Лесного с женой уже не было на реке. Выбравши платье из лодки, старик пошел домой. Дорогой он смотрит: тут бежит лось, в другом месте бегут бобры, медведи, и он всех их убивал, так что устал. Теперь всего этого богатства хватит ему на всю жизнь. Старуха так была рада принесенному стариком богатству, что на время забыла про сыновей.

Спустя немного времени старик и старуха вспомнили про сыновей. Тогда старик сделался вороном, а старуха сорокой, и они полетели. Прилетают к сыновьям, а там не узнают их, думают, что это настоящие ворон и сорока, узнали же их потом, когда они опять сделались людьми.

На седьмой день, по уходу старшего брата на ночь, младшая сноха и говорит мужу: «Смотри, сегодня брат придет с неба, на плече у него будет сабля, он захочет убить старую жену, оттого, что он взял у бога дочь и имения за ней много взял: на семи юртах, и запряжены олени белые, 14 белых быков. Как брат замахнется саблей на жену, ты успевай выхватить у него саблю».

И точно, в тот день приходит с неба старший брат, а за ним приехала божья дочь со всем именем. Вот он замахнулся на жену, а младший брат выхватил у него саблю и сказал: «Нет, брат, со старой женой лучше жить». Потом он посадил старую жену возле брата, и они поцеловались. Божья же дочь стала жить одна.

После этого, опять через семь дней, младшая сноха сказала мужу: «Сегодня сам бог спустится к нам в гости, ты смотри, девку его не пускай к нему, а только здоровайся с богом, кланяйся ему в ноги, к дочери же не подпускай, не то брат твой умрет». Когда спустился бог к ним в гости, то младший брат пал перед ним на колени, а жена его и говорит: «Которая баба будет владеть дорогим платьем, снятым с лесного, с той бог и велит жить». Старшая сноха скорее побежала к свекрови, и та дала ей платье. Взявши платье, она положила его богу на колени. Бог, увидевши платье, хотел сначала разодрать его, но потом смирился, и дочь свою, и приданое взял назад. Тогда старик со старухой и сыновья их с женами стали жить вместе, одной семьей.

Записано со слов остяка Березовского округа Сосьвинской волости Лозвинских юрт Семена Кирилыча Туйкова, старика 60 лет, проживающего в Березове около русских 10 лет.

Сказка о царском сыне (остяцкая)

Жил-был один царь. Он имел сына и трех дочерей. Царь сказал сыну: «Когда я умру, то ты возьми себе все богатство, а сестер выдай замуж». Незадолго после этого царь умер. Царский сын похоронил отца. Вечером того же дня слышит он, что кто-то пришел и спрашивает: «Царский сын дома?». — «Дома». — «Приготовляй младшую сестру». Царский сын зажег свечи и встал перед ними, и вдруг кто-то бросил его, и упал без чувств. Когда он очутился, то свечи погасли и пали. Он пошел к сестрам и увидал, что только две сестры сидят. Царский сын стал плакать. Потом пошел он осматривать амбары, которые нашел как следует все запертными.

На другой день, только что начало смеркаться, опять кто-то приходит и спрашивает: «Царский сын дома?». — «Дома». — «Приготовляй среднюю сестру». Царский сын зажег свечи и встал перед ними, вдруг бросило его назад, и он пал без чувств. Когда же он очутился, пошел к сестрам и нашел, что сидит одна сестра, и он заплакал. Сестра сказала брату: «Полно, не плачь, брат». И он отправился к амбарам.

Приходит царский сын к амбарам, и видит, что все они полы, только один амбар заперт. Он спросил у стоявшего тут народа: «Почему один амбар заперт?». «А потому, что отец твой не велел открывать этот амбар». Царский сын взял ключи у народа и отворил амбар. Там он увидал старика, приколоченного к стене семивершковыми гвоздями по рукам и ногам. Этот старик и говорит: «Дай, царский сын, мне ковшик воды: я помираю от жажды». Царский сын подал ему ковшик воды. Как выпил старик воды, то выдернул из рук все гвозди. Затем опять попросил у царского сына ковшик воды. Выпивши воды, старик выдернул и из ног все гвозди. Тогда он сказал: «Спасай! Завтра я унесу у тебя все амбары и весь город». Царский сын заплакал, но делать было нечего. Когда воротился он домой, то сестра сказала ему с упреком: «Зачем, брат, выпустил старика?».

На другой день вечером, только стало темнеться, кто-то входит и спросил: «Царский сын дома?». — «Куда я пойду, дома». — «Приготовь старшую сестру». Когда старший сын зажег свечи и встал перед ними, то снова бросило его назад, и он упал без

чувств. Придя в чувство, он увидел, что ни домов, ни амбаров нет. Только в чем он был, в том и остался, и он со слезами пошел странствовать. Попадается ему дорогой старушка. «Зачем ты выпустил этого старика? — спросила она. — Если суждено тебе выжить, а если не суждено, то убьют тебя. Старшая сестра у тебя за волком замужем, средняя за росомахой, а младшая за медведем». Царский сын пошел дальше.

Шел он долго ли, коротко ли, видит: стоит избушка, выбежали из нее две собаки и чуть не изгрызли его. Но только слышит он, что кто-то в избушке говорит: «Если это тот, которого надо мне, то пускай снег с одежды отрясет и в избушку войдет, а если это тот, который мне враг, то пускай собаки издерут его на мелкие куски». Собаки отрясли с царского сына снег и впустили в избушку. Войдя туда, он увидел старшую сестру, и они поздоровались. Вот царский сын слышит, что поднялся на улице шум, тогда сестра спрятала брата. Вдруг вскочил в избушку волк, одежду свою он оставил у дверей, а сам очутился человеком и стал ходить по избушке. Тогда сестра выпустила брата к мужу, и они стали разговаривать. Царский сын спросил зятя о том, может ли он сказать ему, где найти старика.

Зять ответил: «Я не могу сказать тебе, где живет старик, и пускай научит тебя средний зять». Затем, снова одевшись волком, зять ушел куда-то. Сестра же накормила брата, и он пошел вперед. Только видит он, что стоит землянка, оттуда выскочили две собаки и хотят его изгрызть, и слышит он голос из землянки: «Если это тот, которого надо мне, то пусть отрясет с себя снег и войдет в землянку, а если это тот, который мне враг, то пусть изгрызут его собаки на мелкие куски». Собаки отрясли с царского сына снег и впустили в землянку. Там увидал он свою среднюю сестру, и поздоровались они.

Вот он слышит опять на улице шум, и сестра спрятала брата. Бойко вскочила в избушку росомаха, одежда ее осталась у двери, и по землянке стал ходить купец. Сестра выпустила брата к мужу, и они поздоровались. Царский сын спросил зятя, не знает ли он, где живет старик. На это зять ответил: «Я не знаю, где живет старик, а пускай научит тебя младший зять». На другое утро, одевшись росомахой, зять ушел в лес. Сестра накормила брата, и он пошел к младшей сестре. Шел, шел он, вдруг видит:

стоит дом, и из него выскочили две собаки и чуть не изгрызли его. Кто-то в этом доме и говорит: «Если это тот, которого мне надо, то снег отряхните и в дом пустите, а если это который мне враг, то на мелкие кусочки разгрызите». Собаки отрясли снег с царского сына и пустили его в дом. Он поздоровался с младшей сестрой. Только что он сел, как по дому искры полетели, а только что он отобедал, то по дому пыл пошел: «Это мой муж, — говорит сестра, — еще всего до середины дороги дошел». Она запрятала брата. Вдруг дом как огнем загорелся, и на улице шум пошел. Быстро вскочил в дом медведь, сбросил с себя шкуру и очутился богатырем. Тогда сестра выпустила брата, и они поздоровались. Когда царский сын стал спрашивать зятя о старике, то зять дал ему лук и стрелу и сказал: «Как ты придешь к каменным стенам, выстрели на эти стены и под них ляг, потом поднимут тебя наверх на цепях. Там увидишь ты старушку и скажи ей: «Сделай мне лошадь». Она сделает тебе двух лошадей с глазами и одну слепую. Ты смотри, хоть и с глазами будут лошади, но их не бери, а возьми слепую лошадь». Утром богатырь, одевшись медведем, ушел. Сестра накормила брата, и он отправился вперед.

Вот приходит царский сын к каменным стенам, выстрелил кверху и лег возле стен, вскоре подняли его наверх цепями. Увидев старуху, он сказал ей: «Бабушка, сделай мне лошадь». И она сделала ему двух лошадей с глазами и одну лошадь слепую. Он же взял с глазами коня, сел и поехал. И вот увидел он на реке старика, который ловил щук, и что у него такая же слепая лошадь, какую старуха сделала ему. Тут он подумал: «Зачем же я не взял слепой лошади?». Слепая лошадь сказала старику: «Царский сын проехал». Проехавши в стариков город, царский сын взял его жену и посадил на свою лошадь. Возле же старикова дома стояли две бочки: одна с живой водой, а другая с мертвой. Царский сын передвинул эти бочки: живая вода стояла на правой стороне, он передвинул ее на левую, а мертвая вода стояла на левой, он передвинул ее на правую. После этого он уехал. Лишь только старик приехал домой, то прямо побежал к живой воде. Выпивши воды, он сказал: «Что это она такая стала горькая?!». И вдруг он сделался болен. Тогда побежал он к той бочке, где стояла мертвая вода, напился и опять почувство-

вал в себе силу. Живо вскочил он на коня и погнался за царским сыном. Догнав его, изрубил в куски, и лошадь его тоже.

На четвертый день приходит на это самое место медведь. Увидев царского сына мертвым, он, сделавшись человеком, оживил его и стал грозить ему топором. «Зачем, — говорит, — не взял слепой лошади, которую я велел тебе?». Царский сын выпросил у него прощения.

Тогда откуда ни возьмись явилась лошадь, и царский сын с богатырем поехали к каменным стенам. Богатырь выстрелил кверху, и они легли возле стены. Вот подняли их на стену цепями. Богатырь сказал старухе: «Сделай нам лошадей, двух слепых и двух с глазами». Она сделала им таких лошадей и стала давать с глазами, но они с глазами лошадей не взяли, а взяли слепых. Теперь богатырь, сделавши все для царского сына, поехал домой, а этот — к старику.

Только едет царский сын и видит, что старик опять на той же реке ловит щук. Он проехал мимо и направился в стариков город. Стоявшие у дверей бочки с живой и мертвой водой он опять передвинул одну на место другой. Потом взял он старикову жену и поехал.

Когда приехал старик домой, то слепая лошадь сказала ему, что бочки опять передвинуты. Старик напился живой воды и погнался за похитителем. Вот приезжают к царскому сыну в одно время медведь и старик. Медведь изрубил старика на мелкие куски и коня взял. Убивши старика, царский сын с медведем поехали в стариков город. Взяли они, обтянули этот город кругом цепями, с одного конца подпрягли трех слепых лошадей и увезли город к медведю, где царский сын и поселился. Тогда он сделал пир и сел на престол царем, и стал жить-поживать да добра наживать.

Записано со слов остяка Березовского округа Мужевской волости деревни Кушеватской Василия Пурсева, живущего в Березове у русских 7 лет.

О некоторых особенностях установления Советской власти в с. Самарово в 1918 г.

В отечественной исторической литературе долгое время господствовало мнение, что в Самарово Советская власть установилась чуть ли не в самом начале 1918 г. — раньше, чем в других районах Северо-Западной Сибири¹. В качестве доказательства приводилась телеграмма сельского старосты Шмолина, отправленная 2 января 1918 г. от имени жителей села, в которой говорилось о признании Совета Народных Комиссаров как «чисто народной» власти². Однако в настоящее время данная точка зрения нуждается в существенной корректировке. Как известно, и после отправки упомянутой телеграммы на территории Самаровской волости органы Временного правительства продолжали функционировать еще достаточно длительное время. Период с января по март 1918 г. включительно следует признать переходным, в течение которого шло постепенное вытеснение учреждений Временного правительства Советами. Но и в этом случае новая система государственных органов была пока еще далека от ее «классических» вариантов, хорошо нам известных по позднему времени.

Сохранилось несколько протоколов заседаний Самаровской волостной комиссии по перевыборам гласных, относящихся к первым месяцам 1918 г., на основании которых можно составить представление о процессе установления Советской власти в крае. Эта комиссия была создана по решению общего собрания граждан села. Она состояла из 8 человек, исключительно жителей Самарово, т.к. другие сельские общества волости не смогли прислать своих кандидатов. Первое заседание комиссии состоялось

¹ См., например: *Киселев Л.Е.* От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974. С. 53.

² См.: *Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.)*: Сб. документальных материалов. Свердловск, 1967. С. 134.

19 (6) февраля. Тайным голосованием избирается президиум, состоявший из трех человек: П.И. Лопарева (председатель), А.Н. Кузнецова (зам. председателя), К.Е. Кошкарова (секретарь). Для разъяснения важности проведения выборов в поездку по волости был командирован П.И. Лопарев. Председателя комиссии снабдили казенной подводой и выдали денег из расчета 3 рубля на сутки³. Также было создано 14 окружных избирательных комиссий, по 3 человека в каждой. В их задачи входило наблюдение за правильным составлением избирательных списков, проведение предвыборных собраний, обнародование списков кандидатов, которые должны были вывешиваться на всеобщее обозрение в людных местах, раздача «избирательных карточек» (т.е. бюллетеней).

Главный аргумент, которым мотивировалась необходимость проведения выборов, — неучастие в проходивших ранее выборах в земство военнотружущих, начавших возвращаться в родные места в самом конце 1917—начале 1918 гг. Еще один довод заключался в том, что ранее голосовали граждане 20 лет и старше. Теперь же необходимо было допустить к избирательным урнам лиц, достигших 18 лет. Солдаты и молодежь — «самое деятельное население края», — указывалось в протоколе Самаровской волостной комиссии по перевыборам гласных⁴.

Сами выборы проходили с 8 часов утра 15 (2) марта до 14 часов 16 (3) марта 1918 г. К этому времени состав избирательной комиссии полностью сменился. Ее председателем являлся С.А. Шатохин, членами — Н.С. Скрипунов и С.П. Карандашев. Организация народного волеизъявления ничем не отличалась от выборов в земства при Временном правительстве или же в органы местного самоуправления при А.В. Колчаке. За сутки до голосования избиратели получали бюллетени размером в $\frac{1}{16}$ листа. Им требовалось вписать фамилии кандидатов или же отметить заранее вписанные фамилии кандидатов в гласные. Придя в день голосования на избирательный участок, гражданин опускал бюллетень в опечатанную урну. По окончании голосования урна вскрывалась в присутствии 2—3 свидетелей, подсчитывались голоса, составлялся протокол. Никаких ограничений по участию в выборах, связанных с имущественным положением,

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 745. Оп. 1. Д. 2. Лл. 8—9.

⁴ Там же. Л. 8.

принадлежностью к «эксплуататорским» классам, насколько нам известно, в Самаровской волости не имелось.

Явка избирателей в с. Самарово оказалась низкой. Участие в выборах приняли 184 человека из 560, имевших право голоса, т.е. около $\frac{1}{3}$ ⁵. Всего же в селе, по данным на апрель 1918 г., насчитывалось 193 двора, в которых проживали 1143 человека: 558 мужчин и 585 женщин⁶.

В Самаровский совет крестьянских депутатов оказались избранными: Тимофей Васильевич Корепанов, 36 лет, военнослужащий (129 голосов); Федор Васильевич Конев, 40 лет, военнослужащий (122 голоса); Иосиф Иванович Кошкаров (113 голосов); Корнилий Ефимович Кошкаров (104 голоса); Тимофей Тимофеевич Корепанов (94 голоса); Алексей Кузнецов, 30 лет, военнослужащий (93 голоса). Еще 6 человек стали кандидатами в члены совета: Захар Леонтьевич Павлов, 42 года, военнослужащий (82 голоса); Александр Иванович Ершов, 34 года, военнослужащий (67 голосов); Платон Ильич Лопарев (63 голоса); Николай Федотович Трофимов, 36 лет, крестьянин (52 голоса); Александр Гаврилович Скрипунов, 20 лет, военнослужащий (48 голосов); Ефим Григорьевич Кузнецов (44 голоса)⁷.

Все это время в Самарово продолжала функционировать земская управа, состоявшая из трех человек: Якова Ивановича Корепанова (председатель, избран 10 января 1918 г.), Ивана Васильевича Мурина и Николая Петровича Пономарева (избраны в ноябре 1917 г.). Регулярно созывалось земское собрание. Лишь 7 марта «ввиду установления Советской власти» было объявлено об упразднении волостных земских учреждений и замене членов управы вновь избранными депутатами Совета⁸. Однако по крайней мере до конца марта земство по-прежнему работало, пока Совет не взял полностью в свои руки бразды правления. Последний выявленный нами документ, исходящий от Самаровской волостной земской управы, датирован 9 апреля (27 марта) 1918 г.⁹

18 марта земская управа сообщала в Тобольск о том, что земское собрание 9 марта рассмотрело вопрос об организации милиции. Было

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 745. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 48.

⁷ Там же. Л. 80.

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 35.

принято следующее решение: «Милицию, как волостную, так и сельскую, как не соответствующую своему назначению, невозможно (*содержать?* — В.Ц.), а следить за порядком поручаем Волостному Совету и сельским старостам»¹⁰. «По малограмотности» членов исполкома составление протоколов, ведение дознания было поручено волостному секретарю. Не появились в Самарово и отряды Красной гвардии или Красной армии. В исполком Самаровского совета, по данным на май 1918 г., входили Т.Т. Корепанов (председатель), К.Д. Кузнецов и А.И. Корепанов¹¹.

Таким образом, как следует из выявленных нами материалов, установление Советской власти в Самарово происходило мирным путем, без заметных эксцессов, насильственного разгона учреждений Временного правительства, наблюдавшегося в Березово, Обдорске, Сургуте. В Совете преобладали бывшие солдаты и унтер-офицеры, недавно вернувшиеся с фронтов мировой войны. По своей сути, принципам организации он напоминал то же земство, только руководимое наиболее активной и радикально настроенной частью населения.

Основное социально-экономическое мероприятие, которое успел провести Самаровский волостной совет, заключалось в конфискации рыболовных снастей у нескольких зажиточных промысловиков. Для этой цели была создана Комиссия из уполномоченных от волости и общества. Так, 2 апреля у Василия Федоровича Соскина реквизируется невод длиной 800 сажень, мережа и др. Рыбопромышленники направили жалобу в Тобольский совет на самоуправные действия местной власти. 19 апреля последовало указание из губернского центра «принять решительные меры» к возврату инвентаря рыбакам Соскину и Кузнецову¹². Однако, насколько нам известно, данное распоряжение Самаровской совет оставил без внимания. Вскоре посыпались аналогичные жалобы от промышленников с. Зенкова, Белогорья, Сивохребтских юрт. В некоторых случаях местные власти не ограничивались изъятием снастей. Отбирались рыба, различные промышленные и продовольственные товары, накладывались контрибуции. Так, Яков Звягин из Белогорья должен

---

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 745. Оп. 1. Д.2. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 80.

¹² Там же. Л. 45.

был заплатить 4000 руб., Александр Киселев из Зенково — 3000 руб.¹³ К чести Тобольского совета, следует отметить, что для него в этом случае экономические соображения оказались выше идеологических. Было дано разъяснение, что конфискованные снасти должны передаваться исключительно рыболовецким артелям, находящимся под контролем Советов. На Советы возлагалась ответственность за целостность имущества и успешное ведение промыслов. Запрещался раздел реквизируемой собственности между частными лицами (в том числе и бедняками). В противном случае предписывалось возвращать конфискованные орудия лова прежним владельцам¹⁴.

Граждане Самарова, заявлявшие об организации артели, составляли расписку, в которой указывалось, что они обязуются держать в исправности невод, не уклоняться без уважительной причины от работы, находить замену отлучившимся или выбывшим из артели¹⁵. Зачастую подобные промысловые объединения являлись лишь закамуфлированной формой раздела награбленной собственности. Советы были бессильны здесь что-либо изменить. Тобольская пробольшевистская печать вынуждена была признавать, что «на севере сейчас идет полная разруха рыбных промыслов: крестьяне отбирают у рыбопромышленников снасти, невода и т.д., деля их между собой, что является большой угрозой промыслу»¹⁶. Встревоженный таким развитием событий краевой Совет, находившийся в Омске, поручил Тобольску разобраться с ситуацией и навести порядок, для чего срочно послать комиссара «для выяснения обстоятельств недоразумений и злоупотреблений»¹⁷. Президиум Тобольского исполкома принимает решение отправить на Север председателя губсовнархоза, заместителя председателя губисполкома Исаака Гиршевича Пейселя, выделив ему 30 солдат из отряда особого назначения, охранявшего ранее семью Романовых. И.Г. Пейсель являлся уроженцем Тобольска, выпускником местной ветеринарной фельдшерской школы. Волной революционных событий этот молодой человек, 22 лет от роду, оказался выдвинут на пост одного из руководителей огромного региона.

¹³ Тобольский рабочий. 1918. 1 мая (18 апр.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 745. Оп. 1. Д. 1. Лл. 36, 38.

¹⁶ Тобольский рабочий. 1918. 23 (10) мая.

¹⁷ Там же.

Краткое описание его внешности сохранилось в объявлении о розыске лиц, замешанных в убийстве епископа Гермогена: «Роста высокого, рыжий, лицо продолговатое, веснушчатое, волосы на голове рыжие, усов и бороды нет, глаза голубые, нос прямой, особых примет нет»¹⁸. На пароходе «Станкевич», переименованном в «Красную зарю», И.Г. Пейсель, наделенный правами «чрезвычайного комиссара Березовского, Сургутского и северной части Тобольского уезда», отправился вниз по Иртышу и Оби. По пути отряд И.Г. Пейселя облагал данью купцов и промышленников. Всего за время поездки ему удалось изъять у зажиточной части населения 100399 рублей¹⁹.

«Чрезвычайный комиссар» часто превышал данные ему полномочия. Вопрос о действиях отряда И.Г. Пейселя разбирался на одном из заседаний Тобольского исполкома. Было принято решение направить в Самарово телеграмму в адрес командира отряда с требованием «воздержаться от наложения контрибуций», без санкций Совета «не делать самостоятельных выступлений»²⁰. Не менее важно было навести порядок в деле добычи и заготовки рыбы. По прибытии в Самарово И.Г. Пейсель издал постановление, подтверждавшее прежнее распоряжение Тобольского совета: снастями могут пользоваться только ответственные перед властью артели, остальное требовалось вернуть прежним владельцам²¹. 26 (13) мая им было дано указание Самаровскому совету «выдать из под печатей рыбопромышленные материалы гр(ажданина) Соскина»²². На следующий день промышленник получил отобранное ранее у него имущество.

Однако в это время на юге Сибири уже разгорался мятеж Чехословацкого корпуса. И.Г. Пейсель, не дойдя до Березова, вынужден был повернуть обратно. Вскоре Советы повсеместно упраздняются. В Самарово восстанавливается волостная земская управа.

В. Цысь

¹⁸ Вестник Тобольской губернии. 1919. 21 авг.

¹⁹ Сибирский листок. 1918. 13 авг. (31 июля). — Эта сумма подсчитана по корешкам квитанционной книги, попавшей в руки белых после бегства из Тобольска руководителей местного Совета.

²⁰ Тобольский рабочий. 1918. 30 (17) мая.

²¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 745. Оп.1. Д.1. Л.43.

²² Там же. Л. 40.

Лицензия на убийство

В газете «Тобольский рабочий» от 23 апреля 1918 года была опубликована статья со смелым даже для того бурного времени заголовком «Почему я убил», гор. Березов Тоб. губ. (11) 24 марта 1918 г.»:

«18 февраля, по новому стилю 3 марта, в Березове Тоб. губ. в ожидательной комнате электротeatра Гурьянова на почве защиты революции возник спор с солдатом местной команды, ярым монархистом Овчинниковым, первым нанесшим мне оскорбление в присутствии милиционера и нескольких человек частной публики.

Убедившись в глупом предрассудке Овчинникова, но сознательно ведущем агитацию против Советской власти и Красной армии, я пошел на уступки и принял совершенно нейтральное положение, после чего он нанес мне несколько ударов в голову.

Помня патриотический долг предотвращения в корне контрреволюционных выступлений и будучи человеком вспыльчивым, с оскорбленным честолюбием, я достал из кармана имеющийся при мне револьвер, задаваясь целью уничтожить преступный элемент.

Произведя три выстрела в Овчинникова, убедившись в его поражении, я бросил оружие, прося властей и публику арестовать меня, но ареста произведено не было за отсутствием властей (а милиционер сбежал). После долгого промежутка времени, решив пойти в квартиру, я перешел в раздевальную комнату, у дверей которой увидел случайную вторую жертву. Ведя коммунистическую жизнь с председателем местной Уездуправы М.П. Кузнецовым, бывшим в то время в зале театра, направился в квартиру, где я и ожидал ареста, но и опять такового не последовало.

Состоя на должности бухгалтера в местном кредитном Союзе, утром 19 февраля (4 марта) я явился на занятия, куда пришел начальник милиции (бывший помощник исправника) Кушников, предложил мне следовать за ним и вместе со мной

еще пяти кооператорам, присутствующих накануне в кинематографе совершенно нейтрально, не объявив ни одного из шести арестованным.

Прибыв в милицию, Кушников благодаря долголетней полицейской практике не счел нужным спросить моих коллег по службе, были ли и знают ли они, что происходило накануне в кинематографе Гурьянова, заманил в камеру для арестованных, где мы и убедились, что нас арестовали.

Не допросив ни одного из свидетелей и ни на чем не основываясь, Кушников предложил нам подписать постановление об аресте соучастников преднамеренного убийства Овчинникова.

Убедившись, что сопротивления не дадут хороших результатов, подписали с грубыми исправлениями и решили ждать производства дознания, из которого и должно выясниться положение настоящего дела. Все арестованные до последнего момента занимали должности кооператоров, неся каждый по отдельности долг ответственности, и одновременно состояли членами местной демократической организации. Также в группе нас, арестованных, имеются двое гласных местной городской Думы.

Настоящему составу местного, чисто монархического образа правления арест наш был давно желанной мечтой — убрать с дороги элемент, идущий против монархии, буржуазии, стоящий на страже закрепления революции и защищавший народные интересы.

Арест наш положительно остановил деятельность кооперативов, которые по инициативе проводников ее (нас, арестованных) успели дать населению и провинции возможность избавиться от эксплуататоров, направляя их на путь к существованию через кооперативы.

Несмотря на то, что убийство Овчинникова я праздновал единолично, как это и было, и несмотря на неоднократные предложения сущей поспешить окончанием производства дознания, последний, действуя в контакте с монархистами, умышленно затягивает его.

Организации в городе зиждутся на монархистах (исправниках, их помощниках), которые и руководят некультурными массами враждующих народов. Власть Совета Народных Комиссаров публично на собраниях называется немецкими агентами, продавшими Россию Германии за 60 миллионов рублей (ис-

правник Ямзин на собрании гласных, показывая револьвер, заявляет, что «это для большевиков»). Все мечты администрации обращены к восстановлению династии Романова.

Всякие попытки внушить массе течение настоящей жизни остаются тщетны благодаря тому, что монархисты и буржуазия действуют сплоченно, усиленно опровергая Советскую власть.

Имею небольшую почву оставшихся на свободе социалистов, которую и постановили об этом происшествии сообщить в Петроград Совету Народных Комиссаров, Тобольскому и Тюменскому Совдепам, прося немедленно назначить следственную комиссию.

6 (19) марта городским головой получена телеграмма от Тобольского исполкома о немедленном освобождении меня и вместе со мной арестованных. Администраторы-монархисты, упорно преследуя действия социалистов, не привели в исполнение телеграмму, признавая ее ложной авантюрой, а телеграфировали исполкому, что арестованные могут быть освобождены только с разрешения окружного суда или прокурорского надзора, а также сообщили ложно, что гласные думы расходятся в связи с освобождением арестованных. В то время по газетным сообщениям было известно, что в Тюмень и Тобольск пришла Советская власть и что в Томске уже образован революционный трибунал и старые суды были превращены в современные, но березовские администраторы ловятся еще за царский произвол, как утопающий за соломинку.

Ответа еще не получено, и мы продолжаем томиться в тюрьме, тогда как молодые здоровые силы должны были работать на пользу родины.

Не как ищущий защиты или освобождения, я из сожаления к совершенно невинно заключенным товарищам просил бы граждан, присутствующих на заседании пленума, обсудить всесторонне настоящий вопрос и по возможности представить последним право освободиться, дабы сознательно не рушить кооперативную цель.

Я лично сознаю, что каждый, совершивший преступление, должен нести долг ответственности, хотя лично сопоставляю себе, что я исполнил свой патриотический долг с уничтожением врага революции.

Личных счетов с Овчинниковым и случайной жертвой у меня не могло быть, так как я в Березов на службу явился назад тому

ровно месяц и встретил его первый раз в жизни. Случайно павшего до смерти его ни разу также не видел».

Эту статью-оправдание подписал «бывший член Тюменского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, солдат в отпуске П.И. Сосунов».

Павлу Ильичу Сосунову не нашлось места в трехтомной энциклопедии «Югория». Между тем именно он является первым и последовательным теоретиком и практиком предоставления северным этносам административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии.

Он считался «хорошо грамотным», имел среднее образование, занимался «канцелярским трудом». Как «неблагонадежный», на военную службу не призывался, но в 1915 году после больших потерь, понесенных русской армией в войне с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, его мобилизовали и до февральской революции 1917 года он «18 месяцев служил писарем в штабе дивизии, дислоцированной в Забайкалье».

В газетной статье П.И. Сосунов называет себя «солдатом в отпуске и бывшим членом Тюменского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Можно предположить, что, возвращаясь в родные места, он останавливался в Тюмени и участвовал 23 января 1918 года в перевыборах исполкома Совета, большинство в котором до появления в городе фронтовиков, принадлежало меньшевикам и эсерам. После избрания председателем исполкома возвратившегося с фронта в Тюмень большевика Г.П. Пермякова П.И. Сосунов проследовал в Тобольск и в село Кондинское, где устроился бухгалтером потребительской кооперации и кредитного товарищества, возглавляемых Михаилом Петровичем Кузнецовым.

«В Березов из Кондинска Кузнецов и Сосунов приехали в январе 1918 года, — утверждал в своих воспоминаниях уроженец тех мест зырянин И.Ф. Филиппов. — Образовалась группа в составе: Федор Федорович Котовщиков, Тихон Данилович Сенькин, Филипп Малентьевич Защипов, Лев Яковлевич Железнов, Иван Филиппович Филиппов, Николай Львович Ильин, Алексей Георгиевич Нижегородцев, Константин Георгиевич Шмуклер, Дементий Николаевич Ильин, Константин Георгиевич Нижегородцев, Михаил Петрович Кузнецов, Павел Ильич Сосунов».

«Наша группа, — повествовал позднее Филиппов, — в начале марта решила захватить власть в свои руки революционным путем и создать уездный Совет рабочих, крестьян и солдатских депутатов».

В реализации этого плана Сосунов, как бывший член Тюменского Совдепа, играл главную роль, но публичное убийство 3 марта в помещении городского кинотеатра двух человек (из статьи в «Тобольском рабочем» неясно социальное положение пострадавшего Овчинникова; Сосунов называет его монархистом, а другого пострадавшего считает случайной жертвой) компрометировало его перед населением Березова.

По плану захвата власти в уездном городе Сосунову поручалось «арестовать главного местного воинского начальника штабс-капитана Салмина, в подчинении которого находилась рота солдат в количестве 72 человек — георгиевских кавалеров из разных частей действующей армии, имевших ранения на фронте и считавшихся выздоравливающими». Сосунов должен был предъявить Салмину обвинение в неисполнении декрета Совета народных комиссаров о роспуске старой армии, разоружить местную команду и распустить ее по домам.

Революция в Березове свершилась, по утверждению Филиппова, «в ночь на 9 марта, когда каждый из заговорщиков отправился выполнять свое задание».

Арестованного штабс-капитана Салмина вынудили отдать приказ о роспуске солдат местной команды и сдаче всего оружия Березовскому военно-революционному комитету. Офицера отвели в тюрьму, а солдатам объявили декрет СНК и приказ командира о разоружении и демобилизации. Им предложили утром 9 марта разъехаться по домам на специально поданных подводах. Солдаты без сопротивления сложили оружие и покинули Березов.

9 марта по городу на столбах появились объявления о том, что власть Временного правительства закончилась.

Значит, Сосунов вышел из тюрьмы раньше этой даты. Думаю, что его тюремное заключение за публичное убийство 4 марта ускорило переворот в Березово. Без участия в нем Сосунова заговорщики не надеялись на успех.

В таком случае зачем Сосунов через 15 дней после захвата власти в уездном городе оправдывался в губернской газете о

совершенном им тяжком преступлении? Дело в том, что старые суды были уже упразднены, новые не созданы, да они и не могли обвинять революционеров за действия, даже преступные, но по политическим мотивам.

Поэтому такая форма публичных состязательных процессов, напомиавших дискуссии, на страницах местных газет существовала короткое время в переходный период от судов присяжных к революционным трибуналам.

Но споров о допустимости расправ (убийств) политических противников в местной печати не возникло. В крае началась Гражданская война, и противоборствующие стороны не стеснялись себя правовыми и моральными нормами.

В Обдорске Сенькин и сопровождавшие его Ильин, К.Г. Нижегородцев и Ануфриев «пообещали за невыполнение распоряжений Березовского уездного совета арестовать весь состав земства и отправить в тюрьму к заключенным в ней бывшим руководителям уезда».

Так, по воспоминаниям Филиппова, был организован в Обдорске волостной совет. Члены Обдорского земства хорошо знали характер Сенькина еще со времени его здешней ссылки (его выслали в 1905 году из Орловской губернии в Обдорск за подстрекательство крестьян к аграрным беспорядкам: погромам, поджогам и др.). Тогда Сенькин открыто при народе стрелял в полицейского станового пристава Тарасова и его урядников. Поэтому земцы без всякого сопротивления сдали Сенькину свои полномочия.

«После активизации контрреволюционных сил в Сибири члены Березовского ВРК, — писал Филиппов, — ждали первого парохода, рассчитывая захватить его и подняться вверх по реке Сосьве ближе к Надеждинским заводам».

Но 2 июня 1918 года сошедший с парохода «Арсений», переименованного в «Отважный», белый десант из 45 вооруженных солдат под командованием поручика Лагуновского через два дня сверг в Березове Советскую власть, освободил из местной тюрьмы уездного исправника Л.Н. Ямзина, его помощника Н.Т. Кушникову, купца С.П. Шахова и арестовал членов уездного совета.

Комендантом города был назначен прапорщик С.Ф. Нижегородцев, который доставил весь состав Березовского совдепа 25—27 июня 1918 года на пароходе «Народник» в Тобольск.

Сосунов, Сенькин и другие их соратники содержались в тобольской каторжной тюрьме. Летом 1919 года их перевели в Иркутск и дальше в Александровский централ с последующей высылкой на русско-китайскую границу.

После поражения колчаковщины они возвратились в Березов предположительно в мае-июне 1920 года. Председатель первого Березовского совдепа Ф.Ф. Котовщиков был расстрелян белогвардейцами на этапе, поэтому Сенькин инициативно занял его место. Сосунов стал народным следователем 2 участка Березовского уезда в селе Обдорском, а в июле-августе 1920 года — уполномоченным Березовского политбюро (так тогда назывались уездные ЧК).

Первая кровь безвинных людей развратила Сосунова, вооруженного револьвером «Смит-Вессон». Оружие стало для него единственным аргументом в политических спорах.

И когда Березовский уезд захватило вспыхнувшее 31 января 1921 года на юге Тюменской (Тобольской) губернии крестьянское восстание, чекист Сосунов не замедлил пустить свой револьвер в ход.

Воспользовавшись отсутствием в Березове Сенькина («говорили, что он сейчас в разъездах по уезду и место его нахождения никому не известно»), Обдорский ревком 20 февраля объявил себя военно-революционным комитетом всего Тобольского Севера (Тобсеввоенревкомом), подчинил себе Березовский и Сургутский ревкомы и приказал взять заложников.

Между тем повстанцы из села Демьянского разгромили у села Цингалы объединенные отряды березовских и сургутских коммунистов под руководством «главнокомандующего революционными войсками Тобольского Севера Данилова (березовский уездный военком) и его заместителя Хорохорина (сургутский уездный военком). Начались паника и бессудные расстрелы заложников.

В Сургуте торопливо казнили родного брата Сосунова. А сам Павел Ильич, ссылаясь на «специфические условия Севера», расправился с активными гражданами Березова. Иван Добровольский, Дмитрий Суровцев, Михаил Карсканов, Филипп Гурьянов, Алексей Охранов, Алексей Григорьев, Тарас Оводов, Семен Шахов, Николай Попов, Петр Равский, Михаил Первов,

Николай Кушников, Григорий и Ларион Кузьмины, Александр Поленов... — неполный список жертв красного террора. Их тела сбросили под лед Сосьвы. Но безумные казни лишь расширяли масштабы и ярость восстания. Пойманного в лесах у села Кондинского Сенькина повстанцы застрелили.

Коммунистические отряды без боя оставили Самарово, Сургут, Кондинск, Березово и отступили в Обдорск. Там продолжились бессудные расстрелы: по свидетельствам очевидцев, убили 218 безвинных.

Из Обдорска 23 марта несколькими транспортами красные бежали по направлению к Уральскому хребту через Лабытнанги и до мыса Маре-Сале на западном берегу Ямальского полуострова через зимовки на реках Щучья и Юрибей.

Сосунов с новой женой Антониной Протасовой, сестрой председателя Тобсеввоенревкома Протасова-Жизнева, возглавил один из эвакуационных транспортов. От преследования повстанцев, занявших 4 апреля брошенный коммунистами Обдорск, их спасло наступление из Тобольска на север по вскрывшимся ото льда рекам на пароходах «Мария», «Волна» и «Сергий» экспедиционного отряда А.П. Баткунова. 2 июня после артиллерийского обстрела красный десант высадился в Обдорске. «Все, кто имел ноги и мог двигаться, — писал очевидец, — бросились кто куда — за Шайтанку в лес, на берег в лодки, вверх берегом Полуя. Видя это, и защитники Ангальского мыса бросили окопы и тоже пустились в беспорядочное бегство».

В ликвидации разбежавшихся по лесам и тундре повстанцев «особенно активно действовал Сосунов. Он носился на пароходике «Межень», вооруженном двумя пулеметами Кольта по реке Усе и ее притокам, безжалостно уничтожал мятежников, которые прозвали его «красным карателем».

Есть данные, что «...Сосунов с вооруженным отрядом обдорцев, человек 30, возвратился из-за Урала в Обдорск в конце июня или в первых числах июля 1921 года». Он упорно искал пропавшее из эвакуационных обозов золото.

После разгрома 29 июня отряда поручика Рочева у деревни Калякурья на реке Усе восстание на территории Печорского уезда считалось подавленным, хотя отдельные банды скрывались в тундре до конца 1922 года, и, по мнению современников,

«каждый оленевод был для них приютом, и долго еще пришлось их искать»*.

Несмотря на возражения губернского чекистского начальства, Сосунов оставил службу в Обдорском политбюро (уездной ЧК) и перешел на работу в местное отделение треста «Областьрыба».

Надо отдать должное: он хорошо знал край и пользовался большим авторитетом у коренного населения.

В феврале 1922 года его старанием был созван в Обдорске съезд ватажных старшин. Ненецкие и хантыйские вожди настойчиво требовали местного самоуправления в области хозяйственной, политической и культурной жизни. Съезд уполномочил Сосунова довести эти требования до правительства и снабдил его соответствующей доверенностью, скрепленной тамгами В. Тайшина и Н. Вануйто.

В Москве Сосунов заручился поддержкой заведующего отделом национальных меньшинств Наркомата по делам национальностей Плича, а тот обратился с запиской к заместителю наркома Карклину (наркомом был И.В. Сталин).

В ней Плич в энергичных выражениях обосновал необходимость срочных мер по охране народов севера, положение которых после революции «невероятно ухудшилось». 13 марта 1922 года в Наркомнаце был создан подотдел во главе с Сосуновым по управлению и охране туземных племен севера.

Сосунов стал готовить конференцию представителей северных этносов. Предполагалось созвать ее в Москве и пригласить в столицу делегатов Березовского, Сургутского, Тобольского уездов Тюменской, Нарымского уезда Томской, Туруханского уезда Енисейской и Печорского уезда Архангельской губерний. По норме представительства — один делегат от 2000 туземных жителей.

Однако из-за недостатка средств (Сосунов не нашел пропавшее в 1921 году при бегстве из Обдорска золото) конференцию провели 24–29 июля 1922 года в селе Самаровском Тобольского уезда, ограничившись представительством только трех уездов Тюменской (Тобольской) губернии.

---

* О поисках П.И. Сосунковым и другими авантюристами сокрытых в Среднем Приобье и на Обском Севере ценностей сибирского белого движения см.: *Петрушин А.А.* На задворках гражданской войны: Кн. I и II. Тюмень: Мандр и К^а, 2003–2004.

В своих выступлениях делегаты (15 с правом решающего голоса и 3 работника местных хозяйственных организаций и администраций с правом совещательного голоса) описали крайний упадок северного хозяйства, обнищание северян по причине их ограбления сонмищем разного рода заготовительных организаций и частных предпринимателей. Отмечалась неэффективность работы Советов: «...Все мероприятия центральной власти, — говорил делегат Березовского уезда Г.И. Артеев, — проводятся на местах, не отступая от буквы закона, не сообразуя их ни с местными условиями, ни с интересами населения... Работы совпаратов состоят в постоянных попытках, обычно безуспешных, прямолинейно, слово в слово, применять к тундре декреты центра, рассчитанные на более культурных народов и местностей республики, имеющих определенные культурные формы хозяйства, но никак не для самоедов и остяков, и в результатах — горы переписки, масса ненужного труда и ничтожные результаты».

Конференция постановила ходатайствовать перед правительством РСФСР о том, чтобы признать за туземным населением полярного севера право выделения в административную единицу на началах восстановления национального аппарата в масштабе краевого исполкома, подведомственного Тюменскому губисполкому, под руководством и наблюдением Народного Комиссариата по делам национальностей. Делегаты просили Наркомнац разработать положение по административному управлению северных народов и их хозяйственному строительству, «согласованное с бытовыми особенностями края, для чего привлечь научные и практические силы».

В области судопроизводства конференция высказалась за широкое участие аборигенов в работе народных судов и ведение судебного процесса на национальных наречиях или, в крайнем случае, с переводом на эти наречия. С учетом своеобразия национальных традиций и всего уклада жизни должна быть построена система образования и здравоохранения.

Иными словами, Сосунов видел решение проблем северных этносов в предоставлении им административно-хозяйственной и культурно-национальной автономии в пределах Березовского, Сургутского и северной части Тобольского уездов (*территория нынешних ХМАО, ЯНАО и Уватского района. — А.П.*), объеди-

ненных в единый округ, административно входящий в Тюменскую губернию.

Эта довольно скромная программа северных преобразований перепугала Тюмень. Уже через два дня после конференции в Самарово президиум Тюменского губкома РКП(б) в своем постановлении признал выделение Тобольского Севера в автономную национальную административно-хозяйственную единицу «опасным для политического состояния края», а саму идею автономии — плодом «домогательства частного капитала».

Губернский отдел ГПУ начал оперативную разработку Сосунова и его единомышленников, якобы ведущих контрреволюционную агитацию за создание и отделение «остяко-зырянской и самоедской республики».

По мнению члена Обдорского райкома РКП(б) И.П. Волкова, «...обдорская вольница встретила с открытой неприязнью многими губернскими начальниками, привыкшими к чиновничьей почтительности своих аппаратчиков... На всю жизнь запомнились мне слова председателя губчека Студитова: «Вы там, в Обдорске, слишком дружны. Надо послать вам хорошую собаку, чтобы она всех вас перессорила».

«Собакой раздора» Студитов сделал Березовское уездное чекистское начальство. Уполномоченный губотдела ГПУ по Березовскому уезду Ворончихин получил приказ арестовать Сосунова. Но тот оторвался от чекистской погони известными только ему по 1921 году тайными тропами и ушел через Урал в Москву.

После упразднения в 1924 году Наркомата по делам национальностей и подотдела по управлению и охране туземных племен севера Сосунов с присущим ему напором «пробил» создание при ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин, или, сокращенно, Комитета Севера. В феврале 1925 года учреждена местная структура этого комитета. Чтобы быть ближе к проблемам аборигенов, Сосунов возвратился в Тобольск (его губернских преследователей предгубисполкома Новоселова и начгуботдела ГПУ Студитова перевели из Тюмени в другие места, да и сама Тюменская губерния в ноябре 1923 года была упразднена, а ее территория, разделенная на Ишимский, Тюменский и Тобольский округа, вошла в Уральскую область). Там он разра-

ботал Положение о местном национальном самоуправлении — туземных родовых советах.

Переход к родовым советам начался на Тобольском Севере во время выборной кампании 1925—1926 годов и сопровождался реформой судоустройства и судопроизводства. Инициатива и здесь шла от Сосунова. Он правильно определил главное направление поиска наиболее приемлемых для северян форм национально-государственного строительства: постепенно, исключая любое насилие, приобщать северные этносы к современной цивилизации, бережно сохраняя их своеобразный психологический характер, нравственные ценности и органическую связь с природой. Тогда перед севером открывались обнадеживающие перспективы, которым, однако, не суждено было воплотиться в жизнь.

Утвердившийся в стране тоталитарный режим положил конец реформам Сосунова. В соответствии со сталинской концепцией перехода к социализму во главу угла ставилась идея непримиримой и возрастающей классовой борьбы. Принимаемый за универсальный, классовый подход был распространен и на север. Здесь обнаружилось, что внедряемая Сосуновым система родовых советов принципиально несовместима с ним.

Вставший на ортодоксальную большевистскую позицию, Уральский комитет Севера 15 января 1929 года заявил: «Туземные советы оказались совершенно не приспособленными к проведению в гуще туземных масс директив правительства, особенно в части осуществления классовой политики».

Строптивного Сосунова сместили с его поста и исключили из партии. Сменившие его партийные функционеры в письме Комитету Севера при ВЦИК в феврале 1930 года от имени Тобольского окружного комитета предложили заменить родовые советы территориальными (в то время уже действовало 12 туземных районов и 64 родовых совета).

При новом районировании родовые советы были ликвидированы. 10 декабря 1930 года Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» — создано 8 национальных округов (в том числе Остяко-Вогульский и Ямало-

Ненецкий). Туземные районы и родовые советы заменили системой стандартных территориальных советов.

Образование национальных округов национальная пропаганда немедленно выдала за очередной триумф советской национальной политики.

В действительности формальное провозглашение национальной государственности лишило северные народности всякой автономии. Власть в национальных округах и в территориальных советах оказалась в руках партийной советской бюрократии, преимущественно русской. Новые советы существенной роли в жизни севера не играли. Они оказались неспособными остановить массовые репрессии 30-х годов над аборигенами во имя «социалистического будущего» (достаточно назвать подавленные в результате чекистско-войсковых операций волнения ханты и ненцев в Приуралье, в Казымской и Ларьякской тундре).

В такой обстановке главный идеолог национального самоуправления северных народностей Сосунов перебрался в Красноярский край, и следы его затерялись.

В октябре 1938 года НКВД вспомнил о Сосунове после получения из Омска материалов о спрятанных в предгорьях Полярного Урала ценностях сибирского белого движения, которых не нашел в 1921-1922 годах горячий «кабардинец».

На Лубянку запросили его архивное чекистское дело. Официальная переписка о нем совпала с организацией в апреле 1941 года секретной экспедиции НКВД на Ямал. Неизвестно, находился ли Сосунов среди чекистов-кладоискателей, которые из Омска через Тобольск и Остяко-Вогульск по Иртышу и Оби на пароходе «Жорес» добрались в июне до Салехарда. Война помешала дальнейшим прицельным поискам сокровищ. Развитие национального самоуправления северных народностей никого уже не интересовало. Кроме Сосунова. Может быть, из-за его несогласия с официальной национальной политикой он не упомянут в советских и постсоветских изданиях.

Кто-то и сегодня скажет, что судьба этого человека — не пример для новых поколений. Но ведь и энциклопедия — не книга почета.

А. Петрушин

Югра-44

14 августа 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Тюменская область.

Но действительные причины и обстоятельства появления этого административно-территориального образования все еще неизвестны.

Как утверждает 86-летняя Елизавета Шестернина, единственная ныне здравствующая из первого состава Тюменского обкома ВКП(б), «...спецпоезд с партийным, советским и чекистским руководством, около 60 человек, прибыл в Тюмень из Омска 13 августа, то есть за день до объявления указа. Разговоры о разделении Омской области начались в кабинетах и коридорах обкома и облисполкома сразу же после нового, 1944 года».

Тогда же из Омска в Ханты-Мансийск отправилась секретная партийно-чекистская экспедиция.

Все о рыбе

В ее отчете, утвержденном в июне 1944 года секретарем Омского обкома ВКП(б) Кудиновым и начальником УНКГБ Быковым, отмечалось (выдержки публикуются впервые): «Ханты-Мансийский национальный округ — 548 тыс. кв. км — занимает более $\frac{1}{3}$ всей Омской области.

Территорию округа пересекают крупнейшие реки Сибири — Обь и Иртыш с большим количеством притоков, крупных и мелких озер, на которых насчитывается свыше 10 тыс. рыбоугодий с общей зеркальной поверхностью 2937 тыс. га, изобилующих большим запасом рыбы, могущим обеспечить ежегодный вылов ВНИОРХ 545 тыс. центнеров при плане на 1944 год 350 тыс. центнеров.

Округ имеет 6 МРС, 12 рыбозаводов, 1 рыбоконсервный комбинат, 1 консервную фабрику, 299 колхозов, из них 136 национальных, 222 колхоза на уставе рыболовецкой артели.

Валовая продукция рыбной промышленности в 1943 г. вдвое увеличилась против 1940 г. и достигла 78% к общему объему валовой продукции округа в целом.

В 1942—1943 гг. в округе построено 7 новых рыбозаводов, 4 моторно-рыболовных станции, пущена в эксплуатацию Сургутская консервная фабрика, организовано 19 рыбоучастков, 108 рыбоприемных и рыбообрабатывающих пунктов, изготовлено 1612 единиц мелкого рыболовецкого флота.

В 1943 г. выпущено до 7668 тыс. консервных банок против 6029 тыс. в 1941 г.

Вылов рыбы по округу неуклонно растет: 1940 г. — 135768 ц, 1941 г. — 150551 ц, 1942 г. — 238151 ц, 1943 г. — 311808 ц.

Однако планы вылова рыбы в 1943 г. и в первом полугодии 1944 г. не выполнены. Имели место случаи порчи рыбы. На Полноватском рыбозаводе испорчено 4250 кг, на Сосьвинском — свыше четырех тонн, Сытоминском и Нахрачинском — свыше пяти тонн. На этих же заводах и других пунктах испорченная рыба в больших количествах была переведена в низкие сорта.

Загрузка механизмов на Самаровском и Сургутском консервных комбинатах не превышает 50% из-за нерегулярных поставок сырья. В зимний период эти консервные предприятия простаивают...».

Немного о людях и коммунистах

«Всего в округе проживает 93375 человек, в том числе коренного населения 21294 человека. Всего рабочих и служащих — 45350 человек, колхозников — 37628.

Коммунистов — 1338 человек (в рыбной промышленности — 202, из которых непосредственно на производстве — 27).

В период массового лова в 1943 г. на путине работали 551 коммунист и 1195 комсомольцев. Кроме того, для оказания помощи райкомам командировано 54 человека окружного партактива и 29 комсомольского.

Номенклатура окружкома ВКП(б) определена в 614 человек...». Среди руководящих работников женщин 20,8%, из них две женщины — секретари райкома. Нет женщин среди директоров рыбозаводов и МРС.

О разных дорогах

«Летних гужевых и автомобильных дорог в округе нет. Единственным видом наземного транспорта являются гужевые зимники. Основным характер грузоперевозок — вывоз рыбы из глубинок.

Речной флот с грузоперевозками не справляется: в 1943 г. не вывезено рыбы из Ларьякского района свыше 300 тонн, из Полноватского рыбозавода — 30 тонн.

Не завезены мука, соль и другие товары во все отдаленные районы, не обеспечено продовольствием национальное население Березовского, Микояновского, Сургутского и Ларьякского районов.

Катерный флот пришел в полную негодность. Деревянные корпуса судов вместо нормального срока эксплуатации в 7 лет служат 10 и совершенно сгнили. Моторы требуют капитального ремонта, который не производится из-за отсутствия запчастей.

Только шесть радиовещательных станций расположены в Ханты-Мансийске и в райцентрах. Остальные населенные пункты округа не радиофицированы и в периоды весенней и осенней распутицы полностью оторваны от остального мира.

Из 12 рыбозаводов только шесть имеют непосредственную связь с центром округа. Из 47 рыбоучастков 9 не имеют никакой связи...».

О пище духовной

Выходят окружная и 5 районных газет. Основная тема — рыбоедаха. Окружная газета поступает в ближайшие колхозы на 5–10 день после издания, а областные и центральные газеты не поступают на места один-два месяца, а то и больше. В национальные поселки газеты вообще не поступают.

Кино есть только в Ханты-Мансийске. Картины старые. Кинопередвижки во многих колхозах не бывают годами...».

Куда деть генералов?

После такой секретной характеристики Ханты-Мансийского округа Омск легко отказался от него в пользу Тюмени.

В партийном учебнике «Очерки истории партийной организации Тюменской области», изданном в 1965 году, указано: «Для улучшения работы партийных и советских организаций

и их руководства промышленностью и сельским хозяйством... была образована Тюменская область с центром в городе Тюмени в составе 25 районов и двух национальных округов — Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого. Были созданы 991 первичная партийная организация, 2 окружка, 4 горкома и 43 районных комитета партии».

Но некоторые источники считают, что создание в 1943—1944 гг. новых областей: Курганской, Великолукской, Тюменской, Томской — проводилось для трудоустройства после окончания войны высшего командного и политического состава вооруженных сил.

Вопрос: куда деть после войны 3000 генералов — начал занимать управление кадров Красной Армии с лета 1944 года (*сегодня в России более 7000 генералов и адмиралов. — А.П.*).

Предполагалось увеличить в мирное время число дивизий за счет сокращения их личного состава до 4000 человек (штат дивизии во время войны — 12000 бойцов и командиров), сделать генеральскими должностями заместителей командиров корпусов, дивизий и гвардейских полков, снизить количество курсантов в военных училищах с 1000 до 300, а должность начальника сделать генерал-лейтенантской...

Входящих в номенклатуру ЦК ВКП(б) членов Военных советов (сокращенно ЧВС), начальников политуправлений фронтов и армий планировалось разместить по обкомам и облисполкомам освобожденных западных территорий (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Молдова, Восточная Пруссия) и вновь образованных восточных областей.

Для Тюменской области такой кадровый маневр нехарактерен. Из всего первого состава нового обкома и облисполкома ни один чиновник не был на фронте. Только председатель облисполкома К.Ф. Кошелев «понюхал пороху», но еще на Гражданской войне. Сначала он служил санитаром в армии Колчака, а после ее разгрома в 1920 году — пулеметчиком в Красной Армии. За «штурмовые ночи Спасска и волочаевские дни» награжден орденом Красного Знамени (в Тюмень Кошелева направили с должности зампреда Омского облисполкома — повышение).

Первый секретарь Тюменского обкома партии Ф.М. Чубаров и сменившие его И.И. Афонов (с 1949 г.), Ф.С. Горячев (с

1951 г.) и В.В. Косов (с 1955 по 1961 гг.) всю войну находились в тылу. Их партийная карьера началась после расстрельных чисток партии 1937—1938 годов с освободившихся должностей секретарей сельских райкомов и начальников политотделов МТС (машинно-тракторных станций). Выше всех поднялся Горячев: после Тюмени был «первым» в Калининне (сейчас Тверь) и Новосибирске, избирался членом ЦК с 1952 года (еще при Сталине), депутатом Верховных Советов РСФСР и СССР, получил звезду Героя Социалистического труда, четыре ордена Ленина, ордена Октябрьской революции, Трудового Красного знамени, Дружбы народов. На пенсию вышел в 73 года, пережил «перестройку» и скончался в 1996 году в Москве.

Незавидная область

В августе 1944 года Тюменская область считалась среди партноменклатуры незавидной — тогда никто не предполагал о существовании богатейших запасов нефти и газа (при правлении Н.С. Хрущева ее вообще хотели затопить, построив на Оби ближе к Салехарду мощную ГЭС).

Промышленности, кроме нескольких эвакуированных в Тюмень предприятий, никакой. Механизация сельского хозяйства слабая. Урожайность низкая. Потери зерна большие. Падение скота: в 1944 году крупного рогатого скота пало 22500 голов, или 9,6% от всего поголовья, овец — 58233, или 16,2%, свиней — 12528, или 16,6%. Из приплода всех видов скота пало 58 тысяч голов, или $\frac{1}{3}$ молодняка.

Оскудели рыбные запасы рек. Да и как им сохраниться при хищническом выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 года «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», когда Тобольский, Ханты-Мансийский и Ямальский госрыбтресты только в 1944 году выловили более 300 тысяч центнеров рыбы (но на 119 тысяч центнеров меньше, чем в 1943 году). Несмотря на постоянное невыполнение планов, огромные потери при транспортировке и переработке из-за технической отсталости отрасли, задание по добыче рыбы на 1945 год было установлено в 458 тысяч центнеров.

В политическом и социальном отношении Тюменскую область оценивали как «тревожную» — место ссылки, где по-

чти треть населения, особенно на Севере, составляли репрессированные советской властью крестьяне, угнанные с родных мест немцы и калмыки... Отсюда произвол спецкомендатур, нищета, голод, страх...

Высокий уровень преступности в области определяли... хищения зерна. Во время уборки урожая 1944 года за такие преступления привлекли к суду 1310 человек, у которых изъяли 108 тонн зерна (тогда область сдала государству 9335 тысяч пудов). На хищения зерна людей толкала нужда. Но судебнопкарательная система не знала пощады. В Абатском районе за 1944 год было осуждено 900 человек, или 10% трудоспособного населения.

Ханты-Мансийский окружной суд приговорил Е.П. Богатырева, инвалида Отечественной войны, имеющего троих малолетних детей, к одному году лишения свободы за кражу одной банки консервов на Самаровском консервном комбинате. Однако окружной прокурор потребовал отменить приговор за мягкостью и ужесточить для калеки меру наказания.

В области увеличилось число сирот: не было ни одного района, где не было бы детских домов. Их обследование выявило неприглядную картину: «...в детдоме № 13 Омутинского района дети грязные, полураздетые, спят на голом полу, больны чесоткой, для них нет ни умывальников, ни полотенец, ни посуды. В детдомах Ишима размещено 350 детей, но помещения плохо отапливаются, холодные, сырые. Дети имеют одну смену белья, в баню ходят редко, чесотка стала обычным явлением... только за четвертый квартал 1944 года зарегистрировано 496 преступлений, совершенных детьми в возрасте до 12 лет (старших судили, как взрослых), за которые осуждено 546 детей (в основном за воровство).

Голоса округов

Проблемы новой области обсудила в феврале 1945 года первая областная партийная конференция. Выступления некоторых ее делегатов свидетельствовали о возросшем чувстве собственного достоинства территорий.

Секретарь Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) А.Т. Зенков-Чучумаев призвал руководство области «иметь хотя бы элементарное понятие о Севере». Обратив внимание делегатов

конференции на демонстрируемую в зале карту Тюменской области, он воскликнул: «Вот самая неправильная карта, на которой наш округ вместо 9 районов имеет 4. Шурышкарский район отнесли к Ханты-Мансийскому округу, хотя он входит в Ямало-Ненецкий округ... Областные организации считают северные округа наравне с районами, которые находятся рядом с Тюменью...».

Его поддержал председатель Ханты-Мансийского окрисполкома Ф.П. Комаров: «Из практики своей работы я должен сказать, что омское партийное и советское руководство знало наш округ только по карте, переписке и тайным проверкам. Отдельные руководящие работники недавно организованной Тюменской области также слабо знают наш округ, перспективы его развития, недостатки и нужды...».

Растущая самостоятельность отдаленных от центра территорий могла вызвать после победы в большой войне протестные явления против откровенной колонизации.

Такое уже случилось в истории нашего края. Чтобы предупредить создание самостоятельного от Тюмени и Екатеринбурга Северного национального округа с центром в селе Самарово, Тюменская губерния в ноябре 1923 года была упразднена, а ее территория, разделенная на три округа (Тобольский, Тюменский, Ишимский), вошла в Уральскую область (в декабре 1930 года из Тобольского округа выделались Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий национальные округа).

Кратковременное существование в 1934 году Обско-Иртышской области с четырьмя центрами: Тюмень — политический, Тобольск — экономический, Остяко-Вогульск и Салехард — национальные, совпало с вооруженными выступлениями части коренного населения против насильственной коллективизации. Казымское вооруженное восстание и волнения в Ларьякской тундре напугали Кремль. С января 1935 года территорию Обско-Иртышской области включили в состав Омской, но такое угнетенно-депрессивное состояние региона не могло продолжаться долго. Война ускорила появление нового административно-территориального образования — Тюменской области. До самостоятельности округов оставалось еще пятьдесят лет.

А. Петрушин

Агроном М.М. Степанова

В тридцатые годы XX в. в округе появились первые учреждения сельскохозяйственной науки — Остяко-Вогульский и Кондинский опорные пункты и Березовская опытная станция Научно-исследовательского института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства. Немногочисленная тогда местная интеллигенция пополнилась несколькими десятками высокообразованных специалистов, исследовавших возможности развития продовольственной базы в условиях Крайнего Севера и популяризовавших сельскохозяйственные знания среди местного населения. К этой плеяде принадлежала и агроном Мария Михайловна Степанова (1903—1975). В 1940-е годы она руководила Кондинским опорным пунктом, а затем березовской станцией.

Из-за отсутствия биографических сведений статья о ней не появилась в словаре «Ученые и краеведы Югры», изданном в 1997 г. Но в 2001 г. состоялось неожиданное знакомство с сыном Марии Михайловны Р.В. Дормидонтовым, живущим в Москве. В ответ на просьбу рассказать о ма-

*М.М. Степанова.
Конец 1930-х гг.*

тери он прислал три письма и несколько фотографий. А недавно отыскалось ее личное дело. Все это дает теперь возможность рассказать нашим читателям о замечательном человеке.

М.М. Степанова родилась в 1903 г. в Варшаве. Отец ее был рабочим на кружевной фабрике «Ливерс». По семейной легенде, подтвержденной данными НКВД, она приходилась правнучкой композитора А.С. Даргомыжского. В 1914 г. семья вместе со всей фабрикой эвакуировалась в Москву, и отец еще несколько десятков лет трудился на родном предприятии, переименованном в фабрику имени Тельмана.

В 1921 г. Мария Степанова окончила среднюю школу и поступила на растениеводческое отделение агрономического факультета сельскохозяйственной академии имени Тимирязева и в 1926 г. окончила его. Еще студенткой в 1925 г. она вышла замуж за педагога-биолога Вадима Григорьевича Дормидонтова и в год окончания академии родила первого сына — Геннадия. Пока ребенок был мал, в зимние месяцы преподавала естествознание в школе и на общеобразовательных курсах для рабочих фабрики «Богатырь» в подмосковном селе Богородском, а летом выезжала на опытные станции для научно-исследовательской работы.

В 1931 г. родился второй сын — Ростислав, и следующие годы, вплоть до предвоенных, пришлось безвыездно прожить в Москве. Все это время работала агрономом-семеноводом в Наркомземе СССР и Наркомсовхозов РСФСР.

В 1937 г. семью постигло несчастье: был арестован муж. Причиной стало, по-видимому, то, что во время Гражданской войны он был мобилизован Колчаком и служил в Белой армии. Возможно, поставили ему в вину и то, что отец его, Григорий Федорович Дормидонтов, около полутора десятков лет был ректором Казанского университета. В 1938 г., не имея никаких вестей и предполагая, что муж отбывает наказание где-то на Колыме, Мария Михайловна заключила договор и уехала на Колымскую сельскохозяйственную опытную станцию Дальстроя МВД СССР агрономом-селекционером в надежде найти его там и облегчить его участь. Лишь через много лет семья узнала, что в том же 1937 г. Вадим Григорьевич был расстрелян.

Срок договора окончился, и Мария Михайловна с Колымы возвратилась в Москву, где получила новое назначение — воз-

М.М. Степанова.
На Колымской опыт-
ной станции, 1940 г.

главить Кондинский опорный пункт близ села Леуши Остяко-Вогульского округа — и 25 марта 1942 г. приступила к работе. След ее деятельности этого периода — публикации в окружной газете «Сталинская трибуна» (консультации по семеноводческому хозяйству, агротехнике, сообщения о работах опорного пункта, его помощи колхозам Кондинского района).

Немногим более года спустя М.М. Степановой дали новое ответственное поручение: с 1 июня 1943 г. она приступила к руководству Березовской опытной станцией. В военные годы научное учреждение, тем более сельскохозяйственного профиля, никак не могло уйти с головой в свои исследования, не замечая окружающего. Напротив, первоочередной стала задача помочь местному населению в самообеспечении продовольствием. Сотрудники станции советом и делом настойчиво агитировали хантыйские и мансийские рыбацкие семьи выращивать «второй хлеб» — картофель, который вместе с рыбой и избавил от голода. Огородничество в Березовском районе приобрело гораздо большие размеры, чем перед войной. Об этом писал 10 сентября 1944 г. в областной газете «Омская правда» ее корреспондент Н. Вигилянский. Вот что рассказывал он в своем очерке о Березовской опытной станции: «Конец июня, начало июля... Обе столовые Березова завалены редиской, выращенной в открытом грунте Березовской сельскохозяйственной опытной станции. Сотни килограммов ранних огурцов, помидоров, салата уже в

июне-июле отпустила опытная станция местному населению. Огурцы на опытной станции выращивают необычайные, кривые, как старинные турецкие сабли, — иные огурцы до метра длиной — и снимают этих огурцов до пятидесяти килограммов с квадратного метра тепличной земли. Полярное солнце делает чудеса и с зерновыми. Вдруг на полосе, засеянной обыкновенным овсом, таким же, как около Москвы или Омска, обнаруживаются экземпляры овса, какие растут только на Памире или по берегам Средиземного моря. Климат Крайнего Севера обладает замечательным и мало изученным свойством пробуждать в зерновых способность к перекрестному опылению. Руководитель Березовской сельскохозяйственной опытной станции М.М. Степанова, глубоко знающая и любящая свое дело, ведет в Березове научные наблюдения и проводит разнообразные опыты с растениями».

6 октября Мария Михайловна послала газету с очерком «Березово» своим родным с такой припиской на полях: «Дорогие наши! Прочитайте эту статью, которая говорит о том, как увлекателен Север, как люди, становясь его энтузиастами, делают здесь чудеса. Не знаю, почему автор упомянул только одну мою фамилию, но здесь на каждом участке работы много замечательных людей. Чем больше работаешь на Севере, тем больше он увлекает тебя, хотя в иной год бывает весьма коварным. Но тем интереснее! В текущем избыточно влажном году лето принесло мне много огорчений, вредно сказавшись на урожае. Это еще больше разжигает упорство и интерес к преодолению препятствий. Вот поэтому еще седьмой год я, вероятно, поработаю здесь. Если бы позволили силы, я бы дотянула и до 10 лет. Будем надеяться и добиваться лучшего».

Но интересы семьи вновь внесли поправку в жизненный курс Марии Михайловны. В 1948 г. младший сын, возвратившийся из Березова в Москву двумя годами раньше, окончил школу и поступал в институт, и мать поехала домой. Следующие четыре года она работала старшим методистом по земледелию Крайнего Севера в Министерстве сельского хозяйства РСФСР, а в 1952 г. переехала в Норильск, где руководила научно-исследовательской группой отдела сельского хозяйства горно-металлургического комбината. Последним местом работы перед выходом на пенсию осенью 1958 г. был НИИ сельского

хозяйства Крайнего Севера, где Мария Михайловна около года занимала должность ученого секретаря.

За работу на Крайнем Севере М.М. Степанова награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» и значком «Отличник социалистического сельского хозяйства» (дважды). Направляя ее в сентябре 1952 г. в Норильск, заместитель министра сельского хозяйства России Н. Назарцев писал в характеристике: «Товарищ Степанова проявила себя как квалифицированный специалист, активный и инициативный работник в научно-производственной деятельности и общественной жизни».

Вспоминая детские годы, проведенные в Березове, Р.В. Дормидонтов пишет: «Я помню ее молодой, сильной. Верхом она ездила так, что у всех вызывала восхищение. Она и меня научила хорошей верховой езде. Но, кроме всего этого, она была и заботливым, и добрым руководителем. Так, например, она первой в Березове приняла и разместила на сельскохозяйственной станции ссыльных калмыков, находившихся в бедственном положении. Но главным, наверное, является то, что она внедряла на Севере культуру сельского хозяйства. Ведь во время войны

*Работники Березовской сельскохозяйственной опытной станции.
Середина 1940-х гг.*

северянам была поставлена задача самим себя обеспечивать сельскохозяйственными продуктами, и эта задача в значительной мере выполнялась... В Березовском районе в колхозах стали выращивать овес, рожь, ячмень».

В одном из писем Ростислав Вадимович пишет о матери, что она « всю жизнь была для меня и образцом человека, и моим ангелом-хранителем ».

В дополнение к вышесказанному публикуем рассказ Р.В. Дормидонтова, передающий его детские впечатления о нашем крае, каким он был в военные 1940-е годы. Полный текст напечатан в № 1 журнала « Охота и охотничье хозяйство » за 2001 год.

В. Белобородов

Охота в моей жизни

В дошкольные годы я жил в деревянном доме в Сокольническом парке поблизости от станции юных натуралистов, где мой отец (известный в те годы орнитолог) преподавал вместе с П.П. Смолиным. В памяти от тех лет остались плывущие над головой сосны, облака, лесопарковые лабиринты и пруды.

В 1937 г. я лишился отца. Мы переехали в город, на Плющиху, в квартиру дедушки, отца моей мамы. С первых классов школы я запоем читал Фенимора Купера, Майн Рида, Джека Лондона и бредил приключениями и подвигами индейцев, золотоискателей, охотников. В большой семье маминой родни все мужчины были охотниками, но самым близким мне был мой старший брат Геннадий. Он превосходно стрелял не только из ружья, но и дробью, и картечинами из самодельной рогатки. Меткости его стрельбы из рогатки мог бы позавидовать сам Вильгельм Тель. В голодную военную зиму 1941–1942 года Геннадий подкармливал нас галками и воронами, которых стрелял из рогатки на московских бульварах и в скверах... Так и получилось, что умом и сердцем я уже в детстве был подготовлен к восприятию охоты.

В июле 1942 г., когда мне было 11 лет, а Геннадию 16, мы с ним отправились в далекое путешествие в центр Западной Сибири, на сельскохозяйственную опытную станцию, директором которой волею судьбы работала моя мама. Не могу не упомянуть здесь, что многие годы Советской власти по всей Сибири существовала и активно работала в системе Института полярно-

го земледелия большая сеть опытных станций, в задачи которых входило не только внедрение культуры сельского хозяйства в жизнь и быт сибиряков, но и работы по созданию овощных и зерновых сортов растений, наиболее соответствующих суровым климатическим условиям.

Родственники проводили нас, снабдив на первые дни всем необходимым, и даже билеты у нас были в хорошем плацкартном вагоне скорого поезда. За трое суток мы доехали до Тюмени, а там несколько дней пришлось ждать парохода на Север на так называемой пристани ожидания. Здесь в больших комнатах, заставленных кроватями, принимали только демобилизованных инвалидов войны, навсегда возвращавшихся домой. Они сразу приметили нас и взяли под свою опеку, настояв на выделении нам спальных мест и продовольственных пайков. Только благодаря их заботе мы смогли дожидаться парохода и вместе с ними поплыли на Север по рекам Туре, Иртышу, Оби. О следующей, более трудной пересадке можно было бы написать отдельный рассказ, но главное было в том, что на реках и берегах видел ханты и манси в национальных одеждах с ружьями. Это были те же индейцы из прочитанных мною книг. Даже в пятидесятые годы еще были такие глухие места, в которых они охотились с луками. По ночам пароход останавливался на таежных берегах брать дрова для своих топков, а я погружался в прибрежные травы, скрывавшие меня с головой, ощущая себя тоже индейцем.

Опытная станция, где мы жили, располагалась в полях между девственной тайгой и берегом огромного озера Туман. Брат мой с головой ушел в охоту, а я был лишь потребителем добываемой им дичи. Он охотился на куликов, уток, гусей, в начале зимы успешно ловил проволочными петлями зайцев и глухарей.

Я сгорал от желания самостоятельно охотиться, но было многих других занятий, привлекавших мое внимание. В конце лета и осенью вместе с детьми старожилов я ходил в тайгу за грибами и ягодами. Хотите верьте, хотите нет, я один наполнил примерно 12-ведерную бочку брусничкой. До сих пор удивляюсь тому, что никто из нас, сборщиков природных даров, не заблудился в тайге, в которой сосны, казалось, доставали до облаков, в болотах можно было утонуть, а в островах глухих ельников не проглядывало солнце.

В начале лета 1943 г. маму перевели работать директором другой, более крупной сельскохозяйственной опытной станции в Березово, в которое в давние времена был сослан сподвижник Петра Великого Меншиков. Опытная станция была расположена примерно в трех километрах от города (Березово было районным центром) на берегу старицы реки Северной Сосьвы. С берега к востоку до самого горизонта виднелись луга, озера, реки, притоки Оби. Огороженное поле станции занимало 10 га, а за ним на несколько километров до старой тайги простиралась обширная гарь, зараставшая брусничником, черничником, голубичником и кедрами, поднимавшимися немного выше моего роста. Единственное промышленное предприятие Березова — рыбозавод — едва справлялось с переработкой вылавливаемой рыбы, которую ловили неводами, ставными и плавными сетями. За одну тоню 25-метрового невода мы вытаскивали до 15—20 ведер язей, лещей, окуней, щук, пеляди, тугуна, муксуна, стерляди... Вода в Оби и ее притоках была такой чистой, что мы пили ее, наклоняясь прямо через борт лодки.

Район Березова был раем для охотников: в тайге водилось много глухарей, в участках смешанных лесов и по опушкам обитали бесчисленные тетерева и белые куропатки. От тетеревиных токов весной гудела земля, а белые куропатки зимой прилетали прямо к домам. Во время весеннего валового пролета чайки, кулики, утки, гуси, лебеди в течение нескольких суток от горизонта до горизонта как паутиной покрывали небо сетями стай. Осенью вода в старицах, реках и озерах резко убывала, обнажая илистые топкие берега, усыпанные моллюсками, составлявшими основной корм водоплавающих и околоводных птиц.

В конце лета 1943 г. моего брата призвали в армию и направили в танковое училище в Омск. На следующий день после его отъезда я нашел его запас пороха, дроби и патронташ. Спустился от стоявшего на горе нашего дома к старице по-пластунски по мокрой траве, скрываясь за кочками, подкрался к стае кряковых уток и добыл сразу двух из них одним выстрелом... Мама отнеслась к моему подвигу как к неизбежности. Так с 12-летнего возраста началась моя охотничья жизнь. Это была совсем другая жизнь, непохожая на все, что было потом. Один и вместе со сверстниками, лишившимися отцов и старших братьев, ушедших

на фронт, все свободное от школьных занятий время я проводил в лугах, на реках, озерах, в тайге; в совершенстве овладел плаванием в легких и вертких челноках — калданках, верховой ездой, и все это круглый год было связано с охотой. Некоторое неудобство было только в том, что учить нас, малолетних охотников, было некому, поэтому мы совершали много ошибок и в снаряжении патронов, и в самих приемах охоты. Например, впервые построив шалаш на тетеревином току, я насыпал перед ним овес да еще, чтобы заметнее было, разбросал на снег угольки из печки, и был страшно удивлен, когда стая тетеревов, подлетающих к шалашу, вдруг шарахнулась от него в сторону.

В те годы под опекой мамы с нами жили ее приемная дочь и жена моего дяди с дочерью. Всех нужно было кормить, а никаких правил и сроков охоты во время войны не соблюдалось. Весенняя охота на тетеревов и куропаток после вскрытия рек переходила в охоту на уток, в сбор утиных и чайчьих яиц, в случайную летнюю охоту на уток и куликов, а за коротким летом следовала осень с ее охотами на утиных и гусиных перелетах, поздней осенью — на белых куропаток, тетеревов и глухарей. Я единственный в Березове охотился на больших кроншнепов, многочисленные стаи которых днем кормились на ягодниках зарастающей гари. Охота на боровую дичь продолжалась всю зиму. Зимой первым из мальчишек я добыл лисицу и поймал в капкан горностаю, за шкурку которого в заготконторе смог купить пачку дымного пороха и два килограмма дроби (заряжать патроны в те годы иногда приходилось рублеными гвоздями).

Сколько было в той сибирской жизни охотничьих скитаний и приключений, ночей у костров, ночевок в поддувалах стогов и в заброшенных избушках, далеких плаваний в лодках и поездов в санях и верхом! Как я не заблудился, не утонул, не замерз? Ведь на охоте случалось всякое. Например, мой двоюродный брат, живший со своими родителями в районе Тюмени, во время весенней охоты провалился на реке под лед и утонул. Меня же в те годы по жизни вела какая-то счастливая звезда.

В 1946 г. мы вернулись в Москву, на Плющиху.

Р. Дормидонтов

Пять тысяч километров по снежной целине

Рассказывает геодезист Геннадий Андреевич Шевелев

У меня сибирские корни с 1712 года. Это мне удалось выяснить по архивам из Тобольска, остальные «ревизские сказки» ушли в Москву. Я нашел своих дедов в седьмой степени по отцовской и материнской линии. Наверное, пришли с Ермаком. Дед казаком был, в 1812 году участвовал в войне с Наполеоном. Родился я, к сожалению, не в Тобольске. В тридцатые годы сначала сослали моего деда, раскулачили и выслали из Тобольска в Кондинский район, в Нахрачи — с севера еще дальше на север. Отец в это время служил в армии, под Ленинградом. Когда деда сослали, вызвали отца в Особый отдел: «Откажись от отца, иначе и тебя туда же сошлем». Дали сутки ему думать. Он, конечно, от отца не отказался. Его из армии уволили. Вернулся в свою деревню. Не успел приехать — его и брата с малыми детьми тоже из деревни выслали. Их, с десятков семей, под Шеркалами на голое место выкинули — получился спецпереселенческий поселок, их тогда называли не деревни, а «перековки». Я родился уже там, в 35 году. К тому времени там было четыре улицы — не домов, а бараков, потому что строились на скорую руку, сразу на две, на четыре семьи. И половина поселка уже вымерла, дома стояли пустые, стали разваливаться. Но кто выжил, уже как-то освоились, имели хозяйство свое, огороды, коров держали, рыбачить умели. В 37–39 годах много мужиков опять забрали — больше половины моих сверстников росли без отцов. Моего отца по счастливой случайности не забрали. Потом в этот поселок пригнали сначала молдаван — их тогда называли бессарабцы. Потом немцев с Поволжья много сослали, уже в годы войны, в основном женщины и малые дети, и, в конце концов, калмыков. Вот эти-то люди как гибли! Некоторых я даже сам находил. В школу зимой идешь — сугробы большие, темнота, запнешься, вступишься... Покопаешь —

мертвый человек. Или немец, или калмык. Молдаван тоже много погибло. Хотя, в отличие от немцев, среди них были молодые мужчины, парни. Они воды-то большой не видели, а их послали на рыбалку, выполнять государственный план по рыбной ловле, многие там и погибли. Помню, нас в комнате потеснили, заставили отгородить половину и в ту половину поселили молдаван. У них были два парня — хорошие такие, красивые парни лет по восемнадцать, двойняшки — я этих ребят хорошо помню. Но плавать они не умели — у них там, где они жили, реки не было. Вместе утонули. Жизнь, конечно, была очень плохая. Эти власти энкавэдэшные зверски к населению относились. Помогала в эти голодные годы выживать природа: заготовливали грибы, ягоды, орехи, ловили рыбу.

Учился я в Шеркалах, там была семилетка. Поскольку мы там жили под надзором, нам никуда нельзя было выезжать. Когда я пошел в восьмой класс, меня передали в Октябрьскую комендатуру, и я должен был ходить туда отмечаться, что никуда не убежал, сначала каждый день, потом уже только раз в неделю — с четырнадцати лет. Учителя были и местные, и присланные по разнарядке. Трудно сказать, насколько сильные были эти учителя, но главное — все мы учиться хотели, никто не подгонял нас. Читать любили. Тогда же не было телевизоров, а у нас и радио не было, только книги спасали. Я любил читать про лес, про путешествия, особенно мне нравился Арсеньев «Дерсу Узала». К цивилизации никогда не тянуло: я ее не знал. Я первое яблоко съел, когда мне было семнадцать лет, и до сих пор мне что есть эти яблоки, что нет — я к ним не привык. Так и со всеми прочими плодами цивилизации. Кончил школу, хочу учиться дальше — проблема: выезжать нельзя, паспорт не дают. Собрались с ребятами и, смешно вспомнить, написали письмо Сталину. Не знаю, куда оно дошло, где побывало, но разрешили выехать учиться. В январе 53 года мы написали, а в феврале уже пришло разрешение — вот как быстро работали! Я еще когда учился в школе, на каникулах после девятого класса поработал в лесоустроительной экспедиции (из Новосибирска приезжала к нам) — мне понравилось: ходить по тайге, измерять, заносить на карту кварталы лесоустроительные. Поехал учиться в Омск — куда шел пароход, туда и поехал. Поступил в сельскохозяй-

ственный институт (тогда он назывался академией) на факультет землеустройства на отделение геодезии. Нас, естественно, ориентировали для работы в сельском хозяйстве, но изучали мы все геодезические науки, какие положено: и фотометрию, и аэрофотосъемку, и инженерную геодезию.

По распределению направили в Казахстан в геологическую организацию: Центрально-Казахстанское геологическое управление. У нас тогда весь выпуск в геологию направили. Работали мы в Голодной степи. Я только год там проработал, но этот год дал мне очень многое с точки зрения специализации. Там я сам выполнял все высокоточные геодезические работы, по сути дела, закрепил все, чему учили в институте, и эти знания остались на всю жизнь. Интересная работа была с точки зрения моей специальности: мы создавали государственную опорную сеть, сгущали эту сеть и в конце концов выдавали готовую карту (топографическую съемку делали) для геологов. К ней привязывались все геологические выработки, какие там были, и потом уже шел подсчет запасов. Работали в основном на твердые полезные ископаемые: вольфрам, молибден и редкоземельные. В Казахстане я и женился, она в нашей же партии топографом работала. Топографы и геодезисты, если разбираться досконально, — далеко не одно и то же. Топограф («рисую местность») — тот, который рисует карты. А геодезист («меряю землю») — создает геодезическую основу, по которой топографы потом могут составить карты. Но в геологии нас всех называют «топики».

В 59 году осенью мы приехали в Тюмень — знали, что тут работы ведутся. Нас направили в Березово, там была огромная геологоразведочная экспедиция. Естественно, ни квартир, ни общежития не было. Мы ходили, нашли одну бабу-староверку, которая сдала нам угол, по сути дела, одну кровать. Два месяца так прожили, потом поехали в поле, в урочище Урленги, это 12 километров от Игрима. Когда-то там был населенный пункт, но только один дом остался. Летом по Малой Сосьве туда пришла со своими бонами водная сейсмопартия, остановилась тут, и на основе этой партии создали зимнюю. Поскольку партия организовывалась как летняя, ее просто поставили на отстой, чтобы продолжить работы следующим летом, никаких стройматериалов не завезли. А потом решили зимнюю партию

сделать. Начальник партии был Волеполин — он потом уехал, в Ленинграде стал ученый. Его сменил Ерицян — «самый северный армянин». Меня поставили старшим техником-геодезистом, жену — техником-геодезистом, меня на полевые работы, ее на камеральные. Поскольку в Урленгах стоял только один дом, и он был занят, там жила семья, и овчарня — пустая, метров двенадцать в длину и шесть в ширину, то наша партия заняла эту овчарню. Убрали навоз, подлатали крышу, вместо печки поставили две огромные бочки из-под солянки. Там поместились и контора, и камералка, и общежитие для холостяков, и общежитие для семейных — все туда поместились! Я как холостой был. Мне поставили раскладушку, тентом отгородили — вот и все. На самой последней барже привезли балки, но мало — пять или шесть, и всего три или четыре трактора. Очень бедная партия была, хотя и считалась двухотрядной. Начали мы работать в междуречье Малой Сосьвы и Пунги.

Там, где сейчас поселок Светлый, как раз на этой излучине, у меня стояла палатка. Геодезисты же тогда в палатках жили, не мечтали даже о балках. Я сначала не мог представить, как можно зимой жить в палатке, хоть и сибиряк, но мы жили в охотничьих избушках или еще где, когда на охоте или рыбалке, а тут ведь — простой брезент! Но первый раз переночевал — нормально. Спальный мешок примерз, правда, к стенке, но мы его отодрали, и все. Оказалось, все дело в том, чтобы научиться спать в спальном мешке. Конечно, если на улице сорок градусов мороза, то и в палатке сорок, но спальный мешок согревается за счет собственного тепла, дыхания, надо только оставлять щелочку, достаточную, чтобы совсем не задохнуться. Спальный мешок — это великая вещь для неотопливаемого помещения! Самое трудное оказалось не ночевать в палатке, а то, что весь скарб, а это триста-четырееста килограммов, мы таскали на себе. Не было для геодезистов ни тракторов, ни вездеходов. Сделаешь площадь — надо переходить на другую. Навьючишься, как ишак, рюкзак килограммов в тридцать-сорок, — и на лыжах, хорошо, если по лыжне, а то по снежной целине. Потом еще возвращаться за тем, что осталось. И вот эти переходы, переходы, переходы... В первый год я уже готов был сбежать — была такая слабость, казалось, все, больше не выдержу, но потом

как-то пересилил себя. А месяца через два-три втянулся, все стало нормально, как будто так и нужно. И потом было еще таких полевых лет в палатках семь или восемь. Там я уже это дело не ощущал.

Работали мы не считаясь со временем, даже когда была не сдельная, а повременная оплата труда, можно было бы лежать. В бригадах нам направлялись самые отъявленные алкоголики и тюремщики, потому что труд очень тяжелый, и нормальные люди на это не шли. У меня в этих Урленгах была бригада в семь человек — очень интересный расклад получился: бывший главный инженер торфопредприятия, который спился, бывший солист Свердловской филармонии, бывший мулла — кончил ташкентское медресе, один строитель-прораб был, еще механизатор какой-то... Все грамотные, у кого высшее, у кого среднее образование. И только Федя Кашин — семнадцатилетний парнишка, сирота, он печник был. Единственный нормальный. Остальные еще и по тюрьмам отсидели, кто за хулиганство, а кто и за убийство. Мокрушников было двое: прораб и механизатор. Жили мы все в одной палатке. Мне было 23 года, а им за сорок, но я среди них старший. И за сотни километров вокруг никого нет. Страшно было. Но ничего, как-то я с ними ладил. Вот сидят вечерами, мечтают: «Заработаем деньги, поедем на Большую землю!» Вспоминают своих жен, детей... Водки-то нет. Вначале был грех, принес я им как-то бутылку спирта. Ходил на базу и принес в подарок. Они рады были. А я устал, переход получился километров в сорок, лег спать. Лег с самого края, чтобы никто не мешал. Ночью просыпаюсь от того, что задыхаюсь, закашлялся... Вскочил, вместо того, чтобы в дверь, кинулся в противоположную сторону, рву руками, потом дошло, что дверь с другой стороны. Выскочил, очухался — что такое? Дыму полно. Потом дошло: горим же мы! Стал по одному вытаскивать: за спальный мешок — и тяну на улицу. Все в полуобморочном состоянии. Я давай их снегом натирать, пинать ногами... Очухались. А получилось очень просто. Они выпили, говорили-говорили и уснули, забыли лампу погасить. Она соляркой заправлялась. Во сне кто-то рукой махнул, лампа перевернулась, солярка вылилась на кошму (мы сверху хвойной подстилки кошму стелили и на ней спали) и загорелась. Огня нет,

но тлеет и тлеет. А это же такой ядовитый дым, и ему некуда уйти. Если бы я побольше выпил, все бы остались тут. С тех пор я и зарекся спиртное в поле употреблять. Сложные, конечно, были отношения с этими алкоголиками...

Этот сезон мы отработали, а потом нас на баржу погрузили и отправили в Нарыкары. В Нарыкарах я уже был не старшим техником, а начальником топоотряда, обслуживали мы очень большую, четырехотрядную, сейсмопартию. Начальником партии поставили Щербинина Виталия Степановича. Молодежь приехала: Слизков Юра (уже с семьей приехал), остальных сразу и не вспомню... По проекту партия должна была стоять в Перегребном, но что-то там не получилось, переехали мы в Лахтынкурт — это на левой стороне Оби, против Октябрьского, Щеркалов. Это хантыйская деревушка, там домиков пять или шесть было, но кто раньше приехал, все позанимали. А нам, когда из Перегребного перебросили, уже вовсе негде жить оказалось. Говорят: «Вот пригоним брандвахту, в ней жить будете», но когда еще пригонят ее. Мы с женой нашли за полтора километра от деревушки старый конский двор. Раньше там была конеферма, а при конском дворе конюховка, где жил сторож, хранился инвентарь. Но все это заброшено: ни окон, ни дверей, навоза с полметра. Мне дали полмесяца на обустройство. Мы сначала навоз из конюховки выбросили. Около протоки нашли глину отличную. Я эту глину таскаю, она стены замазывает, штукатурит. Потом я взялся двери, рамы делать — тут же отламываю доски старые... Печку поставили железную. У нас получился такой особняк! Те все жили в семьях у ханты, а мы сами себе хозяева. Все ходили завидовали. А я говорил: «Конный двор-то большой еще, отгораживайтесь, живите!» Потом пригнали брандвахту. Там каютки — только койку поставить. Мы туда не пошли, так и жили в своей конюховке.

Мы сделали в этот 60-й год порядка 900 километров. В то время это много было! В топоотряде мне нужны были четыре исполнителя (на каждый сейсмоотряд), а у меня было два с половиной: один очень часто болел. Как обеспечить? Мне пришла идея: перевести геодезистов на сдельную оплату труда. Чем больше сделаешь — тем больше получишь. Я уже имел опыт: в Казахстане все геодезисты работали на сдельщине, естественно,

выполняли намного больше и качественнее. Я обосновал все это, Щербинин помог мне — экспедиция с трудом, но согласилась. Разрешили мне это сделать, но почему-то ненадолго. Месяца два-три мы так поработали, подогнули хорошо, пошли уже в ногу с сейсмиками, потом приходит радиограмма: «Запретил главк вашу сдельщину!» Я сообщил своим. Один из исполнителей был у меня образованный мужчина, лет сорок ему уже было. Он еще до войны закончил университет, хорошо знал немецкий язык. В первый же год войны сдался в плен. Поскольку знал язык, немцы его поставили переводчиком в лагере. Так он эти годы плена вспоминал как лучшие в своей жизни! Ну, лагерь, конечно, не Освенцим был. Я к нему приехал с контролем, говорю: «Все, Володя, отменили сдельщину». — «Как отменили?!» — «Да вот так...» Он как стоял с теодолитом, бросил его в сугроб: «А я, как дурак, сегодня пятнадцатый километр выполняю! Все! Теперь по три буду делать!» Это норма была — три километра. Ладно, уже был март, окончание работ. Потом-то все равно к сдельщине вернулись, правда, уже года через два.

Полевой сезон кончился — как раз полетел Гагарин, апрель уже. Заканчивали работы уже по воде. И жене как раз рожать подошло — она все время со мной была. Нам надо было перебазироваться снова на Перегребинскую площадь, перейти реку. А лед уже водой покрыт, изъеденный. Сначала мы отправили камералку, девчонок, жену мою беременную, а сами остались еще брак переделывать. Обь там шириной километра три. Переезжать трактором. Как они переехали реку — я не знаю! Вода уже до полгусеницы трактора доходила. Но всю технику тяжелую перегнали, успели. Нас потом вертолетом вывозили, нельзя было уже перейти. В Перегребное приехали — цивилизация! Поселок большой, на красивом месте на берегу реки Оби. Там первый раз стали жить в квартире. Перегребный тоже поселок ссыльный, переселенческий, тоже «кулаки» были сосланные, но к этому-то времени они уже хорошо здесь обустроились. В бараке половина освободилась, мы там жили.

Летние работы нам надо было делать на Сибирских увалах. Просеки подготовили, дали нам САУ (самоходная артиллерийская установка), один танк у нас был, правда, без башни. «Косы» растянешь, взрыв — бух-бух! — пусто. Совершенно никаких

отражений, никакого материала получить не могли. Разрез-то был сплошной песок. Там старшим геофизиком был Юра Бевзенко. Что мы только ни придумывали! Заливали взрывные скважины водой, зимой возили с собой водогрейку, снег таяли — никакого толку. Пока не вышли в пойму реки. Тут уж пошли по поймам маленьких речек, ручьев. Потом определили высотное положение, нашли отметку оптимальную, в каких местах по высоте материал идет, в каких нет. На Сибирских увалах материал появлялся, когда отметка была 60 метров над уровнем моря. Кое-где на Увалах она достигает 120 метров, вот я выискивал, как перескочить от 60-ти к 60-ти, от одного ручейка к другому. Систему профилей переделали, заново просеки перерубали — тогда более-менее материал только и получили. Сделали работы нормально, можно считать.

Я как-то раз подсчитал, еще в Лахтынкурте, сколько я прошел за полевой сезон — получилось 5000 километров. Бригада от бригады находилась далеко, тридцать, сорок километров. Я мотался от бригады к бригаде — теодолит на себя и пешком. Придешь, потом еще с ними идешь работать. В среднем получалось по тридцать, тридцать пять километров в день. Лошади не пошли бы, потому что мы ведь идем впереди, дорог-то нет, места, где нога человеческая не ступала. Олени — очень уж капризные животные. Пробовали оленей как раз в Перегребном. Пригнали нам пять или шесть упряжек оленьих, каюр был. Но в этих местах корма нет. Нам пришлось вместо того, чтобы работать, ходить собирать «бороды» с деревьев. Все равно олени оставались голодными, а гонять их на пастбище за сорок километров — смысла нет. Пришлось отказаться. Собаки — те по насту ходят. Тундра — там есть наст, там собаки могут идти, а в тайге — метр с лишним снегу. Никак. Только лыжи. В полевой сезон так надоест жизнь в палатке: все или на коленках, или на карачках, или полулежа. Приедешь когда на отдых, сядешь на стул — такое блаженство! Сейчас ноги отказывают, конечно...

Потом каждый год — это новые задачи и новые решения задач. Это выбор оптимальных сложений профилей, чтобы меньше было физической нагрузки, чтобы меньше леса вырубать. Лес-то тоже жалко было! Когда входим в хороший кондовый

лес, ребята рубят, валятся деревья — очень жалко, это же моя родина, я тут вырос. Особенно я переживал, когда рубили кедры. И в то время я старался как-нибудь обойти хорошие массивы леса, пройти по кромке. Немного менял направление профилей. Это получалось и дешевле — со всех сторон. В соседнем отряде тоже техник-геодезист, как я, был, — Гриша Себуров, по национальности ханты. Их род в Полновате проживает. Он кончил Тюменский землеустроительный техникум, был довольно-таки образованным среди ханты. Он уже тогда, в 59 году, очень возмущался, был зол на нас, русских, что мы распугиваем зверей и нарушаем быт коренного населения. Как напьется, так и начинает: «Я созову своих сородичей, мы вас ружьями перебьем!» В то время я не понимал, считал, что «мы же вам несем свет, культуру!». А сейчас, с точки зрения прожитых лет, понимаю: прав был Гриша! Народ-то от всех наших «завоеваний» потерял больше, чем получил! Эти же самые местные жители — как жили плохо, так и живут плохо, а природу уничтожили. Если бы с пользой было все это дело!

Записала Е. Грошева

Плотникова иллюстрировал Чукомин

О жизни автора публикуемого романа, сибирского журналиста и писателя Михаила Павловича Плотникова, до последнего времени ничего не было известно. Он считался исследователем мансийского фольклора, родственником тобольских купцов Плотниковых. Многие прояснилось после публикации в журнале «Лукич» (2000. №№5, 6; 2001. №1) его следственного дела. Но и до сих пор фигура Плотникова остается загадочной. Вероятно, это связано с тем, что он часто менял места жительства и работы, надолго исчезал из виду, печатался под разными псевдонимами и вообще был склонен к мистификациям и «перемене декораций».

Перелистывая несколько лет назад подшивку тобольской газеты «Северянин» за 1928 год (в этом же году она была переименована в «Советский Север»), автор этих строк не мог не обратить внимания на публикацию романа М. Сибирякова «Клад Кучума». Почти сразу почему-то подумалось, что это псевдоним. Уж не Плотникова ли? На эту догадку навело то, что тремя месяцами раньше в этой же газете напечатан отрывок из его поэмы «Янгал-маа».

Чуть позднее, перелистывая указатель газетных статей «Малые народности сибирского Севера на пути к социализму (1920—1930 гг.)», опять встретился с «М. Сибиряковым», на этот раз автором статей и корреспонденций в новосибирской газете «Советская Сибирь» из Туруханского края, печатавшихся в 1925 и 1926 годах. Плотников как раз в это время сотрудничал с «Советской Сибирью» и ездил на Енисейский Север...

Пока выстраивалась эта версия, в печати появилось письмо сына М.П. Плотникова Юрия (Лукич. 2000. №2), в котором он прямо называет среди произведений уже покойного отца роман «Клад Кучума». Предположение оказалось верным.

В «Советском Севере» «Клад Кучума» печатался с № 76 (1 июля) по № 103 (5 сентября) 1928 года. Редакция была явно

доброжелательна к автору: анонсировала публикацию, извещая читателей, что исключительное право на печатание романа приобретено редакцией, ни разу в течение двух месяцев не прервала публикацию; более того, тобольские газетчики сделали все возможное, чтобы привлечь внимание читателей — в каждом номере текст сопровождают рисунки местного художника П.П. Чукомина.

По всей вероятности, лето и осень 1928 года Плотников провел в Тобольске, откуда выезжал на север в качестве корреспондента редакции. Именно в эти месяцы в газете очень заметны были путевые заметки, корреспонденции и репортажи бойких профессионалов-репортеров Антона Крикуна и С. Залетного, способных написать о чем угодно. В октябре эти имена пропали со страниц газеты. Может быть, это тоже псевдонимы М.П. Плотникова, загадывавшего загадки потомкам?

В. Белобородов

Роман Мих. Сибирянова

Рис. П. П. Чукокина.

*«А Сибирь не язь отдал, а сами естя взяли» —
слова хана Кучума из последней его грамоты
к воеводам царя Феодора.*

1. Тайна Малушки

На мутной урманной Каве хмелевский корень первым сел на немереную и неделенную кавскую землю, от него и пошел крепнуть и расти живучий род сибирских купцов Хмелевых.

Давно это было. Едва ли кто из нынешних граждан захудалого города Кавы подозревал, что более трехсот лет тому назад «по досмотру воеводскому» и «указу царскому» от набегов немирных иноземцев на самом устье реки Кавы, где теперь стоит облупившийся дом купцов Хмелевых, был заложен боярским сыном Малушкой Хмелевым острожек с двумя башнями и деревянным тыном.

В смутные времена междуцарствия, когда на Руси бояре «промеж собой секлись», а туземцы, узнав про смуту, подняли ряд восстаний, Кавскому острожку пришлось выдержать долгую осаду и лютый голод.

Отсиделись казаки с Малушкой Хмелем, выдюжили крепкие листовничные стены острожка атаки туземцев, наступило успокоение в кавской земле, но скоро приключилась новая беда.

В дальнюю землю Сибирскую в Кавский острожек пришла грамота нового царя, которого бородатые бояре на горе черному люду выбрали. И повелено той грамотой: служилым людям

Кавского острожка в дальние в сибирские города идти, новые «землицы» проведывать и новые сорока соболей в государеву казну добывать, а острожек на реке Каве оставить.

Казаки ушли. Острожек захирел и разрушился.

Туземцы сожгли ненавидимые стены и башни, которые не могли взять с бою, и, когда через пяток лет пришел Малушка на пепелище, нашел молодой ельник да обгорелые пни.

На этот раз Малушка на кавские земли пришел с семьей, скотом, работниками, мешками золотистого тяжелого зерна и разным домашним скарбом.

Зазвенели топоры, и там, где на пепелище острожка вырос стройный ельник, к осени, мигая подслеповатыми брюшинными окнами, задымили три избы хмелевского починка.

Шло время, как вода в мутной Каве в реку Обь течет, рос Малушкин починок, ширился, а вековая тайга все дальше и дальше отступала, давая место нивам, покосам и выпасам для скота.

Настало время старому казаку Малушке из душной избы переселиться на горку, где в сосняке пряталось двенадцать восьмиконечных крепких лиственничных крестов, и лечь в черноземную кавскую землю под тринадцатый.

Смерть Малушка издали почуял, приготовился и, запершись в душной горнице со старшим сыном Романом с глазу на глаз, рассказал ему великую свою тайну о ханском кладе.

— Слушай, Ромча, — шептал, лежа на лавке под темными древними образами, — слушай, не пророни единого слова. В то время, когда хан Кучум, царь татарский, не захотел правдою помириться с покойным царем Федором, хотя царь Федор за мир праведный обещал ему пожалование царством Сибирским, я на службу был приписан в острог Тарский. Хан Кучум ушел за реку Омь и оттуда русские округи грабил. И не стало тогда покою от

козней Кучума: в татарах шаткость, пашенным людям разорение, а нам, служилым, тяготы ратные. И пришел указ из Москвы, а по тому указу было велено воеводе Доможирову взять ратных людей из городов ближних 483 души и идти войной на хана Кучума, на его город воровской Тунус. Дошли мы до Тунуса, разорили его, а сам хан Кучум со многими людьми и богатствами на реку Обь ушел. На другой год снова мы ходили войной на Кучума.

Нашли мы его на берегу, где Ирмень-река в реку Обь впадает. Тут решили биться до конца наши воеводы Масленников и Воейков и хан Кучум.

Мне выпало в дозор идти, проведать, как силы ханские расположены, где силы главные обозначились и какими дорогами подступ вести.

Ночь темная в ту пору была. Пошел я один. Всегда я один на такое дело ходил. Бор густой, травы мало. Крадусь, как рысь. Где на брюхе, где на четырех костях, а где и побыстрее — на двух. Долго время я пробирался, а врага и духу нет. Время к свету. Рассветает — пропал.

Отдохнул, огляделся, решил: быть не быть живому, а до ханского стана дойти. Долго время крался. Слышу голоса. Притаился сначала, потом еще подполз. Совсем близко голоса слышны, речь можно разобрать. Слышу: землю лопатами кидают, по своему разговаривают, а что говорят — мне неизвестно.

Скоро свет. Налево различаю воду, река Обь должна быть, направо — бор на яру. Лежу я, в землю врос. Вдруг свет. Татары костер зажгли. И когда разгорелся костер, я как на ладони увидел татарву, сундуки, кованные медью, и яму глубокую. Дальше совсем чудно стало. Татары сундуки в яму спрятали, засыпали их землей, утоптали землю, дерном закрыли копаное место и сухих сучьев и хвои поверх натаскали. Побалыкали еще что-то промеж себя и ушли. Старика, как будто слепого, под руки с бережением увели.

Когда татары из виду скрылись, я на то место выполз, осмотрелся, и мне в голову вдруг ударило: «Однако хан Кучум свои богатства схоронил в этой яме. Сказывают, он слепой. Недаром служки его под руки вели». Только я это подумал, как за что-то рукой задел. Смотрю: мешочек длинный, узкий, из жеребьячьей

кожи, тяжелый. Развязал: деньги золотые не нашего царства. И было в том мешочке тридцать червонцев разного весу.

Заприметил я это место крепко-накрепко. Как я обратно в наш стан пришел, рассказывать лишнее, а только скажу тебе, Ромча, и в последний раз хан Кучум не дался в руки. Схоронив клад, глухой, слепой, без всякого живота, сам третий, после боя бежал к ногам и там убиен был.

Передохнул Малушка, испил квасу и снова шепотом повел свой рассказ.

— Взяли в ту пору мы немало кучумовичей, но великих богатств хана не видели. И жалели воеводы, что хановым добром не попользовались, а я тайну о кладе про себя схоронил. Ромча, силы мои оставляют, — неожиданно проговорил Малушка и, схватившись за смертную рубаху, с клочкотанием в горле успел только вымолвить: — Икона божья мать, дупло, ищи в дупле, большой яр, большой яр, а ниже луга скотопитательные. Ромча!

Откинув голову на подушку, Малушка скончался. Из полуоткрытого рта по белой бороде вытекла красная слюна.

«И что бы еще ему пожить с воробьиный шаг, — думал скупой и жадный Роман. — Растравил только. И зачем до самого последнего вздоха старый хрыч тайну хоронил? Ищи теперь дупло. Ишь, икону в серебряной ризе в землю захотел закопать. Тоже выдумал».

Схоронили Малушку на горке, тринадцатый крест поставили и помянули жирными блинами.

Долго, как помешанный, после смерти отца ходил Роман и бредил дуплами. Страсть искать дупла не покидала Романа всю жизнь, благодаря ей он получил кличку «Ромча-дятел».

Под старость он часто любил рассказывать про ханский клад и неизменно издевался над своим родителем, которого подозревал если не в обмане, то в выдумке истории с кладом.

С тех пор из поколения в поколение в хмелевском роде переходит эта сказка о несметных богатствах последнего сибирского хана Кучума.

2. Хмелевский корень

Хмелевский починок на Каве в село вырос, село — в город с каменными домами, гостиным рядом и шестью зеленоглавыми церквами в два этажа.

По именному указу к городу приписали округу, наехало начальство; на выезде, на месте деревянного острога воздвигли каменную тюрьму, которую все жители по-сибирски по-прежнему называли «острогом».

Кавские старожилы оказались народом дошлым.

Получив в наследство остяцкие копи, кавичане раскопали, расширили их, настроили целую улицу кузниц и с утра до самого вечера стучали в них молотами, выковывая на продажу ножи, топоры, сошники, котлы и другие железные изделия.

Скоро кавские кузнецы захватили торговлю железными изделиями в свои черные руки не только в своей, но и соседних округах, и слава искусных кузнецов за кавичанами упрочилась до самого озера Байкала.

Кто не стучал по наковальне молотом, занимался хлебопашеством и не жаловался на жирную как масло кавскую землю.

В гостинном ряду обосновались свои и проезжие купцы; торговля шла бойко и прибыльно. Летом на пузатых паузках, зимой столошадными обозами двигались в город товары из Москвы, Ирбита, Томска и Кяхты.

Из кавских купцов по первой гильдии шел Евграф Хмелев.

Не сразу хмелевский корень по купеческой линии пошел.

После Малушки и Ромчи-дятла хмелевский корень землю пахал и гонял царскую ямшину.

С великим трудом, по царским указам, по сибирским трактам «ямы» устраивались, а еще трудней было сыскать для ямов тех ямщиков государевых.

С Перми Великой, Соли Каменной и других зауральских городов силой пригонялись в Сибирь для ямщины подневольные люди и, через кнут погоняв ямшину два-три года, от тягот этой царевой службы убегали куда глаза глядят, оставляя пустыми затерявшиеся в густых сибирских лесах одинокие избушки-ямы.

Не так было с хмелевскими: сами, волей пошли они в государевы ямщики. Сотню лет возили они казенные припасы, каз-

ну, воевод, приказчиков и другой служилый люд. Возили не без прибитка себе, так как знали, кого надо угостить, кого подмазать и где плохо увязать на воз казенную кладь.

Когда в Сибири стало людно, нужды в государевых ямщиках не стало, хмелевские начали гонять вольную и ходить обоими с товаром в один конец до Иркутска, а другой — до самой Москвы, случалось, бойкие лошади доходили до далекой Кяхты, что стоит на рубеже с китайской землей.

Откуда пошло хмелевское богатство, на какие деньги в начале XIX столетия они настроили каменных домов с белыми колоннами, открыли десяток лавок с разными товарами, где можно было купить все, начиная с парового дегтя, кончая китайским шелком и лионским бархатом, — говорили люди по-разному.

Одни говорили: «С кнута люди пошли жить, не сразу пыхнули, а копейку к копейке прикладывали, пора им и тысячами ворочать». Другие, позлее, ехидно шептали: «Кнутом много не промыслишь, поди, не одному проезжему купчине они отвернули голову и мощну в свой карман высыпали».

Разговоры что ветер, а подлинно никто не знал, чьи червонцы гремят в хмелевских карманах.

При Дмитрие Хмелеве, ученике сосланного на Каву декабриста Критцева, хмелевский капитал перевалил через миллион. Тесно стало вкусившему плоды европейской образованности Дмитрию Хмелеву на Каве, и он бросился из родной округи завоевывать если не Сибирь, то добрый ее кусочек.

Запахтели по сибирским рекам хмелевские пароходы, зашумели паровые пятиэтажные мельницы, завоняли мыловаренные заводы, выросли в урманах лесопилки. Росла с каждым годом сеть магазинов по сибирским городам, на вывесках которых золотыми аршинными буквами сияло «Дмитрий Хмелев и Сын».

Оторвался хмелевский корень при Дмитрие от распаханной кавской земли. Вымерли каменные дома с белыми колоннами, многочисленные флигеля, бани, конюшни в хмелевском квартале в Кавском городке. Повсюду появились юркие доверенные в белых полотняных воротничках, а сам хозяин Дмитрий Хмелев сделался для кавичан далеким, недосыгаемым и великим.

— Хмелев, сказывают, — говорили по вечерам кавичане, сидя на лавочках около домов, — к нам на Каву собирается приехать. Будто телеграмму отбил.

— Оно, пожалуй, верно, — соглашались другие, — вчера в доме мыли. Если бы не думал он на Каву вернуться, то зачем здесь полный штат прислуги держать и лошадей.

Находились сомневающиеся.

— Зачем ему сюда ехать, — говорили они, — ему, поди, там неплохо. Полный штат и лошади все время содержатся, как он уехал с Кавы. Некуда деньги человеку девать, вот дармоедов и кормит.

Но Дмитрий Хмелев все же приехал на Каву — в стопудовом свинцовом гробу на собственном пароходе — и прочно залег вместе со свинцовым гробом в кавскую землю. Видно, не захотел гнить в чужой земле.

На вывесках засияло: «Павел Хмелев и Сыновья», но кавичане уже не знали ни Павла Хмелева, ни его сыновей и мало говорили по вечерам о хмелевских капиталах.

Сибирь меняла лицо.

Тайгу прорезала «чугунка», как грибы выросли на пустырях новые города и поселки, начали зарастать травой шумные тракты, хиреть старые города, а вместе с ними начала стариться и Кава. Как назло река с Кавой сыграла злую шутку: замыла песком Кавскую протоку, по которой ранее ходили пароходы, и закуפורила обмелевшую от вырубки лесов реку. Кавские кузнецы покинули кузницы. Фабричные железные изделия, которые привозила чугунка и которыми более чем вполтину дешевле торговали Хмелев и другие купцы, отбили всякий заработок.

Та же чугунка затащила тысячи переселенцев на незаселенные участки, и с этих пор немереные и неделенные кавские земли познакомились с землемерными инструментами, а старожилы-сибиряки — с границами наделов.

Опустел шумный гостиный ряд. Купцы, чуя поживу в других местах, навесили тяжелые замки на лавки и распрощались с Кавой.

Обеднели кавские церкви, похудели жирные, откормленные попы, а продувные кавские мещане испуганно присмирели.

— Хоть бы река повернула, — мечтали одни, глядя на серый песок, который забил протоку до зеленого кудрявого островка.

— Какой толк будет от того? — возражали другие, отчаявшиеся. — Река повернет, а тракты теперь не действуют. Все идет по железке. Осталась наша Кава сиротой в сторонке.

Но не суждено было окончательно заглохнуть Кавскому городку.

На тройке в Петров день прискакал сам Павел Хмелев, за ним в тарантасах примчались какие-то люди, и через много лет в тот вечер хмелевский дом загорел тридцатью шестью квадратами зеркальных окон.

Кавичане высыпали на улицы, бродили под окнами хмелевского дома и вели нескончаемые разговоры о внезапном приезде Хмелева.

— Обанкрутился. Высоко полетел и низко сел, — предполагали ехидные.

— Однако нет, — возражали неехидные, — тут дело пахнет чем-то другим.

Скоро узнали кавичане, чем «пахло дело». В Кавской протоке показались неуклюжие черные землечерпалки. На Ванькином яру, где каменная коса отбивает течение, начались взрывные работы. С утра до вечера бухали громовые раскаты взрывов, а по реке сновали пароходы, моторки и баржи.

В город наехали сотни рабочих. С гостиного ряда купцы снимали тяжелые замки, а обозы крупных кавских лошадей снова потащили ящики с товарами.

— Вот что деньги ворочают! — удивлялись кавичане. — И только подумать — один человек весь город и реку вывернул наизнанку.

Сам Хмелев уехал так же неожиданно, как приехал, но люди, приехавшие с ним, остались.

Два «чудака», как любят называть на Каве непонятого человека, бродили около ям, где брали железную руду кавские кузнецы, и что-то высматривали.

К осени Ванькиной косы не стало, вода хлынула снова в Кавскую протоку, смыла песок и прочищенные землечерпалками перекаты. Мимо Кавы снова пошли пароходы и привезли громадное количество таинственного груза.

За городом выросли кирпичные сараи и штабеля обожженного кирпича.

Весной кавичане узнали две важные новости: первая — пойдет железная дорога, вторая — Хмелев будет строить чугунолитейный завод.

И верно, на Каву понаехали инженеры, техники, рабочие. Пароходы возили рельсы, шпалы и другие грузы. «Сибирские нумера» (так значилось с 60-х годов на вывеске) не вмещали желающих поселиться. За «Сибирскими нумерами» открылись «Гранд-отель», «Европа», «Лондон». На одном из пароходов прибыл в полном боевом порядке шантан, и не видевшие на своем веку кавские жители и лошади раскрашенных женщин в огромных шляпах при встречах шарахались в сторону.

Летом грянула война. Как тяжелый камень она придавила кавский муравейник. Разом замерла Кава. «Сибирские нумера», «Гранд-отель» опустели, шантан отбыл, и вечернюю тишину притихшего городка снова тревожил только унылый звон десятка зеленоглавых церквей.

3. Последние Хмелевы

— Не то, не то, — бормотал Павел Хмелев. — Да, это не то.

Хмелев никак не мог отучиться от привычки разговаривать вслух с самим собой. Сейчас он думал о своих сыновьях, которые после долгой разлуки приехали домой.

Младший, Юрий, только что возвратился из тихого немецкого городка, где он несколько лет безвыездно занимался под руководством известного профессора химией. Он, наверное, еще бы сидел над ретортами, колбами и армией разных размеров пробирок в лаборатории университета, если бы ему не напом-

нили, что Россия находится по отношению к Германии в состоянии войны.

Молодой ученый, собрав записные книжки, последним поездом с русскими «беженцами» приехал на родину.

Старший сын Иван, отдохавший на Кавказе от попоек и грандиозных кутежей, тоже поспешил к отцу.

Глядя на слетевшихся птенцов, старик Хмелев чувствовал, что ему нет замены, и все чаще и чаще повторял вслух: «Не то».

Род кондового Малушки выродился. Дворянская кровь, которую примешали дед Дмитрий и отец Павел к здоровой черноземной крови хмелевского рода, обратилась в яд и отразилась на внуках.

— Иван, — рассуждал старик, — пьяница, кутила. Положим, в нашем деле это не большой порок, но беда-то в том, что он непроходимо глуп. Самый настоящий «идеет», и надежды на исправление нет. Юрий — умница, но пошел по другой линии. У него в голове одна химия, и эту химию из него никак не вышибешь. Для дела он пропащий человек. Умри я, миллионы полетят прахом, как дым рассеются.

Вспомнились старику случаи, когда накапливаемые миллионы целыми поколениями, целыми столетиями разлетались в несколько лет блестящим фейерверком, а счастливые наследники их ходили чуть ли не с протянутой рукой.

«Может быть, я преувеличиваю, — думал Хмелев, — не сумеет Иван размотать за себя и Юрия капитал сразу, но яснее ясного, что наше дело доживает свой золотой век. Умру я, дело пошатнется, покатится и потом, как песок, по крупинке рассыплется. Сменится одно, два поколения, и из миллионеров Хмелевых станут Хмелевы бывшими миллионерами, а потом и просто Хмелевыми».

— Можно? — Иван отворил дверь отцовского кабинета и, не дожидаясь ответа, балансирующей походкой добрался до письменного стола.

— Хорош, — отец отвернулся.

Покачавшись на носках, Иван сел в глубокое кресло.

— Я, верно, немного того, да, — начал он заплетающимся языком. — Но представь себе: особенный случай, да. Меня призывают в армию. Мне будет необходимо воевать. Понимаешь, папа?

— И тебе не хочется воевать? Можно устроить: тебя оставят или, в крайнем случае, пошлют в кавский гарнизон охранять капусту.

— Не то и не другое. Я хочу воевать. Я буду офицером и пойду по военной части. Я прямо в гвардию.

— Хорошо, сколько тебе надо за визит?

— Сколько можешь, причем мне ужасно надело просить.

— Подожди, умру — половина будет твоя, тогда не будешь просить.

— Что вы говорите, дорогой папа!

Старик Хмелев махнул рукой, торопливо выписал чек и бросил его через стол сыну.

— Благодарю, дорогой папа. Я думаю, военная форма мне пойдет.

Иван сунул чек в карман, посмотрел на отвернувшегося отца, махнул рукой и вышел из кабинета.

В сумерках в кабинет Хмелева зашел Юрий.

— Тебе тоже чек? — встретил его отец.

Юрий смутился.

— Нет, зачем мне чек.

Вы знаете...

— Ладно, ладно, садись, я пошутил. Это меня пьяный Иван рассердил, — оправдывался отец.

Юрий сел.

— У меня к вам есть маленькая просьба.

— Говори.

— Видите ли, я сейчас работаю (я это вам скажу по секрету) над Ха-лучами.

— Ха-лучами? — удивился отец.

— Да, — продолжал, не заметив удивления, Юрий. — Ха-лучи обладают свойством взрывать на расстоянии любой предмет. Попытки изобретений таких лучей были и ранее, но чтобы взорвать какой-либо предмет теми лучами, необходимо было,

чтобы взрываемый предмет был начинен взрывчатым веществом. Мои же лучи, т.е. Ха-хмелевские лучи, обладают свойством взрывать без всякой начинки любой предмет на далеком расстоянии.

— Ловко! Ай да хмелевские лучи! — самодовольно удивился отец. — Ловко! Ну, тебе денег на эти лучи надо? Дам, сколько твоей душе угодно. Ты слушай: мы Германию и всех прочих в два дня распатроним. Потом, это изобретение стоит не миллионы, а мил-ли-а-рды!

— Совершенно верно, папа, — согласился сын, — но пока я не вполне разрешил задачу. Для этого нужно время.

— И деньги, — добавил отец. — Валяй, работай, только торопись, а впрочем, за такие «хмелевские лучи» мы всегда деньги получим.

— Собственно говоря, я хотел вас просить не о деньгах. Чтобы работать, мне нужны два условия: подходящее помещение и тишина. Одним словом, не столица.

— Поезжай в Сибирь, на Каву, хочешь — в другие города. Знаешь, у нас в Сибири домов больше, чем чертова дюжина. Лучше, конечно, на Каву.

— Вот об этом-то я и хотел вас просить, — обрадовался Юрий.

— А теперь, — отец вытащил чековую книжку, — скажи мне, сколько будет стоить на довоенные деньги оборудование самой лучшей для Ха-лучей лаборатории?

— Полагаю, тысяч тридцать-сорок. Впрочем, я подсчитаю точно.

— Ты не считай. Вот тебе пятьдесят, не хватит — еще выпишу пятьдесят. Ты у меня молодец, хмелевский. Не беда, если другим товаром решил торговать. Товарец первосортный. Орудуй.

Юрий ушел, а отец долго еще раздумывал над Ха-лучами.

— Ну-с, что же, — рассуждал он вслух, — будем торговать Ха-лучами за твердую валюту. Этим товаром мы Морганов подшесток загоним. Нет-с, извините, хмелевский род еще покажет. Да...

Старик довольно потирал руки и хитро подмигивал большому портрету своего отца Дмитрия, который смотрел на сына из дорогой аляповатой рамы.

Война снова рассеяла Хмелевых. Иван уехал в школу прапорщиков, Юрий в Швецию для покупки необходимого оборудования своей лаборатории. Старик остался в своем большом особняке.

Как бы предчувствуя надвигавшуюся грозу, старик отошел от дела, свалив его на верного управляющего Афонюшку.

Афонюшка, начавший свою службу на Каве с магазинных мальчишек, удивлялся безучастному отношению ранее совавшего всюду нос хозяина.

— Только курят в большой задумчивости, — рассказывал Афоня, — затем читают разные книжки про ядовитые газы, еропланы. Докладываешь о деле — ручкой машут-с.

Непонятой для Афони была ликвидация части сибирских предприятий.

Афоня не мог помириться с этим, долго спорил с хозяином.

— Найдем продукт почище золота, — улыбался Хмелев.

— Разоряете сами себя, Павел Дмитриевич, — урезонивал он хозяина, — разоряете.

— А может быть, не разоряю, а сохраняю, Афоня, — возражал хозяин. — Дело наше большое, все деньги в деле, наличности никакой. Все миллионы в деле. Многие свои капиталы держат за границей. Русский рубль теперь не рубль, а только три гривенника.

— Дело наше то же, что золото, — замечал управляющий, — лучше всяких банков заграничных. К слову сказать, если рубль тянет 30 коп., то он в деле рублем будет лежать.

— Кто его знает, — замечал Хмелев, — может, и копейки стоить не будет.

Афоня не мог помириться с этим. Долго спорил с хозяином

Хмелев не сдавался ни на какие убеждения, а Афоня, крепко веровавший в особое провидение и прозорливость хозяина, думал: «Это неспроста. Закорюка какая-то есть, только молчит он. А закорюка есть».

Неожиданно под окнами хмелевского особняка началась стрельба. Стрельба утихла. Огромные толпы народа с красными флагами рекой потекли мимо зеркальных квадратов, в пустых комнатах вздыхали долетавшие с улицы обрывки «Марсельезы» и «Похоронного марша».

Иван вернулся из своего тылового полка. Юрий несколько месяцев жил на Каве в тишине хмелевского дома, где обосновал свою лабораторию, и работал над Ха-лучами.

Камень, брошенный с улицы, пробил в зеркальном окне хмелевского особняка круглую дыру, от которой, как паутина, разбежались нити излома.

Камень нашли под тяжелым стулом и, собравшись все, долго его рассматривали.

В тот же вечер Павел Хмелев вызвал Ивана и Афонюшку в кабинет и, выглядывая из-под абажура, показал им камень.

— Видите — камень, самый простой камень. Это первая ласточка, — говорил он, поглаживая булыжник, — таких камней прилетит к нам еще много. Такими камнями нам будут разбивать головы за то, что мы богаты.

— Пустяки, — вставил Иван.

— Нет, не пустяки. Бунт начался, и нам остается лучше подставить стекла под камни, чем головы. Стекла вставим, а головы не наставим новые. Я решил немедленно ехать на Каву. Ты, Афоня, поедешь со мной. Ценное, серебро, ковры надо забрать. Тебе тоже, Иван, рекомендую ехать. Довольно, повоевал в тылу, надо и отдохнуть. Отпуск тебе дадут. Здесь пьешь, там будешь пить, водка один вкус имеет.

Афоня обрадовался неожиданному отъезду на родину, Иван согласился неохотно, обещая приехать попозднее.

Революция вернула Каве хмелевский корень, но ненадолго.

4. Революция на Каве

Февральская революция до Кавы докатилась только в начале марта. Никаких изменений она в тихую жизнь не внесла. По-

прежнему делами городского благочиния ведал полицейский пристав Кудряшев и пять городских. В городской управе заседал вечно пьяный городской староста Беседин. Жандармский вахмистр Соловьев, унтер-офицер балканской кампании, не обращая внимания на опасности, угрожавшие царскому престолу и отечеству, гонял тульских турманов.

На Каве не нашлось даже ни одного адвоката, которые с незапамятных времен всегда первыми начинают осуществлять революционный порядок.

Большое смущение посеяла телеграмма губернского коалиционного комитета порядка и безопасности с категорическим требованием немедленно составить из свободных кавских граждан городской коалиционный комитет в количестве не менее пяти человек и назначить городского комиссара.

Желающих войти в комитет не находилось.

— Спасибо за честь, — говорили намеченные кандидаты, — но только избавьте. Если революция повернется, то болтаться первым в петле нам не очень даже интересно.

После долгих приглашений все же составили комитет, в который вошли: почтово-телеграфный чиновник Бабушкин, ветеринарный фельдшер Остроумов, протоиерей Бархатов, полицейский пристав Кудряшев и прогоревший лавочник Суразов. Городского комиссара решили не выбирать.

Сообщили список комитета в губернию и, получив утверждение кандидатов, за исключением пристава Кудряшева, успокоились.

В середине марта на Каву приехал назначенный губернией городской комиссар Пышкин, а вместе с ним полдюжины эсеров для обработки и обращения в эсерство политически невинных граждан Кавы.

Новый комиссар созвал для взаимной информации комитет, информацию комиссара комитет выслушал со вниманием, но собственной информации придумать не мог.

Только почтовый чиновник Бабушкин свернул где-то вычитанную фразу: «Не революция у нас была на Каве, а парад».

Комиссар Пышкин

За эсерами на Каву приехали народные социалисты, за ними народные демократы и сибирские социалисты-федералисты. Последними явились меньшевики.

Большим успехом пользовались на Каве сибирские социалисты-федералисты, которые обещали кавичанам не пускать переселенцев в Сибирь.

Пожалуй, более крупным событием на Каве, чем февральская революция, был приезд Павла и Ивана Хмелевых, которых на пристани встретило чуть ли не все население Кавы во главе с комиссаром Пышкиным и местным духовенством. Попы в этот день хорошо подработали на молебне о благополучном возвращении рабов божьих Павла и Ивана, а Пышкин и новая «революционная власть» плотно пообедали и основательно выпили за хмелевским столом.

После приезда Хмелевых события на Каве начали разворачиваться с необычайной быстротой.

Выбрали революционную городскую думу, а первым революционным головой избрали Ивана Хмелева, который под пьяную руку записался в эсеры.

Вскоре умер от застарелого рака старик Павел Хмелев. При рытье могилы был найден большой колодный гроб, забитый на деревянные гвозди. В гробу лежал костяк человека высокого роста с большой седой бородой, медное распятие и потемневшая сабля с богатой золотой насечкой. На сабле узорной вязью было выбито золотом: «*Тарскова острогу Малушко Хмель он бояр... году*».

Первый и один из последних Хмелевых на Каве встретились и вместе легли в одну могилу.

Мистически настроенный Юрий, потирая виски, часто вспоминал необычную «встречу мертвых» и говорил Афоне:

— Афанасий Тихонович, я в этой встрече вижу предупреждение. Первый Хмелев о чем-то нас предупреждает.

— Одному богу известно, — вздыхал Афоня, не желая, в свою очередь, высказывать хозяину мрачных предчувствий, основанных на дурных снах, которые Афоня умел разгадывать не хуже библейского Иосифа.

В ноябре в губернском городе большевики захватили власть. Вернувшиеся с войны солдаты из тихих набожных кавичан пре-

вратились в горластых граждан, державших в трепете самого комиссара Пышкина. Они громко поговаривали о советской власти, кровопийцах буржуях, ругали Керенского и Временное правительство. Барабашкинские пимокаты и рабочие хмелевского затона вторили.

Ноябрьской ночью на взмыленной тройке из губернского города на Каву прискакал хмелевский доверенный Ласточкин.

Не снимая собачьей дохи, он разбудил Юрия, Ивана и Афоню и прерывающимся голосом сообщил:

— Совдеп постановил национализировать все пароходы, мельницы, заводы, одним словом, все. Потом, говорят, постановлено арестовать Юрия Павловича и Ивана Павловича как врагов трудового народа и сторонников Антанты. Ценности тоже будут конфискованы. С часу на час можно ждать приезда совдепщиков.

Юрий к сообщению отнесся спокойно.

— Придется немедленно уехать, — решил он за себя и брата.

— А ценности? Куда ценности? Всего не увезешь, — волновался Иван.

— Езжайте с богом, Иван Павлович, — уговаривал Афоня. — Езжайте, добра ждать теперь не приходится. Самое ценное можно взять с собой, а остальное спрятать на заимке. Закопать в землю. Там никто не найдет.

С предложением Афони оба брата согласились, и когда на Каву приехали советские комиссары, то Хмелевых они уже не застали.

Значительное количество граждан во главе с Пышкиным оживило пустующую кавскую тюрьму. Оставленный домовничать Афоня был выселен из хмелевского дома, где разместились все административные, хозяйственные и военные учреждения, образованные новой властью.

Весной заварилась каша. Смутно доносилось до кавичан, что где-то, не то под Омском, не то под Николаевском, объявились

чехо-словаки, и образовалось Сибирское правительство, которое объявило войну большевиком. Позднее узнали, что белые взяли Николаевск, Омск и идут на Тюмень и Екатеринбург.

Мимо Кавы весенней ночью прошло двенадцать пароходов, пароходы захватили кавских комиссаров, и после этого город на двое суток остался без власти.

На третий день в Каву пришел с бело-зеленым флагом пароход «Дмитрий Хмелев» и высадил отряд. Приехавший на пароходе уполномоченный Временного сибирского правительства объявил, что Пышкин снова делается комиссаром, городская дума восстанавливается, созывается Сибирская областная дума, а большевики изгоняются навеки из пределов Сибири.

Пока уполномоченный излагал политическую программу нового правительства на экстренном заседании городской думы, начальник отряда по указанию Афони энергично вылавливал оставшихся большевиков.

Из тюрьмы большевиков, вернее, Афониных неприятелей, отправили в «губернию», но кавичане доподлинно знали, что отправили на остров против устья Кавы, где всех расстреляли и зарыли в песок.

Бабы в этот год не ходили на остров за ягодами, боясь «покойников».

Протоиерей Бархатов, узнав о расстреле, похвалил новую власть за твердость.

Под осень на Каву в капитанских погонах явился Иван Хмелев.

— Многие еще остались, — докладывал ему Афоня, — например, затонский Ванька Гриб, братья Полукатовы, Василиса Проскуракова, сожительствующая с комиссаром Уфо, потом кузнец Макаров, Глеб Лазарев, Аришка Чеботарева, вторая жена комиссара по лошадиной части.

— Многие еще остались, — докладывал ему Афоня

*Иван отобрал только
самое дорогое...*

После обстоятельного доклада Афонни перечисленные лица были арестованы и посажены в тюрьму, не пустовавшую, надо сказать, при новой власти.

Иван Хмелев, проболтавшись пару дней, сложил обязанности кавского мэра и, нагруженный тяжелыми чемоданами, уехал с первым пароходом в сибирскую столицу, а в хмелевских хоромах, как привидение, по-прежнему расхаживал Афоня.

Директория. Колчак. Комиссара Пышкина при Колчаке сменил бравый штабс-капитан Хренов. Новый начальник, осуществляя твердую власть, немедленно перепорол крестьян ближних деревень за пристрастие к самогону и большевизму и отслужил ряд молебнов с водосвятием о даровании победы христоролюбивому воинству и верховному правителю боярину Александру Васильевичу Колчаку.

После порки в кавских лесах появились партизаны, а в городе карательный отряд и многочисленная контрразведка.

— Опять Иван Хмелев приехал, — говорили между собой суеверные кавичане. — Опять быть перемене. — Кавичане перечисляли перемены последних лет, связывая их с наездами последних Хмелевых.

На этот раз Иван не стал слушать доклад Афони о вновь открытых им большевиках.

— Наше дело, Афанасий Тихонович, определено пропало, — заявил с первых слов Иван. — Колчак из Омска выбирается, войска бегут. Я думаю, пара месяцев, много три, к нам на Каву придут красные. Своими силами, без иностранной помощи, нам с большевиками не справиться.

— Матерь божия! — вздыхал Афоня.

— Я приехал сюда забрать ценности и уехать за границу. От Юрия я получил через шведское консульство письмо, он там продолжает разводить химию. Поклон вам послал. Итак, Афанасий Тихонович, — закончил Иван, — остается одно: собраться и убраться. Война проиграна, и умные люди заблаговременно едут на Дальний Восток.

— Хорошо-с, хорошо-с, — говорил растерянно Афоня, — можно сказать, последнее расставание. Теперь уж, поди, больше не свидимся.

— Ерунда. А впрочем, если вы опасаетесь, едемте со мной, — предложил Иван.

— Нет, Иван Павлович, куда мне, старику, буду здесь умирать. Ни к чему мне беречь свою жизнь, немного осталось жить. Спасибо.

— Ну, как угодно. Средства я вам оставлю. Советую с Кавы уехать, а потом, когда утихомирится, вернуться.

Иван и Афоня вытащили той же ночью хмелевские ценности. Иван отобрал только самое дорогое: золото в слитках, валюту, драгоценные камни, золотые и бриллиантовые вещи женской линии хмелевского дома и романовские деньги, которыми плотно набил объемистый чемодан. Остальное, громоздкое, оставил Афоне.

— Иконку бы взяли, Иван Павлович, — предлагал Афоня почерневшую икону в золотой ковanej ризе.

— Куда мне ее, — отмахнулся Иван, — оставь себе.

— Икона эта фамильная, золотая риза, заказанная еще вашим прадедушкой Еграфом Никифоровичем, сказывают, — не унимался Афоня, — в то время, а это будет сто с лишком лет, стоила 500 рублей. Смотрите, какие камни. Говорят, эта икона старше Кавы, с первыми Хмелевскими, слышали, поди, с Малушкой, пришла сюда. Возьмите. Покойный ваш папаш очень почитал эту икону.

Иван молча сунул в один из чемоданов фамильную икону.

Рано утром, попрощавшись только с верным Афоней, Иван уехал.

Долго сгорбившись стоял Афоня и смотрел вслед вороной тройке, увозившей последнего Хмелева с Кавы.

— Теперь конец, — шептали старческие губы Афони, — икона с Кавы ушла, и последний Хмелев улетел. Теперь конец.

Рано утром, попрощавшись только с верным Афоней, Иван уехал

В декабре мимо Кавы бежали белые, за ними пришли красные.

Афоня после отъезда Ивана спрятал на дальней заимке последние хмелевские ценности. Дорогой с заимки он простудился, слег и через три дня умер, забытый всеми в пустых хоромах хмелевского дворца.

5. Ха-лучи

Юрий несколько дней кряду замечал, что мимо окон его лаборатории упорно фланирует маленький человек в длинном черном пальто и в котелке с непомерно широкими краями.

Прогулкам маленького человека не мешала никакая погода. Равнодушный химик привык его видеть постоянно шагающим назад и вперед по тротуару, совершенно не интересуясь ни личностью владельца длинного пальто, ни целью его упорных прогулок под окнами лаборатории.

*К витрине подошел
высокий человек
в длинном желтом
кожаном пальто*

Сейчас маленький человек стоял около витрины с афишами и, несмотря на проливной дождь, внимательно читал пестрый плакат.

Юрий рассеянно смотрел на странного маленького человека.

С другого угла улицы к витрине подошел высокий человек в длинном желтом кожаном пальто. Маленький человек встрепенулся, схватился за котелок, но пришедший сделал знак рукой, и карлик снова замер перед плакатом.

Юрий заинтересовался необычной встречей маленького и большого.

Человек в кожаном пальто украдкой показал на другую сторону улицы и быстро отошел от витрины. Химик видел, как кожаное пальто перешло улицу и скрылось в дверях кафе. Через некоторое время за ним в кафе последовал маленький человек.

Кафе навело химика на размышления о завтраке. Надев непромокаемый плащ с капюшоном, он двинулся вслед за незна-

комцами в то же кафе и без всяких предосторожностей расположился за соседним столиком спиной к маленькому человеку.

Незнакомцы говорили по-русски. Юрий за три года жизни в *** прекрасно знал население маленького спокойного пятитысячного городка, похожего на многие городки южной Швеции.

Русский язык здесь был редкостью, и Хмелев невольно начал прислушиваться к разговору своих соотечественников.

— Я вижу, вы не понимаете и не уясняете своей задачи, — говорил человек в желтом кожаном пальто. — Вас послали не торчать под окнами, а организовать. Вам лучше было бы служить в группе лилипутов, а не браться за такие дела.

— Тише, — заметил маленький человек и, возмущенный намеком на маленький рост, громко начал возражать собеседнику: — Во-первых, рост тут ни при чем, — говорил он. — Это не больше как глупое замечание. Во-вторых...

— Во-вторых, — перебило кожаное пальто, — вы идиот. Вы здесь целый месяц торчите под окнами профессора. Вы думали, он вас не заметил. Он, наверное, хорошо изучил вашу физиономию и ваш дурацкий котелок. Почему вы не купите что-либо попримечательнее, а то в этом котелке напоминаете старый гриб.

— Это некорректно, Архангельский, — зашипел котелок. — Может быть, это принято в вашем духовном мире, но...

— Не делайте обиженного лица и попыток острить, мой милый маленький барон, — обрезал Архангельский. — Я здесь по поручению самого сэра Бека. Понимаете? Теперь вам я скажу: ссориться нам с вами пока нет нужды. Вы хорошо знаете, что Бек берется только за крупные дела и хорошо платит.

— Это я знаю, — отмахнулся маленький барон, — но пусть Бек не думает, что записные книжки профессора Хмелева с формулами его таинственных снадобий валяются на полу и мне стоит только нагнуться и поднять их.

— Ладно, — остановил Архангельский, — не портите печень, барон, я приехал по этому же делу, со мной приехали два «инженера», инструменты и все прочее. Вам только остается указать место, откуда будет удобнее сделать визит профессору!

Юрий был удивлен подслушанной беседой. Боясь быть узанным маленьким бароном, который, безусловно, его должен был знать в лицо, он оставил на столе деньги и вышел.

— Ясно, — рассуждал он дорогой, — это агенты какого-то сэра Бека, а может быть, еще кого-нибудь, они заинтересованы получить мои книжки с формулами. Дальше они предполагают сделать налет на лабораторию в ближайшее время. Неясно одно: откуда Бек и другие пронюхали о Ха-лучах, за которыми, видимо, начали охоту.

В этот вечер химик долго ломал голову над вопросом: как Бек пронюхал тайну его изобретения — и не нашел никакого удовлетворительного ответа. О Ха-лучах знал только он и его покойный отец.

Если они интересуются Ха-лучами, решил химик, то пусть с ними познакомятся экспериментальным путем.

В этот же вечер Юрий сделал нужные приготовления. На полу лаборатории он протянул в шахматном порядке тонкую серебряную проволоку, концы которой провел в свою квартиру, помещающуюся в верхнем этаже над лабораторией, и закрепил ее концы в маленьком аппарате с двумя зелеными лампочками. Аппарат, часы и черную эбонитовую кубическую коробку, соединенную с часами и аппаратом шнуром, он поставил на ночной столик.

После этих приготовлений он лег в постель и крепко проспал до утра.

«Гости, видимо, отложили визит, — решил, просыпаясь, химик. — Будем ждать сегодня».

Он не ошибся. Визит последовал.

В полночь колокольчик в часах залился тоненьким смехом. Химик проснулся и, наклонившись около аппарата, начал ждать.

Внизу было слышно, как шипел сильный плавильный аппарат и дребезжала гофрированная железная штормовая ставень.

Затем шипение аппарата смолкло, шторма со скрипом поднялась, и хрустнуло смазанное чем-то стекло.

«Еще минута, и можно будет начинать», — решил Юрий.

Он протянул в шахматном порядке тонкую серебряную проволоку, концы которой провел в свою квартиру

«Визитеры», расплавив железный ставень и вырезав стекло, забрались в лабораторию. При первых же шагах они запутались в натянутой на полу проволоке.

— Что за чертовщина! — выругался шепотом Архангельский.

— Какая-то проволока, — отвечал шепотом барон, направляя потайной фонарик.

Третий «визитер» молча тянул конец проволоки, стараясь его перекрутить, но проволока была гибка, как жила, и не перекручивалась.

Юрий нажал рычаг. Проволока загорела колеблющимися желтыми лучами, и лаборатория быстро наполнилась зеленым светом. Чем гуще становился свет, тем в комнате делалось теплее. Проволока, опутавшая ноги визитеров, обжигала тело, и через минуту три визитера от нестерпимой боли отплясывали дикий импровизированный танец, стараясь избавиться от металлических тенет, в которых они запутались.

На лестнице, в халате, появился хозяин: в белом резиновом халате со странным шлемом на голове, снабженным двумя красными очулярами.

— Что вам здесь угодно? — глухим голосом спросил профессор.

Архангельский выхватил револьвер, но сейчас же выпустил его из рук. То же самое проделал маленький барон. Стоявший на карауле четвертый участник налета, увидев зеленый свет, подбежал к окну в тот момент, когда Архангельский и барон бросили свои револьверы и беспомощно присели на пол. Он выхватил браунинг, неторопливо прицелился в ярко освещенную фигуру химика на лестнице и нажал спуск. Браунинг взорвался, стрелявший, взмахнув руками, свалился на землю.

— Прекратите ваши шутки, господин профессор, — взмолился Архангельский. — Вы нас сожжете в уголь.

— Черт вас возьми, убавьте жар! — орал во всю глотку барон. — Нет никакого терпения.

Химик под дружные вопли визитеров повернулся и ушел вверх.

В это время на дворе послышались тревожные свистки, топот, и несколько полицейских подскочили к окну. Зеленый свет погас, на лестнице снова появился химик в обычном халате.

Полицейские без сопротивления захватили ночных визитеров.

— Эти громилы, — говорил химик после ареста налетчиков сидевшему в его кабинете полицейскому комиссару, — проникли через окно, предварительно выплавив шарниры ставня и вырезав стекло. Я не спал, читал в кровати и слышал, как громилы приступили к плавке ставня. Я немедленно позвонил в полицию. Далее вам известно, что, зацепив за проволоку, они открыли световые сигналы и были захвачены на месте преступления вашими людьми.

— Скажите, пожалуйста, вы не слышали выстрел?

— Вернее, я слышал взрыв за окном, — поправил химик, — но отчего он произошел, в то время объяснить не мог.

— Еще два вопроса. Что, вы полагаете, могли похитить у вас громилы?

— Затрудняюсь сказать.

— Вам известно, что все громилы русской национальности. Насколько мне известно, вы тоже русский. Не находите ли вы это совпадение заслуживающим внимания?

— Я бежал из России во время советского террора. Личных врагов у меня там нет. Возможно, эти люди большевистские агенты, но что им надо было в моей лаборатории, повторяю, я не знаю. Область, в которой я работаю, абсолютно неинтересная и какого-либо практического значения не имеет, а поэтому едва ли, чтобы агенты интересовались именно этой стороной.

Полицейского комиссара сменили три репортера.

— Ваше мнение, господин профессор?

— Мое мнение: громилы — агенты большевиков, которые мешают работать нам, аполитичным русским ученым, для науки даже за пределами России. Больше я сказать ничего не могу. Что же касается подробностей налета, то вы их можете узнать в полиции.

Сколько репортеры ни выжимали из химика сенсационных подробностей, больших разъяснений добиться от него не смогли.

6. Когда икона бывает чудотворной

После долгого путешествия в штабном вагоне чехо-словацкой миссии Иван Хмелев приехал в Харбин. На другой день местная хулиганская газетка, издаваемая на деньги японской контрразведки, «Рупор», поведала переживающим очередное кипение харбинцам о приезде в «наш» город одного из богатейших людей Сибири, Ивана Хмелева.

С этого же дня началась беспечальная жизнь Вани Хмеля, как его называли в интимном кругу собутыльники и приятели.

Ваня нанял целый особняк, завел пару автомобилей, полдесятка скаковых лошадей и штат прислуги. В найме прислуги Иван оказался не только патриотом, но и милитаристом — он нанимал преимущественно русских военных.

Прилив «беженцев» в землю обетованную, именуемую тремя маньчжурскими провинциями маршала Чжан-Цзо-лина, с каждым днем нарастал и усиливался.

Генералы, офицеры, уфимская стрелка, контрразведчики, чиновники, министры десятка автономных правительств, высокой и низкой марки кокотки, проститутки, купцы, просто дельцы, спекулянты, архиереи, попы и другой сброд с пустыми и набитыми карманами, как мухи на помойную яму, слетелись в Харбин в ожидании, когда их призовет покинутая ими в спешном порядке родина.

Никто не сомневался в том, что родина призовет скоро, а поэтому накопленное, награбленное, украденное широко разбрасывалось.

Хитрые, экономные китайцы, глядя на эту орду непрошенных гостей, со свойственной восточной сдержанностью и вежливостью говорили: «О, шибак багата капитана».

Русский народ в их представлении был армией «богатых капитанов» с карманами, набитыми золотыми пятирублевиками.

Рассказы о хмелевских миллионах и блестящая жизнь последнего представителя на виду всего «аристократического» Харбина толкали в громадную темную переднюю Ивана Хмелева ежедневно толпы народа, чающего получить денежную подачку в виде безвозвратного пособия или безвозвратного займа на пару недель.

Глуповатому кавскому городскому голове нравились эти «приемы» и поклонения. Конечно, он все это приписывал влиянию своей «особы», а не притягательной сказке о хмелевских миллионах.

Личный секретарь (Иван таковым, по примеру многих изгнанников высокой марки, обзавелся) из жуликоватых чиновников какого-то колчаковского департамента подал патрону целую кучу визитных карточек. По харбинскому обычаю прошения заменились карточками, которые считалось хорошим тоном иметь сотнями в карманах и толкать при первой возможности каждому встречному.

У Ивана со вчерашней попойки болела голова. Он хотел было послать к чертовой матери всех ожидающих и заняться огуречным рассолом, который стоял на слишком прибранном письменном столе с явными признаками того, что хозяин его никогда на нем не работает, но секретарь, изогнувшись, предупредил намерение патрона.

— Вам надо принять Головачева, Тупикова и Куликова, — картавил по харбинской моде секретарь, — они думают вести с вами разговор о правительстве.

— А на кой черт мне нужно правительство? — усомнился Иван.

— Разговор идет о назначении вас министром, вернее, предложении вам портфеля министра.

— Министром?! — удивлялся Иван и, хлебнув огуречного рассола, задумчиво проговорил: — Вот так штука. Сразу в министры. Давай, зови депутатов, потолкуем насчет этих чудес.

В глубоких креслах против Ивана уселись три улыбающихся физиономии. Хмелев, пустив глубокую задумчивость во все лицо, смотрел на жбан с рассолом.

Головачев, набрав воздуха и нацелившись одним глазом на тот же жбан, вкрадчиво начал:

— Иван Павлович, вы знаете, освободительное движение против большевиков началось в 1918 году под бело-зеленым знаменем автономной

Сибири, оно кончилось в 1921 году под тем же бело-зеленым знаменем на берегах Тихого океана во Владивостоке, когда еще раз Сибирское правительство показало свой дух, облик и...

Головачев сделал паузу, а Иван Хмелев тоскливо думал: «Ну, завел теперь акафист».

— Мощь! — выпалил Головачев. — Идея автономной Сибири не умерла, она жива в сердцах сибиряков там (Головачев ткнул пальцем по направлению жбана) и здесь — за рубежом. Мы должны быть готовы принять власть каждую минуту. Мы теперь не допустим тех ошибок, которые, надо искренно сознаться, были сделаны в прошлом.

Головачев долго еще говорил бы о прошлом, настоящем и будущем Сибири, но, заметив, что у будущего министра смыкаются глаза, перешел прямо к цели визита.

— Сибирское правительство избрано, и мы вам предлагаем портфель министра финансов, — торопливо закончил он и встал, за ним встали Тупиков и Куликов. Неохотно поднялся и Иван.

— Удобно ли будет, — пролепетал кандидат в министры.

— Что вы! Вы единственный кандидат, вы ведь наш сибирский Терещенко, — наперебой трещали делегаты.

— Хорошо, — согласился Хмелев. — Сколько надо будет денег на первое время?

Делегаты сделали невинные лица.

— Денег? Этот вопрос мы разрешим на совещании совета министров.

— Хорошо было бы это совещание устроить у вас — здесь, — ввернул Куликов.

— Что же, можно, места для десяти советов хватит. Только назначьте время.

— Сегодня вечером, в 8 часов. Хорошо?

— В восемь, так в восемь, — согласился вновь испеченный министр.

Делегаты, пожав десять раз хмелевскую длань, исчезли.

Прием продолжался...

— Ну, что скажешь? — Иван не церемонился со своим личным секретарем. — Эй ты, голова с затылком.

Личный изогнул набок шею.

— Слушаю, Иван Павлович.

— Позвони Ирме, что я теперь министр, и скажи, что после совета мы к ней ночью в гости приедем.

— Есть.

— Ты, наверно, знаешь, как эти советы устраиваются. Не посрами меня, чтобы вся министерия на карачках ползала. Понял?

— Ясно, Иван Павлович.

Вечером состоялось первое совещание совета министров. После совещания министры ездили к Ирме и танцевали, кто русскую, кто фокстрот.

Шел 1925 год. Иван Хмелев за это время был три раза министром, два — редактором, один раз даже верховным эмиссаром Сибири, начал обнаруживать, что золото, бриллианты, ценности успели растаять. На Ванином языке, в кармане бренчали «гроши», с которыми по установленному размаху можно было продержаться несколько месяцев, после чего оставалось присоединиться к артели сунгурийских грузчиков или идти подметать улицы.

«Надо сматывать удочки, — думал он. — Разве я не дурак, такие деньги пропустил, и где?.. В Харбине. Еще бы в Париже, а то в этой помойной яме. Там, наверное, таких Ирмов сотни. Идиот».

Окружавшая Ваню орда имела хороший нюх на золото. Быстро опустела приемная, так же быстро охладела Ирма, бывшие «коллеги» по совету министров отвернулись и начали увиваться около нового претендента на пост минфина Сибири, который побрякивал в кармане золотом.

Иван делал отчаянные попытки показать, что он не выдохся, что хмелевские миллионы не дым, но эти попытки никого не убеждали.

Харбинский «свет» Ивана зачислил в разряд «бывших людей» и хорошо знал, что он выкидывает на ветер последнее золото.

«Может быть, это и грешно, но необходимо», — рассуждал Иван, сдирая золотую ризу с фамильной хмелевской иконы. Риза была крепко прибита, и дрожащие руки Ивана работали плохо. Зацепив край ризы, Хмелев расколочил на три части икону, и тогда дело реквизиции ризы пошло быстрее.

— А это откуда? — удивился Хмелев и взял в руки свернутый в трубочку желтый листок пергамента. Осмотрев расколо-

тую икону, он нашел в ней скрытый потайной ящик. В ящике лежал персидский золотой, почерневший от времени, и янтарный нательный крест.

Развернув пергамент, Иван с трудом прочитал начальные строки: *«Во имя отца и сына и святого духа аминь. Аз недостойный и грешный раб Малушка Хмелев, «боярский сын...».*

«Не Кучумовский ли клад? — мелькнуло в голове Хмелева. — Он, он, — ликовал Иван, разобрав среди кривых выцветших строк слова: *«а клад тот... Кучум-хан...».*

Долго сидел Хмелев над желтым пергаментом, открывшим ему новые огромные богатства. Многие слова стерлись, многие он, не имея опыта чтения славянской скорописи, не мог разобрать, но было ясно, что Малушка Хмелев, открыв случайно тайник хана Кучума, выбрал из него спрятанные богатства и спрятал их в новом месте на Ирменском яру.

«Сто шагов от ключа, — говорилось в пергаменте, — на закат, когда 15 июля солнце уже село, итти по веревке прямо, сто шестьдесят три шага от берега, мимо трех больших сосен, что стоят рядом друг от друга на полдень, итти тоже прямо по веревке и сто шестьдесят три шага итти по веревке прямо к берегу и потом взять десять шагов на восток и, призвав имя божие, копать яму глубиною два локтя...».

Далее подробно описывалось, как найти ключик по течению реки Ирмень от ее устья. Малушка не забыл упомянуть о большом камне, из которого бьет ключик, и указать подробно ряд других примет.

— Все хорошо, — рассуждал обрадованный находкой Хмелев, — но клад в Совдепии. Положим, я его даже найду, но как вывезу? Трудная задача.

«Чудотворную» икону Иван отдал в починку и отказался от реквизиции ее ризы.

7. Лорд Бек

Юрий вертел в руках длинную визитную карточку. Толстая белобрысая Катерина, привыкшая к молчаливому «господину

профессору», равнодушно ждала ответа. Гости и посетители у профессора были редкостью, и Катерина, впустив бритого пестрого англичанина в туристском костюме, была даже удивлена.

— Хорошо, просите сюда, в лабораторию.

В лаборатории появился пестрый англичанин.

— Очень рад вас видеть, — начал Юрий, — сначала меня посетили через окно ваши люди, теперь любезно вы. Я к вашим услугам.

— Я очень рад, дорогой профессор, — англичанин отвесил церемонный поклон, — я очень рад, что мы приступаем к делу без лишних китайских церемоний.

— Я вас слушаю, — сухо заметил химик.

— Я буду кратким. Мои люди, как вы выражаетесь, потерпели неудачу... Благодарю вас, что вы их превратили в советских агентов. Надеюсь, что я буду более счастливым в исполнении возложенного на меня поручения. Одна могущественная держава... — продолжал сэр Бек. — Нас не подслушивают? Нет. Я продолжаю. Называть эту державу нет нужды, вы догадываетесь, очень заинтересована получить секрет тех чудесных лучей, над которыми вы работаете в течение многих лет. Ваше дело — оценить секрет, наше — сделать опыты и... заплатить вам.

Химик внимательно выслушал дюжего англичанина.

— В этой истории есть недоразумение, — после долгого молчания проговорил химик. — Разрешите вас просить, сэр Бек, не можете ли вы указать источник, из которого почерпнуты слухи о чудесных лучах, над которыми якобы я работаю?

— Охотно. Вы ученик немецкого профессора Кейзерлинга, ныне покойного. Вы в те далекие времена, до мировой войны, уже задумывались над существованием лучей. Потом, эмигрировав после великой войны, когда Россией овладели большевики, вы были в Германии, посетили вашего учителя и поделились вашими успехами.

— Теперь ясно, — пробормотал Хмелев.

— Простите. Ваш покойный учитель сохранил тайну, но стены иногда слышат. Вы, наверное, слышали эту старую поговорку. Нужда нас заставляет быть осторожными с немцами, которые мечтают о реванше. Мы хорошо осведомлены, что делается не только в стране, но и в тишине кабинетов их ученых.

Разговор прервался. Хмелев думал об успехах английского шпионажа, англичанин ждал ответа.

— Сэр Бек, — начал ученый, — надо полагать, что люди, которые ловят шорохи таких профессорских кабинетов, не всегда бывают компетентными. На этот раз человек, подслушавший мой разговор с профессором Кейзерлингом, его извратил, может быть, и неумышленно. Поверьте мне, разговора об изобретенных мною лучах не было, так как я их не открыл и не собираюсь открывать.

— А зеленый душ, которым вы угостили недавно ваших ночных посетителей? — вставил сэр Бек.

— Зеленый душ — детский фокус, не больше и не меньше. Если угодно, я его вам продемонстрирую, это изобретение. Оно, пожалуй, может быть использовано только для световых реклам, а не для сокрушения бошей.

— Люди мне говорили...

— Ваши люди, — перебил Хмелев, — неосторожны. Сидя вон там, в кафе, они выболтали за моей спиной все. Мне, получив предупреждение из первоисточника, оставалось устроить сигналы и позвонить в полицию.

— Они мне говорили, что зеленая атмосфера и проволока, в которой они запутались, их жгла и...

Химик улыбнулся.

— Сэр Бек, — убедительно заметил химик, — вы верите этим бездельникам? Ясно, что, потерпев неудачу, они теперь наскажут разных чудес. Это их измышление.

Англичанин задумался.

«Или тонкий плут этот профессор, — решил он, — или действительно история с лучами — сказка для детей школьного возраста».

— Уважаемый профессор, я не имею оснований вам не верить, хотя тело этих негодяев во многих местах превратилось в хорошо прожаренный беф, — англича-

нин поднял палец, — но в тот день, когда вы откроете таинственные лучи, то помянутая, вернее, непомянутая держава, как и сейчас, в данный момент, готова их купить. Не только купить, но и субсидировать вас в поисках лучей, если это будет вам угодно.

— Благодарю вас. Луч — нечто нереальное в общежитейском смысле. Это синяя птица, и его можно ловить и никогда не поймать. Далее, сэр Бек, мы с вами имеем удовольствие довольно долго беседовать о лучах, но ни разу не упомянули об их свойствах. Я не понимаю, какие лучи вы имеете в виду и почему они будут нужны той державе, которая выражает желание меня субсидировать?

«Черт его знает, куда он клонит, — думал сэр Бек, — или он профессор, или, кроме этого, ловкий дипломат».

— Я имею в виду, дорогой профессор, — неохотно сообщил англичанин, — такие лучи, которые имеют свойство взрывать на расстоянии крейсера, траншеи, форты, города, одним словом, менять лицо известных участков воды и суши, куда они будут направлены.

— Я вас понимаю, но, — грустно обронил химик, — я не работаю над такими лучами. Мои лучи, может быть, будут излечивать застарелый рак желудка, экзему, но не взрывать города.

Сэр Бек, не добившись толку, ушел от химика.

В тот же вечер он отправил в Англию телеграмму в адрес своего друга. Телеграмму сэра Бека прочитали в военном министерстве и нахмурились.

В скором времени профессор Хмелев отбыл в путешествие по северной Норвегии. Стеречь лабораторию осталась толстая Катерина.

Взрыв в лаборатории профессора Хмелева после налета громил снова всполошил тихий город и оживил начиненные перепечатками местные газеты.

Еще большее волнение вызвало «открытие» под развалинами трупов служанки профессора с двумя огнестрельными ранами и двух неизвестных людей. В кармане пиджака у одного из этих людей был обнаружен браунинг, в котором не хватало двух пуль. Экспертиза установила, что пули, которыми была убита служанка, одного калибра с найденными в браунинге.

«Нет сомнения, — писал «Голос», — что злоумышленники, прежде чем проникнуть в лабораторию, убили Екатерину Петерсен, после чего сами сделались жертвой взрыва. Отчего произошел взрыв — остается тайной».

«Нет никакого сомнения, — писало «Эхо», — что профессор Хмелев, не считаясь с безопасностью граждан нашего города, хранил в своей лаборатории сильно взрывчатые вещества. На этот раз взрыв не принес ущерба соседним зданиям, если не считать выбитых стекол и провала потолка в самой лаборатории, но... На будущее время нет гарантий, если г. профессор будет продолжать проявлять вредную рассеянность, что весь квартал не взлетит на воздух благодаря его «профессорской рассеянности».

«Взрыв и налет на лабораторию русского профессора Хмелева, — писала третья газета, «Зрячий», — имеют связь. Не будет ли любезен г. профессор нам помочь открыть эту связь и тем самым себя, а главное, граждан города избавить от подобных сюрпризов».

Уведомленный телеграммой о взрыве в лаборатории, Хмелев не торопился с возвращением и только через две недели он приехал из прерванного путешествия.

В «Эхо» появилось пространное письмо в редакцию, в котором между прочим химик писал: «В лаборатории никогда не было и не хранилось взрывчатых веществ, и если бы даже таковые были, то я никогда не проявил бы «профессорской рассеянности» и не оставил бы их в помещении лаборатории, так как взрыв дорогостоящей лаборатории, в первую очередь, нанес бы непоправимый материальный вред мне, не говоря о драгоценной жизни граждан гостеприимного * * *, которую я ставлю выше всего. Полагаю, что люди, убившие мою служанку Петерсен, принесли с собой взрывчатое вещество и сами сделались жертвой взрыва, который, по неизвестным причинам для меня, они думали произвести в лаборатории».

Второе событие, в котором не фигурировало имя профессора Хмелева, произошло в одном глухом фиорде северной Норвегии. Жители рабочего поселка упорно говорили, что Черный остров, находящийся в 20 милях от берега в море, странным образом после приезда иностранного профессора взлетел на воздух. Профессор накануне ездил с рыбаками на остров и вни-

мательно осматривал черную высокую скалу, известную под именем Черного острова. В эту же ночь скала взорвалась, утром профессор ездил на место взрыва, где вместо скалы рябило море. Вечером профессор уехал в глубь страны.

В печати это событие прошло незамеченным, только в береговых лотциях, издаваемых норвежским правительством, Черный остров более не отмечался черной точкой.

После взрыва лаборатории Хмелев прожил короткое время и уехал, как писали газеты, в Англию.

8. Братья Хмелевы

Братья Хмелевы переписывались редко.

Иван, все еще раздумывавший над верным способом извлечения ханского клада и сидевший в Харбине, получил со многими штемпелями объемистое письмо от брата. Обычно химик в редких письмах сообщал, что жив и здоров, работает, но на этот раз Юрий затронул щекотливый вопрос о разделе вывезенных ценностей.

«Дорогой Ваня!

Прежде всего сообщаю тебе, что из Швеции я перебрался в Лондон (подробный адрес внизу). Мое переселение вызвано, с одной стороны, взрывом моей лаборатории, и с другой — некоторыми соображениями личного характера. Взрыв уничтожил лабораторию и тем самым остановил мои работы.

Я никогда не обращался к тебе с денежными просьбами, но в настоящее время, в связи со взрывом, мне нужны деньги как на оборудование заново лаборатории, так и личные нужды. Ты знаешь, что я из России вывез очень немного и ни разу не возбуждал вопроса о разделе наследства. Как ты мне сообщал, тебе удалось многое спасти и вывезти на очень значительную сумму, а поэтому я прошу тебя немедленно перевести на банк мне 50000 золотых рублей. В дальнейшем я не буду беспокоить тебя такого рода просьбами. Перевод денег ускорь».

Далее Юрий подробно указывал, куда и как перевести деньги и высказывал удивление, что Иван прочно обосновался на Дальнем Востоке и не стремится в Европу.

Иван, перечитав несколько раз письмо брата, вздохнул и задумался.

«Легко сказать, 50000 золотых рублей, — соображал Иван, — когда нет и бумажных. Эх, Юра, опоздал ты с письмом, теперь одна надежда на этот клад».

Обескураженный Иван набросал телеграмму: «Англия. Лондон... стрит, 49, профессору Юрию Хмелеву. Выезжаю немедленно тебе Лондон встрече согласуем вопрос деньгах Иван».

Распродав автомобили, дом, лошадей, другое обзаведение и реализовав последние фунты золота на английские фунты, он уехал в Шанхай. Из Шанхая бывший «эmissар всея Сибири» начал приятное плавание в Европу на борту «Ewigika», поражая пассажиров и стюартов количеством выпиваемых коктейлей, развязным видом и русской щедростью, которая шокировала скуповатых американских миллионеров.

В перерывы между коктейлями Иван произносил антибольшевицкие речи и резко порицал поведение Антанты.

Миранда Грей, севшая на пароход в Коломбо, была пленена «русским капиталистом», бросавшим горстями золотые монеты туземным мальчишкам, нырявшим за ними в синюю глубину океана.

Миранда Грей, побывавшая за свои тридцать два (она говорила, двадцать пять) года в пяти известных каждому школьнику частях света, умела лучше туземных мальчишек вылавливать из глубин карманов деньги. Она решила заняться большим русским пьяным медведем.

И как ни странно, женщина, одержавшая в пяти частях света ряд блестящих побед, ознаменовавшихся в Центральной Америке — революцией в одной из экзотических республик, Австралии — крахом солидного банка скотоводов, Африке — утечкой бриллиантов и золота из сейфа Трансваальской акционерной компании по эксплуатации недр, в Индии — самоубийством англоизированного раджи, и так далее, на первых же шагах в схватке с северным медведем потерпела решительное поражение.

Иван, запямятовавший, что министерский портфель и прожорливая кокетка Ирма Клэр разорили его в Харбине, к знакам внимания великой куртизанки отнесся сдержанно.

Но Миранду Грей не так было легко лишить воли к победе. Она изменила тактику и быстро сумела убедить глуповатого

Хмелева в своей беспредельной любви, бескорыстности и преданности.

В Марселе Миранда Грей самым законным образом превратилась в Миранду Хмелеву. Вымирающий представитель хмелевского рода соединил свою судьбу с вырожденком конквистадоров, уроженкой Перу, Мирандой Грей.

После восьми лет разлуки последние Хмелевы встретились. Иван представил обретенную в дальнем плавании жену. Миранда смерила глазами корректного, прекрасно одетого химика и пожалела, что спутником на борту «Евгика» оказался не другой брат.

Братья ушли в кабинет.

— Женился я дорогой, случайно, — непринужденно начал Иван, — собственно говоря, пора жить семейно. Знаешь, года и прочее...

— Давай лучше приступим к делу, — остановил Юрий, — вообще, как твои денежные дела?

— Ты попал в самую точку, — покраснел Иван, — денежные дела пока отвратительны. Что я вывез в 1919 году с Кавы, буду говорить откровенно, спустил. Шутка — три раза был министром, потом верховным эmissаром Сибири да еще редактором-издателем и прочее.

— Где был? — удивился Юрий.

— Где? Ясно, в Харбине, на Диагональной улице. Газету издавал, банкеты давал, одним словом, всего не упомнишь. Сейчас осталось тысяч сорок.

— Короче говоря, — сухо заметил

Юрий, — лишних для меня денег нет.

— Ты постой, не давай поспешных заключений, — начал Иван, — деньги огромные есть и вместе с этим их нет.

— Как?

— Вот теперь ты прослушай чудесную историю, из-за которой я лично к тебе приехал посоветоваться. Ты слышал о кладе Кучума?

— Слышал, — задумавшись, ответил Юрий, — это детская сказка о кладе, который нашел Малушка и упрятал его неизвестно куда. Так, кажется.

— Верно. Я нашел этот клад, — торжественно заявил Иван и подал копию завещания Малушки.

Химик недоверчиво взял бумагу и внимательно пробежал содержание.

— Наверное, есть подлинник? — заметил он, возвращая Ивану копию.

— Вот подлинник, я его нашел в иконе, помнишь, к которой прадед Евграф сделал золотую ризу. В этой самой иконе было углубление, секретный ящик. В ящике лежало это завещание, вот этот крест и этот персидский золотой.

— Неспроста встретился в могиле Малушка с отцом, — вспомнил Юрий. — Первый Хмелев приходит на помощь последним. Это многозначительно. Да. Но... знаешь, тут есть большое «но». (Юрий превратился в профессора-аналитика). Прежде всего: клад на советской территории, откуда его вывезти трудно, если не невозможно, так как, надо полагать, это не акции и банкноты, а металл, к тому же в самой непортативной отливке.

— Я об этом думал, — вставил Иван.

— Далее, — продолжал Юрий, — приметы, помянутые в завещании Малушки, несмотря на то, что он применил даже астрономический прием, указав более или менее точное место поиска клада, мало действительны, ибо надо принять во внимание геологические, физические и иные факторы, которые могли и должны изменить поверхность того участка земли, где лежит клад.

— Какие? Геологические? — не понял Иван.

— Очень просто, — продолжал, увлекаясь, химик. — Три сосны? Три сосны — толстых, ясно, что за триста лет они сделались еще толще. Затем обратили благосклонное внимание людей, и можно думать, что от них не осталось и трех пней. Ключ, исходная точка координаты, мог иссякнуть от вырубki леса, сдвигов почвы и так далее и тоже в данное время не существовать. Камень? Его могло засыпать землей, затем просто разрушиться от времени. Шаги — мера неточная. Сто двадцать шагов от ключа. Очень неопределенно. Сейчас, может быть, меньше или больше. Течение реки тоже могло за триста лет отклониться. Известны случаи, когда устья рек перемещались на десятки верст. Например, в Китае река...

— Теперь ты наскажешь, — замахал руками Иван. — По моему мнению, клад можно найти, десять лет проискать, но найти.

— Об этом я спорить не буду, — согласился химик, — конечно, его следует поискать.

— Миранде я об этом ни гу-гу, — похвалился Иван.

— Хорошо делаешь. Одним словом, ты хорошо сделал, что приехал сюда, — заключил Юрий. — Деньги я найду, и много денег. Верно, к этому источнику мне пока не хотелось прибегать, но если так случилось, придется. Ты, в свою очередь, береги остатки, помни, что мы пока — бывшие миллионеры.

— Миранде я обещал бриллиантовые серьги, — сознался Иван. — Еще до свадьбы.

— Ты ей скажи, что серьги подарю я. Свадебный подарок.

— Правильно, — обрадовался Иван. — Ты свою марку поддержишь, знаешь, какую я марку держал на Востоке. Если тебе рассказать...

Юрий улыбнулся и подумал: «Глупый Иван, он, как король в изгнании, думает о какой-то «марке».

При прощании с Мирандой Юрий прозрачно намекнул о маленьком блестящем сюрпризе, право на который он отвоевал у ее мужа.

— Я надеюсь, — сказала Миранда, — дальнейшее наступление на права моего мужа будет, дорогой профессор, приостановлено.

Химик галантно заметил: «Все зависит от договора воюющих сторон».

9. Начало большого дела

В большом кабинете военного министра горел газ, на столе — электрическая лампа.

«Консерватизм и уступка времени», — подумал Юрий Хмелев, глядя на странное соединение газового и электрического освещения.

— Уважаемый профессор, — проговорил министр, — разрешите вам представить генерала Стэнли.

Хмелев встал. Из темного угла выплыла сухопарая высокая фигура человека в штатском, которую при входе в кабинет Хмелев не заметил.

— Генерал Стэнли не родственник африканского, — сострил министр и первый громко засмеялся своей остроте.

— Итак, — начал министр, — сейчас самый удобный час. Мы вас слушаем, профессор.

— Я пришел сам предложить Ха-лучи, открытые мною. Лучи, названные мною Ха, имеют свойство взрывать на расстоянии что угодно, — просто проговорил химик.

— Одинаково, — вставил Стэнли, — будь то Черный остров или сверхдредноут.

— Тем лучше, если вам известна тайна Черного острова, — заметил Хмелев.

— Вы, дорогой профессор, тонкий дипломат, — проговорил министр. — Лорд Бек твердо решил, что ваши лучи годны для излечения насморка и сплина, но мы со Стэнли решили иначе, и маленький опыт с Черным островом нам указал истинное применение открытых вами лучей.

Стэнли кивал головой и дымил трубкой.

— Я должен вас предупредить, — проговорил химик, — опыты с Ха-лучами мною не закончены. Пока дальность действия лучей не превышает 5—7 морских миль, что при современной авиации их делает уязвимыми.

— Совершенно верно, — согласился Стэнли.

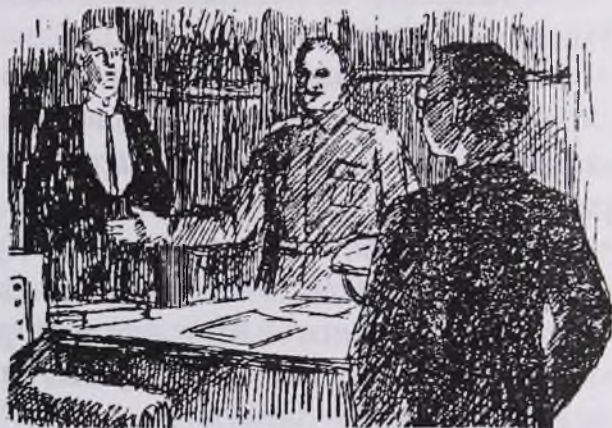
— Дальше, — продолжал профессор, — участок действия, то есть площадь взрыва, невелика, таким образом, эффект взрыва довольно скромн.

— Вы хотите сказать... — начал министр.

— Я хочу сказать, — перебил довольно невежливо химик, — что необходима дальнейшая работа и деньги.

— Мы вам дадим деньги, — в свою очередь перебил министр.

— Мне необходима субсидия, — продолжал Хмелев, — на дальнейшее производство опытов в размере 200000 фунтов стерлингов.

Хмелев встал. Из темного угла выплыла сухопарая высокая фигура человека в штатском...

— Во сколько же вы цените секрет лучей? — спросил министр и переглянулся со Стэнли.

— Один миллион 200 тысяч фунтов стерлингов.

— Дороговато, профессор, — заметил министр.

— Я думаю, что на доллары мне заплатят больше в три раза, — сухо отрезал Хмелев.

— Возможно, — протянул министр, но, увидев намерение химика подняться с кресла, живо добавил: — Дорогой профессор, мы, то есть я и Стэнли, неправомочны разрешить этот вопрос сейчас, мы имеем инструкции просить вас продемонстрировать взрыв, после чего будет разрешен вопрос о вашем гононаре, и мы договоримся окончательно.

Хмелев не возражал.

На другой день начались приготовления к опыту. В одном из портов миноноска № 783 вывела на буксире старый легкий крейсер. Приказ, напечатанный на борту миноноски, предлагал «старую калошу» доставить в маленький пункт на шотландском побережье и ждать дальнейших распоряжений. В * * * командир миноноски, к великому удивлению, получил новый приказ: поставить на якорь в пяти милях от берега крейсер и немедленно возвратиться.

«Калошу» поджидала небольшая группа лиц, неожиданно появившихся в рыбацьем поселке на автомобилях. Автомобилисты запретили рыбакам выезд в море в течение трех дней.

В дальнейшем рыбаки видели, как взлетел от неизвестной причины на воздух крейсер, а довольные автомобилисты умчались так же неожиданно, как и прибыли.

Профессор Хмелев, отсутствовавший несколько дней дома, позвонил брату.

— Алло! Иван! Я везу твоей жене подарок. Жди.

Иван был растроган.

— Мы скучали без вас, — Миранда особенно пожалала Юрию руку.

— Где вы пропадали?

— Чтобы скучать, надо привыкнуть, — ответил Юрий, — а пока я вам не надоел.

— Миранда тебя очень часто вспоминала, — подтвердил Иван.

— Разрешите, уважаемая Миранда, — начал церемонно Юрий, — сделать вам маленький сердечный подарок.

Юрий протянул большой футляр.

— Ах, какая прелесть!..

Миранда обвила шею растерявшегося профессора и вlepила ему настоящий перуанский поцелуй.

На темном бархате лежало бриллиантовое кольцо сказочной стоимости.

— Черт возьми, — обомлел Иван, — эта штучка, — продолжал он, — тебе стоит кучу денег. Сколько стоит?

— Это царский подарок, — искренне восхищалась Миранда.

— Да, это кольцо знало царские шеи, но оно более достойно вашей.

— Bravo, профессор, — смеялась Миранда. — Ваш комплимент я принимаю.

Миранда в тот вечер не расставалась с колье.

«Надо быть сказочно богатым, — думала она, — чтобы сделать такой подарок. Это кольцо стоит не менее 50000 фунтов стерлингов. Раджа не мог быть так щедр, как этот русский профессор».

Мысли Миранды перескочили на Юрия.

«Видимо, он замкнутый человек, мало видевший в жизни ласки и участия».

Она вспомнила слова Ивана о брате: «Юрий — выродок из нашего дома.

Он никогда не пил, не ухаживал за женщинами и не умел с шиком тратить денег. Вечно он занят в лаборатории. Из Хмелевых он самый умный. Его покойный отец называл «золотой головой».

После подарка колье Миранда очень часто начала бывать у Юрия. Как притаившаяся мышь, она целые часы сидела в лаборатории. Смущенный химик не знал, что делать: работать или занимать гостью. Чаще он бросал работу и занимался разговорами.

Юрий протянул большой футляр

Химик умел слушать, а Миранда любила говорить. Это их связывало, и скрытная перуанка невольно выбалтывала многое из своей пестрой жизни, что тщательно скрывала от других.

— Мне хочется в Южную Америку, — болтала она. — Латинская Америка нечто необычное, особенно Перу, Чили, Эквадор, где янки и европейцы еще гости и где патентованным трубкам предпочитают домашнего изготовления сигары.

Вы знаете, там, в маленьких белых городах, вы найдете старую Испанию времен великих конквистадоров и увидите босоногих потомков грандов, прибывших за золотом на каравеллах. Я из их рода. До четырнадцати лет я бегала босиком, — продолжала она, — потом неожиданно начала делать карьеру: шестнадцати лет я вышла замуж за синьора с именем и фамилией ровно в двадцать два слова. Синьор решил заняться самой опасной профессией.

— Он сделался авиатором? — догадался химик.

— Нет, он решил сделаться президентом, это опаснее, чем быть авиатором. На деньги американского банка мой супруг сделал маленькую революцию. Банк получил медные концессии, а муж был «избран» президентом. Вскоре другой конкурирующий банк произвел новую революцию, и благодарные избиратели президента сделали трупом, заменив его другим, а я осталась вдовой. Мне было ровно восемнадцать. После этого я решила, что президенты не очень завидная партия, и вышла замуж за американца-концессионера.

— И снова овдовели? — пошутил Юрий.

— Нет, на этот раз я была осторожнее: я развелась и оставалась свободной и одинокой до брака с вашим братом.

— Ваша встреча была необычной, — вставил химик.

— Вернее, случайной. Необычного на борту океанского пассажирского парохода мало. Я полагаю, что пароходы — самое удобное место для организации брачных бюро. Удивляюсь, что никто не додумался открыть на больших линиях брачные конторы и бюро.

Юрий привык к беззаботной болтовне Миранды, всегда остроумной, несколько насмешливой и откровенной.

Временами Миранда приезжала с мужем. Тогда было скучнее. Иван начинал бредить ханским кладом, в историю которого он все же посвятил Миранду.

— Тебе, Юрий, хорошо, — говорил Иван, — ты в своей лаборатории варишь золото, а мне приходится туго. Жить на твой счет, а это как ты ни отрицай, надоело. Понимаешь, — продолжал он с волнением, — золото, камни драгоценные где-то лежат в грязной земле без пользы, без толку, а я сижу здесь и хлопаю глазами. Ведь это глупо и больше того — обидно.

— Надо найти выход, — вставляла Миранда.

— Хорошо сказать: найти выход, — волновался Иван, — это не взять лопату и выкопать яму. Надо перескочить через советский барьер, затем отыскать этот клад, потом его вывезти. Последнее самое трудное: клад не иголка, а реализовать его в Совдепии невозможно.

— Да, доставка — самое трудное, — согласился Юрий, — клад все же будет твой.

— Не хочешь ли ты сказать, — горячился Иван, — что клад мой будет, когда падет советская власть. Я не такой дурак, каких здесь много. Большевики сидят крепко и будут сидеть, а мы будем порхать, как выражаются наши газетные писаки, в странах рассеяния бездомными кукушками.

Юрий молчал и насмешливо глядел на Миранду.

— Понимаешь, — сознался Иван, — я этот клад и Кучума чуть ли не каждую ночь вижу во сне. Честное слово. Как напьюсь, так Кучум и снится.

— Слушай, Иван, — проговорил Юрий, — действительно я начинаю убеждаться, что ты от ханского клада можешь спятить.

— Тебе хорошо...

— погоди, не перебивай, у меня есть план, собственно говоря, два плана: один для себя, другой для тебя. Могу тебя заверить, что если ты этот клад найдешь в указанном месте, то мы его сумеем доставить в самый лучший лондонский ресторан или банк — по твоему усмотрению.

— В указанном месте, — удивился Иван, — сначала надо поехать в Совдепию, а потом разыскивать место...

— Конечно, если я говорю, что «найдешь», то ясно, что ты должен будешь поехать в Россию.

— И что же дальше? — недоумевал Иван.

— Но, — продолжал Юрий, — не думай, что я тебе достану шапку-невидимку, и ты сразу очутишься на Ирменском яру.

Тебе придется перебраться в Россию, то есть сделать маленькое обратное путешествие на Восток.

— Как?!

— Ты вернешься в Маньчжурию, там тебе устроят переход границы. Ясно, что ты не будешь Хмелевым. У тебя будут документы, деньги и прочее. Я, в свою очередь, махну в СССР самым легальным путем, только не за кладом.

— Ничего не понял, — развел руками Иван.

— Одним словом, поймешь позднее. Если хочешь получить клад, готовься к отъезду.

— Один?

— Не думаешь ли ты брать Миранду? Кроме того, она тебе существенной помощи не принесет. Потом риск.

— Конечно, — согласился Иван.

Братья покончили разговор о кладе. Иван был недоволен Юрием, но не подавал вида.

— Черт его знает, что он там задумал, — возмущался он. — Как ты думаешь, Мирра? Мог бы он все по порядку рассказать.

— Я тебе советую не забегать вперед, — заметила Миранда. — Если у него есть планы, то они будут выполнены. Если он не открыл тебе всего, то не пришло время. Юрий всегда говорит определенно, а потому лучше ждать. Ты только вздыхаешь о кладе, но никаких реальных шагов не предпринял, и если бы не Юрий, то продолжал еще десять лет вздыхать.

Иван вздохнул и ничего не ответил.

10. Том Бэр

Белый загородный дом, крытый полосатым оцинкованным железом, с мезонином, палисадником и подстриженным до неприличия садом, в одном из лондонских предместий ничем не отличался от многих сотен домов благополучных обитателей этой части города.

Дом, на котором висел выцветший от времени желтый номер с черными цифрами, отличался разве только тем, что в послеобеденное время в подстриженном саду не высыпал целый выводок крепкоголовых ребят во главе с папашей и мамашей в черных черепаховых очках и книжкой последнего романа Локка.

В доме и саду было мертво. Временами зеленый автомобиль привозил сюда каких-то посетителей, которые, меланхолично побродив по тропинкам сада, уезжали с наступлением темноты. Дубовые двери запирали бравый, с бакенбардами, старик. После этого в доме и саду наступала тишина.

Почему заинтересовал дом № 98 Тома Бэра, сказать более чем трудно. Вообще Тома Бэра, как лишился работы, начало интересовало многое. Его интересовал камень, за который задела его дырявые башмаки, вывеска на булочной, лавка старьевщика и многое другое. Конечно, если докапываться, то можно найти основную причину развившейся за последнее время любознательности Тома Бэра. Лично он полагал, что его любознательность — продукт массы свободного, ничем не занятого времени.

Для своих скитаний Том предпочитал глухие окраины Лондона и его предместья. Там не было бульдогообразных полицейских, меряющих подозрительными взглядами плохо одетых джентльменов от дырявых ботинок до замазанной кепки; не было суеты и напряжения большого города, а, кроме того, беднота, знающая нужду и цену куску хлеба, была на окраинах более чуткой и отзывчивой. Том, спустивший в лавке старьевщика все, что имел, много раз находил здесь уют, дырявое одеяло и кусок хлеба. Кроме того, белые загородные дома жилищных лондонцев давали небольшой заработок. Том в нескольких таких домах выполнял разнообразные поручения и работы, что и служило его главным и основным заработком.

В одну из таких прогулок Том заинтересовался молчаливым домом № 98. Он остановился у железной решетки и начал рассматривать желтые шторы, скрывающие внутренность дома. Том был мечтатель. Держась руками за холодное железо решетки, он создал несколько теорий об обитателях дома № 98. Теории Тома имели несколько романтически-таинственный оттенок и напоминали бульварный роман в дешевой газете.

— Что угодно?

Том вздрогнул от неожиданности.

На мраморном крыльце стоял старик и мерил глазами растерявшегося романтика.

— Мне? — переспросил Том.

— Именно вам, — проговорил старик. — Я не имею привычки разговаривать сам с собой.

Том несколько оправился и, в свою очередь смерив высоко-го старика, задорно ответил:

— Я не знаю, имеете ли вы привычку говорить сами с собой, но, видимо, у вас есть склонность задавать каждому встречному неуместные вопросы.

Старик неожиданно для Тома впал в миролюбивый тон.

— Я не хотел обидеть вас, — заметил он, — но вы долго смотрели в окна дома, и я думал, что вам что-либо нужно.

В свою очередь Том, имеющий незначительную клиентуру, решил завербовать старика. Он снял кепку и, стараясь придать простуженному голосу мягкость, проговорил:

— Я извиняюсь, мне, конечно, ничего не надо. Я просто так остановился. Я здесь постоянно хожу. Я выполняю разные поручения. Прошу вас, мистер, не думать обо мне плохо.

Старик равнодушно молчал, а Том начал работать языком.

— Я безработный. Был солдатом. В великую войну сражался в Бельгии, был в Архангельске в экспедиционном отряде. Проклятый север сгубил меня. У меня ревматизм, ни к чер-

ту сердце. После войны работал, но, знаете, для больных нет работы. Теперь безработный, пробиваюсь случайным заработком. Исполняю любые поручения, за исключением, конечно, представительств в других государствах. Нет ли у вас, сэр, какой-либо работы? Имею навык по части садоводства.

Старик ответил не сразу.

— Вы сражались против большевиков там, на севере, в Архангельске?

— Совершенно верно.

— И что же большевики?

Вопрос старика поставил Тома в затруднение.

— Люди как люди, — ответил он.

*Том вздрогнул
от неожиданности*

— Я знаю, что они люди, вы мне скажите: вы видели зверства?
— Зверства? — удивился Том. — По совести говоря, я не видел никаких зверств, белые их ловили, возили на остров, я забыл, как звали этот остров, и расстреливали. Мы сражались. Нет, я зверств не видел.

— Значит, по-вашему, белые расстреливали? — спросил старик.

— Да, это я знаю. Пленных, красных солдат и комиссаров.

Том и старик замолчали.

— А вы не сделались большевиком? — неожиданно выпалил старик.

— Нет, но я знаю многих наших «томми», которые им сочувствовали.

— И что же было им за это?

— Их поторопились увезти в Англию, а кой-кого судили военно-полевым судом и расстреляли.

— Не может быть.

— Расстреляли, честное слово. — Том положил руку на грудь, добавив: — Нас поспешили увезти, так как «томми» стали разбирать красное и черное.

Том был страстный игрок, он не удержался, чтобы не вернуть карточный термин: «Черное и красное». Старик, оглядев еще раз Тома, сухо выпалил:

— Работы для вас у нас никакой нет.

Дубовая дверь захлопнулась, и Том поплелся дальше.

— Проклятый язык, — пробормотал он.

Том прекрасно понял, что хороший отзыв о большевиках лишил его заработка. «Но как же я буду лгать, — думал он. — Другой на моем месте насаждал бы этому дворовому псу таких чудес, что он пригласил бы в кухню, дал кружку пива и развесил уши».

Мимо промчался зеленый автомобиль. В автомобиле сидели двое: один в военной форме полковника колониальных войск, второй — в резиновом пальто. Автомобиль остановился около дома № 98, сидевшие вышли и скрылись за дубовыми дверями.

«Где я эту морду видел, — думал, остановившись, Том, — где-то я видел этого бульдога. Где?».

Засунув руки в карманы, Том, шагая по желтым плитам, занялся перетряхиванием архива за последние десять лет.

Том путешествовал по зеленым лугам Бельгии, в старинных прибрежных городах Северного моря, побывал около Вердена, в тундрах и лесах Архангельского севера, пред ним прошли целые армии капитанов, полковников и генералов, но в этой армии он не мог найти следа полковника.

«Где-то я его видел, — думал он, — но где?».

Тома нагнал снова зеленый автомобиль. Он остановился, впился глазами в развалившегося полковника и неожиданно свистнул.

— Ясное дело, — рассуждал Том, — у меня на «фотографии» память крепкая. Это тот самый.

И Том вспомнил.

В солнечную ночь, когда солнце, как беспризорное, круглые сутки бродит по хмурому северному небу, он стоял на часах около салон-вагона. В салоне на белоснежных скатертях стояли вазы с красными гвоздиками. Расхаживая вдоль вагона, Том видел в открытые окна двух офицеров, они молча тянули сода-виски. Том завидовал сытому житью двух пьяниц и возможности тянуть хорошей марки виски.

Потом Том вспомнил, как в открытое окно на черный, растоптанный ногами шлак полетели букеты красной гвоздики.

Том был удивлен. Полковник, более еще красный, вышвыривал цветы. Выбросив последний цветок, он обратился к офицеру, который почтительно склонился, сказал:

— Красная гвоздика — символ революции, я не люблю революции, а поэтому прикажите большевистских цветов на стол не ставить.

Часовой Том потом расхаживал вдоль пути по шлаку и красной гвоздике и долго смеялся над причудой пьяного полковника.

— Нет сомнения, это он, — пробормотал Том и крепко выругался.

Полковник ездит на автомобиле, имеет прекрасный загородный дом, а Том Бэр, маленький вчерашний «томми», получивший вечный ревматизм и порок сердца в архангельской тундре, бродит голодный и беспризорный.

— Нет, я не против революции, — проговорил неожиданно Том Бэр.

11. За стеклами веранды

Профессор Хмелев, засунув в карман непромокаемого пальто записную книжку, вышел в подъезд, где ждал его дрожащий от нетерпения автомобиль.

Сегодня мысли профессора неизменно возвращались к Миранде.

— Конечно, — рассуждал он по-профессорски, — отрицать того, что Миранда авантюристка, ни в какой мере не приходится, но тем не менее она остается исключительной женщиной. Тот путь, который она описала, от маленького городка в Южной Америке до Лондона, огромен. Этот путь могут сделать только нерядовые женщины...

Мысли Хмелева перескочили на более интимные темы.

— Кажется, я равнодушен, — досадливо решил химик. — Это не плохо, но и не хорошо. Да. В общем, она Ивана не любит. Иван, в свою очередь, мало ценит Миранду. Таким образом, разлука не принесет огорчений ни той и ни другой стороне. Отсюда вывод: Ивана надо скорее сплавить на поиски клада.

Как все Хмелевы, Юрий обладал значительной дозой беспринципности и упрямства. Несмотря на логические рассуждения и выводы по части сердечных дел, Юрий чувствовал, что Миранда захватила его глубоко и сильно, и чувство к ней заполнило думы и жизнь одинокого, не знавшего сильной страсти профессора.

Химик боялся произнести слово «любовь», но, в общем, его чувство называлось именно этим старым термином, выдержавшим много изданий во всемирной литературе.

Автомобиль остановился у белого особняка № 98. Видимо, профессора поджидали, так как не успел он занести ногу на переднюю ступеньку мраморного крыльца, как дубовые двери широко растворились, и навстречу выплыла почтительная фигура старого швейцара, застывшего в немом ожидании.

На стеклянной веранде Хмелев нашел полковника Стэнли, полковника Уэльса (старого знакомого Тома Бэра по Архангельску) и мрачного человека с большой черной бородой, похожей на заслонку от русской печи, в старомодном сюртуке с широкими лацканами, обшитыми темно-зеленым бархатом, и

брюках покроя времен мистера Пиквика и его преданных учеников.

Бородача полковник Стэнли отрекомендовал как профессора органической химии Джоветта.

Компания до прихода Хмелева, видимо, изрядно выпила, что подтверждало количество пустых ликерных бутылок и громкий смех загулявших англичан.

— Профессор, рюмочку мятного ликера, — предложил Стэнли. — Я нахожу, что мятный ликер одно из лучших современных лекарств, верно, не признанных медициной, совмещающих одновременно напиток и лекарство.

— Пить и лечиться — две вещи разные, — заметил Уэльс. — Я пью без воспоминаний о медицине. Я до сего времени вспоминаю вашу русскую водку.

На этом согласились все трое англичан, так как все трое побывали за последние годы в России. Стэнли что-то делал у Врангеля. Уэльс играл большую роль в интервенции Архангельского севера, а профессор Джоветт в 1924 г., занимаясь изучением какого-то минерала, ездил в СССР.

Хмелев, заинтересовавшись «минералом», начал расспросы, но Джоветт отделался несколькими общими фразами, так как «джоветтовский минерал» был щекотливого свойства и назывался на неученом языке шпионажем.

Компания еще некоторое время поглощала мятный ликер, brandy и seltzer water.

— Господа, — провозгласил Стэнли, — сегодня один из исторических дней. Наш союзник, дорогой профессор Хмелев, которого мы имеем удовольствие видеть здесь, закончил свою работу. Какую работу? Это вам всем известно, об этом мы говорить не будем. Теперь на очереди стоит вопрос применить это драгоценное изобретение. Вам известно, что врачи никогда не пробуют тех лекарств, которые прописывают пациентам, они устраивают дело так, что бедные пациенты расхлебывают микстуру сами, мы поступим таким же образом. Take this medicine every quarter of an hour! Я хочу сказать, что лекарство, — продолжал Стэнли, — изобретенное профессором Хмелевым, испробуем на пациенте...

— Каковым является USSR (СССР), — закончил Уэльс и хлопнул добрый стаканчик ликера.

— Я думаю, что здесь, при такой постановке вопроса, мы убиваем несколько кроликов за один выстрел, — продолжал Стэнли. — Прежде всего потрясаем экономическую мощь страны, затем создаем панику, повторяю — панику. После такой артиллерийской подготовки мы сумеем нанести удар другими способами и средствами.

— Хорошо, — прорычал Джоветт, — вы, Стэнли, делаетесь Цицероном после мятного ликера. Я предлагаю приступить прямо к делу.

— Как угодно, — обиделся сникший Стэнли.

— Позвольте мне, — вмешался Хмелев, — насколько я понял из прошлых наших бесед, мое изобретение будет применено в известный момент на территории России. Лица, которые будут назначены, если можно так выразиться, для подрывной работы, должны предварительно мною быть проинструктированы. Пока предположено послать двух агентов. Так?

— Совершенно верно, — подтвердил Стэнли, — продолжайте, профессор.

— Я хотел сказать, что если этот план остался неизменным, то в качестве одного из этих лиц, которые поедут в Россию, я предлагаю себя.

Предложение Хмелева вызвало восторги. Пьяный Стэнли лез целоваться, профессор хрюкал, как потревоженный со сна борз, а Уэльс завертелся в диком фокстроте с тяжелым стулом.

— Кроме того, — начал снова Хмелев, — у меня есть еще одна просьба. Мне необходимо перекинуть на территорию России моего брата, который должен оказать мне ряд вспомогательных услуг и выполнить кое-какие дела личного характера.

— У вас есть, профессор, брат? — удивился Стэнли.

— А почему я не могу иметь брата?

Стэнли рассмеялся и проговорил:

— Ваша просьба будет исполнена. Конечно, мы не можем гарантировать ему его голову в этой разбойничьей стране, но удачную переброску в любом пункте государственной границы гарантируем определенно. Не так ли, старина Уэльс?

— Сомнений быть не может, — ответил польщенный похвалой Уэльс, ведавший военным шпионажем.

— Итак, — заключил Стэнли, — вопрос в принципе решен. Конечно, вы, профессор, за ваше необычное предложение своих услуг получите особое вознаграждение. У вас будет прекрасный компаньон — профессор Джоветт.

Джоветт неуклюже раскланялся и плюхнулся на стол.

— Тогда мне остается вручить вам... — химик протянул записную книжку.

— А мне вам вот это, — Стэнли передал заранее приготовленный чек на английский банк.

Хмелев сунул чек в карман.

— Как неосторожно, сразу видно профессора, — заметил Уэльс, — вы даже не взглянули на сказочный чек.

— Я имею дело с джентльменами, — проговорил Хмелев и начал прощаться.

— Об изготовлении аппаратов, плане и вашем отъезде мы договоримся потом, — проговорил Стэнли. — Я сделаю подробный доклад в министерстве.

Хмелев поехал к Ивану, а три англичанина остались пьянствовать.

— Удивительный этот человек Хмелев, — говорил Стэнли, — я им восхищаюсь: спокойно, без шума, но за хорошие деньги. Теперь маленькая экспедиция в СССР, и Ха-лучи заставят заплясать фабрики, заводы, железнодорожные мосты. Это будет прекрасный фейерверк!

— Итак, Иван, — начал Юрий, глядя на пьяного брата, сопящего в кресле, — тебе придется двинуться на поиски клада. Я имел сегодня на этот счет совещание и рекомендую тебе не откладывать своего отъезда.

— Ехать, так ехать, — рассуждал Иван. — Нужны для такого путешествия деньги.

— Деньги я дам. Ты отправляйся на пароходе напрямиком на Шанхай, там будет видно, как и когда двинешься дальше. Тебе все будет устроено.

— К чему такая спешность? — попытался возразить Иван.

— Спешность необходима. Через пару месяцев в Россию выеду я. К этому времени ты должен закончить поиски клада.

— Ладно, — устало согласился Иван.

На совещании за стеклянной верандой, кроме трех англичан и Хмелева, без всякого приглашения присутствовал Том Бэр, прибывший не на автомобиле, как прочие участники, а с помощью пары собственных ног в дырявых башмаках.

Колеблющееся освещение веранды, дежурящие у подъезда автомобиля заинтересовали Тома, а когда он вспомнил бульдожью физиономию знакомого полковника, он немедленно махнул через чугунную решетку сада и без долгих размышлений устроился под верандой в прохладной зелени обвивающего веранду хмеля.

12. У чингисханова вала

Иван с туго набитым бумажником, адресами явок и инструкциями, записанными в блокнот, начал обратный исход на большом океанском пароходе в компании перенаряженных в штатское английских офицеров, которых на всякий случай отправило «путешествовать» английское военное министерство в поднебесную республику.

Суеверный, воспитанный кавской бабкой на вспрыскиваниях с уголька и многочисленных приметах, Иван ехал с тяжелым чувством.

В последнюю минуту, прощаясь с Мирандой, он сделал даже слабую попытку отказаться от поисков клада.

— А что если выждать время? — спросил он. — Ведь клад не уйдет? У меня плохие предчувствия. Как ты думаешь, Мирра?

Но Мирра хотя и расценивала ненайденный клад не дороже той бумаги, на которой было написано завещание Малушки, поспешила ответить мужу:

— Такое малодушие недопустимо. Оставь свои предчувствия и поезжай.

Юрий дал практический совет:

— Пей меньше, и все обойдется хорошо. Будь осторожен.

После советов брата и жены Иван Хмелев покорился участи кладоискателя и на борту «Сфинкса» предался беспробудному пьянству, которое даже, к восхищению английских офицеров, не прекращал под тропиками.

Иван высадился в Шанхае, снабженный инструкциями и дополнительным чеком, международным экспрессом проехал в Харбин, где, повидавшись со старыми собутыльниками по организации совета министров, тайком исчез, чтобы появиться на пыльных улицах станции Маньчжурия.

Когда-то здесь была солончаковая степь. Ленивые монголы пасли свое стадо, и в падах между желтыми сопками, как шапки лам, стояли опрокинутые чаши их юрт.

Пришли люди. Степь ожила, загорела сотнями огней, и через три года, громыхая и лязгая железом, пугая тарбаганов, понесся на юг глазастый поезд.

В степи на бутанах тарбаганов вырос город в четыре улицы — город и станция Маньчжурия.

Маньчжурию Иван знал раньше. В новый его приезд ничего не изменилось. Те же меняльные конторы, то же обилие винно-гастрономических магазинов, торгующих поддельным коньяком и кислым маньчжурским красным вином. Улица публичных домов с красными китайскими фонарями по-прежнему мирно сожительствовала с полицейским участком, в котором вместе с китайцами заседали русские белогвардейцы.

Чувствовался рубеж, и для многих «Разъезд 87», где стоял советский пограничный кордон, казался чем-то страшным.

Иван явился в английскую «Контору по продаже сепараторов» и предъявил тонкий листок шелковой бумаги, на котором значился категорический приказ перекинуть его через советскую границу.

Рыжий англичанин, отрекомендовавшийся Кэтли, соединивший в своей конторе торговлю невинными сепараторами с отправкой шпионов на советскую территорию, долго и внимательно рассматривал «документ». После осмотра авторитетно заявил:

— Бумага самая настоящая, как английский фунт. Когда угодно, — продолжал он, — мистеру Хмелеву ехать дальше?

Мистер Хмелев решил ехать «дальше» как можно скорее. Для большей внушительности он многозначительно ввернул Кэтли:

— Я еду по ответственному заданию военного министерства, а поэтому тороплюсь.

Кэтли, видимо, видевший достаточное количество клиентов, интересующихся сепараторами, с той же флегмой повторил:

— Мне все равно. Когда вам будет угодно, тогда мы поедем.

— Сегодня вечером, — выпалил Иван.

— О, это невозможно, — возразил Кэтли. — Мы поедем днем. Вечером границу охраняют китайские и русские войска, а днем остаются только русские, китайцев не бывает.

— Как же днем? — смутился Хмелев.

— Тут масса дорог, мистер Хмелев, — оживился Кэтли. — Колоссальная пограничная линия. Три тысячи верст. Где же ее охранить так, чтобы наша «птица» не пролетела.

Ивану оставалось молчать и вполне довериться опытности Кэтли.

— Вы делайте свободный вид, — начал Кэтли.

— Свободный вид? — переспросил Иван.

— Именно, свободный вид, — повторил с упрямством в голосе Кэтли, — ходите в магазины, идите кушать в ресторан, держитесь так, как будто вы приехали из Харбина на два-три дня. Потом в пять часов идите в кафе «Титаник», слушайте там музыку. К вам подойдет возчик, вы садитесь, и он вас увезет на родину.

Кэтли улыбнулся и добавил:

— Видите, как просто.

Иван попрощался. По пути зашел в магазин, неизвестно зачем купил камышовую трость в желтом кисейном чехле. Приказчик долго и упорно предлагал ему фибровый чемодан, демонстрируя его прочность тем, что вставал на него ногами и неуклюже топтался. Иван чемодана не купил. По пути он за-

вернул в чахлый садик и под сенью бумажных флажков, где были нанизаны на одну ниточку национальные флаги всех государств, не исключая советского, начал тянуть пиво.

Ровно в пять он был в кафе «Титаник», где три медных инструмента терзали барабанные перепонки посетителей. К столику подошел дюжий мужчина в кучерской поддевке и, мельком взглянув на Ивана, с вятским оканием доложил:

— Я приехал, барин.

Иван кивнул головой, и кучер вышел из кафе.

«Вот когда начинается, — подумал Иван, — вот когда».

Сухие губы последнего Хмелева начали шептать «Отче наш».

Иван сел в пролетку. Кучер стегнул шуструю рыжую лошадь. Долгое время, минуя улицы, ехали молча.

Когда выехали за город, кучер придержал лошадь и, закуривая «Урал», ткнул кнутом по направлению поселка, который стоял на отлете от города.

— Вон казачий поселок.

— Какой казачий поселок? — спросил Иван.

— Казаки от большевиков ушли. Здесь обосновались и живут, скотоводство имеют.

Помолчав, кучер добавил:

— Раз они здорово меня отдули.

— Как?

— Я, значит, гулял в ихней станице на свадьбе. Все хорошо. Так. Потом я скажи бесхитростно Федьке Гусеву, кум мне он, сукин сын: «Товарищ кум». Он взъелся, за ним остальные. «Какие мы товарищи?» — кричат. Ну, и давай мутить. Сволочи. А вон бойня, — неожиданно оборвав рассказ о драке, кучер указал на неуклюжее серое здание.

Разговор прекратился, дорога пошла лугом, который на советской стороне замыкался желтыми сопками.

Переехали канаву.

— Границу переехали, — проговорил кучер. Иван оглянулся на заросшую травой канаву.

«Вот она, граница, — думал он, — теперь я уже в России».

Вдали показались какие-то люди. Иван заволновался, начал всматриваться в темные силуэты и спросил:

— Это не разъезд?

— Не, это бабы идут.

— Бабы?

— Ну, ясно бабы.

— Зачем?

— Как зачем? За покупками. Спекулянты.

— А разве их не задерживают?

— Как не задерживают. Садят. Ну, баба, известное дело, отсидит, а потом опять баночки таскать.

Дорога повернула влево. Кучер вытащил из-под сиденья бич и начал усиленно хлестать лошадь. Иван заволновался.

— Что, опасно? — осведомился он.

— Нет, не опасно, а боязно. Беспременно на разъезд можно наскочить.

Миновали новую канаву и какой-то таинственный круг. Иван и кучер не знали, что когда-то Чингисхан отдал распоряжение выкопать пограничную канаву, и эта громадная канавка тянется до пределов китайского Туркестана.

В скором времени прибыли в новый поселок у высыхающего озера. Иван кучеру, старику с выправкой николаевского солдата, рассказывал грустную повесть о том, как чуть его не расстрелял «барон» Унгерн, и радушно угощал сепараторной сметаной. Иван выдал себя за пушняка. В его кармане лежало прекрасно сработанное удостоверение личности.

13. Три пути

Степь с желтыми сопками, накатанными дорогами и забытыми в падях казацкими деревушками осталась позади.

Ямщик из косоглазых забайкальских казаков, с большой примесью в жилах бурятской крови, бросил «сюкать» на пару шустрых, замухрастных лошадок и, обернувшись к накупившемуся Хмелеву, радостно проговорил:

— А вон Хара-Бырка.

— Что такое? — не понял Иван.

— Станция, говорю. Теперь на поезд выехали.

Иван промолчал. Путешествие на тряской телеге, неулегшиеся страхи не отличавшегося храбростью последнего потомка сибирских казаков не располагали его к разговорчивости.

Ямщик, осмотрев загорелую физиономию пассажира, снова начал трясти пестрыми волосяными вожжами и «сюкать» на лошадей.

Промелькнул каменный белый обелиск с сидящим наверху медным, позеленевшим от времени Буддой и воткнутыми в землю длинными шестами, на которых, как степные журавли, реяли пестрые платки с тибетскими молитвенными знаками.

Дорога повернула к станции. Саманные избы поселка наполовину стояли пустыми и разрушенными. В поросшем крапивой тупике чернели погорелые остова товарных и классных вагонов. На платформе на кожаных тюках сидели в цветных шубах буряты и равнодушно курили длинные медные трубки.

Сонный, заспанный начальник станции, обтираясь полотенцем, пил в палисаднике перед станцией чай со своим многочисленным семейством.

Иван с удовольствием размял затекшие ноги и, не добившись толку у чающего начальника о времени прохода поезда, уселся на одинокую поломанную скамейку под станционным колоколом с выбитым боком.

Поезд пришел поздно ночью. Иван еле успел втиснуться на площадку, как поезд двинулся в мертвую темень степи.

На другой день Иван сидел в вагоне-ресторане экспресса «Маньчжурия—Чита» и пил коккордиевский коньяк с черным кофе.

От выпитого коньяка Иван размяк и, оглядывая пеструю публику вагона-ресторана, думал, что он уже на родине, на родной земле.

* * *

Юрий приехал к Миранде. Она увидела в руках химика с добрый веник букет тропических орхидей.

— Какие вести от Ивана? — обычно спросил Юрий и подал Миранде букет.

Миранда ничего не ответила. Погрузив лицо в желтые с черными жилками пучки цветов, она засмеялась тихим продолжительным смехом.

Юрий растерялся.

— Слушайте, дорогой профессор, — начала Миранда. — Вы думаете, что я дни и ночи только и думаю об Иване. Поверьте мне, что (может быть, так неприлично вам это говорить о вашем брате) я очень рада его путешествию за кладом. Этот пьяный глупый человек мне надоел. Может быть, вы думаете, я его люблю?

— Нет, я не думаю, — пробормотал смущенно профессор.

— Слушайте. Я повторяю, что рада отъезду Ивана. Я его не люблю и думаю: ни одна женщина не может любить этого глупого пьяницу без приложения какой-либо устойчивой валюты.

— Зачем вы говорите мне? — вставил Юрий.

— Зачем говорю? — переспросила Миранда и неожиданно предложила: — Слушайте, Юрий, поедemте прокатиться, только не туда, где на перекрестках стоят гнусные констебли, а за город.

— Я купил машину, — вставил Юрий.

— Вот видите, поездка кстaти, — заметила Миранда.

— Шофер, где нет констеблей, — распорядилась Миранда. — Развейте предельную скорость.

Шофер равнодушно козырнул.

— Юрий, — Миранда взяла узкую холеную руку химика, — я не сказала вам всего. Слушайте.

Миранда, прижавшись губами к уху Юрия, проговорила: «Я люблю вас, Юрий».

— Вам кажется не так? — Миранда отодвинулась.

— Мне кажется, — серьезно проговорил Юрий, — что вы любите не меня, а находящуюся при мне твердую валюту.

— Вы хорошо ответили, — не смутилась Миранда, — но... вы ошиблись. Ваша валюта — вы. Я хочу сказать, вот эта голова (Миранда дотронулась до лба Юрия) может делать много, очень много фунтов стерлингов.

Вы думаете, что я настолько близорука, что не вижу, как вас здесь ценят. О, — протянула Миранда, — конечно, если бы я вас встретила оборванного, грязного в Гайдпарке, подбирающего из урн

окурки, я не полюбила бы вас. Нет, тысячу раз нет. Я полюбила вас, какой вы есть сейчас, без ваших фунтов стерлингов.

Юрий молчал.

— Слушайте, Юрий, вы думаете, я не видела денег, жизни и людей. Эти трем вещам я знаю цену. Я знаю свою цену. Оставьте ваши сомнения. Я вас полюбила без фунтов, а как долго я вас буду любить — не знаю.

— Теперь скажу я, — не своим голосом выдавил Юрий, — может быть, это сентиментально, но все равно я вам расскажу. Я полюбил вас с первого взгляда. Я знаю, мы два полюса. Я нарочно, чтобы остаться без Ивана, отправил его через Суэц, когда можно было в СССР попасть прямым путем. В моей жизни женщины имели мало места и...

Миранда зажала поцелуями рот Юрия и не дала ему говорить.

— Союз потомков перуанских и сибирских конквистадоров заключен, — сыронизировал Юрий.

* * *

Том Бэр продолжал дежурить у белого особняка № 98. Дежурства его превратились в страсть, благодаря которой он растерял половину клиентуры по исполнению различных поручений.

— Необходимо предупредить, — рассуждал Том. — Шутка ли, от этих проклятых лучей полетят в воздух целые города.

Том Бэр знал, что открытку с предупреждением через лондонский почтамт правительству СССР не напишешь.

Необходим какой-то более верный путь.

Наконец Том Бэр, ночуя на случайном сеннике, нашел этот путь и с нетерпением ждал утра.

14. Коммунистический депутат

Том Бэр, сверх обыкновения, спустившись с сеновала, занялся тщательным туалетом. Намылившись в садовой кадке, он бритвой основательно счистил щетину с лица, отряс с одежды приставшие соломинки, а потертые и порыжелые колени брюк смочил водой из той же садовой кадки, которая ему служила на этот раз бритвенным прибором.

Хлопнув раза три о коленку кепкой, Том шагом делового человека направился в центр города.

Первый визит его был в библиотеку. У сонной барышни с движениями лунатика он потребовал адрес-календарь.

Барышня подала толстую книгу и снова погрузилась в нирвану. Том Бэр, намуслив палец, занялся перелистыванием справочника, где были «прописаны» все официальные лица триединого королевства, начиная с самого министра Чемберлена, кончая конюхом его величества короля английского.

Том долго листал книгу, наконец нашел нужное место. Черным по белому стояло: «Гаама Санди — член парламента, коммунистический депутат». Далее следовали год рождения, место и целый ряд других сведений. В самом конце мелким шрифтом был указан адрес, который заставил Тома Бэра свистнуть и выругаться.

Барышня насторожилась.

— Прошу извинения, мисс, — извинился Том, — подметки на моих ботинках тоньше сигаретной бумаги, а по адресу, указанному в этой книге, мне придется отмерить хороший путь.

Благовоспитанная мисс скривила губы и ничего не ответила. Том захлопнул книгу.

Запыленный и вспотевший, он стоял перед дверью, где на медной дощечке черной эмалью значилось «Г. Санди».

«А если его еще не окажется дома?» — мелькнуло в голове Тома, и он отчаянно нажал кнопку звонка.

Двери отворил смуглый человек в индусском одеянии, не гармонировавшем с серым небом Лондона.

— Мне нужно сэра Санди по самому срочному делу, — выпалил Том, — мне сэра Санди нужно видеть лично.

Смуглый человек кивнул головой и пригласил знаком Тома войти.

В комнате, заставленной книжными шкафами, у круглого стола сидели трое индусов.

— Мне нужно сэра Санди, — проговорил решительно Том, соображая, кто из трех депутат.

— Чем могу служить? — из-за стола встал высокий индус и крепко пожал руку Тому.

— У меня к вам личное и чрезвычайно секретное дело, — дипломатично начал Том, поглядывая на сидевших за столом индусов.

Санди понял.

— Тогда пройдемте сюда, — проговорил он. — Здесь мы будем абсолютно одни.

Санди улыбнулся и пригласил гостя сесть на низкий диван.

— Дело в следующем, — начал, заикаясь, Том, — я открыл одну важную тайну. Случайно открыл, черт возьми. Да. Короче говоря, я случайно подслушал разговор. Один профессор, русский Хмелев, изобрел такие лучи, которые как навел, так и все летит кверху ногами.

— Как летит? — удивился Санди.

— Боюсь вам соврать. Я только знаю, что эти лучи в секунду могут поднять на воздух любой броненосец или завод. Одним словом, куда пустить эти лучи — сейчас же на том месте гром, молния и лысина.

— Теперь понимаю. Продолжайте.

— Эти лучи профессор Хмелев продал английскому министерству. Сделку заключали полковник Стэнли, который состоит при военном министре начальником секретного отдела химической обороны, затем полковник Уэльс, который был на Мурмане, когда нас посылали защищать русских белогвардейцев, потом еще есть там профессор с черной бородой, зовут Джоветт, не знаю, что он делает. Из разговоров я узнал, что профессор Хмелев и Джоветт поедут в советскую Россию, где взорвут ряд заводов, железнодорожных мостов.

— Как — из разговоров? — снова не понял Санди.

Том Бэр подробно рассказал депутату, каким образом он имел честь присутствовать на секретных совещаниях в особняке № 98.

— Из разговоров, — продолжал Том, — я узнал, что сначала решено сделать «встряску» (так и говорили они), потом пощупать их лучами, а потом... объявить войну.

— Вы рассказываете невероятные вещи, — заметил Санди, — то есть я хочу сказать, вы рассказываете о том, что... что...

— Сэр, — серьезно заметил Том Бэр, — я говорю сушную правду, я долго ломал голову, кому рассказать об этих штучках, и решил сообщить вам, как коммунисту. Вы должны принять

меры, у вас есть способы. Вы можете их разоблачить с парламентской трибуны, напечатать статью, предупредить самих друзей в России.

— Положим, что так, но ваши слова — не факты, — мягко начал Санди. — Вы для меня человек с улицы. Поверьте, что на основании ваших, может быть, очень правдивых рассказов я не могу заявить, что делается то-то и то-то. Верно? Они без труда опровергнут.

— Но, — возразил Том, — вы можете предупредить русских друзей. Можно узнать, когда Хмелев и Джоветт поедут в Россию.

— Это можно сделать, — протянул Санди, — но где гарантия ваших слов?

— Мистер, — Том поднялся с дивана, — неужели вы допустите до того, чтобы в России заводы полетели на воздух? Это единственная гарантия моих слов.

— Вы правы, — согласился депутат. — Вот вам бумага, запишите имена и адреса и не забудьте поставить ваш адрес.

Том Бэр старательно вывел адреса своих случайных знакомых, но, когда дело дошло до собственного адреса, он остановился и поднял карандаш.

— Не знаю, какой вам адрес написать, — проговорил он.

— Пишите какой угодно.

— Собственно говоря, я не имею никакого адреса.

Санди сначала не понял.

— Да?

— Я, мистер Санди, на птичьем положении, — заметил Том, — лучше пишите мне: почтаamt, центральный, до востребования, Тому Бэру.

Санди согласился.

— Теперь буду ждать от вас ответа и не ослаблять наблюдения, — проговорил на прощанье Бэр.

Санди возвратился к своим соотечественникам. Он по-индусски рассказал историю странного посетителя.

— Санди, я думаю, это гость из охранки, — заметил один из его собеседников.

— Во всяком случае, — возразил второй, — необходимо проверить данные и принять меры.

— Парень, — заключил Санди, — несмотря на все, внушает доверие. Он сделал прекрасный вывод. Факты, сказал он, которые вы желаете иметь, — будут взрывы в России, но тогда будет поздно.

— Я берусь за это дело, дайте мне листок, — и один из индусов быстро начал записывать адреса, начертанные каракулями Тома, в свою записную книжку.

Том быстро шагнул к особняку, где жил профессор Хмелев. Он боялся, что профессор успел уехать.

«Теперь, — думал он, — дело в надежных руках. Эх, если бы добыть факты. Выудить бы эту черную маленькую книжку, где записаны формулы чудовищных лучей. Придется устроить слежку за всеми».

У Тома засосало под ложечкой. Он вспомнил, что с утра не ел. Слазив в карман, он достал закопченную трубку. Она была пуста, а в кармане, заменявшем кисет, не было ни крошки табаку.

— Черт возьми, — выругался Том, — табак для голодного брюха заменяет хлеб.

Неожиданно Том столкнулся с профессором Хмелевым.

— Простите, — извинился профессор.

— Одну минуточку, — проговорил Том.

Профессор остановился.

— Моя трубка пуста. — Том показал трубку.

— Единственно, чем я вам могу помочь, — ответил профессор, — это предложить денег на табак.

Том сконфузился. Просить было не его принципом, и если он обратился к Хмелеву, то только из-за любопытства, чтобы рассмотреть корректную фигуру создателя Ха-лучей.

Профессор вынул банковый билет.

— Пожалуйста, — протянул он бумажку.

— Здесь много, — твердо заявил Том. — Если вы будете любезны сообщить мне адрес, я вам занесу сладу.

Профессор вместе с кредиткой передал визитную карточку и вежливо откланялся.

— Сегодня чертовски удачный день, — пробормотал Том, — теперь я сумею нанести визит профессору.

15. Даунинг Стрит, 10

Хмелев несколько раз слышал о знаменитом Интеллиженс Сервис, попросту английской политической охранке и штабе международного шпионажа.

Получив приглашение прибыть к 12 часам утра на Даунинг Стрит, 10, где помещается Интеллиженс Сервис, профессор недовольно смял приглашение, подписанное полковником Уэльсом, и, шагая по комнате, начал раздумывать, «ехать ему или не ехать» в гнездо международных шпионов.

«Если я продал им лучи, — думал профессор, — то еще не значит, что я обязан якшаться с тупоголовыми сыщиками и международными жуликами. Адрес мой известен — могут пожаловать сюда».

Хмелев решительно подошел к телефону и вызвал Уэльса.

— Алло, это вы, полковник? Прекрасно. Добрый день. Да, я получил ваше предложение, но ехать на Даунинг Стрит не хочу. Почему? Я вам сейчас объясню. Нет. Хорошо, я вас жду.

Через несколько минут Уэльс был у Хмелева.

Чопорный полковник был несколько возмущен отказом профессора, но полученные инструкции его обязывали возможно корректнее и обязательнее обращаться с Хмелевым. Кроме того, Уэльс догадывался, что русский профессор, как

выражался его коллега полковник Стэнли, продал половину секрета. Действительно, дальность Ха-лучей не превышала 12 английских морских миль, и отдел химической обороны военного министерства имел основания подозревать, что химик достиг более лучших результатов, но не открыл их.

— Я не хочу вас обидеть, — говорил химик, — но мне «общество» работающих в области международного шпионажа в их штабе претит. У меня нет ничего с ними общего.

Уэльс проглотил пилюлю и воркующим голосом заметил:

— О, дорогой профессор, мы ничего не будем иметь с теми, кто работает, как вы выражаетесь, в области международного шпионажа. Заметьте, в работах Интеллиженс Сервис принимает участие ряд видных национальных политических деятелей, и я сказал бы, что это учреждение не только национальное, но и культурное. Это учреждение оберегает не только королевство Великобритании, но и весь мир от большевистской заразы.

— Конечно, — продолжал Уэльс, — совещание можно было бы назначить в другом месте, но сейчас его поздно отменять. Поздно и неудобно. Скажу вам по секрету: на заседании будут Хикс, Чемберлен, Черчилль, Биркенхед и другие. Ваше присутствие необходимо, так как, наверное, потребуются от вас справки, разъяснения. Затем вы выразили согласие лично ехать в Россию и сделать маленькие опыты с Ха-лучами. Там будет доложен план. Я думаю, вы после моего объяснения не откажетесь проехаться вместе со мной.

«Назвался груздем, лезь в кузов», — вспомнил профессор русскую поговорку и ответил:

— Хорошо, после ваших объяснений я готов ехать. Видите ли, — как бы извиняясь за упрямство, добавил Хмелев, — я недостаточно уяснял сущность... Скотланд Ярда...

— Интеллиженс Сервис, — поправил Уэльс.

— Теперь, — продолжал Хмелев, — я вижу: большой разницы между военным министерством, особняком 98 и Даунинг Стрит, 10 нет. Разница только в частях города.

— Конечно, есть, — кисло возразил полковник. — Вы ее прекрасно понимаете.

Уэльс провел Хмелева в большой зал с часами, длинным дубовым столом, над которым висели королева Виктория, Эдуард VIII и нынешний король Георг. По стенам висело множество разнообразных портретов. В зале было пусто.

Молодой угреватый человек в длинной визитке раскладывал на столе белые листы бумаги, карандаши и ставил графины с водой.

— Можно курить, — заметил Уэльс. Хмелев закурил сигару. — Вы меня простите, профессор, я доложу, что мы здесь, и начнем заседание. Я полагаю, что все здесь.

Уэльс вышел, за ним, нагруженный графинами, ушел служитель.

Хмелев равнодушно курил.

Часы пробили десять. Почти одновременно с первым ударом часов открылись двери, и гуськом, по рангу и чинам, в зал вошло до десятка штатских и военных сановников. Хмелев без труда узнал высокого сухопарого Чемберлена с неизменным моноклем в глазу, Хикса с черепом дегенерата, пухлого, улыбающегося Черчилля, полковника Стэнли, Биркенхеда и «героя» сибирского похода Нокса, который поспешил по-русски пожелать профессору «добрый день». Большинство участников совещания были неизвестны химику, и он полагал, что они вышли из недр Интеллиженс Сервис.

Совещание открыл полковник Уэльс, видимо, знатные персоны на Даунинг Стрит, 10 считались «гостями».

— Чтобы не задерживать уважаемого профессора Хмелева, — начал Уэльс, — мы несколько изменим порядок заседания. Профессор выразил согласие поехать и применить свое изобретение в СССР. Часть участников этого совещания уже знакома с сущностью великого изобретения русского ученого. В настоящее время мы детально не будем входить в рассмотрение изобретения, а ввиду интереса к нему некоторых лиц позволим себе задать несколько вопросов, на которые нам профессор не откажется дать ответы. Чтобы не возвращаться к этому пункту, — добавил Уэльс, — я ставлю в известность господина профессора, что его поездка решена, день отъезда мною будет сообщен дополнительно. С профессором Хмелевым отправляется наш известный химик Джоветт. Решено также не ограничивать профессора Хмелева определенной территорией для производства опытов, а также и временем. Высказывается следующее пожелание, чтобы опыты были проделаны с наименьшим риском для самого господина профессора и наибольшим успехом для дела. Подробная инструкция, как я уже говорил, и день отъезда будут сообщены в самое ближайшее время.

— Надо поторопиться, — заметил Хикс и, оглядевшись кругом, проговорил: — Я не дипломат, здесь все свои, а поэтому я буду говорить прямо. Надо поторопиться. Большевицкая зараза, как туман, охватывает Англию. Вспомните вчерашнюю забастовку углекопов. Были жуткие моменты, и если бы не наши друзья слева, нам пришлось бы плохо. Теперь очередь за нами.

— Скажите, профессор, — процедил Чемберлен, — можно увеличить дальность действия ваших лучей?

— Конечно. Опыты я считаю незаконченными, — ответил Хмелев.

— Еще один вопрос. — Чемберлен вынул монокль. — Когда и в какой срок вы предполагаете их закончить?

— После возвращения из поездки.

— Дорогой профессор, — лицо Нокса расплылось в улыбке, он говорил на липовом «русском» языке, — я немноги зналь Россия. Так я немноги зналь Сибири. Когда ви будет опыти делайти, то не забедите Сибири.

— Удар по окраинам, — продолжал уже по-английски Нокс, — самый верный и самый страшный удар. Главное — транспорт. Вы представляете, какая получится пробка, если в Сибири взорвать два-три крупных железнодорожных моста. Я советовал Колчаку при отступлении рвать мосты, но они рвали плохо.

— Я не преследую политических целей, — отвечал Хмелев. — Моя цель — производство опытов. Например, разрешение проблемы взрыва в воздухе движущегося тела. Я думаю, рвать мосты и так далее могут посланные с моим аппаратом лица. В Сибири мне побывать хочется. Там моя родина, а кроме того, Сибирь, как окраина, более безопасное место для производства опытов.

— Скажите, пожалуйста, — вставил Черчилль, — а ваш аппарат не опасен для лица, который, так сказать, им управляет? Например, он не может взорваться?

— При известной осторожности аппарат совершенно безопасен.

Желающих задавать вопросы более не находилось.

— Благодарим вас, уважаемый профессор, — проговорил Уэльс, — мы не вправе отнимать у вас более драгоценное время.

Хмелев откланялся и покинул Даунинг Стрит, 10.

По пути Юрий заехал к Миранде.

— Я с неприятными новостями, — начал он, — сейчас был на одном высоком собрании, где окончательно решен вопрос о моем отъезде, причем отъезд назначен на днях.

— А ты плюнь на решение высокого собрания и не езд, — посоветовала Миранда, — мы с тобой поехали бы на юг.

— Знаешь что, я много раз думал тебе предложить поехать со мной, но все не решался. Мы пробудем в отлучке самое большее месяца полтора. Как ты смотришь на путешествие в страну большевиков и белых медведей?

— Юрий, если нельзя ехать на юг, я готова ехать с тобой на север, — ответила просто Миранда, а Юрий этот день назвал счастливейшим днем своей жизни.

16. Том Бэр в гостях у химика

Том Бэр, получив сообщение от швейцара, что «господина профессора нет дома», удобно расположился на ступеньках мраморного крыльца. Швейцар, аккуратный англичанин, имеющий многолетний стаж по охране входов и выходов в солидные дома, не мог потерпеть такого попираательства его прав. Он несколько раз отворял дверь и сердито замечал: «Для ожидания существуют скамейки, а не крыльцо».

Том Бэр неизменно отвечал:

— Я жду профессора по самому серьезному делу.

— Ждать вы его можете на скамейке, — не соглашался швейцар.

— Он мне велел ждать именно на крыльце, — уверял Том.

— Вы, наверное, его не так поняли, — сомневался швейцар.

В таких препирательствах Том Бэр провел без особой скуки часа три.

Хмелев, обрадованный согласием Миранды на поездку в Россию, был в самом лучшем настроении. Встретив на крыльце швейцара и препирающегося Тома Бэра, он был удивлен честностью оборванца, как мысленно окрестил Тома.

Хмелев пригласил его зайти.

— Вы чертовски честный парень, — заметил профессор, выдвигая стаканчик виски. — Я никак не думал, что вы потрудитесь мне вернуть эти гроши.

— Кто хочет иметь кредит, тот должен платить долги, — ответил афоризмом Том и еще более расположил к себе Хмелева.

— Простите, господин профессор, вы русский? — справился Том.

— Да, русский, а как вы узнали?

— Вы же мне дали карточку. Помните?

— Совершенно верно.

— Я тоже был в России, — начал Том. — Я был на Мурмане, затем в Архангельске. Сражался с большевиками. Жаль, какую прекрасную страну погубили большевики. Я думаю, скоро их выгонят из России.

Том предполагал, что Хмелев поддержит его мнение об изгнании большевиков, но был удивлен, что химик отнесся к его прогнозу более чем равнодушно.

— Я вижу, вы противник большевиков, — заметил Хмелев.

— А вы разве не противник этих варваров XX столетия? — брякнул Том фразой, вычитанной из какой-то двухпенсовой бульварки.

— Конечно, я не сторонник, но тем не менее думаю, что «выгнать» большевиков не так просто. Кроме того, варвар — понятие относительное.

— Если бы за это взялись великие державы... — начал Том.

— Оставим этот разговор, — предложил химик, — дело в том, что я не люблю бесполезных разговоров. Если мы будем с вами строить разные проекты, то едва ли поможем делу, а пока факты говорят, что советская власть существует.

Том, сбитый с позиции, замолчал.

«Не подозревает ли он, что я большевик?» — подумал он.

— У меня к вам есть просьба, — нерешительно пробормотал Том.

— Я слушаю.

— Как я вам сообщил, я был на архангельском фронте. Потом демобилизовался по болезни. У меня ревматизм и порок сердца. Работать не могу. Моя профессия до войны — шахтер. Сейчас живу от одного случайного заработка к другому. Не найдется ли у вас места сторожа, садовника, одним словом, по сильной работы?

Том, отхлебнув из стаканчика, добавил:

— Пью я мало.

— Вы оригинальный человек, — проговорил химик. — Трезвость вы доказываете за бутылкой виски. Но не в этом дело. Работа у меня для вас, пожалуй, найдется. На днях я уезжаю, мне нужен будет ночной караульный, который мог бы играть со швейцаром в карты. Я думаю, что ваши натянутые отношения с ним сгладятся. Насчет жалованья мы тоже сговоримся.

— Я согласен, — поспешил ответить Том. — Разрешите спросить: надолго ли вы думаете уехать?

— Вы любопытны, — улыбнулся химик, — не более как на два месяца. Еду на юг, в Ниццу.

— Хорошее дело, — одобрил Том. — Итак, господин профессор, с завтрашнего дня я ваш слуга.

— А сегодня вы мой гость. Не угодно ли еще стаканчик?

— Благодарю вас, по совести говоря, я сегодня еще не ел.

— Что же вы не сказали. Время ланча, — заметил, взглянув на часы, Хмелев. —

Идемте в столовую.

— Если я ваш гость, как вы выражаетесь, — Том хлопнул себя по колену, — то разрешите узнать: чем вы занимаетесь?

— Могу ответить. Я — химик. Моя специальность — пиротехника.

Я изобретаю различные составы для бенгальских огней. Кроме того, работаю над краской для волос седеющих леди и изобрел эликсир, восстанавливающий нормальный цвет носа у алкоголиков.

— И что же, выгодное занятие? — поинтересовался Том.

— Как видите, кормлюсь, — пошутил химик.

— Ваша мастерская помещается здесь?

— Нет, лаборатория на другом конце Лондона.

Том от неожиданности свистнул.

— Теперь разрешите мне вас проинтервьюировать. Как вас зовут?

— Том Бэр.

— Мистер Бэр, надо полагать, что у вас этот костюм и для воскресных дней?

— Да.

— Так. Я вам дам в счет вашего будущего жалованья денег, вы соответственно обмундируетесь, купите белье, одеяло.

— Благодарю вас.

Плотно закусив, посидев для приличия несколько минут, Том с дестью фунтами стерлингов в кармане покинул гостеприимный дом профессора Хмелева.

— Видимо, сегодня у господина профессора, — рассуждал Том, — желудок в исправности, и он в хорошем расположении духа. Ловкий парень, завернул мне насчет бенгальского огня и краски для волос. Хорошенький бенгальский огонь! Интересно знать, не в Россию ли едет профессор пускать фейерверки. Это надо резонно расследовать.

Том завернул в один из дешевых универсальных магазинов. Услужливые приказчики в течение 15 минут Тома Бэра превратили в денди средней руки.

Вечером Том на правах караульного вступил в профессорский дом. На этот раз швейцар пожал Тому руку и показал ему маленькую комнату с цветным окном.

— Мистер, это ваша комната, — заявил швейцар. — Если вы не приобрели одеяла, я могу вам предложить свое, у меня есть лишнее.

Позднее Том сидел в кухне и слушал повествования швейцара.

— Сам профессор дома бывает редко. Все больше занимается в лаборатории или у жены брата. К слову сказать, у него с женой брата близкие отношения. Жена брата такая черномазая, небольшого роста, на мой вкус, так себе, средняя женщина. Я больше люблю полных, — пояснял швейцар. — Денег у профессора много. Говорят, в России он был очень богатым человеком. К прислуге относится хорошо. Не скупой, не требовательный. Часто бывает задумчивым. Задумчивость, надо полагать, от химии. Брат у него другой марки человек.

— Как другой марки? — поинтересовался Том.

— Пьяница. Я его ни разу не видел трезвым. Кроме того, человек не ученый. Знает одно — большевиков ругать.

— Значит, они ему насолили, — заключил Том.

— А кому сделали добро большевики? Никому.

Том не стал спорить с разговорчивым коллегой.

Лежа в постели, Том полудремотно думал: «Прежде всего нужно узнать, куда едет профессор. Затем побывать в лаборатории. Затем нельзя ли будет сделать ревизию в письменном столе и «открыть» Ха-лучи».

Том заснул.

Хмелев рассказывал Миранде о Томе:

— Удивительно оригинальный парень из тех простодушных «томми», которые фигурируют в послевоенной английской литературе. Если бы он был чуточку сдержаннее, его можно было бы принять за агента из Интеллиженс Сервис. Я ему объяснил, что занимаюсь изготовлением краски для волос, и он, безусловно, не поверил, но был удовлетворен ответом.

В это время в темной шифровальной комнате зашифровалась невинная телеграмма, а агентство «Рейтер» бросало через эфир: «Английский химик Джоветт со своим ассистентом выезжает в советскую Россию для ознакомления... Профессор Джоветт однажды уже посетил Россию и считается сторонником культурной связи с СССР».

На другой день тысячи газет всего мира напечатали это сообщение.

17. Послезавтра перелет Лондон—Москва

Полковник Уэльс, проклиная в душе капризного профессора, захел лично уведомить Хмелева о дне отъезда, вернее, отлета.

Приятно улыбаясь, насколько позволяла «приятно улыбаться» бульдожья физиономия охранника, Уэльс сообщил Хмелеву:

— Послезавтра назначен ваш отлет, дорогой профессор. Все готово, мне остается только вам сделать маленькую инструкцию.

— Я лечу не один, — заявил Хмелев.

Уэльс прискочил от неожиданности на стуле.

— Как? Это совершенно не предусмотрено! — завопил он.

— Я думаю полететь с женой моего брата, — спокойно пояснил химик. — Ей очень хочется взглянуть на Россию.

— Позвольте, — волновался Уэльс. — Это совершенно было не предусмотрено. Вы не предупредили заранее. Кроме того, брать женщину в такое опасное путешествие — громаднейшее легкомыслие.

— Пожалуй, что я вас не предупредил, это моя вина, — согласился профессор, — но я вас очень прошу устроить мадам Грей. Она нисколько не помешает.

— Это невозможно, — отрезал Уэльс.

— Жаль, — согласился профессор, — я нашел способ увеличить дальность действия лучей, и теперь опыты придется отложить.

— Почему?

— Потому что я не поеду.

Уэльс молчал.

«Тонкая бестия этот профессор, — соображал полковник. — Придется устраивать его родственницу, а то из-за лишней мили этих лучей и проклятого профессора не оберешься неприятностей».

— Это будет очень трудно, — не своим голосом выдавил Уэльс.

— Но не невозможно.

— Хорошо, я устрою вашу родственницу. Придется из кабины выбросить одного лишнего человека.

— А разве это не пассажирский аэроплан? — удивился Хмелев.

— Аэроплан пассажирский, но «пассажиры» особенные, — заметил Уэльс.

— Итак, вопрос решен? — спросил Хмелев.

— Решен.

— Я жду ваших инструкций, — проговорил Хмелев, — для себя и для дамы.

— Дама инструкциями не предусмотрена, но я полагаю, что она сойдет за вашу жену. Она знает что-либо о лучах?

— Конечно, нет. Она едет к мужу, вернее, с ним повидаться.

— Так, — задумчиво протянул Уэльс. — Женщины в таких предприятиях лишний балласт, но тем не менее ничего не поделаешь. Итак, — проговорил уже другим тоном полковник, — вы с момента посадки в аэроплан — лаборант профессора Джоветта сэр Оскар Лонг, знаете только английский и немецкий языки. Ваша мать англизированная немка. Родилась в Лондоне. Едете с профессором Джоветтом для ознакомления с промышленностью вообще, и химической в частности. Фактически опытами придется руководить вам. В Россию уже пере-

кинуты инструктированные вами люди. Вы их найдете через наше представительство. Ваши убеждения — либерал. Не стесняйтесь хвалить, что видите, пишите в газеты. С вами едет дипкурьер. Он будет держать связь. Аппараты находятся на пути в Россию. Каким образом они будут доставлены, этот вопрос мы оставим открытым. Паспорт ваш уже получен. Вот здесь все документы.

Уэльс передал сверток.

— Теперь придется получить некоторые сведения от вашей дамы.

— Сведения... А не лучше ли проехать к ней, — предложил Хмелев.

Уэльс не слышал последней фразы. В узкой щели опытным глазом сыщика он заметил колеблющуюся тень, между дверью и полом были заметны чьи-то ботинки, вернее, подошвы ботинок. Уэльс быстро поднялся и подошел к двери, потом возвратился на прежнее место.

— Сколько человек у вас прислуги?

— Трое. А в чем дело? — удивился химик.

— Все надежные люди?

— Кажется, да.

— Вся ли прислуга в данный момент налицо?

— Нет, швейцар мною послан с поручением, кухарка внизу на кухне, в прихожей, надо полагать, Том Бэр.

— Том Бэр! Какие обязанности он исполняет?

— Можно сказать, никаких. Служит он у меня не более недели. Бывший солдат, был в России. В общем, славный парень.

— Итак, сведения о вашей даме?

— Поедемте к ней, она точнее их даст, — вторично предложил профессор.

— Прекрасно, — согласился Уэльс. — Только разрешите мне заехать в табачный магазин.

— Пожалуйста, — согласился Хмелев.

— Одну минуту, — проговорил Уэльс, выскакивая у табачного магазина из автомобиля.

Кивнув скучающему торговцу, Уэльс подошел к телефону.

— Алло. 13-21-7. Хорошо. Боб, установите немедленно наблюдение за прислугой профессора Хмелева Томом Бэром. По-

старайтесь под любым предлогом его задержать, если он покинет дом. Все.

Уэльс и Хмелев продолжали путь.

* * *

Том Бэр прошел в профессорский кабинет.

— Алло. 73-41-06. Благодарю. Это кто? Здравствуйте, сэр. Скажу пару слов: они послезавтра летят. Поняли? Хорошо. Я сейчас еду к вам.

Том Бэр вышел.

— Ловко, мне чертовски везет, — рассуждал Том, шагая до первой остановки трамвая, — хороший юг, где горы снега! Будьте спокойны, если Санди не дремлет, их встретят.

Неожиданно с Томом Бэром столкнулся пьяный. Том отстранил пьяного, но тот уцепился за рукав и завопил: «Констебль!». Том прекрасно знал, что на этом перекрестке с самого основания Лондона не было даже тени констебля; он без лишних слов дал хорошую оплеуху пьянице. Пьяница отлетел, но перед носом Тома как из-под земли выросла статуя здоровенного констебля.

— Вы задержаны, — провозгласил констебль, поднял палочку.

— Позвольте, — возражал Том, — этот джентльмен пьян, он привязался ко мне.

— Я видел, как вы его ударили.

— Я его оттолкнул.

— Это не важно. — Констебль свистнул, и, к удивлению Тома, на свисток полицейского подкатил новенький «паккардэ», который ни в коем случае не мог быть обычным извозчиком такси.

«Дело ясно, — решил Том, — я влип. Вся эта история с пьяным подстроена».

— Разрешите мне сообщить, — проговорил Том, — моему хозяину, профессору Хмелеву, что я задержан.

— Это будет сообщено, — ответил констебль, — не беспокойтесь.

Том крепко выругался и замолчал.

Полковник Уэльс был с первых же слов пленен Мирандой.

— Вы, господин профессор, — говорил он, — увозите в популярную страну самую очаровательную женщину Англии.

— О, в Англии нет недостатка в очаровательных женщинах и галантных полковниках, — парировала Миранда.

— Теперь приступим к скучной части нашего разговора. — Уэльс вытащил записную книжку. — Ваше имя, фамилия?

— Миранда Грей, вернее, Хмелева.

— Запишем Лонч, — проговорил Уэльс. — Вы, милорд, будете иметь очаровательную жену, — обратился он в сторону Хмелева.

— Лета?

— Не настоящие?

— Можно не настоящие.

— ...27.

Уэльс с методичностью хорошо вымуштрованного охранника задал три десятка разнообразных вопросов.

— Вам придется, — проговорил он, — завтра со мной побывать в русском посольстве и заполнить анкету. Я надеюсь, что визу мы получим быстро. Хотя и говорят о большевиках, что они грубый народ, но, поскольку по разного рода поручениям по службе мне приходилось с ними сталкиваться, они оказывались очень обязательными людьми, презиращими излишнюю формалистику.

Уэльс уехал один.

По дороге он заехал и позвонил «13-21-7».

— Готово, господин полковник, — басил чей-то голос в трубку. — Дело сделано. Сэр Том Бэр горит желанием видеть вас. Пока скучает.

— Я буду вечером. — Уэльс повесил трубку и потер весело руки.

Депутат Санди напрасно ждал Тома Бэра. Немного позднее он сумел узнать, что Том задержан.

18. На путях к кладу

Иван сделал обусловленную заранее остановку.

Привыкший к европейскому размаху, Иван, к удивлению пассажиров, садящихся друг другу на головы в неуклюжие ав-

тобусы, не рядясь нанял автомобиль, начавший свое существование десятка полтора лет назад.

Охая и содрогаясь всем корпусом, автомобиль в первую очередь доставил Хмелева на почту и телеграф.

С телеграфа Иван вышел довольный. В кармане его реглана лежала телеграмма, что Юрий выехал в Москву и, возможно, приедет в Сибирь.

Собственно говоря, человек, не посвященный в тайны кода на телеграфном бланке, прочитал следующие невинные слова: «Выезжаю к маме, где задержусь недели полторы, возможно, буду у тебя, телеграфируй здоровье Ханы. Юрий».

Иван сел в автомобиль.

— Вам в номера? — спросил шофер.

Иван выругал себя за рассеянность.

— Нет, — проговорил он, вытаскивая записную книжку, где был записан адрес «явки», любезно сообщенный еще мистром Кетли.

Автомобиль, тарахтя, двинулся по новосибирским улицам.

Иван, бывший ранее в этом сибирском Чикаго, был удивлен огромным ростом города, его кипучей жизнью.

«Конечно, — думал Иван, — до настоящих европейских городов далеко, но большевики не дремали. По совести говоря, большевики здорово двинули Сибирь и Урал. Кто бы мог поверить, что эти «мужики и рабочие» могли оказаться хозяевами. Рассказать за границей, ей-богу, не поверят».

Автомобиль остановился на глухой улице около небольшого голубого домика.

Иван вышел. Парадная дверь услужливо отворилась без обычного звонка.

Немолодая женщина с огненно-рыжими волосами, молча пропустив Ивана, захлопнула парадную дверь.

— Вам кого? — осведомилась она, когда Иван уже был в прихожей.

— Мне нужно мадам Дашевскую, — смутившись, проговорил он.

— Это я.

Иван вынул из бумажника кусочек бристольского картона с оторванным краем. Дашевская взяла его.

— Одну минутку, — бросила она Ивану и скрылась за ситцевой портьерой с большими аляповатыми цветами, изображающими не то подсолнух, не то луну.

— Проходите, пожалуйста, — приглашала она, возвращаясь. В руках Дашевской был картон, переданный Иваном и оторванная половина.

— Вы устройтесь у меня, — начала она. — Живу я одна и еще одна старушка, совершенно глухая. Авто можно отпустить, вещи занести. Шурочка! — неожиданно крикнула хозяйка.

Из двери вынырнула подросток девочка.

— Шурочка, рассчитай шофера и вели ему затащить вещи.

— Трех рублей хватит, — заметила она, когда Хмелев вынул пять.

— Пусть будет пять, — махнул рукой Хмелев, — где наша не пропадала.

Через несколько минут Хмелев и Дашевская сидели за ярко начищенным самоваром. На столе красовалась солидная батарея наливок и соответствующих закусок.

— Пейте, — угощала Дашевская, не забывая наливать себе рюмку. — Покойный генерал, которого в 1919 году расстреляли большевики, был большой любитель выпить. Он приучил меня, бедняжка, пить.

Иван не стал заставлять себя просить.

— Долго вы думаете пробыть? — мимоходом спросила Дашевская.

— Как вам сказать, — проговорил захмелевший Иван, напуская на себя важность, — все будет зависеть от обстоятельств.

— Я это спросила неспроста, — объяснила Дашевская. — Я имею инструкции: если вам будет нужно, продвинуть вас в район.

— Как в район? — не понял Иван.

— Положим, вам надо выехать в деревню, — пояснила Дашевская, — вы ведь с каждым встречным-поперечным не поедете. Я имею инструкции дать вам верного ямщика.

— Вот в чем дело, — протянул Иван, восхищаясь предусмотрительностью своих английских друзей.

Чаепитие было закончено. Покрасневший от выпитого Иван тяжело отдувался.

— Вы, может быть, отдохнете? — предложила Дашевская.

— Не прочь, — сознался Иван. — Да, вы говорили насчет лошадей, я, знаете, думаю, что завтра мне они понадобятся.

— Вас здесь в лицо знают? — осведомилась Дашевская.

Иван ответил не сразу.

— Чем черт не шутит, — пробормотал он, — когда боженька спит.

— Тогда вам надо принять советский вид, — решила Дашевская. — Ну, одеться попроще. А документы у вас есть?

— Целая куча.

— Иногда бывает кучи мало и одного много, — заметила наставительным тоном «генеральша». — Лучше я вам достану простенькое удостоверение, самое деревенское. У меня одно такое есть.

* * *

Иван проснулся в сумерках. За перегородкой говорила Дашевская, изредка тощий тенорок вставлял реплики.

— Завтра, — настаивала Дашевская, — ты, Володя, на одной лошади в деревенском коробке жди утром меня с одним человеком. Главное, дорогой не пей. Ты как унюхаешь самогон.....

— Что вы, — возражал тенорок.

— Бывали случаи. Опустился ты, Володя, — увещевала Дашевская, — кто подумает, что ты капитан.

— Это и хорошо, что никто не подумает.

— Ты не радуйся, — возражала «генеральша», — облик порядочного человека потерять можно скоро.

Бывшая генеральша Дашевская долго еще внушала бывшему капитану Володе хорошие правила. Иван лежал и равнодушно слушал.

Когда «правило» генеральши кончилось, а Володя ушел, Иван вышел из спальни.

— Наверное, мы вас беспокоили, — справилась Дашевская. — Был ваш ямщик, бывший капитан, хорошей семьи, сын помещика Симбирской губернии. Опустился невозможно. Пьет. Но человек надежный, а главное, хотя и пьяный, но волю языку не дает. Будьте спокойны.

Утром Иван Хмелев под руку с Дашевской отправился на квартиру ямщика. Английский костюм и двухаршинные носатые шимми Иван сменил на толстовку, галифе и полуболотные сапоги. «Генеральша» была сверх меры покрашена и напоминала ламаитского идола.

Володя ждал.

— Вот твой пассажир, — начальнически отрекомендовала «генеральша». — Смотри, вези хорошенько.

— Что вы, — замахал руками Володя, — слава богу, не в первый раз.

Хмелев забрался в коробок на прикрытое рогожей сено.

Дашевская крепко, по-мужски, пожала руку и, томно закатив глаза, заметила:

— Я к вам уже привыкла, буду скучать. Поезжайте с богом. Смотри, Володя, не пить, — напутствовала, в свою очередь, бывшего капитана, который тщедушной фигурой и козлиной бородкой напоминал старика-дьячка из глухого деревенского прихода.

Рыжий мерин затрусил к перевозу.

19. Москва—Сибирь

Английских ученых встретил сотрудник английской миссии и несколько репортеров. Джоветт, вылезши из кабинки, сразу превратился в ярого сторонника советской власти. Хмелев и Миранда держались сдержанно.

Вечером в английской миссии состоялся закрытый банкет, на котором присутствовал посол, профессор Джоветт, Хмелев, Миранда и еще какой-то человек мрачного вида.

— Итак, разрешите вас поздравить с благополучным прибытием в эту страну, — начал посол. — Части аппаратов уже установлены. В остальной информации, я думаю, вы не нуждаетесь, так как получили подробные инструкции. Могу сказать, что работа

в этой стране требует громадной осторожности. Все иностранцы на учете.

Посол, конечно, не знал, что еще до прилета «экспедиции» профессора Джоветта имелись краткие, но достаточно ясные сведения о цели приезда английских ученых.

— Лично я, — заметил Хмелев, — не думаю задержаться в Москве, так как мы намерены работать в Сибири. После окончания опытов я проеду во Владивосток.

Хмелеву не возражали. Деловая часть банкета на этом кончилась.

На следующий день Миранда и Хмелев выехали в Сибирь.

Ехавший в одном вагоне с профессором Хмелевым агент Грозный имел прямое указание при малейшем подозрении задержать профессора Оскара Лонга и его жену Миранду Лонг.

Жизнь Грозного была заполнена английским профессором, который не подозревал слежки и целые дни сидел со своей женой у открытого окна в вагоне-ресторане.

Кроме Грозного особой профессор интересовалось еще одно лицо, о существовании которого знал только английский посол в Москве, получивший зашифрованную телеграмму от полковника Уэльса.

В телеграмме говорилось: «Пошлите одного из агентов литеры АД для наблюдения за профессором Оскаром Лонгом и его женой. В случае какой-либо опасности агент литеры АД должен предупредить сэра Лонга и принять предупредительные меры».

Агент литеры АД, Николай Гингс, был датским подданным, ни разу не видевшим своей родины. Гингс родился в России и, желая отделаться от военной службы, грозившей ему в случае перехода в русское подданство, остался на всю жизнь русским датчанином.

20. На путях к кладу

В это время Иван Хмелев вместе с Володей путешествовали на место ханского клада.

— Вы из-за границы? — Володя был человек словоохотливый.

Иван, не расположенный к разговорам, мотнул головой, а Володя, сев спиной к лошади, лицом к пассажиру, пустился в разглагольствования.

— До черта, знаете, меня в эту самую границу тянет. Какая здесь жизнь? Там веселье, шампанское, автомобили. А здесь — грусть. По какому делу едете? — без всякого перехода спросил Володя.

— Секретному, — важно ответил Хмелев.

Володя удовлетворился ответом.

— Скоро деревня будет. Самогон здесь распрекрасный гонят. Рюмочку пропустим?

— Можно, — согласился Иван.

Володя повернулся к лошади и начал ее усиленно погонять.

Володя завез Хмелева к своему знакомому кулачку. На белой скатерти появился самовар, узорная бутылка самогона и разнообразные закуски.

Хозяин, рыжебородый детина, свирепо хлопал стакан за стаканом. Володя не отставал.

Через некоторое время хозяин и Володя плясали «русскую», а Иван хлопал в ладоши.

На другой день опохмелившиеся кладоискатели двинулись дальше. Иван в эту поездку решил сделать предварительную разведку, после которой уже приступить к изучению клада.

Жизненный путь Гингса ознаменовался переменой бесконечного ряда профессий. Двенадцати лет он начал подвизаться на цирковой арене в качестве гимнаста, позднее сделался дирижером балалаечного оркестра, империалистическая война застала Гингса тапером в публичном доме. Движимый желанием надеть погоны с одной звездочкой, Гингс из публичного дома перешел в школу прапорщиков. Брест-литовский мир окончил военную карьеру капитана Гингса, и он снова превратился в датского подданного. Во время гражданской войны Гингс околачивался в Крыму, спекулируя сахаром, сухофруктами и землей. После Перекопа торговая деятельность «датчанина» была окончена. В 1923 году Николай Гингс начал службу в английской международной контрразведке. За выполнение ряда ответственных заданий он был переведен в высокую категорию шпионов, обозначенную литерой АД.

Гингс рассуждал просто: если ему приказано следить, значит, существует какая-то опасность. Выяснением опасности и занялся агент литеры АД.

Он произвел персональный осмотр пассажиров вагон-салона. Подозреваемыми оказались: тучный армянин, не спускавший глаз с Миранды, и Грозный, более заинтересованный профессором Лонгом.

Гингс был специалистом заводить знакомства. Через несколько минут разговора с армянином, ехавшим в Хабаровск по каким-то личным делам, агент литеры АД всецело занялся Грозным.

Грозный не шел на разговор, что еще более убеждало Гингса в его подозрениях.

— Вы, товарищ, далеко? — увивался Гингс около Грозного.

— В Хабаровск.

— Вы ранее бывали в Сибири?

— Нет.

— Я думаю сделать остановку в Новосибирске. Об этом, кажется, надо заявить.

— Да, начальнику станции.

— А вы не думаете делать остановку?

— Нет, не думаю.

Грозный бесцеремонно покидал разговорчивого пассажира. «Прекрасно, — решил Гингс, — можем сыграть на остановке».

В Омске профессор Лонг получил на станционном телеграфе ожидавшую его телеграмму из Лондона. Русскими буквами по-английски сообщалось, что «мать Миранды просит чаще писать о здоровье». В переводе это значило, что в Новосибирск уже прибыли части аппаратов Ха-лучей.

Гингс тоже получил телеграмму из Москвы, где сообщалось: «Коле нужны деньги».

Немедленно после телеграммы Гингс явился в купе Хмелева и, отрекомендовавшись, заявил, что с этой минуты он в его распоряжении. Хмелев, предупрежденный о возможности такого визита, не был удивлен. Порывшись в чемодане, он вытащил обрывок фотографии, Гингс, в свою очередь, предъявил второй кусок, и сложенные вместе части полностью восстанавливали запечатленную на пластинке агента литеры АД Николая Гингса.

— За вами следят, — заявил Гингс, — пока у меня только подозрения.

— Кто следит?

— А брюнет в черной рубашке, с серебряным поясом.

— Почему вы думаете?

— У меня есть основания, — уклонился от прямого ответа Гингс. — В Новосибирске я узнаю.

— В Новосибирске я думаю сделать остановку, — заявил Хмелев.

— Вот и прекрасно, — обрадовался Гингс. — Это как раз входит в мои планы.

Скорый пришел ночью.

Вагон покинули профессор Лонг, его жена, Гингс и Грозный.

Гингс мимоходом успел шепнуть профессору:

— Будьте осторожны, я теперь убежден, что за вами следят.

— Я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке, — пожаловался Хмелев.

— Тогда надо скорее покидать страну большевиков, — посоветовала Миранда.

— Надо повидать Ивана и сделать опыты.

— Ты знаешь, что без Ивана мы хорошо обходимся. Во вторых, опыты можно делать и не в Сибири.

— Да, конечно, не в Сибири, а в любой части России, но только не в других странах.

Хмелев после этого разговора долго рассматривал карту Урала.

— Миранда, — проговорил профессор, оторвавшись от карты, — мне предстоит опасная экспедиция в Тагильский завод. Тебе я советую выехать дальше — за границу. Вместе быть опасно. Я не знаю, чем это кончится. Получив от тебя телеграмму из Маньчжурии, я приступлю к опыту. Если не вернусь — завещание тебе передадут. Все оставлено тебе.

— Что у тебя за похоронный тон? — попробовала шутить Миранда.

— Я тебе говорю серьезно. На этот раз ты меня должна послушать.

— Я решила остаться с тобой, — твердо проговорила Миранда, — завещание без тебя не имеет для меня цены.

Хмелев спор отложил до утра, но и утром Миранда не изменила своего мнения.

Предсельсовета тов. Гусев

Барабашинский пимокат Андрей Гусев в голодные годы вспомнил сытую Луговушку и, погрузив немудрый скарб на хромого конишка, одолженного ему соседом, двинулся из захиревшей окончательно Кавы в родные края.

В Луговушке Гусеву пришлось не сыто. Оставленное старикам хозяйство нарушилось, а на поднову сил не было. Пимокат не растерялся. Сколько ни ворчали старики, ни грозили «божьим наказанием», Андрей ушел в коммуну «Красный луч».

Голодное время прошло. Те, кто кормил пустое брюхо в коммуне «Красный луч», пробиваясь на советских харчах, ушли. Осталась горсточка во главе с Андреем. Горсточка не мир. Поковыряли, поковыряли землю оставшиеся и разбрелись врозь.

Андрей вернулся в Луговушку. Тяжело ему было идти к старикам, да другой дороги не было.

Скоро в Луговушке Андрей первым человеком стал, делегатом на окружной съезд дважды ездил, был председателем сельКОВ, а потом укрепился в сельсовете и сделался бессменным председателем.

— Что за притча? — удивился Андрей, увидев знакомое лицо Ивана Хмелева. — Никак Иван Хмелев откуда-то взялся.

Раздумье взяло.

— Откуда взяться Хмелеву в Луговушке? — посомневался Андрей. — Сказывают, они по заграницам теперь ездют. А между прочим, можно дознаться, — решил председатель совета, когда Володя подворотил лошадь к новым воротам богатея Краюшкина.

Андрей направился к Краюшкину.

Дохлый, с козлиной бородкой старик Краюшкин хлопотал, распрягая лошадь приехавших. Хозяйка броднем раздувала на крыльце самовар. Гости помогали Краюшкину.

— Вот черт коммуниста несет, — буркнул Краюшкин, увидев Андрея, и яманьим тенорком приветствовал Гусева: — Никак сам начальник идет. Здравствуйте, Андрей Фомич!

— Мое почтение.

Краюшкин бросил распрягать лошадь и после некоторого молчания осторожно осведомился:

— Никак насчет парома?

— Нет, паром дело небольшое. Я ездил на Обь, сволокли его с песка.

— Всегда в этом месте стрежь и коса бывают, — заметил Краюшкин, — года не проходит, чтобы народом не тащить его.

— Да, маленько обнизались, в аккурат на косу, — согласился Андрей.

Снова замолчали.

— Я вот насчет приезжих, — начал Андрей. — Бумага из РИКа мне пришла — инструктор в потребилку едет. Вы не инструктор? — обратился предсельсовета к Ивану Хмелеву.

— Нет, я по сбору малины и лексырья, — ответил Иван.

— Между прочим, ваш мандат надо в волости зарегистрировать, — заметил Андрей.

— Как водится, — согласился Хмелев и сейчас же подал удостоверение.

Гусев повертел бумагу, посмотрел отметки и возвратил Хмелеву.

— Потом в сельсовет зайдите. Тут, за углом, — Гусев распрощался по ручке.

«Вылитый Иван Хмелев, но только не он», — решил Гусев.

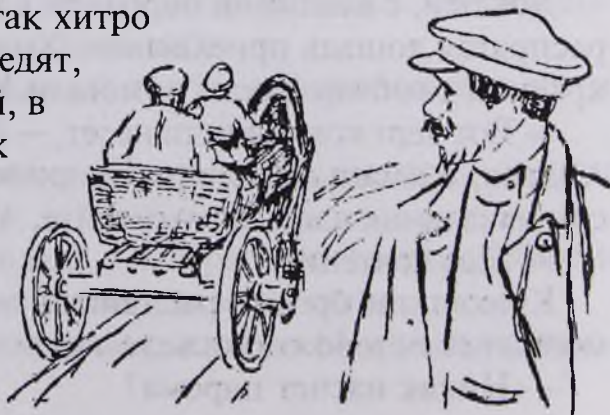
21. Ханский клад

— Итак?

— Итак, — повторила Миранда, — я решительно остаюсь с тобой. Конечно, если ты прогонишь...

Юрий молча прошелся по комнате.

— Вопрос решен, надо быть готовым ко всему. По совести говоря, — сознался Юрий, — я не представлял, чтобы шпионаж так хитро был поставлен. За мной следят, за теми, кто следит за мной, в свою очередь следят, и так далее. Паутина слежки. Это... — Юрий не закончил фразу и подошел к открытому окну. На бирюзовом безоблачном небе реял аэроплан.

— Разве попробовать? — спросил Хмелев.

— Что?..

— Сейчас сделаю маленький опыт, — уже твердо заметил Хмелев.

Он быстро вытащил из чемодана черный футляр, напоминающий фотографический нераздвижной аппарат, открыл крышку и, вглядываясь в колеблющийся силуэт аэроплана, начал переводить какие-то мелкие рычажки.

— Смотри, — бросил он Миранде.

Она подошла к окну.

Хмелев перевел еще какой-то рычажок. Там, где две-три секунды чернела моторная птица, как метеор, блеснул огонек, и сейчас же метнулось свинцовое облачко. Аэроплан, вернее, дымящийся метеор, падал на землю.

Хмелев закрыл аппарат.

— Видела?

— Да.

— Это называется Ха-лучами.

— Ха-лучами? — не то с восхищением, не то со страхом повторила Миранда. — А не опасно держать эту вещь в номере?

— Опасно, но только в другом отношении.

— Знаешь, мне страшно. Ведь это убийство.

— Конечно, убийство, — согласился профессор, — самое усовершенствованное убийство, произведенное во имя науки.

— Убийство во имя науки остается убийством.

— А разве я с тобой спорю? — спросил химик.

— Конечно, ты права. Теперь надо готовиться к отъезду. Ты увидишь нечто грандиозное. Громадный взрыв, как извержение вулкана.

— Лучше бы не видеть, — заметила Миранда.

— Тогда поезжай, как я тебе советовал.

Миранда ничего не ответила.

* * *

Допрошенный несколько раз кряду, Том Бэр был выпущен по распоряжению полковника Уэльса.

— Удивительный идиот, — докладывал о нем следователь. — Я опытный человек, меня не проведешь. Да. Плути от идиота я отличу. Этот парень идиот. Привлекать его за дебош на улице неудобно, так как свидетелем должен выступать молодец из...

Уэльс не дал договорить следователю.

— Выпустите его.

— Наверное, подслушивал по привычке, — решил Уэльс, — не стоило с дураком канителиться.

Том Бэр вернулся в профессорскую квартиру, собрал свои вещи и исчез.

* * *

Путешествующий — гласили колонки цифр в переводе на русский язык — профессор Лонг является русским профессором Юрием Хмелевым, изобретшим так называемые Халучи, обладающие свойством взрывать на расстоянии любые предметы. Цель его поездки — производство взрывов на территории СССР. Необходимо немедленно задержать Лонга-Хмелева, его жену Миранду Лонг и английского профессора химии Джоветта, если против последнего будут иметься веские улики.

* * *

На следующий день Иван Хмелев решил отправить Володю, который благодаря постоянному пьянству не был пригоден для поисков клада. Отправляя Володю, Хмелев дал наказ, чтобы он в случае приезда его брата, профессора Хмелева, немедленно каким-либо путем сообщил.

В свою очередь Юрий Хмелев, наведя справки об Иване и узнав, что он уехал на поиски клада, решил уведомить его в случае благополучного возвращения с Урала.

Володя уехал недовольный.

После отъезда Володи Иван Хмелев, не объявляя истинной цели своего приезда, компаньоном по кладоискательству пригласил старика Краюшкина.

Секретный агент Грабский, сидя в горнице у Гусева и выпивая по маленькой самогон, после каждой чашки предлагал предсельсовета:

— Возьмем, товарищ Гусев, под жабры гадов!

— Чтобы взять, надо иметь законное положение, — вразумительно отвечал агенту Гусев и деликатно при этом замечал: — Ты поменьше употребляй напитокку.

Поставленный на караул около краюшкинского дома сынишка предсельсовета, запыхавшись, вбежал в горницу.

— И дядинька, и тятинька, — пищал Гришка, — они поехали. Старик Краюшкин и тот, городской.

— Если мы отыщем, — говорил Хмелев Краюшкину, — эти важные и секретные документы, которые зарыли в землю при отступлении, я тебе выдам награду.

— Что там награда, — отвечал Краюшкин, — найти бы их в целости, а то много времени прошло, как бы бумага в земле не испарилась. А ты место то хорошо приметил? — осведомлялся Краюшкин.

— У меня есть план.

— План-то не всегда правильно показывает. Вот взять хотя бы землемеров, ошибаются они тоже. Вот приметочка какая-нибудь — самое верное дело.

Краюшкин и Хмелев подъехали к устью Ирменки.

Лошадь Краюшкин привязал к кустику тальника.

— Ключик, говорит, надо спервоначалу найти, — рассуждал Краюшкин, — видишь, ключиков-то здесь без малого три.

— Который двести шагов от устья?

— И дядинька, и тятинька, —
пищал Гришка

— А вот самое устье, — указал Краюшкин на густую поросль черемухи и тальника.

— Ключик у белого камня, — пояснил Иван.

— Ну, ты тогда так бы и сказывал. Это у старицы, лошадь здесь постоит, пойдем.

Захватив лопаты, кладоискатели переправились по двум стволам, положенным для перехода через речку.

Река за триста лет изменила устье. Старое устье, постепенно отклоняясь от высокого яра, который описывал в своем завещании Малушка, образовало новую речную долину, густо поросшую трухлявыми тополями, тальником и черемухой.

Одинокие сосны, выросшие на непривычной почве, маячили над яром густой буйной порослью.

Шагая по воде, Иван и Краюшкин пошли прямым путем.

— Стой-ка, — остановил старик. — Кто-то, однако, сзади идет, — прислушиваясь, заметил Краюшкин и, послушав мгновение, беспечно добавил: — Поди, бабы за хмелем шагают. В стары годы буйный хмель тут родился.

Краюшкин хорошо знал дорогу.

Вышли безошибочно к ключику, который тихо кипел под высокой белой кварцевой скалой, потрескавшейся и осыпавшейся.

— Камень, и тот смерть знает, — философствовал Краюшкин, — а теперь сказывай, какой план держать.

— Теперь труднее, — проговорил Хмелев прервавшимся голосом.

Малушка не обманул далекого потомка — белый камень был налицо, а под ним по-прежнему кипел ключик, как встарь, при хане Кучуме.

— Теперь надо от него шагать сто шагов.

— Сто шагов? В какую сторону?

— На закат.

— На закат, — снова повторил Краюшкин. — Сейчас сообразим. Как у нас церковь на деревне стоит. Так, тут, значит, будет север, так — восток. Супротив — запад. Неужто в гору шагать? — удивился старик.

Иван вынул компас. Дрожащая стрелка бусоли (компаса) показала направление, намеченное Краюшкиным.

— Ишь ты, какая машина, — заинтересовался старик, — как это она действует?

Но Иван был не расположен к рассуждениям и, ничего не ответив, спрятал компас в карман.

— Придется лезть на гору, — сказал Иван.

— Тут, однако, не залезешь, — посомневался старик.

Действительно, желтый песчаный яр был недоступен.

Может быть, в старые годы, когда Малушка прятал ханский клад, и существовала тропка, но сейчас по желтой отвесной скале взобраться было невозможно.

— Давай так, — сообразил Иван, — ты иди дорогой на яр, потом оттуда спустишь мне бечевку, отмерим, сколько шагов яр, а тогда дальше.

Старик, взяв связку бечевки, ушел, а Иван, зачерпнув горстью студеною воду ключика, начал медленно пить.

— Эй, держи веревку, — крикнул Краюшкин, спуская веревку с привязанным к ней камнем. Камень, как мячик, катился вниз, осыпая песок и кварцевый щебень.

— Довольно, замечай, — крикнул Иван, когда камень, привязанный к веревке, достиг ключика.

Старик завязал узел.

— Тяни обратно, — крикнул Иван и пошел искать ход наверх, на яр.

— Сколько осталось веревки? — спросил запыхавшийся Иван.

— В акурать двадцать аршинов, — заметил Краюшкин. — Две белых метки, узел прямо на месте я завязал.

— Теперь надо на полдень брать сто шестьдесят три шага, — заметил Иван.

Старик забил кол и, привязав бечевку с нанесенными на нее белыми делениями, двинулся вперед. Иван прикинул компас.

— Ну, тяни, — сказал Иван. — Держись прямо, мимо трех сосен больших.

— Никаких тут больших сосен нету, — отрезал старик.

— Должны быть, — твердо проговорил Иван и добавил: — В плане сказано.

— Хотя в плане и сказано, а я, как родился, тут больших сосен не видал, — упорствовал старик.

Иван не стал спорить. Распуская бечеву, он, сверяясь с компасом, медленно шагал вперед.

— А это что, по-твоему? — спросил он, указывая на громадный пенек, вокруг которого расположилось муравьище.

— Пень...

— Вот второй.

— Пень — не сосна, — заметил старик.
— Все равно.
— Ты бы сказывал: мимо больших пней, а не сосен. Сосен тут нету, — упорствовал старик.
Бечева показала ровно сто шестьдесят три шага.
— Бей кол, — скомандовал Иван.
Старик забил кол. У Ивана сильно билось сердце и дрожали руки.
— Теперь пойдём на берег.
— Зачем? — удивился старик.
— Снова будем мерить сто шестьдесят три шага прямо под прямым углом, — пояснил Иван.
Краюшкин привязал новую бечеву к колу и закрепил старую.
— Ну, шагай, — просил он Ивана, — теперь понял. К концу канитель приходит.

22. Председатель сельсовета т. Гусев

На другой день Володя занялся скупкой у баб малины, а Иван Хмелев со стариком Краюшкиным куда-то уехал. Володя к обеду окончательно напился, и скупка малины была приостановлена.

Приезд агента по скупке малины был событием в Луговушке.

— Агент-то со стариком Краюшкиным, надо быть, уехали в Тихоновку, — заметил кто-то из сидящих на бревнах около сельсовета.

— Какую Тихоновку? — отозвался рябой парень-пастух. — Чудное дело. Рано утром я их видел на Ирменке. Агент со стариком Краюшкиным по Ирменке расхаживают, как будто планы снимают.

— Ври, Омеля, твоя неделя, — заметил кто-то из старичков.

— Истинный восподь. А потом старик Краюшкин лошадь остался караулить, а агент на гору полез и там тоже шаги мерил и какую-то бумагу рассматривал.

— Так все ты и увидал, — посмеивался сидевший в окошке сельсовета Гусев.

— Истинный восподь, видел, — клялся пастух.

На Гусева напало раздумье.

«Если бы какую примету, то можно было бы дознаться».

— Агентишки-то кучер напился, — сообщила дома Андрею его жена, происходившая из кавских мещанок, — срамник, к бабам лезет. Дарью Перепонкину за груди слапал, а она ему как вдарит, он сыграл с крыльца и кричит: «Какое ты имеешь, лахудра, наносить оскорбления охвицеру!». Бабы так и закатились.

— Так и сказал, «охвицеру»? — переспросил Гусев.

— Так и сказал, только складно, по-ученому, — повторила женщина.

— А ты, Марья, кого из хмелевских видала?

— Каких хмелевских?

— Ну, кавских.

— Видала, только сейчас обличье плохо помню.

— Их два брата осталось?

— Два. У одного серпом ноготь резаный. Помню, в страду на охоту ездил. К нам на пашню заехал. Это в революцию. Охвицер был. Пьяный приехал, а мы жали. Он взял серп да по руке, по ногтю, тяп.

— В революцию, — повторил Гусев, — а на которой руке?

— Где теперь упомнишь. А че?

— Так.

Разговор на этом кончился.

Вечером Гусев снова заглянул к Краюшкиным.

Старик Краюшкин и Хмелев вернулись и пили чай. Володя храпел за пологом кровати, по размерам напоминавшей мост.

— Много малины набрали? — осведомился Гусев.

— Мало, — ответил Хмелев.

— Твой ямщик плохо тут собрал. Все больше баб щупать лез. «Я, поди, охвицер, не препятствуй мне».

— Пьяница он, — согласился Хмелев, — я уже не рад, что взял его на всю дорогу.

— Кто нынче не пьет, — ехидно вставил Краюшкин. — Мы с Андреем Фомичом тоже рюмки не проносим.

Андрей, побалакав, ушел.

— Ишь, ходит, вынюхивает, — проводил его старик. — Пакосный человек, коммунист. Детей не крестит. Чуть что — в газету отписывает: рабкор, сколько народу за самогон подвел — не счесть конца краю.

Андрей, к удивлению Марьи, запряг лошадь.

— Куда это ты на ночь глядя? — по привычке говорила Марья, зная, что упрямый мужик все равно ее не послушает.

— В РИК, по нужному делу, — буркнул Андрей и уехал.

Начальник риковской милиции Аполлинариев больше всего любил собственный покой. Завидев подвернувшую лошадь и Гусева, он заметил:

— Никак мертвое тело или что другое в деревне?

— Вот что, тов. Аполлинариев, у нас в деревне оказался самый злостный бандит с Кавы, приехал малину собирать. Его надо немедленно под нготь.

— Ты, товарищ Гусев, чего-то плетешь. Опять как тот раз с самогоном выйдет. Сказал «аппарат» и все прочее. Приехали — и духу нет.

— А вы целую неделю ехали. Можно было за это время целый винокуренный завод упрятать. Ты, товарищ, сначала послушай. На Каве были богатейшие купцы Хмелевы, когда вспыхнула ваша революция, их два брата, Хмелевых-то, побежали по границам. Один брат большой враг пролетариата СССР. Сам многих рабочих и наших пимокатов на острове расстрелял. Теперь этот злодей-белобандит оказался у нас в деревне, где под видом сотрудника собирает малину.

— А у тебя есть данные, что это не другой, посторонний гражданин?

— Нготь на левой руке, обрезанный серпом, и морда.

— Морда — не улика.

— А что же по-твоему улика? Не по брюху же узнаем человека.

— Ладно, отправим человека.

— Опять через неделю?

— Сейчас с тобой, но только смотри: за задержание безвинного гражданина в СССР можно ответить по статье.

— Ладно, не пугай.

Ночью в Луговушку приехали Гусев и секретный агент Грабский.

23. Ханский клад

Бечевы медленно разматывались. Иван часто оглядывался назад и следил, чтобы обе бечевы сходились под прямым углом.

Отметки на бечевке показывали сто... сто двадцать, сто сорок.

Юрий Хмелев и Миранда купили в будочке билеты и вошли на хрупкие мосты. Одна волна пассажиров жала направо с парохода, вторая — налево, на пароход.

«Опасно — смерть», — прочитал машинально вслух Хмелев странную надпись при спуске на пароходик и вспомнил, что иногда на сильных ядах пишется такая же этикетка, только с двумя скрещенными костями и черным черепом.

«Ян Томпа» пополз на другую сторону, где виднелись белые домики и сосны на высоком берегу.

— Какая разница, — заметила по-французски Миранда. — Два мира — тот и этот берег. Там равнина, а здесь джунгли.

— Джунглей в Сибири нет, — поправил Хмелев, — мы называем громадные девственные леса тайгой.

— Тайга, — повторила нараспев, на итальянский манер Миранда.

— Этот берег, — продолжал Юрий, — напоминает мою родину, она недалеко.

Пароходик неуклюже хлопнул бортом о пристань.

— Теперь направо, туда, — Хмелев показал пальцем и зашагал рядом с Мирандой вдоль берега.

— На эти Альпы не поднимаешься...

Юрий улыбнулся.

— Как-нибудь взберемся. Меня больше беспокоит, — начал он, оглядываясь по сторонам, — как выбраться отсюда. После «грома и молний» начнется отчаянная суета. В общем, — заметил он, — мы можем установить алиби: пойдем в какое-нибудь учреждение, покажем бумаги и на правах путешествующих иностранцев зададим тысячу вопросов.

— По-моему, лучше скорее перебраться на другую сторону и выбраться из Шегловска, — возразила Миранда.

— Глупости. Наши документы в порядке, нам везде оказывали содействие. Сюда мы явились вполне лояльно, и, конечно, подозревать нас никто не будет.

— Если мы после грома и молний явимся в управление АИК'а, то всякие подозрения кончатся.

Шегловск с сопки казался еще более разбросанным. Прямые широкие улицы упирались в зелень загорода, где маячили, как

вздохмаченные шапки, одинокие хибарки. Новые здания отливали воском и выпирали из рассыпанных на зелени поля домиков.

Серая громада химзавода курилась, а по канатной дороге сновали черными точками вагонетки.

Юрий задумался.

«Одно короткое мгновение — и серого завода не будет, — думал он. — Ха-лучи, покорные мне, станут более страшными, чем десять тысяч тропических молний».

— Начинай, — нервно проговорила Миранда.

Юрий поставил на землю черный ящик и, присев, открыл черную откидывающуюся крышку.

Миранда стояла за спиной Хмелева и наблюдала.

Черные вагонетки совершали свой путь.

Сухо тьякнул выстрел. Хмелев вскочил на ноги. Вслед за ним раздались два новых.

Миранда упала.

«В нас», — мелькнуло в голове Хмелева. Он торопливо наклонился над аппаратом...

Там, где лежала Миранда, где стоял, наклонившись над черной коробкой, Хмелев, вспыхнуло яркое зеленое пламя. Зеленое пламя исчезло мгновенно, как появилось.

Когда подбежали несколько человек в зеленых фуражках, они увидели на том месте желтый сварившийся песок и больше ничего.

— Наверное, пуля попала в эту адскую машину, — заметил один из людей.

— Хорошо, что вовремя, — ответил второй, поднимая пористый камень, похожий на шлак.

Действительно, случайная пуля освободила из черной коробки спрятанные в нее молнии и сожгла своего тюремщика.

* * *

Бечевка показывала «сто пятьдесят». Далее еще несколько шагов — и клад. Но далее был не клад, а крутой обрыв.

Иван и Краюшкин остановились.

— Ну, твои чуман-вода съела, — проговорил не то весело, не то насмешливо старик.

Иван понял, что старик прав. Мутные обские волны три столетия изо дня в день точили желтый яр и, может быть, недавно

похоронили в речной глубине клад последнего сибирского хана Кучума.

— Эй, гражданин, стой! — запыхавшийся Грабский с наганом бежал к Хмелеву. За ним с ружьями более осторожно двигались четверо мужиков.

Краюшкин от страха присел на землю, а Иван вытащил блестящий кольт.

Грабский, странно подняв кверху руки, выронив наган, закачался, рухнул на колени и ткнулся лицом в траву.

Иван выстрелил, не целясь, еще.

В ответ прогремело два выстрела. Иван завертелся и упал под яр.

Когда Гусев и понятые подбежали к яру, то Ивана не было видно.

— Утоп, — ловко сморкаясь пальцем, заметил один из понятых.

— Глубина страшнейшая, — согласился второй.

Гусев настоял, чтобы понятые спустились вниз и обыскали приплекток, но они ничего не нашли.

Ивана Хмелева так же похоронили мутные обские воды, как они спрятали ханский клад.

М. Сибиряков

Наши сокровища

(к 85-летию Государственного архива в г. Тобольске)

Тобольский архив основан 16 сентября 1919 года. Сотрудники вновь созданного учреждения, местные органы самоуправления сразу приступили к сбору документов учреждений, организаций и предприятий, распространяя листовки с призывом: «Будем беречь свои архивы!». Поступившим на государственное хранение документам пришлось вынести не одно испытание в условиях часто менявшейся в городе власти в 20-х годах и макулатурной кампании 30-х, которые привели к потере части наследия досоветской эпохи. И все-таки большая часть документального богатства Западной Сибири бережно сохранена для нас людьми, чьи имена вольно или невольно затерялись в «буднях великих строек» XX века.

В настоящее время в государственном учреждении Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» находится на хранении 1483 фонда (305395 единиц хранения), из них 382 фонда дореволюционного периода (134452 единицы хранения), 29 фондов (1258 единиц хранения) личного происхождения, 1634 единицы хранения фотодокументов. По ценности и количеству хранящихся документов тобольский архив является одним из наиболее значимых архивов Сибири.

На протяжении двух веков Тобольск был крупным административным центром Сибири и центром Сибирской митрополии. Это определило и характер документов, поступивших в свое время на хранение. Наиболее крупные и содержательные фонды — это фонды Тобольского общего губернского управления, Тобольского губернского правления, казенной палаты, статкомитета и др. В них сосредоточены материалы о социально-экономическом, политическом и культурном развитии Сибири. Например, в фонде Тобольского общего губернского управления хранятся документы об устройстве путей сообщения между

Европейской Россией, Восточной и Западной Сибирью и Китаем, о сооружении железной дороги Челябинск—Омск—Иркутск, научно-исследовательских экспедициях Беринга, Брэма, Седова, Вилькицкого, открытии фабрик и заводов, о быте инородцев, установлении гласного и негласного надзора за ссыльными, которых поставлял в Сибирь каждый политический режим. Документы свидетельствуют о содержании при монастырях опальной княжны Юсуповой, о последнем судье Запорожской сечи Павле Головатове, декабристах, народовольцах и марксистах, отбывавших ссылку в Тобольской губернии. В фонде тобольского губернского прокурора хранится следственное дело по факту покушения на жизнь Григория Распутина.

Богат тобольский архив документами религиозного содержания. Самый ранний из фондов — фонд Тобольской духовной консистории — датируется 1721—1919 гг. Он содержит документы церквей и духовных правлений, материалы о борьбе с расколом, религиозными культами народностей Севера, об открытии церковных школ и училищ, классов по обучению хирургической науке и т.д. В метрических книгах этого фонда есть записи о рождении людей, прославивших наш край: композитора А.А. Алябьева, купца и мецената С. Мамонтова, автора проекта телебашни «Останкино» Н.В. Никитина, ученого Д.И. Менделеева.

За свою 85-летнюю историю архив претерпел существенные изменения, связанные с административно-территориальными преобразованиями. Административный статус Тобольска неоднократно менялся. В апреле 1918 г. губернский центр переместился из Тобольска в Тюмень. В 1923 г. Тобольск становится административным центром Тобольского округа, включавшего в себя весь Обь-Иртышский Север, а после организации национальных округов — районным центром. События этого периода нашли отражение в фондах окружных учреждений и организаций, освещающих социально-экономическое и культурное развитие региона. В этом составе интересны документы об освоении северных окраин Тобольского округа, о создании культурных баз на Обском Севере, проведении приполярной переписи, развитии промысловой и потребительской кооперации. Возникновение предприятий местной промышленности, закрытие церквей

и религиозных обществ, социалистическое строительство и Отечественная война 1941–1945 гг. нашли отражение в фондах предприятий, учреждений и организаций тех лет.

Тесная связь с Севером определила хозяйственный профиль г. Тобольска. В архиве отложились документы о речном судостроении, а также отраслях, ориентированных на переработку сырьевых ресурсов.

Госархив в г. Тобольске постоянно пополняется документами. На сегодняшний день его сотрудники работают с 70 источниками комплектования, в том числе с 22 негосударственными. Наряду с документами организаций города и отдельных лиц, фотодокументами планируется прием аудио — и видеозаписей.

Уникальной возможностью восприятия общественного через личное может послужить для потомков коллекция «Письма с фронтов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», собранная за последние десять лет. Интересным поступлением является фонд неформальных организаций начала 80-х годов XX в. «Тобольский народный фронт» и «Добрая воля». Документы этого комплекса рассказывают о людях, направляющих свою деятельность на то, чтобы поднять свой город в памяти и духе на высоту его кремля.

В последнее десятилетие архивный фонд Тюменской области пополнился документами строительно-промышленных трестов города. С одним из них, трестом «Тобольскмеханизация», архив сотрудничает с 1992 года. Очень важны для истории города и области документы общественной организации ветеранов Афганистана «Лагар». Интересными и ценными среди новых поступлений в архив являются документы общественного фонда «Возрождение». Это общественное объединение направляет свою деятельность на сохранение и восстановление культурно-исторических ценностей, возрождение Тобольска как регионального культурного центра, создание современной системы культурного обмена и туризма, рост духовной культуры населения города и региона в целом.

В настоящее время возросло внимание к роли личности в истории. Документы личных архивов стали востребованными, поскольку они являются своеобразным связующим звеном между

прошлым и современностью, отражают процесс и результаты деятельности личности. В связи с этим комплектование документами личного происхождения стало одним из перспективных направлений деятельности архива. На сегодняшний день тобольский архив располагает документами личных фондов наших выдающихся современников: заслуженного художника РСФСР Гавриила Андреевича Хазова, режиссера Тобольского драмтеатра Виктора Алексеевича Синицина, члена Союза писателей РФ Вячеслава Юрьевича Софронова, ветерана труда Василия Андреевича Самойлова и многих других тоболяков, умножающих славу родного города.

Архив — реальная форма материального бессмертия. Живы и реальны люди, ведущие дневники, пишущие доносы, составляющие отчеты, диктующие духовные завещания, пока мы храним память о них, храним документальное наследие в тех формах, которые нам завещаны. В архиве нет документов второстепенных, ничего не значащих, все они — бесценные свидетельства, созданные жизнью. Изучая их, наши последователи смогут объективно и полно воссоздать исторические события далекого и недавнего прошлого своей родины.

*Г. Кушнир, ведущий специалист
Государственного архива в г. Тобольске*

Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года

1

[Замысел. — Надежды юношей питают. — Снаряжение. — Мои хлопоты в Тобольске. — Финансовые трудности. — Состав экспедиции. — Наша лодка].

Безотрадно проводили начало 1908 года политические ссыльные в Сибири. Политическая реакция в связи с приходившими из России вестями о новых идеях, новых веяниях создавала страшно угнетенное настроение, и мучительно хотелось в какой-нибудь личной захватывающей работе забыться, оторвавшись от гнетущих мыслей.

В это время несколькими ссыльным села Самарово пришла мысль провести лето в каком-нибудь научном путешествии. Оставалось немного — найти средства и избрать какой-нибудь из уголков Азии, наиболее доступных и наиболее неисследованных.

Сначала решили остановиться на верховьях Иртыша — озере Нор-Зайсан и прилегающих отрогах Алтая. Путь туда казался нам очень удобным, мы полагали построить хороший каюк, купить необходимые инструменты, заготовить на лето сухарей и консервов и плыть сначала до Зайсана на буксире у парохода, а затем своими силами в лодке подниматься по Черному Иртышу. В «Киргизском крае» (изд. Девриена) мы читали о возможности судоходства на нем и потому вопрос о физической возможности путешествия решали положительно.

Средства, которые нам удалось достать, были весьма и весьма малы, но «надежды юношей питают», достать недостающие 300—400 рублей нам казалось очень легким. Мы были уверены, что если мы энергично примемся за дело и затратим сами порядочную сумму, то нам охотно доверят такие небольшие средства.

К середине апреля, когда уже сильно потеплело, мы принялись за постройку лодки; два товарища-столяра и один кузнец

взялись по чертежу строить лодку, и работа пошла, а покамест, в ожидании спуска на воду нашего «броненосца», мы подали «бумагу», списались насчет инструментов, а также написали кой-куда, прося помочь нам в нашем предприятии.

Тем временем подошло бездорожье, и три недели не было ниоткуда ни слуху, ни духу; приходилось день сидеть за книжками, раза три уходя на постройку — «верфь», как ее называла, смеясь, колония, а по ночам лежать без сна на кровати, высчитывая все шансы «за» и «против» нашей затеи.

18 апреля мимо Самарова понеслись первые льдины, уходя вдаль, на север, а через неделю пришла почта, привезшая нам инструменты, ружья и фотографические принадлежности, но ни одного ответа на наши просьбы о помощи, ни ответа на нашу бумагу. Но унывать пока не приходилось, надо было кончить работу и готовиться в путь, а то обстоятельство, что самаровский купец В.Ф. Соскин¹ одолжил нам 100 рублей на выписку предметов первой необходимости, заставляло нас думать, что и другие не в конец же откажут нам. А время все шло да шло.

¹ Соскин Василий Федорович (ок. 1878–1921), торгующий крестьянин, сын купца 2-й гильдии Федора Константиновича Соскина. Избирался председателем Самаровского земского собрания.

Экспедиция политссыльных на р. Конду готова к отплытию
(Из фондов Ханты-Мансийского окружного краеведческого музея)

10 мая сильный удар вдруг круто решил судьбу нашей экскурсии: от «начальства» пришел даже не мотивированный отказ, а с первыми пароходами пришло предложение двум участникам экскурсии ехать в Н-ск. Один не мог его уже ни в коем случае принять, но предоставил другому «carte blanche», и тот решил последовать на зов; становилось сразу одним участником меньше. А ответов из России все не было. Тогда я выехал в Тобольск, решив во что бы то ни стало спасти начатое дело, и если не удастся уж ехать в желанный горный край, то использовать имевшееся уже для более близкой экскурсии. Проезжавший по зимнему пути на Ялмал приват-доцент Житков² указывал мне на Кондинский край как на совершенно неисследованный, и хоть не особенно влекли нас к себе болота лесотундровой полосы, мы решили последовать его совету и взять разрешение на путешествие в Кондинский край.

Десять дней волок меня буксирный пароход «Сын» до Тобольска, и когда я приехал туда, я чувствовал себя очень скверно, рассчитывать на помощь где угодно было уж очень смешно, а в этом городе либеральных чиновников и революционных сурков даже нелепо.

На второй день после приезда я попал на прием к губернатору³ и, должен сказать, не жалел об этом. Разрешение я получил сразу, была обещана нам выдача кормовых за все лето одновременно; вообще от этого приема у меня осталось хорошее впечатление.

Затем через А.Н. Макаревского⁴ я получил в долг 25 рублей [и] на 31 рубль товару в одной лавке с условием вернуть все эти деньги к 20 июня. Из Тобольска в Самарово я ехал уже с большим облегчением.

Приехав в Самарово, я первым делом выслал А.Н. Макаревскому следуемые с меня деньги и стал готовиться к отъезду. Оказалось, что товарищи, уверенные в полном фиаско моей

---

² Житков Борис Михайлович весной и летом 1908 г. руководил экспедицией Русского географического общества на Ямал.

³ С начала 1906 г. до середины 1908 г. тобольским губернатором был Николай Львович Гондатти (1863–1945).

⁴ Макаревский Алексей Николаевич (1863–?), ветеринарный врач, служил в Тобольске в 1904–1909 гг. Один из наиболее активных деятелей Тобольского губернского музея.

поездки, почти ничего не подготовили за эти 14 дней к отплытию и теперь тоже сильно колебались в том, ехать или не ехать, и только что исправившееся положение снова становилось отчаянным. Кое-как знакомым удалось уговорить всех в течение двух недель, и к 17 числу я первый раз почувствовал себя хорошо, когда товарищи стали свозить свои вещи в лодку. <...>.

Благодаря тому же Василию Федоровичу Соскину, давшему нам в долг необходимые припасы, мы смогли хоть хлебом и чаем обеспечить себя. Наши скудные запасы состояли из 20 пудов ржаной муки, 3 пудов сахара, 2 пудов белой муки для «галушек», $2\frac{1}{2}$ пудов дробы, 25 фунтов пороха, 12 фунтов кокосового масла, 5 фунтов чаю, 3 фунтов кофе, 2 фунтов какао, 2 фунтов соды, 1 фунта лимонной кислоты, 3 пудов соли, 1 пуда пшеничной крупы и еще кой-какие мелочи.

Выехали мы в следующем составе: 1) А.Н. Агапьев, 2) Г.Б. Бабкин, 3) П.П. Годомин, 4) М.Г. Корсунский, 5) Т.И. Миронов (примкнул за 2 дня до отъезда), 6) Н.О. Рецкий⁵. Лодка наша имела следующие размеры: 5 сажень длины вверху и 4 саж. 1 арш. в дне; 1 сажень ширины вверху и 1 аршин в дне и 17 вершков вышины.

Сначала построили для нее деревянную с железными связями раму, затем проложили двойное (доски вдоль и поперек) дно, обшили бока, обили нижнюю часть свыше линии железом, залили варом, выкрасили, поставили над кормовой половиной на раме холщовую проклеенную и покрашенную крышу, одели руль, поставили 2 мачты — одну для прямого паруса размером 20 кв. аршин, другую — для косога размером 12 кв. аршин. Затем спустили на воду, поставили на мачте флюгер, а на корме дождемер и стали нагружать ее нашим скарбом.

Я не могу сказать, чтоб настроение наше было очень бодрое. Сам я имел такой вид, что видевшие меня в тот день

---

⁵ Агапьев Александр Николаевич, уроженец Тифлиса, бывший студент физико-математического факультета Московского университета. Годомин Петр Петрович, крестьянин, административно выслан в Тобольский уезд в мае 1906 г. Миронов Тимофей Иванович отбывал ссылку в Сургуте, занимался краеведением, ставил растениеводческие опыты; один из организаторов кооперативного движения в Тобольской губернии. Рецкий Николай Иосифович, смоленский дворянин, окончил Брянское техническое училище. Никаких дополнительных сведений о Г.Б. Бабокне найти не удалось.

знакомые говорили: «Разве можно так скверно себя чувствовать в день отъезда?». А о других и говорить нечего: достаточно сказать, что одни предлагали назвать лодку «Утопией», а другие даже «Гробом», ибо не все были уверены в благополучном возвращении.

2

[*Отплытие из Самарова. — Первые версты пути. — Комары. — Полог. — Течь в лодке. — Блуждаем на пути к д. Манойловой. — Первая охота. — На быстрине. — Д. Фролова. — Ссылный черкес о чудесах благодатного Кондинского края. — На буксире парохода «Тюмень»*].

В три часа после хорошего обеда, изготовленного хозяйкой, мы вошли в лодку и сели на весла, товарищ Галкин⁶, самаровский фотограф, снял нас, стоявшие на берегу товарищи крикнули нам: «Прощайте!», и мы поплыли.

За нашей лодкой на буксире плыла маленькая «переметная» лодка — род душегубки, долбленной из одного дерева. Мы ее взяли для мелких разъездов и на помощь большой лодке в экстренных случаях. За нами же в лодке плыла группа товарищей, желавшая проводить нас подальше, это были самые лучшие наши знакомые.

Проплыв по протоке, отделяющей часть Самарова от Иртыша, мы вошли в реку, и здесь сильное течение сразу дало нам себя знать — мы пошли черепашьям ходом, а проходя мимо «Ангары»⁷, стоявшей у берега, в самом быстром месте у крутого мыса мы и совсем не могли двинуться с места, несмотря на все усилия. Пот с нас катился градом, не хотели мы себя уронить в глазах многочисленной публики, бывшей на «Ангаре», но пришлось отказаться от прямого пути. Повернув почти под прямым углом, мы ушли к противоположному берегу, где был «сор» и где течение должно было быть меньше. Сором здесь вообще называются низины, в половодье далеко заливающиеся водой,

---

⁶ Галкин Алексей Иванович (ок. 1883–1857), крестьянин Калужской губернии. Находясь в ссылке в Самарово, занимался фотографией. Коллекция из 100 его негативов на стекле хранится в окружном государственном музее природы и человека.

⁷ «Ангара» — пароход, принадлежавший казенному пароходству. Плавал по Иртышу и Оби в начале XX века.

**Экспедиция политссыльных на Конду перед отплытием
из Самарово. Июнь 1908 г. Фото А.И. Галкина**

(Из фонда Ханты-Мансийского окружного музея природы и человека)

и этот сор у Самарова далеко тянулся вширь, а левый берег Иртыша обозначался лишь водяными знаками.

В своем усердии в поисках мелких мест и малой скорости течения мы сильно переборщили, зашли за водяные знаки и раза три садились на мель, после чего пошли по створу знаков и довольно скоро потеряли из виду Самаровское — только гора его высилась вдаль.

Часов около 5¹/₂ нам впервые представился случай отдохнуть от весел и пойти парусами при сильном боковом ветре. Оказалось, что они действовали хорошо, и наши уставшие, покрывшиеся мозолями руки получили облегчение.

Годомин с Мироновым стали играть в «бб». Бабкин завел полифон⁸, а мы с Агапьевым под звуки «венского» стали варить на машинке кофе. Хороший это был часок.

Вот вдаль, нагоняя нас, показалась «Ангара», и мы стали испытывать дальномер, определяя расстояние до нее. Чертовски оно уменьшалось, вот четыре версты сократились в три, две, стали виднеться фигуры пассажиров. Наша труба и бинокль

⁸ Полифон — вероятно, патефон.

встретили там тоже бинокли, и вот она плавно, величественно прошла мимо нас, и мы определили ее скорость — до 11 верст в час. Это уже было что-то неладно.

Поглядели мы на укрепленные шкоты парусов, на флюгер, на видневшийся вдаль берег и решили, что мы во весь карьер мчимся обратно. За чашкой горячего кофе и «венским» мы пропустили перемену ветра, и теперь пришлось исправлять нашу ошибку. Опять мерно замахали весла, спустились паруса, и через час мы наверстали потерянное, вошли в суженную часть реки и, подойдя для облегчения хода к тальнику, пошли вперед, решив ехать только до первого удобного для остановки места, чтоб сделать привал. Волнения дня давали себя чувствовать, хотелось выйти из лодки, броситься на берег и заснуть.

Около часу мы плыли вдоль тальника, нигде не найдя удобного места, всюду берег был залит водой, а из тальника все вылетали комары, превращая наш первый в экскурсии вечер в настоящий ад.

Мы почувствовали себя очень хорошо, когда за тальниками увидели песчаную гривку⁹ и узенький проход сквозь тальник. Повернув лодку, мы вошли в проход и бросили якорь.

В проходе было очень мелко, лодка не могла подойти к самому берегу, поэтому приходилось из лодки прыгать в воду и по воде всходить на берег. Вскочив на берег, мы стали первым делом раскладывать костер, уж очень надоели нам комары, и мы рассчитывали отразить их дымом, но сибирские комары, помятуя, что «и дым отечества нам дорог и приятен», не угомонились. Мы попробовали работать в сетках, но это оказалось невозможным. Если грести еще кое-как можно было, то искать дрова и производить мелкие работы никак нельзя, пришлось плюнуть на сетку и философствовать о суетности всего земного. Развели мы костер, напились чайку, хотели поставить палатку, но она оказалась непригодной, на беду еще в ней образовалась дыра от попавшей из костра искры, надо было еще много над ней поработать, и Агапьев взялся за шитье, мы же остальные стали ставить полога.

---

⁹ Грива — узкая продолговатая возвышенность среди низменного пространства.

Полог — это сшитый из легкой и дешевой материи род мешка, четырехугольный, с пирамидальной крышей, размеры его около 3 аршин длины, 2-х ширины и 1-го высоты; по коротким его бокам устроены ушки, в которые продеваются палки, а последние привязываются к четырем воткнутым колышкам. Вершина крыши веревочкой перетягивается либо к ветвям дерева, под которым ставят полог, либо к особой палке. Поставленные полога видны на фотографии. Чтоб их поставить, стелют наземь постель, накрывают ее брошенным пологом, подворачивают нижние края его под постель и полог поднимают. Влезают в него, отворачивая край, и быстро его снова закрывают, чтоб не впустить врага. Устроившись в пологе, избивают случайных посетителей (комаров, пауков и т.п.) и затем до утра спят спокойно, разумеется, если нет дождя. Так мы спокойно проспали эту ночь в пологах, а Бабкин, не имевший полога, завернулся в палатку. Утром в 6 часов мы встали совсем освеженные.

Утро 18 числа принесло нам много работы. Оказалось, что наша лодка, плохо залитая варом и не пропаклеванная, сильно течет, и лежавшие на досках чуть-чуть выше дна продукты стали подмокать. Поэтому пришлось лодку разгрузить и устроить под продукты помост. Материал для помоста мы нашли, раскатав старую развалившуюся от ветхости рыбацью землянку, распилили бревна на бруски, уложили их поперек лодки и на них устроили наш склад уже сравнительно безопасно. Разумеется, с тех пор ежедневно приходилось откачивать воду, и в хороший день мы выливали в два приема (утром и вечером) до 15, а в дождливые дни до 30 ведер воды.

С этой работой мы справились очень поздно; лишь около 12 часов мы были снова готовы в путь, причем нам оставалось верст 10 (водных) до Манойловой — первой дереушки на нашем пути. Это расстояние мы прошли с отдыхом в четыре часа и добрались до Манойлова, где опять сели на мель.

Пологий берег у Манойлова был залит на версту с лишком. Вся деревня была в воде. Лишь кое-где уровень воды был настолько высок, что можно было пройти нашей лодке, а этого «кое-где» мы и не знали. Тогда Агапьев сел в переметку и стал разведывать дорогу. Эта разведка длилась долго, и через час он заявил, что дорога есть, и направил по ней лодку.

Но и этой дорогой нам не суждено было попасть в деревню, мы стали на мель саженьях в 50 от нее, после чего Агапьев с Годоминым отправились в переметке в деревню за «лоцманами». Лишь с их помощью мы вошли в деревню и пристали у забора нашего знакомого Ивана Яковлевича. Расположились мы у него во дворе, поставили полога, палатку и, достав молока и рыбы, устроили роскошный обед из жаренных на горчичном масле язей и крепкого какао.

Утром 19 числа Годомину (по профессии кузнецу) принесли работу: паять самовары. Так как мы с собой взяли почти все необходимые инструменты (кроме меха, о чем очень жалели), то он взял эту работу, и за нее нам принесли рыбы, сметаны, масла и водки. Почин, как видите, был хороший.

Конечно, это нам стоило порядочного промедления; выехать мы смогли лишь около двух часов дня, но при белых ночах июня месяца это было не так уж важно, можно было плыть несколько дольше. Дорогу, разумеется, мы порасспросили обстоятельней, чтоб идти наверх, не сбиваясь далеко в сторону.

Обогнув Манойлову, мы поплыли мимо покрытого березовыми рощами и озерцами правого берега Иртыша. Там скоро над одним островком, отделенным от суши разливом реки, увидели мы стаю уток, тянувшихся от одного озера к другому. Это послужило поводом для высадки в надежде поохотиться и добыть на обед дичи.

На охоту отправились я, Агапьев, Годомин и Миронов, разделившись на две группы, из которых я с Годоминым стали заходить слева, а двое других справа. Наскучив хождением вдоль берега и вспугиванием уток с расстояния не меньше 150 шагов, я бросил озерко и пошел вдоль рощи, надеясь там скорее встретить что-либо съедобное.

Я не ошибся, ибо скоро передо мною промелькнуло что-то серое вроде тетерева, и я бросился по направлению, куда исчезла птица. Пробежав шагов 150, я чуть не сшиб с ног сидевшего под кустом зайку, который принялся улепетывать во все лопатки, а я, повернув оглобли, бросился за ним и наудачу выстрелил на бегу раз-другой, но оба мимо, от усталости я не смог хорошо прицелиться и подарил зайке два заряда. Но заяц, видимо, был сильно ошеломлен выстрелами и, увидев впереди себя спешив-

шего ко мне Годомина, бросился на меня, как-то смешно приседая на задние ноги. Я выстрелил и опять промахнулся. Не успев перезарядить ружье, я бросился снова за зайкой, часто спотыкаясь и черпая воду из глубоких лужиц, но загнал его на край островка в воду. Здесь его догнал Годомин. Не успел заяц проститься с жизнью, как другой серенький выскочил из-под куста и стал озираться вокруг. Годомин успел перезарядить берданку и положить и этого зайца. Таким образом, к лодке мы пришли нагруженные дичью. Пока вернулись Агапьев и Миронов с пустыми руками, я ободрал зайцев, вырезал лучшие части и положил их в уксус, а затем мы двинулись в путь.

Около 5 часов дня остановились на обед в роще на левом берегу, где я с грехом пополам изжарил зайчатину, а Агапьев с Рецким промыслили несколько мелких куличков и одного крупного с красным длинным клювом... После обеда стали обдумывать, ночевать ли или не стоит, и большинством голов решили ехать вперед.

Отъехали мы очень недалеко — гроза разразилась после душного дня, и мы простояли около часу у входа в какую-то протоку, укрываясь в каюке от дождя, играя в «бб» и почитывая взятые книги.

Когда кончилась гроза, мы сели на весла, но, на нашу беду, страшная «быстреть» у поворота в протоку погнала нас к берегу; мы стали на мель в кустах тальника и поникнувших берез. Долго пробовали мы оттолкнуться веслами, течение воды оказывалось сильнее нас, и нам предстояло провести ночь на месте, подвергаясь риску быть замытыми водой, песком и илом.

Не удалось также и «свое средство» — Бабкин задумал прыгнуть в воду и столкнуть нас с мели, но угодил в водоворот и чуть не утонул, только успев одной рукой ухватиться за борт лодки. Отчаянный крик его «Тащите, тянет вниз!» заставил быстро броситься к нему на помощь Агапьева, и он был кое-как извлечен из воды. Тогда мы придумали такой способ действия: запасным канатом удлинили якорь, Агапьев с Годоминым завезли его в переметке на противоположный берег протоки, мы, остальные, стали усиленно отталкивать загрузшую корму, а они тащили за канат и таким образом вытащили нас из капкана.

Вышли мы из него со свороченным на сторону рулем и словама стойки дождемера, так что в скором времени предвиделся капитальный ремонт лодки. Но в этот вечер мы могли только спать, до того мы все устали, поэтому без долгих разговоров разбили лагерь, съели остатки зайчатины, напились кофе и задали храповицкого.

На другой день мы проснулись очень рано, спеша наверстать потерянное, и часов около 10 утра были в виду деревни Фроловой, от которой нам предстояло найти протоку, сокращающую почти втрое путь до села Базьянова, где мы полагали отремонтироваться.

Здесь, во Фроловой, жил тоже знакомый ссыльный черкес, ставший настоящим «челдоном»; он должен был провести нас этой протокой, и потому надо было его разыскать. За ним отправились Рецкий и Агапьев в переметке и привезли его через полчаса, а с ним свежего хлеба и молока. Стоя на якоре среди Иртыша, мы позавтракали, посадили черкеса на руль, а сами вшестером сели на весла. Как стрела понеслась наша лодка по залитому водой Фролову, самая широкая улица которого представляла искомую протоку, и, пройдя по ней через село, через деревенские луга, мы вышли снова на Иртыш уже в виду села Базьянова.

Старый черкес, когда-то ездивший по Конде с мелким товаром, наскзал нам много чудес о богатом Кондинском крае. Медведи, по его словам, десятками выходят к реке по ночам, оленей только ленивый не бьет, а «горная птица» — рябчик, тетерев и глухарь — чуть не сами в похлебку к нам станут падать. Это сильно подняло нам настроение, охотникам впереди уже грезились чудные встречи с Мишкой. Когда у входа в Иртыш нас оставил старый болтун, никто не жалел уже о поездке на Конду.

По дороге к Базьянову мы еще не раз попадали в быстреть, не раз сидели на мели и лишь с помощью мальчишек нашли узкий проход по сору к селу Базьянову. Когда мы остановились у Базьянова, мы увидели большой казенный пароход «Тюмень» и задумали пройти хоть немного на буксире у него. Хотя я знал, что возить политических им строго запрещено и что это запрещение можно при желании распространить и на нас, имевших разрешение на поездку, я пошел по настоянию това-

рищей к его командиру, и И.Д. Шевелев был настолько любезен, что, просмотрев наши разрешения, согласился взять нас на буксир, после чего мы подвели нашу лодку к корме парохода, и пароходная прислуга помогла нам привязать наш корабль за мачты к пароходу.

Весело было ехать на буксире у парохода; только ветер свистел вокруг да пенились волны, и за 1½ часа он доставил нас к деревне Тюлиной, на что нам самим потребовалось бы часов пять. Когда он оставил нас в виду деревни, а сам исчез вдаль, мы чувствовали себя почти на Конде. Всего 10 верст оставалось до устья.

3

[Выселок Борки. — Вошли в Конду. — Гадюки. — Строение берегов. — Съёмка Архиерейского сора. — Поиски Бабкина].

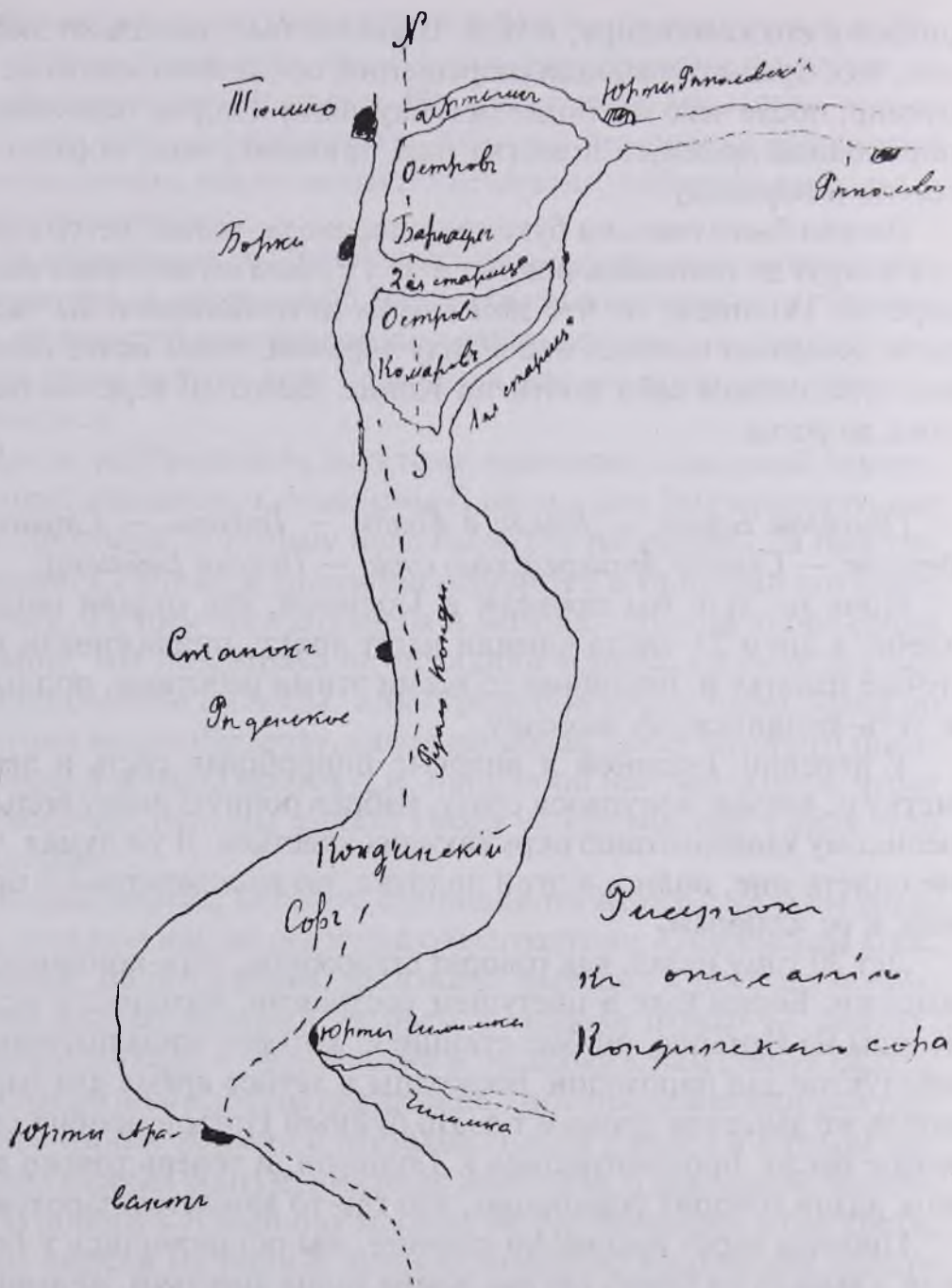
Ночь на 21-е мы провели в Тюлиной, где отдали напечь хлеба, а днем 21 числа чинили нашу лодку, прилаживали по-лучше палатку и, покончив со всеми этими работами, поплыли к усть-кондинскому выселку.

У деревни Тюлиной я впервые попробовал сесть в переметку и, влезая, искупался сразу, набрав полную лодку воды, к великому удовольствию окружающих крестьян. Я уж думал, что не сидеть мне, видно, в этой лодочке, но впоследствии я привык к ее аллюрам.

Лет 20 тому назад, как говорят старожилы, усть-кондинский выселок Борки был в цветущем состоянии; находясь у устья Конды на Иртыше, он был станцией, которая жила поставкой продуктов для пароходов. Борковцы в летнее время для пароходов же запасали дрова и т.д. Но буйный Иртыш пробил себе новое русло, продвинувшись к Тюлиной, и теперь только дымок вдаль говорит борковцам, что где-то движется пароход.

Проехав верст восемь по старице, мы остановились у Борков и вышли на берег, где нас ждала толпа крестьян, желавшая узнать, кто мы такие, ибо они предполагали, что мы торговые, т.е. везем в каюке всякий мелкий товар.

Они оказались все дельными, развитыми крестьянами с большой инициативой, с планами широкого хозяйства, но отсутствие рынка сбыта продуктов, недостаток сенокосов, рыбных угодий и т.д. мешают им поднять свое благосостояние.

Простояли мы в Борках очень недолго, сговорились с ними насчет кое-каких продуктов, обещали в праздник приехать с аппаратом и снять с них фотографии, а затем простились; мы хотели во что бы то ни стало сегодня ночевать на Конде, до которой оставалось всего две версты. Когда мы вошли в Конду,

было уже очень поздно, и в темноте (несмотря на высокую северную широту здесь по ночам уже было порядком темно) не разобрали ее начала, въехали гораздо дальше и, увидев полянку, окруженную сосняком, остановились у ней на ночлег.

Выскочив на нее, мы сразу погрузились в болото, вода забегала в бродни, и почва под нами сильно колебалась. Но мы решили ночевать и стали устраиваться. Для этой цели мы нарубили молодых сосенок, выстлали из них помост, а на нем разложили постели и поставили полога. Легли мы спать даже без чаю.

Встали рано утром, и я с Рецким пошли на охоту в лес. Лес оказался рямником¹⁰, стоящим на болоте, и в нем там и сям блестели «лывы» — небольшие пространства воды. Кое-где в лесу крикали утки, вероятно, под сенью трав выводя птенцов, но найти мы их не могли. Видя бесплодность ходьбы по лесу, мы разделились. Рецкий ушел искать озеро в лес, а я побрел берегом реки вниз по течению, взяв с собою сетку для ловли бабочек.

Разбежавшись в одном месте, ловя красивую желтую лимонницу, я вдруг спугнул из-под обрыва утку и, бросив сетку, выстрелил в нее, когда она взлетела на воздух. Утка полетела в реку, и я стал тормошить нашего песика Рапко, понукая его идти в реку. Но пес выл, отбивался и убежал от меня, а мне оставалось лишь смотреть, как утка уносилась вниз по течению. Пришлось уходить на стоянку ни с чем.

А на стоянке в то время товарищи решили разделиться на три пары: Бабкину с Рецким ехать на гриву, где было видно сухое место, Агапьеву с Годоминым ехать в деревню за продуктами, а мне с Мироновым заняться съемкой устья Конды.

Для съемки я решил на той поляне, где мы стояли, выбрать базу так, чтоб из ее концов можно было засекаать другие точки на реке, и, выгрузив наши инструменты, мы принялись за работу, а обе лодки двинулись вниз по течению на новую стоянку. Отложив и вымеряв базу, мы взяли углы между ней и направлениями на несколько точек из ее концов, поскольку мы могли их заметить на другом берегу реки, и, окончив нашу работу, которую пришлось производить под тучей комаров, вернулись на стоянку

¹⁰ Рямник — мелкий болотный сосняк.

вдоль берега реки, ярко освещенного солнцем. Здесь я чуть не наступил на двух гадюк, гревшихся на солнце, но они оказались очень миролюбивыми и с шипением поползли от нас по обрыву, а мы несколькими ударами кола умертвили их и на палке понесли одну как трофей на бивуак. Это был крупный экземпляр — около $1\frac{1}{4}$ аршина длины и в $2\frac{1}{2}$ дюйма в окружности, черного цвета с голубым оттенком брюха. Другую убитую змею мы не взяли, она куда-то завалилась, это была самая обыкновенная форма серо-бурого цвета с шахматной полосой на спине.

На стоянке уже варился обед — уха с сушеной зеленью, когда мы пришли на нее. Рецкий обладал умением ловко ставить переметы и в первое же утро добыл немного стерлядей и «лобарей» (недомерок осетра). Они-то и угодили теперь в нашу уху с грудой мелких окуньков. Там же лежал, ошипанный и опаленный, убитый мною чирок (мелкая порода уток). Его поднял ехавший мимо старик-крестьянин и доставил нам на стоянку.

Поевши ухи, мы занялись осмотром берега Конды. В этом месте он крут и обрывист, сквозь черную воду Конды видны были красные глыбы ортштейна — сцементированного железной окисью песка. Они здесь настолько тверды, что ими заменяют камни в грузилах у неводов. Позже мы встречали еще более твердые образцы ортштейна. Сверху лежал над ним желтый песок и, наконец, подзолистая почва. Слой почвы был очень тонок, а вокруг этих островков (грив) лежало топкое торфяниковое болото, и слой торфа виднелся у берегов.

22-го и 23-го числа к нам приезжали борковские крестьяне с различными просьбами, а Агапьев ездил к ним, снимал фотографии, и на этом деле мы заработали около $3\frac{1}{2}$ рубля. Так что наши сильно уменьшившиеся благодаря закупке хлеба (свою муку мы берегли для мест, где она дорога) финансы опять поправились.

Днем 23-го числа мы ходили в лес изучать строение грив. 24-го числа я схватил флюс и положил себе компресс, а потому мы работ никаких не вели, да и денек выдался прескверный, надолго зарядил мелкий дождь. Легли мы вчетвером спать в пологах, а к утру уже вся постель промокла, хоть выжимай, пришлось перебираться раздетыми под дождем в палатку. В ней было сухо, но зато комарики тоже оценили это ее качество и

прилетели спасаться и кусаться. От них приходилось укрываться с головой под одеялами и свертываться калачиком. 26-го мой флюс почти прошел от сильной смазки камфарным спиртом, и около полудня мы отправились втроем на лежавшее в глубине леса озеро Архиерейский сор, захватив буры, инструменты для съемки, а Бабкин взял ружье и пошел на охоту.

Архиерейский сор представляет очень живописную местность: вдали на горизонте видны боры, посредине его лежит торфяной островок. Озеро очень мелко, и песчаное дно его покрыто торфом и прослойками ила. Торфа здесь немного, поверхность торфяного дна сильно искривлена и имеет волнистую форму. На берегу стоит рыбацья избушка и валяется ряд старых переметок; здесь весной промышляют окуней и яззей; щук, изобилующих в Конде, в нем мало.

Кое-как удалось нам снять озеро на план, но когда я отправился берегом брать пробы его заболоченной части, то не выдержал и прошел в глубь буром лишь около $\frac{1}{2}$ аршина. Комары и мошка облепили меня страшно, все лицо зудело и горело, как в огне, а руки представляли сплошную искусанную массу, ни керосин, ни скипидар, которыми мы натирали лицо и руки, не помогали; враг был страшно настойчив — пришлось уходить из этих злчных мест. Когда мы уходили, вдали за озером раздавались выстрелы, но мы не знали, кто стреляет, и не пошли на них.

Возвращались мы домой очень поздно. Тропинка меж кочек пушицы исчезла из глаз, мы и не заметили, как попали в заросли берез на болоте и побрели по колена в воде. А тут еще полил дождь, и с сотрясаемых нами деревьев струи воды лились за воротник, в бродни и т.д. Голодны мы были страшно. Видя, что лес берез все густеет, продираться сквозь чащу становится все труднее, я решил, что надо идти влево, и пошел, Годомин же держался старого пути, а Миронов утверждал, что надо идти вправо.

Я шел недолго и вышел на место ночевки первого дня. Напрягая все силы, я закричал Годомину, чтоб шел ко мне. Он услышал и пришел. Тогда мы стали звать Миронова. Он откликнулся, но, видимо, продолжал свой путь. Мы пошли на стоянку. Придя к ней, мы оказались одни. Агапьев с Рецким осматривали переметы, а Бабкин еще не приходил. Мы сварив-

ли чаю и напились, съев около четырех фунтов хлеба, — в этот день это был ведь весь наш обед. Когда вернулись Агапьев с Рецким, то оказалось, что и они ничего не поймали. Вскоре в лесу вдаль показался огонек — это Миронов разложил костер, он, видимо, решил ночевать в лесу. А Бабкина все не было. Мы легли спать.

Утро 27-го числа было ясное и теплое. Стерлядь в такие дни любит играть у поверхности, и Рецкий наловил ее несметное количество. Уха была очень хорошая. Миронов, пришедший поутру, был очень доволен ею после голодной ночевки на болоте, но отсутствие Бабкина нам причиняло уже сильное беспокойство. Хотя мы думали, что он, вероятно, ушел в деревню, куда нас ежедневно звали в гости, но боялись и других возможностей. Днем Миронов пошел справиться в деревню, оказалось, что Бабкина там нет. Тогда мы собрались решать, как быть, дали знать по деревням, но самим нам предстояло ждать его 12 дней, если он не отыщется раньше. Леса мы совершенно не знали и, рассчитывая идти искать его, сильно сомневались в успехе. Когда к ночи он не пришел, мы составили две группы: я с Агапьевым пошли направо в лес к деревне, а Годомин с Мироновым налево. Рецкий остался дежурить на стоянке.

Запаслись мы, конечно, компасами, Годомин взял шагомер (другой я потерял на Архиерейском сору в береговой траве), взяли ружья и пошли. Взятое мною и Агапьевым направление не дало нам возможности долго следовать ему. Кочки, лывы и зыбуны были на каждом шагу, а кругом было тихо, страшно тихо, никто не откликнулся на наши выстрелы, лишь совы и филины кружились над нами да кое-где сквозь сон при выстрелах кричала утка. Вот показались болотные «окна», нога стала уходить все глубже; пришлось переменить направление, мы стали обходить трясину, но ей и конца не было. Вот вдаль уже показалась темная гладь Архиерейского сора, а трясина уходила на северо-восток, прижимаясь к озеру. Дали мы сигнальный выстрел, и в ответ услышали какой-то крик в трясине. Мне показалось, что это кричит наш товарищ (в душе я был уверен, что он сидит где-нибудь в такой трясине, облепленный комарами), и я бросился по кочкам в трясину, думая, что бегу на помощь, но крик не повторялся больше, и я вернулся в

лесок, набрав полные бродни холодной воды и попав чуть не по пояс в болото. Пришлось мне сесть на кочку, снять бродни и выжать белье, иначе тяжело было бы ходить по кочкам, и, одевшись, снова мы продолжали поиски. Но сперва мы решили выйти на берег реки, чтоб точно ориентироваться, что мы и сделали.

Дальше шли мы по берегу, пугая спавших под обрывом в песчаных гнездах стрижей и давя попадавшихся под ноги гадюк, и, пройдя с час времени, вышли на какой-то небольшой сорок, покрытый камышом и заросший березами. Здесь мы снова услышали какой-то шум, точно стадо оленей неслось по отдаленной тропе. Несмотря на беспокойство и усталость, забилося от радости сердце, и тихо, чуть не ползком, пошли мы к березнякам, подкрадываясь к месту, где был слышен шум. А он все усиливался, все приближался, вот он уже около нас, а оленей все нет. Осмотревшись, мы увидали, что на берегу озера из-под почвы бежит болотный ключ и пузыри воздуха с шумом вырываются из-под земли. Попробовали мы понюхать выделявшийся газ, поднесли спичку, чтоб убедиться, не с болотным ли газом или с углекислотой мы имеем дело. Но спичка спокойно горела, газ запаха не имел, и мы решили, что это просто поглощенный и выделяющийся теперь воздух, хотя пожалели, что благодаря недостатку посуды не можем взять пробу воды и этого газа.

Походили мы еще с час по гривам и болотам и под утро, часов в пять, вернулись на бивуак, где сидел у огня один Рецкий и чуть не плакал от беспокойства. У Рецкого чувствительность доходила часто до крайних пределов. Но делать было нечего, оставалась одна надежда на Годомина с Мироновым. Я постелил себе постель в пологу и заснул глубоким сном. Во сне я видел, что Бабкина разорвал медведь, что на нас движется болото, и всякую другую чепуху.

Проснулся я от выстрела, раздавшегося в лесу. Я вскочил с постели и прислушался; вот другой, третий и затем ответный выстрел Рецкого со стоянки. То был условный знак. Три выстрела означали, что нашли Бабкина. Я выскочил в одном белье на площадку, где был наш бивуак, а здесь уже танцевал от радости Рецкий, а Агапьев бежал в лес навстречу товарищам.

Вот показались они из лесу, ведя под руки Бабкина. Он еле волочил ноги и, придя к нам, сразу завалился спать.

Оказалось, что он, проплутав в лесу у Архиерейского сора, зашел далеко, на другое озеро Пеньков сор, нашел там лодочку, переехал на ней через озеро и, наконец, вышел на Конду верстах в семи выше стоянки, и вернуться пешком он уже не мог. Первую ночь он провел там, на берегу реки, а на второй день, голодный и усталый, снова переехал через Пеньков сор, вернулся на Архиерейский, но найти дорогу обратно не сумел. Проходив весь день и часть ночи, он поутру набрел на рыбацью избушку и, обессиленный, повалился в ней на землю. Догадался платок свой с написанными угольком словами: «В избушку войдите, человек умирает» повесить на дереве на берегу озера, но до того устал, что даже на мирно живших в избушке гадючек не обратил уже никакого внимания. Расстреляв все патроны, он лишь один пульный оставил для себя, чтоб в крайнем случае покончить со страданиями голода. При нем не было ни куска хлеба, а болотная ягода (морошка, голубика) еще только цвела, и воспользоваться ею он не мог¹¹.

Нашли его товарищи по оставленному на берегу платку, иначе они бы его никак не стали искать в этой избушке, всего в 2¹/₂ верстах от стоянки. Они смогли дать ему только кусок хлеба, ибо подкрепляющих жидкостей мы не взяли, слишком уж малы были наши средства.

4

[Съемка устья Конды. — Кондинский сор. — Станок Реденькое. — Арендаторы местных угодий. — В лесу].

28-го числа мы провели день опять в работе — измерили глубины Конды и Иртышской старицы при их слиянии в половодье и составили профиль реки. Поставили вехи для определения высоты и спада вод разлива, набрали образцов слоев, слагающих гривы и болота в устье Конды, и, выехав на лодочке на середину Конды и Иртышской старицы, взяли пробы воды. Линия, отделяющая эти две реки, ясно заметна: черная, богатая

---

¹¹ Об этом случае «Сибирский листок» сообщал в номере за 10 августа 1908 г.: «По слухам, один из участников экспедиции по исследованию р. Конды пропал без вести: неизвестно — то ли он заблудился в лесу, то ли застрял где-нибудь в болотах, или заел его медведь».

солями вода Конды и светло-серая, илоносная вода Иртыша не сразу смешиваются, а долгое время текут рядом, и граничная линия «черной и белой воды» служит здесь межой рыбных угодий села Реполово и кондинских остяков.

Не так удачно нам досталось определение скорости течения. Рецкий уехал на лодочке вверх по Конде и в условленные моменты с точно определенного расстояния бросил в воду три здоровенных бруска, а мы, напрягая зрение, в подзорную трубу и бинокль высматривали, не появятся ли где-нибудь наши поплавки. Но проходили минуты за минутами, прошел почти час, а их не было. С расстояния в 200 саж[ен] (приблизительно) они не успели пройти к устью реки. Оказалось, что их прибило к берегу где-то посередине пути. Так же неудачны были и вторые пробы, но было видно, что скорость реки здесь очень мала, не более $\frac{1}{2}$ версты в час. Крестьяне говорят, что скорость так незначительна лишь во время разлива и что, когда вода спадает, то в устье Конды быстрина порядочная.

Покончив с работой в устье Конды, мы продолжали нашу поездку и, выехав 29-го днем, за три часа добрались до следующего станка¹² на пути — Реденького.

По дороге в Реденькое, верстах в двух-трех от устья, река страшно разливается, берега отодвигаются друг от друга, и перед путником расстилается почти всегда волнующаяся ширь озера — Кондинского сора. Ширина его доходит до 6 с лишком верст в половодье, а когда спадает вода, то на месте сора остается довольно широкая, быстрая, вьющаяся змеей река да ряды «гольцов»¹³, покрытых илом. Мы очень жалели, что высокая вода этого года и поздний спад ее не обнажили гольцов, ибо здесь, можно полагать, большое поле для изучения речных дельт. Известно, что когда-то Иртыш подходил к Кондинскому сору. Предания остяков еще говорят об этом. И Конда тогда <...> гораздо выше, но постепенно река занесла котловину сора песками и глинами, а Иртыш уже дважды передвинул свое русло. Незатейлив ландшафт на левом берегу Конды в ее устье. Торфяники и гривы с оршштейном скоро сменяются песчаным по-

¹² Станок — станция на сухопутном или водном пути.

¹³ Голец — остров, образовавшийся от наносов песка и обнажающийся после спада воды.

логим берегом, прерываемым только речками Окуневой, Щучьей и Черной, текущими из расстилающихся за лесом озер Пенькова и Черного сора.

Лес в устье сумрачен и бесцветен в сырые дни, но яркие лучи солнца заставляют и его блистать зеленым таинственным убором деревьев, и журчание воды, текущей из болот по берегам, напоминает о чистых холодных родниках. Только терпка и неприятна на вкус вода этих болот, и, принципиально обходясь без фильтра, я часто ругал эту скверную гадкую воду, когда пил ее, прильнув к бережку, из лесного болотца.

В Реденькое приехали мы очень поздно, ибо часто отдыхали по пути, то осматривая рыбацьи избушки, то сходя в лес, надеясь убить что-нибудь. В сумраке ночи мы не различили издали домов на крутом берегу и в полуверсте от них спорили о расстоянии до станка.

Пусто было вокруг, только собаки выли при нашем приезде, и мы в тиши устроились на песчаном берегу. Я задумал было сходить на земскую, попросить ночлега, чтоб ночью вычертить карту и составить свои записки. Днем во время гребни совершенно немыслимо было писать; отрываясь от гребей, я заставлял всех братья сильнее за весла, а это было не очень-то удобно. Но мой план сразу был разрушен. Старуха-земкарша¹⁴ сильно испугалась нас, особенно потому, что странный вид Бабкина и его слова «нас шестеро» не внушили ей доверия, и хоть велела приходить спать на земскую, но после ухода нашего заперла двери и забила на вышку¹⁵. Так мы и остались с носом и понесли свой скарб снова на берег. На открытом песчаном берегу хорошо было спать, комар и мошка не любят ветра и предпочитают чащу лесную и защищенные гривами болота и луга.

Ночку эту мы проспали основательно, и жители раз пять являлись к нам знакомиться и лишь только около 12 часов нашли нас на ногах. Первым делом обратились мы к ним с расспросами о станке, количестве жителей, промыслах и т.д. Все жители (поголовно русские) оказались очень разговорчивыми, наперебой звали к себе в хибарки и затем принесли нам соленой оленины, так что мы оказались в состоянии сварить

¹⁴ Земкарша — хозяйка земской квартиры.

¹⁵ Вышка — чердак.

мясную похлебку, а это было нам весьма кстати после долгого рыбного сидения.

Реденькое очень давний станок, никто из обывателей не помнит, когда он основался, но жильцов своих он менял уже не раз. Остяки селения Чилимка сдают его в кортом¹⁶ какой-нибудь русской семье. Она приезжает на лодках с домашним скарбом, со скотом, с телегами и санями. Строить здесь жилье и обзаводиться хорошим хозяйством нет этой семье никакого смысла. Через три года, когда кончится кортомный срок, она будет зависеть всецело от желания остяков продолжить сделку и от количества выпитой ими водки. Поэтому кое-как наскоро сколачивает себе новоявленный фермер хибарку и несколько пристроек для скота, зачастую лучших хозяйского жилья, и начинает промышлять. К концу года, съездив в Тобольск, он подсчитывает, выгодно ли ему жить здесь, и если да, то он начинает ублажать остяков и на кортому, а не то невеликое дело погрузить свое хозяйство в завозни (род больших развалистых лодок) и отправиться либо домой, либо дальше «в остяки». Кортмщик этого года уже сам сдал часть угодий в аренду, но между ним и двумя новоприбывшими семьями происходят вечные споры.

Покончив со сбором статистики, мы стали распределять работы на день. Мне пришлось идти вычерчивать съемку первого участка (Усть-Конда—Реденькое) и писать записки, и я поневоле должен был забраться в избушку Степана Иваныча (нового кортомщика) и здесь на маленьком столике расположился работать. Другие же поехали на охоту, чтоб пополнить наши запасы, а Бабкин после своего блуждания уже не хотел идти в лес с ружьем, он предпочел дремать в палатке.

Семья Степана чрезвычайно благоговейно отнеслась к моей работе и все время старалась вести себя спокойно, хотя это им не всегда удавалось. В комнате стояла страшная жара от топившейся печи, где должны были печься хлебы нам на дорогу, и комары давали концерт, но я осилил себя и проработал весь день и всю ночь на 30-е число. Товарищи вернулись с охоты, принеся уток-«чернядей», как здесь звали убитую породу, и чирков, а Миронов тащил дроздов и куликов. Вареву на следу-

¹⁶ Кортм — аренда, кортомщик — арендатор.

ющий день готовилось хорошее, но в этот день мы удовлетворились похлебкой из оленины и чаем с хлебом, что составляло все наше довольствие.

Окончив работу уже к трем часам ночи, когда на дворе светало, я вышел на берег реки. На северо-востоке горела яркая заря, и поверхность сора рябила, пошевеливаемая легким ветерком. Отсчитав температуру воздуха и воды, я вылез из лодки, взял аппарат и снял нашу стоянку, а затем вскинул ружье за спину и направился в лес.

Я шел по широкой тропинке среди высоких красивых сосен, и мелкая травка, колокольчики, сон-трава и мхи окаймляли ее с обеих сторон. Кое-где чирикали синички, стучал по дереву дятел, а иногда по лесу, нарушая его утреннюю мелодию, пролетал кобчик, ловя маленьких пичужек. Я ходил так по тропинкам, пока не дошел до горы, где неподалеку от меня выскочил заяц и дал стрекача. Хотел я идти за ним, но, посмотрев на часы, решил вернуться, так как предполагалось сегодня выехать.

Придя на стоянку, я разбудил товарищей и после утреннего чаю отправился с Годоминым собирать растения и снимать лесные виды. В результате мы получили снимок гари и вида в бору.

5

[Курс на Чилимку. — Буря; идем под парусом. — Цыган Семен Барбачев. — Ночевка под дождем. — «Медвежьи следья»].

Нам пришлось ждать еще немного, пока наступило безветрие, так как товарищи не надеялись, что наша лодка выдержит волны на сору. Отправились мы из Реденького около пяти часов дня, но курс взяли не прямо на видневшуюся вдали Чилимку, а пошли сначала берегом, чтоб сократить длину пути в открытом сору.

На одном из поворотов наша собака заворчала и стала проситься на берег. Скверный Рапко так был изнежен Агапьевым, что только на пустырях позволял себе некоторые не совсем приличные вещи и не раз заставлял нас жалобным воем приставать к берегу. Пристав к берегу, мы взяли с собой ружья: на уединенном островке мы рассчитывали встретить зайцев. Но таковых здесь не оказалось, и лишь я, попав на выводок куличков, подстрелил одного влет, и страшно было неловко, когда

приходилось добивать несчастную птичку, знал, что убита она бесполезно — на что нам был один маленький куличок?

От этого островка мы очень скоро стали переваливать на другую сторону сора и сначала шли некоторое время на гребях. Но к вечеру стал подниматься ветерок, и мы подняли паруса. Любо было глядеть, как бороздила наша лодка волнующуюся поверхность сора и с усиливающимся ветром росла скорость нашего хода. Мы переплыли сор и пошли саженьях в 50 от противоположного берега, не беспокоясь тем, что черные тучи закрыли вечернюю зарю и с волн уже летела белая пена; но вдруг ветер круто повернул, и мы с размаху понеслись на берег. «Бросай парус!» — кричал рулевой Годомин, но парус был туго затянут, и только ножом удалось перерезать его, причем тяжелая рейка ударила меня по голове. Но было уже поздно, мы со страшной силой влетели в береговой тальник и, пробив в нем брешь, врезались в песок. А ветер все свирепел и нашу лодку качало, как детскую колыбель, а валы хлестали в нее и перелетали через крышу каюка. Наскоро был брошен якорь с кормы, лодка накрест обвязана веревками, у кормы вбили по бокам два кола, и лодку перестало качать, только вода все лилась через корму, несмотря на ее высоту $1\frac{1}{4}$ аршина от воды.

Рецкий уже стал раскладывать огонь, чтоб варить чай — это было его первой мыслью, где бы он ни сходил на берег, и мы с ним часто из-за этого ругались, но буря скоро улеглась, стихла поверхность буйного сора, и мы продолжали наш путь близ темнеющих очертаний берега, напрасно силясь разглядеть что-либо на берегу. Еще верст до пяти сделали мы, пока услышали лай на берегу, указавший нам на жильё. Пристали мы уже около часу ночи и здесь также расположились на песчаном берегу.

Проснулись мы довольно рано и в первый раз на Конде стали купаться, хотя вода и не была слишком тепла, но провели мы в ней около получаса, так приятно было после целого года окунуться в речную воду.

Наш бивуак находился на берегу речки Чилимки, которая приходит далеко с юга, где только кое-какие остяки промышляют зверя и ни одно жильё не нарушает дикости урманов и боров. Но когда-то Чилимка была местом весьма заселенным, и

то там, то сям попадаются теперь черепки и остатки оружия — следы хоть недалекой, но ушедшей в глубь веков культуры.

По ней же наблюдается ряд выходов голубоватой, тощей, но пластичной глины, и, как я думаю, в связи с этим стоит ее богатство кедровниками, которыми бедна Конда.

К нашему лагерю скоро пришли посетители, именитые владельцы Чилимки — семья остяков и семья вкупившегося навечно цыгана Семена Барбачева. С самим Семеном Барбачевым я познакомился еще в 1907 году на пароходе и потому на правах старого знакомого пошел в гости с товарищами к его жене (сам он уезжал загораживать рыбные речки) и здесь достал сметаны, молока и снова оленины, а Годомин занялся статистическим опросом.

Когда-то Чилимка была довольно значительным пунктом, и в ней жило несколько семейств остяков, но они давно вымерли, и теперь лишь семья бездетных стариков владеет вотчиной довольно значительных размеров.

Семен Барбачев недурно устроился, заплатив старикам 100 рублей за «вкуп навечно»; чрезвычайно богатая рыбой и ягодой Чилимка дает ему недурной доход, а когда старики перемрут, он останется владельцем вотчины. А человек он предприимчивый и оборотливый. От своих предков цыган он унаследовал подвижность, лукавство и большую способность к развитию и теперь уже набрал большую артель для совместной рыбной ловли в вотчине, где один он уже, конечно, не управился бы. Он и жена грамотны, детей учат и мечтают и дальше учить, и можно побиться об заклад, что через несколько десятков лет на Конде будет помещичий род Барбачевых.

Жена его, славная и добрая баба, угостила нас самодельным печеньем и вареньем и, видимо, была рада гостям. Из скопившихся у нас запасов хлеба она наделала сухарей, а за работу и за оленину ничего с нас не хотела брать. Такое гостеприимство нам сильно облегчало дорогу.

Часа в 4 вечера мы отъехали от Чилимки. Съемкой уж заниматься не приходилось — во-первых, мы не шли совершенно параллельно берегам сора, а запись по часам и компасу при неравномерности хода лодки и частых отклонениях свыше 5° дала бы слишком грубые величины. Потому мы решили прой-

ти сор без съемки и снимать его на обратном пути, когда река войдет в русло и ясно будет видна картина гольцов и «курей»¹⁷, заливов в логах.

Ветер опять благоприятствовал нам, и почти весь вечер мы шли парусом с весьма солидной скоростью, вероятно, не менее 7 верст в час. Если бы не ветер, то нам идти было бы очень удобно, но в темноте нужно было часто слезать, чтоб осмотреть местность и идти осторожно, не приближаясь к берегам, чтоб не сесть на мель. Всю дорогу мы шли параллельно борам, замыкавшим повсюду разлив реки. Было уже очень поздно и темно, когда мы решили пристать, ибо не знали, куда ехать. Вокруг боров вилось пространство воды, там и сям виднелись гряды тальника и берез, кое-где наша лодка плыла по траве, но где лежит Кама, мы никак не могли определить.

Остановились мы на берегу у смешанного леса, где среди грив, одетых соснами, ютились заросли тонкоствольного березняка, устроили сходни из различных кусков дерева и перенесли на берег свою постель. Ночь была тихая, безоблачная, и мы легли спать в пологах. Проснулся я в пологу рано утром весь мокрый, дождь лил как из ведра, и на наших постелях стояло болото. Я стал будить соседа — Годомина, но он только выругался и, натянув на себя шерстяное одеяло, снова заснул. Но я не мог спать. Мое одеяло пропускало воду, как решето, подушка была холодна и мокра, а потому я забрал свои вещи и постель и пошел в каюк, где сладко заснул. Но вскоре, весь мокрый, дрожащий, ворвался в каюк Бабкин и улегся чрезвычайно неудобно для меня, а затем вернулся Миронов, уехавший на ночную охоту, бросил в лодку трех убитых уток и тоже залез, отчего у нас поднялась ругань. Когда за ним пришли еще Агапьев и Рецкий, тоже выгнанные дождем из полога, мы покорились року, судившему нам не выспаться, и, скрючившись, полусидели-полулежали, пока не перестал идти дождь. Только Годомин хорошо выспался, стоически перенесся дождь, да Миронов сладко вздремнул после дождя на правах удачливого охотника.

Затем наши ребята принялись за стряпню, а я, соблазненный найденными Рецким роскошными грибами, отправился в

---

¹⁷ Курья — речной залив.

лес по грибы. Ходил я довольно долго и, углубившись в поиски грибов, забыл смотреть на местность, и когда собрался идти домой, то зашел к черту на рога. То там, то сям виднелся среди деревьев просвет, и я шел на него, но это оказывался редевший лесок, скоро вновь переходивший в чашу. То заходил я на пушичные болота и, запасшись крепкой веткой, высматривал гадюк и скоро убил одну, переползавшую дорогу, а затем я попал на свежепротопанную тропу, на которой еще дымились «медвежьи следы», как говорят сибиряки в приличном разговоре. Хотя я был без ружья, но мне вздумалось идти по тропе и, если возможно, выследить Мишку, и, пройдя около $1/2$ версты, я увидел загораживавшую тропу кучу валежника и дальше идти по ней не решился, ибо «натыкаться» на Потапыча с голыми руками не хотел.

Тогда я решил выбираться из лесу, чтоб, взяв ружья, идти по следам, но никак не мог ориентироваться; прибегнув к компасу, я инстинктивно взял направление SE 220° и пошел по нему, стараясь идти совершенно ровно, по временам я смотрел на шагомер, через 200 шагов принимаясь аукать. Пройдя около $1\frac{1}{2}$ версты по этому направлению и не получая отклика, я заорал как можно громче и вдруг услышал почти рядом голос Агапьева: «Чего вы кричите?». Я не сразу увидел, но когда разглядел его в зарослях березняка, то оказалось, что я пришел прямо на стоянку, и товарищи, испуганные моим криком, уже хотели бежать на помощь. Теперь они потребовали, чтоб я никуда без ружья не уходил.

Нажравшись вкусной утиной похлебки с пшенной приправой, мы поехали к Каме с Мироновым на руле. Оказалось, что мы попали в курью, и Миронов на охоте видел Каменские юрты вдаль за рядами тальника, отгораживавшими курью от Конды. Если б мы ночью продолжали свой путь, то мы бы забрались глубоко в сторону и, вероятно, отсиживались бы долго в какой-нибудь протоке, пока наша рассыльная лодочка искала бы выхода.

Вышли мы на Конду во время слабого, но холодного дождика при северном свинцовом небе и, изрядно покачавшись на волнах, часто борясь с противным ветром, промокшие, продрогшие, пришли часа в три дня к Каме.

[Юрты Каменские. — Проявление фотопластинок. — Безрезультатная прогулка].

Наше положение было чрезвычайно неприятное: во время бури на сору подмочили почти все запасное белье, а сами были мокрехоньки и в эту скверную погоду нуждались особенно в просторной и теплой комнате, чтоб обсушиться и высушить белье, чего в палатке уж, конечно, не удалось бы сделать. На земскую нас могли бы и не пустить, так как мы приехали не на земских, и на это, значит, была добрая воля земкаря. Тогда я решил пойти к нему и, приняв важный вид, извлеки свою студенческую фуражку, потребовал отвода нам комнаты; я не ошибся в расчетах — нам отвели самую чистую горницу, поставили самовар, притащили молока и сметаны, словом, мы почувствовали себя точно в раю.

Юрты Каменские — одни из самых бедных в остяцкой части Конды. Обладая очень малыми сенокосами, они мало держат скота, находясь за областью Кондинского сора, мало пользуются ценной рыбой (стерлядь, лобарем, крупной шукой), зато жители Камы более других занимаются охотой, а земкарь, наш хозяин, добывает немало оленей и лосей в год, охотясь по насту в борах и болотах на речке Каме, и считается одним из лучших охотников в низовьях Конды.

Стоят юрты Каменские не у самой Конды, а в обмелевшей курье (заливе). Когда-то здесь проходила сама Конда, но благодаря ее тенденции спрямлять из года в год свой путь, она ушла от села за полосу пойменных лугов. За юртами тянется далеко сосновый бор. Вообще боры здесь различны, и для характеристики их можно сказать следующее: если бор стоит на крутом берегу и в массе его почвы и подпочвенного песка нет толстых прослоек ортштейна, то он ровен и сосны его высокие, с зеленой кроной, но очень часты, и как огромный паркет тянется его поверхность, уходя за многие версты. Те же высокие боры, но с достаточно ясными прослойками ортштейна уже не так ровны и склонны к измельчанию и заболачиванию. Но боры, как Каменской станции, на пологом берегу всегда дают поле для образования рямов, кочкарников и т.д., а их сосны не так стройны и более ветвисты, чем кондовые сосны чистых боров.

В общем остяки каменные грубее, чем те, которых мы встречали далее, и плохо говорят по-русски, не так, как выше. Единственная семья русских, допущенная ими, никакого влияния не имеет и заметно обострилась.

Ночь этого дня мы хотели употребить на проявление пластинок, но первые же опыты были отвратительны. Крайне неудобный формат пластинок (8x14) мешал их обрабатывать в тарелках, а ванн мы с собой не имели. Первые же пластинки были неравномерно смочены проявителем и получились с пятнами; так, пропали вид устья Конды, вид стоянки в устье, вид обнаженного берега у Реденького, где ясно были видны три прослойки ортштейна, и т.д. Из-за них очень был сердит Агапьев, протестовавший против проявления, и мы прекратили работу. Все пластинки пришлось проявлять по приезде.

На другой день мы разузнали дорогу к озеру, где остяки бьют оленей, и, снарядившись, мы с Агапьевым к ночи отправились на охоту. Мы сели в переметку, я еще с опаской, ибо и сидеть-то сносно в ней почти не умел, и поехали. Около двух часов ехали мы вдоль бора курьи, тихо гребя, чтоб не пугать птицу или ненароком выбежавшего на берег оленя, и наконец увидели срубленные деревья, указывавшие тропу к озеру. Вытащив лодку на берег и поправившись, мы пошли по тропинке, повесив шагомер у пояса, чтоб знать пройденное расстояние, так как до озера должно было быть три версты. Мы пошли по узкой, серевшей меж зелени тропе и по дороге срывали и складывали на тропинку грибы, чтоб подобрать их на обратном пути.

Вот уже шагомер показал три версты, тропинка кончилась и привела нас к моховому болоту, мы вошли в него и по колению в воде перешли на другую сторону. Давно не осаждавший нас из-за дурной погоды враг, комар, появился и облепил всю физиономию. Нашли снова тропинку, дальше углубились в лес, и вот уж не стало тропинки, но не оказалось и озера. Посмеявшись вдоволь над глупой охотой, с которой мы принесли одни грибы, мы начали обратное шествие, и здесь я подивился, как Агапьев ловко находил, казалось, совсем исчезнувшую во тьме тропу. Наконец, подобрав грибы, мы поехали домой. На обратном пути мы видели яркую зарю, прорывавшуюся сквозь тучи, и раза два безрезультатно стреляли по уткам и гагарам. Затем

поднялись волны, и лодочка наша стала грациозно прыгать с гребня волны на гребень другой. Но в ней надо только сидеть твердо, вода — хорошая стихия, и больше смелости нужно, чем уменья, чтоб в утлом челне-душегубке хорошо держаться на волнах.

Вернувшись домой, мы положили грибы у лодки, а когда проснулись, были чрезвычайно изумлены — ни одного грибка не было видно в лукошке, куда мы их положили, а вокруг ходили коровы, очевидно, желая выразить нам признательность за вкусный завтрак.

7

[*Юрты Алтайские. — Остячка-шаманка. — Гнус. — Бабочки. — На мели. — Годомин заблудился*].

Из юрт Каменских мы выехали очень рано; хотя дорога предстояла и не дальняя, но мы захотели попасть в Алтайские юрты достаточно рано, чтобы не ночевать где-либо в лесу. Сор оставался уже за нами верстах в пяти, но расстилавшаяся пред нами водная равнина поймы была еще очень велика, и среди отдельных грив, среди кустов тальника там и сям виднелись одинаково широкие протоки. Пред ними мы остановились в недоумении, подобно тому царевичу, который увидал себя на перепутье трех дорог. По счастью, нам нигде не предстояло ни убитыми быть, ни коня терять, а потому мы наудачу пошли по той из них, где дул удобный ветер и можно было идти на парусах.

Денек начался как бы хороший, тучи расходились, временами сияло солнце, но потом снова все изменилось, тучки низко-низко опустились над рекой и дождь заморосил. А тут еще мы, как назло, раза два стояли в тальниках на мели и должны были лезть в воду сталкивать лодку. Но когда паруса вынесли нас из протоки и перед нами показались юрты Алтайские, мы глазам не верили, думали, что мы кружили и пришли снова к Каме. А вид их издали действительно немного схож.

Придя рано к Алтаю, мы сумели многое сделать в один день, опять приобрели продуктов (лосины и печеного хлеба), собрали сведения и нашли на ночь пустую избу, где сушились кирпичи. Здесь мы отлично выпались.

В юртах Алтайских представительницей остяков-вотчинников была лишь одна старуха-вдова, пустившая множество кор-

томников. Русских семейств здесь шесть, да еще болчаровский торговец Шадрин каждое лето неводит здесь с артелью в восемь человек, а к осени с первыми льдами отвозит свой улов через Реполово на Тобольск.

Одно из русских семейств по фамилии Капитановские здесь уже совершенно обжилось и теперь имеет два-три жилых дома, порядочное количество скота и живет весьма доходно. В доме, как и везде в Сибири, большая печь, но здесь <...> еще ниже, чем в иртышских селениях, в самом доме, даже при среднем росте, подпираешь потолки. Скамьи вдоль стен, большой стол, несколько маленьких столиков, кованые сундуки с певучими замками составляют убранство такого домика. Но живут здесь тоже не слишком зажиточно. Хотя деревня и стоит на высоком берегу у своего деревенского бора, но грязь в ней непролазная, любит сибиряк чистоту в комнатах, но без грязи за окном он жить, кажется, не может.

Старуха-остячка живет в отдельной хибарке и при своих невеликих потребностях: чай кирпичный без сахара, черный хлеб, немного рыбы и немного молока — вот все, что ей нужно для жизни, она довольна своей судьбой, дающей ей с кортомщиков по 20 рублей и по четверти водки в год. Она исправно пьет сивуху и курит махорку. Она же и шаманит здесь, и в маленьком амбаре у нее лежат шайтанчики. К ней съезжаются остяки из многих мест, а подчас и пьяные русские, как, например, наш знакомый Степан из Реденького, и начинают шаманить. Русские шаманят «на всякий случай», а остяки с убеждением и с верою в своих шайтанов. Сама шаманка толстая, неуклюжая, грязная баба, и мне хотелось спросить: не в ее ли темных объятиях лежал Георгий Чулков, прежде чем воспеть свою «тайгу»? Шаманство у них уже не имеет того поэтического вида, о котором писали исследователи Сибири. Шайтанчики, вероятно, тоже работы какого-нибудь досужего мастерового. Нам не удалось ни разу видеть, как шаманят, но, по рассказам остяков, это происходит так: собираются вместе в избе шаманки и первым делом полощут горло — водкой, а не водой, конечно. И больше всего выпивает сама шаманка, так как ей подносит каждый, а она никому. Затем она велит всем петь остяцкие песни, достает шайтанчиков — лошадок из дерева, лебединые чучела, оленьи рога

и, потушив огонь, начинает гадать, и всему, что ни сорвется с языка пьяной бабы, тому и верует остяк.

Охота у Алтая тоже очень хороша — жарким летом здесь можно на болотах бить лося, но удовольствие это не из важных. Для лосиной охоты забираются в самую глушь какого-нибудь лесного болота, где начинаются уже трясины, и устраивают здесь «сиденье». Иногда суток двое сидит охотник, съедаемый комарами, не разводя огня, не шевелясь, пока увидит изнывающего от насекомых лося, бросающегося в глубь болота. Здесь и пускает в него охотник кусок свинца из своей кремневки, и почти всегда бьет наверняка — лось далеко не уйдет после его пули... Но охотник последнего времени нелегко преодолевает комариное сиденье, и лось остается цел, зато настоящий промышленник в лето бьет до пяти штук. Да мало их осталось, настоящих промышленников. Лось спасается в болоте не от комара, ему больше вредят слепни и особый вид мух — пауты. Эти два насекомых появляются в конце июня и на середине июля исчезают. Человека они мало трогают, но коли укусят, то заплачешься — кусают они до крови. Главный враг человека — это комар и мошка, но комар боится плохой погоды и к августу уже почти исчезает, да и привыкнуть к нему легко. Из нас особенно страдал только Бабкин, в первые дни он весь распух. Мошка — та много ядовитей, целые дни она облепляет вас на болотах в июле и августе месяце, только появление белой мошки — снега — кладет предел ее неистовству. Еще июльская мошка крупная так-сяк, зато мелкая мошка августовская невыносима, она пробирается сквозь сетку из кисеи, сквозь чулки и одежду и пребольно кусает. А когда стоишь с инструментами в болоте, то она так облепит объектив дальномера и визиры пантометра¹⁸, что хоть караул кричи.

Зато красавиц-бабочек очень мало на Конде и обилия их почти никогда нет. наших капустниц, боярышниц, павлиньих глазок, роскошных бражников и ночниц — орденских лент здесь совсем нет. Боярышницу еще заменяет красивая антиопа черная с желтой каймой, сильно портящая березы; в крапиве южных берегов Конды водится крапивница, в лесах в августе

¹⁸ Пантометр — угломерный геодезический инструмент, применявшийся при съемке лесов и торфяных болот.

часто вьется крушинница. Еще прибавить три-четыре бледных красками вида дневных бабочек, соснового шелкопряда и одну мелкую совку — и вся фауна бабочек наперечет.

* * *

Сами юрты Алтайские тоже лежат в курье, как и Каменские, а курья эта замыкается пойменными лугами, где сильно разрослись ивняки на гривках. В это время пойменные луга были покрыты высокой водой и за ивняками виднелись проходы к самой Конде. Опять заниматься съемкой не было никакой возможности, уже помимо того, что нормальные очертания реки составляли тайну, даже стать-то с инструментами было некуда. И пришлось нам снова ехать «напроход» до Красного Яра.

Рассчитывая идти прямым путем, мы поставили паруса и понеслись к ивняку надпойменными лугами мимо деревенского бора. Несколько раз мы удачно прошли меж лозами, как вдруг рулевой зазевался, и мы влетели носом в тальник и глубоко в нем засели. Выйти из него нам никак не удавалось, ветер делал бесплодными все наши усилия, и нам пришлось бросить якорь и отстаиваться в тальниках, а Рецкий уже начал варить чай на керосинке. Но ветер все не унимался, а ждать нам надоело, тогда мы решили пройти насквозь тальник и устроили так: на носу стал Агапьев, рубя мешавшие нам лозы, а за боковые деревья мы стали протягиваться в тальник, и нам помогали ветер, надувавший парус, и Годомин, пихавшийся с кормы. После полчасовой работы мы пробились сквозь два ряда тальника и вышли на простор Конды.

Часам к 12 дня ветер нас принес к высокой береговой гриве, поросшей сосной и березой. Обилие цветов привлекло нас высадиться здесь и пополнить свой гербарий, и тем временем сварить кофе. Совсем некстати я тогда, во время переправы через тальник, разбил стекла в очках и должен был теперь заняться их ремонтом. На этом берегу товарищи раздобыли много черники и княженики, последняя ягода в особенном почете у местных жителей, и наш удачный сбор сулил нам впереди хороший кисель, который я и сварил после в лодке. Здесь же мы нашли первый экземпляр большой черной гусеницы соснового шелкопряда.

Очень комическая история вышла здесь с Годоминым. Он ушел в лес по грибы, а как везде по Конде, типичная форма суши — грива — сменилась типичным осоковым болотом, перешедшим снова в березняк, и т.д. Вот в этом-то ряду грив и заблудился Годомин и никак не мог выбраться. Скоро мы услышали его крик, из которого я ничего не понял, а Рецкий расслышал: «Я залился». Увидав бледное лицо Рецкого, побывавшего в лес, я решил, что с Годоминым что-либо приключилось серьезное, и, зная, что здесь нередки медведи (как говорили нам в Алтае), я схватил двустволку, зарядил ее жаккановскими пулями и, босой на одну ногу (я переодевался перед этим), бросился за Рецким в лес, а за мной побежал Агапьев. Каково же было наше изумление, когда мы увидели его не в когтях медведя и не в болотной трясине, а на верхушке березы, откуда он осматривал местность. Оказалось, что он просто «меж трех сосен заблудился» и об этом сообщал нам своим криком.

Отдохнув на этой гриве, мы продолжали путь и, сделав парусами и на веслах несколько крутых поворотов, очутились в виду Красного Яра на левом берегу Конды у оставшегося от разлива островка, покрытого зеленой лужайкой.

Сильное течение, всегда сопутствующее на Конде одиночным островкам на поворотах, в связи с ветром довели нас до того, что мы никак не могли двинуться от берега и, пройдя саженой 100 бечевой, должны были переждать ветер. Тем временем Миронов, дежуривший в тот день, варил обед, т.е., наместив теста, нарвал его на кусочки и кипятил в пустой воде. К такому «вареву» мы прибавляли немного кокосового масла и сушеной зелени, и выходил довольно сытный обед, после которого только сильно бурчало в животе.

Когда ветер стих, мы направились к Красному Яру, кое-как одолев течение. Красный Яр тоже стоит на старице, и Конда далеко ушла от него, отделившись лугами и березняком, а старица до того измельчала, что по ней и весной, во время разлива, трудно проехать, ее верхний вход с Конды после спада воды представляет совершенно сухую ложбинку.

Мы сами вряд ли добрались бы до Красного Яра. Мы то и дело становились на мели, но увидевшие нас остяки послали к

нам на помощь двух парней, которые провели нашу лодку к селу, хотя тоже раз посадились на мель.

8

[*Юрты Красноярские. — Зажиточность местных остяков. — Промыслы (рыбная ловля, сбор брусники, охота). — Духовный мир остяка. — Грамотность. — Отношение к земледелию. — Вымирание*].

На берегу старицы у Красноярских юрт стояла уже толпа остяков, принявших нас очень хорошо. Их, правда, беспокоило то, что мы собираем у них статистику, а ходившие среди них слухи о переселении к ним из «Расеи» сильно утверждали их во мнении, что мы посланы, чтоб «разузнать и отобрать», и очень трудно было разубедить их. Но все же мы для них были «дорожны люди», а остяк, как и все инородцы, очень гостеприимен, кроме, конечно, испорченных цивилизацией остяков в юртах выше по Конде.

Будет казаться сначала парадоксальным, что к верховьям инородческой Конды население становится все цивилизованней, но дело в том, что Конда сама по себе плохой путь сообщения, она извилиста и часто слишком быстра и течет так, что ее середина ближе к Тобольску, и зимние пути здесь очень хороши, а верховья с давних пор населены русскими, и цивилизация сюда шла через Пелым, где верховья Тавды почти сходятся с кондинским верховьем.

В Красном Яру мы устроились, как дома. Нам отвели хорошие две комнаты, ставили самовары, только обед мы варили сами. В болотах Красного Яра много уток, и иная охота давала по 9 штук в день, так что мы жили припеваючи. Если бы не дурная погода, холодные и сырые дни с частым дождем, то много можно было бы здесь сделать, а теперь приходилось сидеть сложа руки. Чтоб исследовать окрестности, нужно было ездить в лодочках с остяками, а они еще больше нас не любят плохую погоду.

Юрты Красноярские довольно велики и сравнительно богаты. Стоят они на берегу старицы у речки Красноярки, покрытой водяными лилиями и кувшинками. За ними тянутся ряпки, но очень небольшие. Верстах в двух отходят от Конды высокие роскошные боры. Лет 120 тому назад Конда делала

здесь сильный изгиб и проходила у самых юрт, но с того времени она сильно спрямилась и отошла от деревни. Ночью легко проехать мимо деревни, не заметив ее. Красноярские юрты очень древние. Когда происходило крещение остяков, какого-то остяка, жившего по Красноярске, окрестили и поселили здесь, и теперь вся деревня числится за родом Пахтышевых¹⁹, и лишь два пришлых остяка носят фамилию Тойгиных.

Красноярские юрты — центр чистых, беспримесных остяков, и большинство исследователей остяков избирало их местом для наблюдательного пункта.

Среди большой публики еще сохранилось связанное с остяками представление об юртах из бересты с очагом посредине, о почти диком состоянии остяков. Но побывавшим в Кондинском крае, аттестованном даже в «Западной Сибири» (изд. Девриена) диким и пустынным местом, уже нельзя держаться этого воззрения. Красноярские юрты, центр чистых остяков, могут легко конкурировать с любой русской деревней. Дома высокие, почти все двухэтажные, имеют вид домов любой сибирской деревни в каком угодно месте. Те же резные узоры на окнах, те же пристройки <...>, завозни, стаи и почти та же чистота в хозяйстве. Единственное отличие среднего остяка от среднего русского — это удовлетворенность жизнью, отсутствие других запросов, кроме желания выпить, хоть и у русских кортомщиков этого края вся жизнь сводится лишь к наживе, о которой не так заботится остяк.

Но и эти свойства мало отличают остяка от русского; с течением времени жажда к наживе пробуждается и у них, уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка, и русского кортомщика. Но вообще остяки далеко не так уж беззащитны и не так нуждаются в покровительстве, как об этом всегда поется. Они отлично знают тобольские цены на рыбу, ягоды и на звериные шкуры и

---

¹⁹ Братья Н. и К. Пахтышевы — ханты юрт Красноярских. Вели рыбный промысел на Кондинском сору и Конде неводами, сдавали невода в аренду. Ссужали под будущий улов рыбы и сбор брусники муку и другие припасы своим односельчанам. Торговали.

почти всегда выжидают подъема этих цен, и в кабалу они уж не очень-то легко идут.

Предметами остяцкого потребления служат следующие вещи: хлеб (ржаной и пшеничный), кирпичный чай, рыба свежая, соленая и вяленая, мясо, преимущественно оленина и лосина, соль, керосин, предметы домашнего хозяйства и одежда. Чтоб добыть средств для удовлетворения этих ничтожных потребностей, немного нужно работы, и большую часть года остяк проводит в полной «*far mente*». Весенний лов рыбы различными плетушками (мордами, кривдами) дает ему запас соленой и вяленой рыбы. Ее скупают здешние кулаки, причем основой их выгоды является трудность переезда с рыбой для остяка летом и необходимость «уважить» торговому, у которого он берет в долг чай, сахар, махорку и разные мелочи хозяйства. В сумме эти две причины и создают прибыль местного кулака. Но кулачествуют не одни русские, даже напротив: остяки почти не уступают им. В Красном Яру, например, совсем нет русских, всей огромной вотчиной пользуются одни остяки, две лавки «торговых» в Красном Яру принадлежат тоже им. А остяк-торговец Алексей Нялин в Болчаровском даже по всей губернии известен как «кондинский цыган» и своего брата-кулака подчас околпачивает.

Летом рыбу ловят переметами и удочками только для личного потребления, а главный лов сосредоточивается в сентябре месяце, когда рыбу «запирают», т.е. перегораживают реку забором, где это возможно, и не дают ей свободно уходить, а где невозможно (слишком большая глубина, отсутствие отмелей), там неводят ее проще, без запоров. Эта осенняя неводьба — главный рыбный промысел, и пущенная после него в садки рыба вылавливается к зиме и увозится в Тобольск в замороженном виде.

В середине лета, после спада воды, когда обнажаются пойменные луга, начинаются сенокосы. Травы здесь очень плохие, большей частью косится пырей, попадаетса, кажется, и осока. Скошенное сено долго не сохнет на мокрых лугах; вместо аромата от него издали разит <...>. Но это сено все-таки поддерживает скотину в течение зимы; летом она пасется на тощих лесных лужайках и подкармливается «талом» — молодыми ветками ивняка. Вид у нее скверный, замороженный. Редкий бык дает пять-шесть пудов мяса.

Сбор брусники, начинаясь с 1 сентября, дает крупный заработок почти ежегодно. В борах вся земля усеяна крупной темно-красной ягодой, и за 10 дней ее набирают до 30—40 пудов. Красноярцы имеют огромные ягодные угодья в борах на Кондинском сору. Там, напротив юрт Чилимки, стоит ряд домиков, образуя летние юрты под названием Аравант. Только ранней весной да в конце лета появляются здесь жители — красноярские рыболовы и ягодники, а остальное время года Аравант пустеет.

Первые снега здесь открывают сезон белкования; кто не ленился, тот берет свою «рушницу», кремневку, пистоновку или берданку и ходит по борам и урманам с собакой, стреляя белку. Но этот промысел малоодоходен. В среднем от 50 до 100 белок приносит домой охотник и, при разнородности их, зарабатывает не более 10—15 рублей.

Весной, до таяния снега, когда природа начинает оживать и из своих трущоб выходят олени и лоси, кое-кто из остяков занимается охотой «по насту» — преследованием дичи на лыжах по замерзающей за ночь поверхности лесных снежных сугробов. Но лось и олень все реже и реже попадаются охотнику, и теперь уже мало найдется желающих проводить недели на охоте, выслеживая оленей: охотничьи инстинкты остяков все падают, и лишь подальше к вершине Конды, в вогульской части ее, охота осталась одним из главных промыслов.

Таким образом, рыбная ловля, сбор брусники и охота дают теперь ему (т.е. остяку) все нужные средства, и много времени у него остается еще свободным. Но долго это продолжаться не может. С каждым годом падает рыболовство, рыбы становится все меньше, а про охоту и говорить нечего. Брусника, правда, почти постоянна по количеству, но цена ее сильно колеблется — от 80 коп. до 2 р. 50 [коп.] за пуд, и обеспечить остяка она одна не может. Будущее готовит остякам, вероятно, очень тяжелые испытания, и, рассматривая его жизнь, надо искать, нет ли в ней каких-нибудь задатков более высокой культуры, но мы полагаем, что вряд ли таковые существуют. Охрана остяка правильными мерами ни к чему не приведет; тысячу раз избавьте его от кулаков, даже запретите остякам принимать «на кортом» русских, хоть даром кормите их, но заставить его

духовно прогрессировать вряд ли удастся этими мерами, а без духовного прогресса не видать им и прогресса материального.

Прежде всего жизнь в Кондинском крае даже в течение столетий не научила остяка борьбе, не заставляла его много думать. Напрасно станете вы искать на Конде развивающих воображение красот природы, напрасно искать на ней гроз и ураганов, вьюг и метелей, безмолвных гранитных скал и бушующих потоков. Остяцкому племени почти не приходилось ни бороться, ни удивляться, ум его спал, не производя на свет даже значительных суеверий, а чему не научила его природа, не научат и люди.

Случайные и недавние пришельцы в этот край, они почти не имеют преданий (боюсь сказать «совсем не имеют», ибо этого мало касался); вся древняя жизнь края представляется им в виде сказок о «чуди», а слово «чудь» ясно показывает, что сказки эти самые чисто русского происхождения.

Подданные вогулов, они не выработали себе даже особого, хотя бы упрощенного культа, вогульские шаманы стали их шаманами, вогульский, а затем русский костюмы — их костюмами.

При святом крещении, принятом ими от Филофея Лещинского, они почти не сопротивлялись и не вдумывались в него, крестились из-за целкового или новой рубашки по нескольку раз и теперь, как и прежде, имеют лишь обряды, а не религию, да и те исполняют лишь случайно при наезде духовенства, как в старое время шаманили, когда приезжал нахрачинский шаман.

Образования среди них уж, конечно, нечего ждать, те две школы, что существуют в Кондинском крае — в Болчаровском и Нахрачинском, еле существуют населением этих деревень, а из иных селений ни один остяцкий ребенок не попадает туда. Но стремление к грамотности у остяков все же есть — в юртах Красноярских в былое время специально нанимали какого-нибудь «прохожего» учить детей грамоте, а многие старики действительно умеют читать, но теперь вера в чтение, как в средство приобретения материальных благ и сопротивления обману, угасла, и снова годами никто не обучает детей, у грамотных отцов сплошь да рядом неграмотные дети.

Возможно ли привитие остякам земледелия как нового средства пропитания, создающего вместе с тем новую жизнь, и есть ли в остяке задатки для него? На этот вопрос приходится отве-

тить отрицательно. Низовья Конды, почти сплошь занятые болотами, оставляют очень мало места для земледелия. Сносных почв, по-видимому, тоже нет; огромная площадь поймы, затапливающейся на большую часть лета, делает невозможным пользование даже имеющимися полянами, а превращение под пашню леса должно следовать за земледелием на открытых местах, а не предшествовать ему, ибо эксплуатация лесов под пашни требует сознательной, хотя бы простой, земледельческой системы, которую вряд ли постигнет остяк.

Но, кроме того, остяк уже относится недоверчиво к земледелию, и на наши расспросы о земледельческих стремлениях мы получали более чем отрицательный ответ: «И сами не станем, и другим не дадим». Даже картофель, и тот находит противодействие, хотя по примеру русских уже кое-где сажают и остяки по 3—4 ведра «пудовые», но низовье Конды и центр его Красный Яр не признают картофеля.

Еще та беда, что уборка хлеба совпала бы со сбором ягод и неводьбой, так что пришлось бы выбирать, но ведь ясно, что никакая земледельческая работа не даст такого дохода, как легкий сбор ягод в течение недели, а приложить много труда остяк не захочет. Даже когда в лесах остается еще масса ягоды, он уже не желает работать из-за пуда в день и сдает остатки кортомщикам. Северно-сибирская пословица «Хлеб сеять — хлеба не видать, на охоту ходить — мехов не носить» всецело принята остяком. Но, стало быть, остяку грозит действительное вымирание. Оно, безусловно, грозит и, безусловно, осуществится, остяки как племя, как народность исчезнут, и природа не станет сохранять живой эту археологическую ценность: что не может развиваться, должно пасть. Остяки вымирали еще до заноса к ним оборотной стороны культуры, пресловутых кулака, водки и сифилиса. Еще до них сильно опустели Чилимка, Алтай, Кельсино. Водку они пьют не более, если не менее любого русского кортомщика и с небольшими последствиями, а сифилиса среди остяков почти нет (мы встретили лишь три случая), он распространеннее у русских, которые бывают в Тобольске и отлично знакомы с «цивилизацией». Гораздо распространенней среди них трахома, от которой гибнут целые деревни (Кельсино, Сиглино, Богоданово, Летние

Пушты), и малярия, которой последние годы сильно страдают охотники.

Но вымирая как народность, они могут не вымереть как люди. Не имеющие никаких специфических национальных особенностей, они легко будут ассимилированы, легко вступят в смешанные браки, если здесь появится оседлое русское население. Но для спасения остяков это потребовало бы обильной колонизации Конды в массе, в которой растворился бы инородец, а эта страна, по крайней мере ее низовье (Нахрачинское — устье Конды), мало пригодна для колонизации.

9

[Игнатий Петрович Пахтышев. — Поездка на «чудский городок». — Праздник в Красном Яру. — Запаслись провизией. — Прибрежный бор. — Юрты Байбалинские. — Старый остяк Сергей Яковлевич. — Сбор статистических данных. — Юрты Кельсинские].

На второй день я познакомился со старым остяком Игнатием Петровичем Пахтышевым, которого мне еще в Алтае аттестовали как умного и толкового старика. У него в книге посетителей (какой-то печатной книге, где было несколько чистых страниц) значатся финский путешественник Карьялайнен, какой-то венгерский ученый из Будапешта и из русских К.Д. Носилов и, если не ошибаюсь, Патканов. Здесь же рядом есть безграмотные расписки каких-то лиц в том, что они брали у И.П. Пахтышева в долг и т.д., подписи все неразборчивы. Это мне напомнило, как иртышские торговцы дают остякам расписки: подпаль 30, чистая 20, что должно означать: «Я, торговец такой-то, живущий там-то, взял у остяка такого-то столько-то белок таких-то сортов за такую-то плату, которую обязуюсь заплатить тогда-то». Как всегда, лаконичность чисто спартанская. Так оно оказалось и здесь, а между тем Игнатий Петрович сам бывший торговец. Собственно, на нас он произвел впечатление вовсе не умного, даже совсем бестолкового старика, хоть его маленькие лисьи глазки на безбородом бабьем желтом лице и смотрели очень хитро, а голос, которым он говорил свое неизменное «здравствуй, здравствуй», был пискливо слащав. Его хитрость после сказалась на обратном пути при продаже нам сметаны, когда он усердно старался лить в нее простоквашу, что ему,

конечно, не удалось. У него я познакомился с его братом Ксенофонтом Петровичем, хорошим, хотя более грубым малым, и он вызвался свозить меня с товарищами на городок, где, по их преданию, жила «чудь».

Этим предложением мы, конечно, воспользовались и, несмотря на дурную погоду, поехали на городок. Лодку-неводник достал Ксенофонт Петрович и привел еще одного остяка Николая Павловича в качестве гребца.

Нас поехало только трое: я, Агапьев и Миронов, причем мы захватили с собой инструменты и провизию.

Езда на городок продолжалась всего около четверти часа, и вскоре мы подъехали к высокому холму вроде гривы высотой в $1\frac{1}{2}$ сажени и длиной около 30 сажений, одиноко стоявшему среди равнины заболоченного леса и пойменных лугов. Сначала Агапьев снял городок, я определил нивелиром его высоту и профиль, а потом мы принялись за раскопки и бурение на его вершине и склонах.

Часов около двух мы возились совершенно даром. Бур, пущенный на сажень, не проник ниже толщи насыпного песка, в котором желто-бурые <...> беспорядочно перемешивались с чисто-серыми, а раскопки дали только один песчаный булыжник да кучки ярко-красного порошка — остатки перегнивших сосновых корней. Лишь к концу работы Миронову посчастливилось на северном склоне найти глубоко под землей несколько черепков битой посуды. Остяки, сами очень скептически относившиеся к рассказам о «чуди», теперь уверовали и ждали, не откроем ли мы клада. Но клада мы, конечно, не открыли и отправились домой поздно вечером с мешочком, полным черепков, но не золота.

На другой день Агапьев и Рецкий отправились на медведя, который уже около недели драл в лесу коров. Остяки долго ходили за ним, настораживали ружья, но безрезультатно. Зверь, видно, был очень хитер, он приходил к приваде, ружья стреляли, но он оставался цел и невредим. Тогда они устроили засаду человек в двадцать, и зверь, конечно, не был настолько глуп, чтоб подойти к людям. Еще вдобавок они курили и покашливали.

В этот день опять компания охотников уходила в лес, и к ним присоединились наши товарищи. Годомин занялся слесарь-

ным ремеслом, и ему понаносили самоваров, ружей и т.д., поэтому он был тоже занят. Тогда мы, остальные, отправились сами на городок, но в этот день совсем неудачно: мы нашли лишь два черепка, да и то в той же яме. Таким образом, наши археологические поиски были покончены, старый городок упрямо молчал и не давал материальных ответов на наши вопросы, а милый Ксенофонт Петрович только твердил про жившую здесь чужь, ничего о ней не зная.

9 июля в Красном Яру был праздник. Взошло солнце и после долгих серых дней радостно засияло над землей, утих холодный «сивер», и пустая поляна пред селом, где у берега колыхалась наша лодка, оживилась, пополнилась народом. Начались игры, песни, пошло веселье. Пьянства, конечно, не было, здесь оно, по крайней мере, необязательно сопровождает праздники. Из игр не виделось ничего самобытного, те же жмурки, те же фабричные песни у молодежи, а старики мирно курили трубки да еще кое-кто из них прыгал через веревочку, которую быстро крутили два здоровенных парня, причем вся суть состояла в том, чтоб подпрыгнуть как раз в то время, когда веревочка проходит у земли, и пропустить ее, не получив удара по ногам. В старину игра эта была сильно в моде у них, и старики ловко прыгают, раз 40 описывает круг веревочка, проходя под их ногами. Молодежь не так ловка, она получает удары с пятого-шестого раза, а мой знакомый Игнатий Петрович побил рекорд, хотя ему уже около 50 лет.

Наша публика в тот день была на охоте, и мы, трое оставшихся: я, Годомин и Бабкин, сидели весь день на берегу, готовя обед. В этот день нам посчастливилось: мы добыли сметаны, масла, нашли грибов, свежих сочных боровиков, где-то отыскали чернику, купили немного мяса задранной медведем коровы и обед сварили из трех блюд: похлебки, жареных грибов и киселя. Второе блюдо я, правда, испортил: привыкнув за дорогу есть недоваренное и недожаренное и не будучи очень разборчивым, я хотел прекратить жаренье грибов, когда Бабкин нашел их еще сырыми. Тогда я их попросту пережарил и к обеду мог подать лишь несколько угольков, плававших в сметане. Ругали меня, конечно, порядочно, и приходилось молчать, самому было еще обиднее. Агапьев и Миронов в этот же день настреляли великое

множество уток, в их переметках лежали чирки, «свизи» и «черняди» и в довершение два «хархаипа» со своими огромными красными головами. К отъезду мы провизией были обеспечены.

Из Красного Яра выехали мы 10 июля, и многочисленная толпа провожала нас; с красноярцами мы весьма сдружились, и воспоминания об этих днях у нас остались самые лучшие.

* * *

Выезжали мы на Конду по остаткам старицы, где теперь в весеннее время еще можно было проехать. Верстах в двух мы покинули ее и вышли на Конду в виду роскошного бора на крутом песчаном берегу. Это самый красивый вид бора, в котором, куда ни глянешь, все видно на многие сотни сажен, и земля вся усеяна зеленой муравой. Высокие могучие сосны с роскошной кроной, как колонны в храме, стройно и просторно стоят в лесу. И аромат здесь не тот, что в других частых лесах — нет болотных испарений, запаха трухлявых берез, а один лишь чистый смолистый запах. Напротив бора расположились тальники и луга, а обтекает его речка Красноярка, заваленная «ломами»²⁰ (свалившимися деревьями и кустарниками) и покрытая роскошным ковром белых лилий и желтых кувшинок.

Но этот бор тянется недалеко вдоль реки, вскоре за крутым изгибом сменяется картина; за узкой речушкой на правом берегу появляется березняк, а в почве его видны следы сильного гниения. Эти следы все растут, увеличиваясь в толщину, все ниже и ниже становятся березы, и вы оказываетесь перед торфяником. Здесь на слоях песка лежит слой глины, а на нем, как в котловине, залежь торфа, покрытого мшистым ковром, среди которого стоят мелкие сосны и кривые березы. В нижних слоях торфа почти вертикально стоят остатки берез, таких же толстых и прямых, как и в березняке до торфяника. Ясно, что эта часть березняка была заболочена и в ней отложился этот торф, а на нем вновь вырастает молодой лесок. Торфяник вскоре сменяется опять березняком, а тот переходит в гривы, покрытые соснами и березами, за которыми тянется ряд отшнурованных от реки болот. Эти гривы в июле месяце почти сплошь усеяны княженикой и грибами, благодаря им мы и остановились у одной из грив.

²⁰ Лом — завал, залом на таежной реке, перегораживающий русло.

Постояв здесь с полчаса, набравши ягоды для компота и заодно убив пару гадюк — крупных, коричневых, чрезвычайно «сердитого» вида, мы поехали дальше, спеша поскорей добратся до следующей станции — юрт Байбалинских, или попросту Байбалы. Путь этот изобилует островами, и мы часто не знали, куда идти, боясь попасть в тупик или в какую-нибудь речку, ведь карты этой местности почти ничего о ней не дают существенного.

Очень поздним вечером мы пристали в лесу, чтоб напиться чаю и решить, ночевать или ехать дальше. Уж очень нам казалось вероятным, что до Байбалы черт знает как далеко. Вечер был не из прохладных, и пока публика пила чай, а я варил компот (это было главной моей кухонной повинностью), мы убедились, что ночевать здесь невозможно. Комар и мошка облепили все и всех; они падали в чай, варились в компоте и отравляли нам наш ужин из хлеба с чаем. Решено было ночевать отъехать дальше, чтоб найти место получше.

Около часу проехали мы еще, не встречая ни боров просторных, ни сухих лугов, и негде было разбить нам палатку. Часть товарищей, сильно уставшая, решительно требовала пристать и лечь спать хоть в болото. Но их голос лишь в меньшинстве, а потому они со скрежетом зубовым взялись за весла, и вскоре за поворотом мы нашли удобное местечко — мы были у юрт Байбалинских.

Проехав деревеньку и очень скверно пристав у пологого болотистого берега, мы кое-как выгрузили постельные принадлежности и сладко заснули в своих пологах. Было уже около двух часов ночи.

Утром следующего дня мы познакомились здесь с крайне любопытными типами. Это были старый остяк Сергей Яковлевич и русский кортомщик Тимофей Ларионович Слинкин. Оба они принесли к нам на стоянку ружья для починки Годомину. У Сергея Яковлевича была старая-престарая кремневка фунтов в 20 весу. Ее толстый граненый ствол был около 4 сантиметров толщины, а внутренний диаметр не больше, чем у берданки старого типа. Вместо приклада был какой-то осколок дерева, так что он чуть не входит в плечо, когда прикладываешься к ружью. Из этой «рушницы» Сергей Яковлевич бьет одинаково белку и

медведя, лося и тетерку. Теперь он уже стар, ему около 70 лет, и на охоту выходит уже очень редко. Но он все еще бодр и, пожалуй, схватится с медведем врукопашную. Это очень любопытный человек. Он далеко не по-остяцки мыслит, к русским благоволит и не любит, когда остяки «тянут шкуру» за кортом. Его очень почитают, а коли нужно что решить, то он является главным советчиком у жителей Байбалы. Он знал еще Патканова и с большой любовью отзывается о нем.

Приятель его Тимофей Слинкин тоже парень хороший, разговорчивый, но ему трудно привыкнуть к мысли, что с него могут брать кортом. Поэтому он не любит «остячишек», ждет не дождется закрепления русских в Кондинском крае и отмены остяцких вотчин.

Когда часть товарищей ушла на охоту, я и Миронов занялись приведением в порядок наших заметок и засели в избе Тимофея, а Годомин, большой любитель разговаривать с крестьянами, стал переходить из дома в дом, чай кушать и записывать статистические данные. Сбор этих данных мы производили обычно так. Зайдя к остяку, мы начинали разговор чуть не с Адама и подходили исподволь к вопросам о скотине, о промыслах, болезнях, грамотности, кортомных отношениях и потом, как бы ненароком, осведомляясь об имени хозяина, заносили его в графу. Затем шла проверка, задавался вопрос вроде: «А что, такой-то (имярек) больше вас рыбы добыл?». Тогда хозяин начинал пересчитывать все, что знал о соседе. Из этих перекрестных и прямых вопросов выводилось среднее и сравнивалось с показаниями самого опрошенного и исправлялось, судя по степени доверия к его словам или к словам соседей. Пока все обходилось мирно, остяки и русские предупредительно сообщали все, что могли.

Товарищи вернулись лишь поздно вечером с охоты и приташили уток и зайца, все это было сложено в лодку, и после чая со сметаной и свежим хлебом мы разбрелись на ночлег кто в палатку, а кто, в том числе и я, по квартирам. Я отправился писать заметки и всю ночь напролет проработал.

Утром я пришел первый к лодке — мне выпадало в тот день дежурство — и констатировал, что заяц был съеден нашей собакой. Наш милый Рапко был очень хорошим сторожем, отлично

рвал штаны проходившим чересчур близко к палатке жителям, хорошо гонял зайцев и был очень благовоспитан. Беда была лишь в том, что он не признавал уток и вороват был ужасно: всякую неоперенную дичину он поедал при первой возможности и не прочь был залезть мордой в коробки с кокосовым маслом.

От Байбалинских юрт было решено снова начинать съемку, поэтому я, разбудив товарищей и сварив чаю, стал прокладывать с Бабкиным базу и поверять дальномер. Ввиду полной невозможности при наших средствах вести съемку триангуляцией в этой местности, где нельзя было подбирать выдающиеся точки, приходилось определять расстояния дальномером, а наш инструмент был неверно размечен, и пришлось составлять новую скалу²¹. Наконец, уладив дело, мы взяли несколько точек на другом берегу, где за полосой лугов, теперь затопленных водой, в версте расстояния находилась деревушка Кельсинские юрты. От берега Байбалинских юрт мы отъехали, провожаемые почти всем селом. Здесь, как и в Красном Яру, мы очень хорошо ужились с аборигенами. На другом берегу, в Кельсине, нас уже ждала группа остяков и среди них один-единственный русский, бездомный бобыль Карп, старый отставной солдат. Здесь, в Кельсинских юртах, мы поневоле встретили недружелюбное отношение остяков. Видя каких-то странных «господ», возящихся у невиданных инструментов, они вбили себе в головы, что мы едем «плантовать» и отбирать у них землю, и потому неохотно давали статистику. Пришлось пристращать их и в перекрестном огне вопросов выяснить фактические цифры. Благо что деревушка была уж очень мала, и сведения получились очень скоро на созванном сходе. Часа через два мы уже отъезжали от Кельсина, увозя с собой Карпа.

10

[*Старые могилы. — Сиглино, собирание статистики. — Луговые ландшафты. — Юрты Богодановские. — Скудость питания. — Настроение падает. — Путь до Болчаровского*].

По словам остяков, верстах в трех лежали на старой курье, где раньше текла Конда, древние могилы. Там среди кучи черепков были найдены когда-то панцирь и сабля. Последнюю увезло бол-

²¹ Скала — шкала.

чаровское «начальство», а панцирь еще хранится у какого-то остяка, но найти его мы не смогли. Мы очень долго просили остяков свозить нас на могилы, предлагали проводникам плату, но остяки были непреклонны — они боялись, что их убьют. Насилу разыскали мы Карпа, и он поехал с нами на могилы.

До могил река делала очень оригинальный поворот в виде буквы V. Здесь все было залито водой, только узкие полоски грив, обильно покрытых княженикой, выдавались под <...> и служили нам точками высадки при работе. Почти на всех гривах нам попадались гадюки, и мы около трех убили. Между прочим, удивительна боязнь, с которой Карп глядел на гадюку. Этот здоровенный солдат, бывший в китайской войне, участвовавший в охоте на тигра в Туркестане, боялся подойти к оглушенной ударом извивавшейся змейке. Об остяках уже и говорить нечего, нам рассказывали, что когда-то два остяка, спавшие в пологу, увидели утром сквозь тонкий холст мирно гревщуюся на солнце змею, как-то залезшую на полог, и пролежали в пологу, не двигаясь от страха, пока не пришли соседи и не сбросили неожиданную гостью с полога.

Наконец мы вошли в поросшую по берегам густой осокой, а посередине белой лилией курью. Тихо двигаясь по ее диковинным зигзагам, мы дошли наконец до могил и ввели лодку в гущу прибрежных трав.

В то время уже смеркалось, и благодаря теплomu дню снова появились комары. На гривах, которые обрамляли курью, уходя далеко в болота, мы развели костры и стали варить обед и чай. Во время варки мы ходили на могилы и могли убедиться в том, что действительно вся местность была покрыта продолговатыми бугорками и узкими канавками. Точно жертвы битвы лежали под этими бугорками, тесно прижавшись друг к другу. Но, на нашу беду, высокая вода не давала рыть землю, ямы оплывали, и первые поиски не дали ни одного черепка. Наступившие сумерки прекратили наши розыски.

Обильное варево из уток да разговоры с Карпом отняли у нас почти весь вечер. Только Агапьев съездил на охоту, с которой привез лишь чаек и одну утку, а Годомин, сев в лодочку Карпа, миниатюрную и валкую, кувыркнулся в воду и чуть не потоп, оставив на дне курьи свое ружье. Переодевшись во все

сухое, он принялся доставать ружье и еле вытащил его багром. Разумеется, на охоту он уже не поехал, а принялся разбирать и чистить ружье, причем, к нашему удивлению, лежавший около получаса на дне патрон выстрелил как ни в чем не бывало. Вечером этого дня Карп уехал от нас, а мы остались на гриве и залегли спать.

Утренняя разведка на могилах тоже ничего не дала интересного, зато мелкий дождик подмочил наши вещи и одежду, и теперь приходилось пользоваться солнцем, чтоб сполоснуть белье, просушить и очистить от плесени. Достав все запасные веревки, мы превратили старую «чуждскую» гриву в прачечную, где четверо парней усиленно скребли и чистили позеленевшее белье и платье. С этим неприятным делом мы покончили лишь к концу дня, когда солнце уже было низко, и поэтому съемка наша была неудачна и не доведена до конца. Сильный дождь к вечеру и недостаток хлеба мешали нам провести еще ночь в пути, мы решили добраться до Сиглина.

Когда мы, усталые и голодные, во весь день съевшие лишь немного пустой каши, подъехали к Сиглину, дождь лил отчаянно, и кое-кто принимался уже ворчать. Лишь необходимость добраться до села, где мы могли бы достать хлеба, заставила всех дружно работать веслами и подвигаться в густом мраке, окутывавшем реку.

Вот мы уже и у Сиглина, темные домики остяков силуэтами встали во мраке ночи. За селом у старых черных (без труб) бань пристал наш ковчег, и в дождь нам пришлось разбивать лагерь и варить чай. При этом в темноте, вырубая колья и разворачивая для установки пологов какой-то плетень, Годомин рубанул Бабкина топором по руке и сильно ее разрезал, только к счастью не отрубив совершенно. Но Бабкин как ни в чем не бывало перевязал руку и принялся исполнять свои обязанности дежурного. В эту ночь мы расположились вразброд: кто в душной, покрытой сажей черной бане, кто в лодке, а мы с Годоминым в пологу под навесом палатки. Таким образом, мы очень мало промокли и кое-как уснули.

Утром нам пришлось много возиться с покупкой хлеба и припасов. Решили мы также, чтоб не мокнуть весь день под дождем, принять пищу в новом срубе без крыльца, окон и две-

рей, кое-как залезли туда, приладили полога и занялись поглощением сметаны, молока, хлеба и других немногих продуктов, которые достали в деревне, благо дождь не давал нам работать.

Здесь нам особенно трудно досталось собирание статистики. Остяки ввали как могли. Упрашивали к себе пить водку, наперебой заверяли в дружелюбии, просили полечить от свирепствовавшей трахомы, но давали самые бессмысленные сведения. Иные весь свой годовой улов рыбы определяли в один пуд, но, когда они увидали, что с ними не шутят и от ласковых слов перейдут к «серьезному» делу, сведения посыпались как из рога изобилия. Сама истина предстала перед нами, и никто не мог бы их более уличить во лжи. Один остяк, вместо Алексея назвавшийся Иваном, чуть не плакал, умоляя простить его и переписать «на правду», и мы точно нехотя соглашались.

Ночь мы провели в Сиглине в отданном нам срубе. Остяки чрезвычайно были довольны, что в их новом доме стоят гости, что, по их мнению, должно принести счастье хозяевам. Утром они сами нам натаскали съестного для продажи, и уезжали мы совершенно помирившись. Особенно нравились мы остякам тем, что не жалели йоду, карболовой воды, борной кислоты и ваты. Эти лекарства заставили их приписывать нам врачебные способности, действие иноземцевских капель и касторки весьма удивляло их. Первыми на Конде хоть в лавочке торгуй — разберут.

Выехали мы из Сиглинских юрт 14-го числа, и в течение двух дней нам удалось снять участок Сиглинское—Богодановское полностью, хотя и несколько грубо. Эти два дня были чрезвычайно хороши. Помимо удачной работы мы набили немало уток и два дня не ели, а пировали. Мелкие протоки и кусты тальника кишели утками, в лесах и рощах носились дрозды, а кое-где были заметны следы «горной» птицы — рябчика и тетерева. Кроме уток обилие княженики, собираемой товарищами каждый раз, когда я останавливался с инструментами на берегу, дало нам возможность два дня варить роскошный кисель.

Эти дни, т.е. середина июля, являются на Конде вообще периодом сбора княженики, и мы не раз встречали лодочки с 2—3 остяками, ехавшими по ягоды.

В этом промежутке между Сиглинским и Богодановским впервые стали резко проступать луговые ландшафты среди полосы верхнекондинских лесов. То и дело между гривами виднелась убегающая в даль равнина, покрытая ярким желтым покровом, а на фоне его белела ромашка и клонил свои фиолетовые цветы иван-чай.

Уже поздним вечером 15 июля, когда на горизонте красным шаром блесело солнце белых северных ночей, мы подошли к луговому островку, узкой лентой воды отделявшемся от юрт Богодановских. Вдали нам махали руками сельчане, но мы не понимали их знаков. Боясь сесть на мель, мы решили обогнуть остров и понеслись по реке, возбуждая удивление остяков и русских быстрым ходом нашей лодки. Перед деревней мы всегда задавали шику и неслись птицею.

Пристав наконец у деревни, мы стали устраиваться, и я первым делом подыскал квартиру, где можно было бы заняться работой. Нашел я ее очень скоро и в две ночи, проведенные без сна, вычертил запись съемки и пополнил свои журналы.

Тем временем вновь испортилась погода, темные тучи обложили небо, сыро и холодно стало в нашей палатке. Нехватка дичи заставила нас перейти на кашу и лапшу. Только молочный кофе и сметана скрашивали нашу пищу. В довершение всего Бабкин заболел: у него открылась рвота и поднялась температура. Настроение всех стало падать, и если бы не выглянуло 19-го числа солнце, ободрив приунывшую публику, то трудно бы нам пришлось. В кармане ведь оставалось лишь 6 рублей, и если бы кто-нибудь ушел, не на что было бы ехать дальше и пришлось бы позорно вернуться.

Жители Богодановских юрт отнеслись к нам очень внимательно, [но] под конец, слыша споры, стали коситься, и мы хорошо сделали, что уехали 19-го числа.

В этот день мы почти вступили в полосу лугов, берега стали все выше, чаще попадались боровые места, легче стало работать. Часа четыре все шло хорошо, легкая гроза пронеслась над рекою, радуга впервые за лето появилась на небе, но затем быстро упал барометр и подул ветер.

Боясь наступления ночью грозы, особенно ввиду подавленного настроения некоторых из нас, мы только отобедали здесь,

причем убили несколько уток, а затем, прервав работу, пошли попутным ветром на Болчаровское. Хоть нам и предстояло пройти не более 20 верст, мы шли очень долго. Лишь там, где внезапный изгиб реки поворачивал нас против ветра, садились мы на весла, а то шли хоть и по-черепаши, но парусами. Так шли мы целую ночь под черным небом, не видя нигде ни зги, и во мраке ночи часто натыкались на берега, где варили кофе, а потом отпихивались и шли дальше. Сильно устав, мы разделились на две вахты, и мне с двумя другими пришлось спать первым. Нигде мы, кажется, не чувствовали себя лучше, чем лежа в каюке, согнувшись елико возможно, обдуваемые ветром и освещаемые тусклым светом фонарика.

Товарищи из первой вахты дали нам отлично выспаться и лишь под утро разбудили нас. Страшно тяжело было сразу сесть на весла, но ветер стих, и приходилось грести. Вахтенные рассказывали нам, что три раза вдаль над лесом виднелся высокий берег Болчаровского и блестел в утренней заре купол церкви, но река все виляла и виляла, и теперь мы стояли среди луга, залитого водой, обрамленного рощей берез. Было воскресенье, и к нам доносился колокольный звон.

Через час после тяжелой гребли по луговым травам мы подъехали к селу и, пройдя мимо него, устроились лагерем на лужайке.

Первым делом мы, конечно, пошли в волость, где получили письма, а затем я с Агапьевым пошел по остякам и русским, чтоб заводить знакомства.

11

[*Болчары. — Заводим знакомства. — Иноземцевские капли. — Старик Нялин. — Зарабатываем фотографией. — Лечение торговца Шадрина. — Археологический нюх Миронова. — Жизнь села. — Угодья и доходы от них*].

На крутом берегу, покрытом тлеющим навозом, особенно выдавались дома остяка-торговца Нялина и русского торговца Шадрина. К первому нас направил его сын, встреченный нами у Богоданова, когда он собирался за товаром в Тюмень. Старик нас принял чрезвычайно приветливо, завел граммофон, познакомил нас с сыновьями и пригласил занять у него свободную комнату. Мы решили, однако, остаться на берегу и только

послали Нялину лекарств для его сына Андрея, больного лихорадкой.

Затем нас позвали к г-же Шадринной, жене торговца, у которой в Алтайских юртах рыбачил муж. Он чем-то сильно заболел и просил прислать иноземцевских капель, которые-де помогли от «той же боли» какой-то бабе. Просьбу эту мы исполнили и понесли ей хинину, иноземцевских капель, одним словом — чего могли, и нарочный был послан к ее мужу. Шадрина нас тоже отлично приняла, угостила вареньем, конфетами, чаем, и после жизни в палатке часок-другой, проведенный в остяцком центре в уютной комнате, отлично и со вкусом меблированной, принесли нам большое удовольствие.

Возвратившись на бивуак, мы нашли всех уже отдохнувшими от ночной работы и принялись раскладывать костер для варки обеда. Нам удалось достать мяса, молока, сметаны, и обед был довольно удачен. Зато наступившая гроза, бившая со страшной силой, испортила нам весь вечер. Палатка, каюк — все пробивалось каплями грозы насквозь, и мы промокли окончательно. К вечеру мы решились воспользоваться предложением Нялина и поместиться у него в доме, а потому принялись чистить лодку, чтоб придать ей более приличный вид. Около двух часов мыли мы ее, выбрасывая скопившиеся листья, ветки и куски грязи, обильно покрывавшей дно, а когда кончили уборку, погрузили снова наши вещи и подошли к дому Нялина, было уже 10 часов ночи. В это время снова разразился дождь. Только что переменяв белье, мы сейчас же вновь промокли и не пожелали, грязные, промокшие, вновь беспокоить старика и будить всех в доме. Тогда Агапьев, Рецкий и Бабкин отправились ночевать в какую-то баню и захватили с собой кассеты и пластинки, чтоб зарядить аппарат, а мы, остальные, разместились в каюке и, несмотря на крупные капли дождя, капавшие на наши бранные тела, сжались потеснее и заснули преосновательно.

Утром следующего дня, когда над нами уже ласково светило солнце, явился старый Нялин, Дмитрий Федулович, и потащил нас к себе. С этого дня мы до самого отъезда жили у него на земской квартире, и два раза в день вместо почерневшего чайника появлялся на столе весело пыхтевший самовар, а вместо плеска весел и монотонного шума падающих дождевых ка-

пель мы наслаждались граммофоном, исполнявшим, правда, довольно скверные вещицы. Граммофон вместе с двумя берданками, винчестером и садовым ружьем был куплен сыном его, бойким, хитрым кулаком, на Ирбитской ярмарке.

Старик Нялин был очень разговорчив. Бывало, придет он к нам в одном белье, изрядно наклюкавшись присланной сыном водки, и начнет рассказывать предания о том, как в былые времена здесь спасались остяки-крестьяне от воинственных вогулов, похищавших их жен и громивших селения, как зарывались они живыми в своих городках, чтоб не сдать в руки притеснителям. Два городка, по рассказу Нялина, один на Конде, другой на Болчарке, непрестанно воевали друг с другом, и старое кладбище на Могатке служило им полем битвы. А то, бывало, перейдет он к своей молодости и начнет рассказывать, как они били медведей, как богатели от рыбы, и жалуется на новые годы, бедные рыбой и зверем. В общем, хитрый когда-то старик представлял плаксивую фигуру, которой помыкали дети, грубые здоровенные парни, хорошие охотники и еще лучшие кулаки. Женской части семьи нам почти не приходилось видеть. Старуха Нялина и жены сыновей жили отдельно и среди нас не появлялись, да, кроме того, в противоположность мужчинам они плохо говорили по-русски.

В первый же день нашей жизни у Нялина к нам повалила толпа народа, желавшего сниматься. Хотя у нас было мало материала для фотографических работ, почти не было бумаги, но работать приходилось, чтоб, выручив хоть за часть материала, расстараться деньгами на дальнейший путь. Фотография эта нас сильно подкузьмила, мы потеряли, по крайней мере, три дня и выручили очень мало. К отъезду у нас было опять лишь 15 рублей.

В то время как Агапьев с Рецким удовлетворяли заказчиков, а Годомин исправлял лодку, красил каюк и т.д., я, Миронов и Бабкин получили возможность съездить на городки и порыться там, на что мы истратили три дня. В первые же дни я познакомился со многими местными жителями. Помощник писаря почти не выходил от нас. Волостной старшина звал к себе на пирушку в гости, масса других переселов-кортомщиков приходили то с просьбой, то просто в гости, а с торговцем Шад-

риным мне пришлось познакомиться, когда меня позвали к нему как к больному. Последнее приглашение было для меня более чем неприятно. Не имея даже права оказывать человеку медицинскую помощь благодаря отсутствию знаний, я тем не менее не мог и оставить его так. Единственный фельдшер жил в Нахрачинских юртах за 100 с лишком верст и, когда приезжал, вечно был пьян и не мог оказать помощи из-за отсутствия лекарства.

Придя к Шадрину, я застал в постели невзрачного молодого человека, изможденного и, очевидно, по природе сильно больного. Вся шея и затылок были у него покрыты изъязвлениями и опухолями, в которых чернелись глубокие дырочки. Теперь же у него на языке, деснах и губах были 4 белых вогнутых язвочки с серебряный пяточок величиной, выступивших недели за две до нашего приезда сюда, еще в юртах Алтайских. При хорошем состоянии желудка и сравнительно низкой предельной температуре ($38,2^{\circ}$) у него был сильный озноб и страшная слабость. Заглянув в свой лечебник, я никак не мог отыскать чего-нибудь подходящего и потому, предполагая, что у него ящур, велел ему смазывать язвы карболовой водой и полоскать рот бертолетовой солью, а затем до отъезда заходил к нему, причем язвы становились меньше и меньше.

24, 25 и 26 июля мы ездили производить раскопки. На двух городках и могоатских могилах нам удалось откопать много черепков с изразцами, несколько человеческих и других костей и кое-какие металлические предметы, разбитую посуду, наконечники стрел и два украшения. Все это было захоронено довольно глубоко — от одного аршина до одной сажени, и немало трудов стоило Миронову извлечь все это на свет божий. Его археологический нюх был прямо поразителен. Он ни разу не копал в пустом месте, да и вообще повсюду отличался удачливостью, и еще в первые дни, когда я на болоте в устье Конды потерял днем шагомер, он его нашел ночью в густой траве, разыскивая Бабкина.

Один из городков лежит здесь на узкой косе, покрытой сошной и лиственницей, между Могоаткой и Болчаркой. В самом конце ее, где сливаются волны обеих речек, среди равнины пойменных лугов стоит холм, отгороженный узким рвом от осталь-

ной косы и защищенный рекой с трех сторон. Здесь мы проложили борозду чрез весь холм по линии О—Е и на ней заложили три ямы, откуда извлекли все, что было возможно. Лишь к вечеру возвратились мы домой, тщательно осмотрев местность и отмыв добытый материал.

Нам стало ясно, что разрыть основательно всю местность, где о десятках городков ходят легенды о кладах, где десятки лиц видывали иногда огни на холмах (вероятно, принадлежащие фосфористому водороду), нам не под силу. Тогда я решил просить администрацию губернии дать средства для найма рабочих, надеясь, если не откажут, за сентябрь месяц много извлечь материала, покоящегося в земле. Надежды мои не сбылись, даже отказ я успел получить только к концу сентября уже в самом Тобольске.

На втором городке, почти незаметном в окружающем его Кондинском бору, мы стали рыть землю в ямах под повалившимися соснами и здесь, пройдя темную землю, очевидно, содержащую много <...> и органических веществ, снова набрали черепков, железок и костей каких-то животных, очевидно, лося. Все время нас окружала толпа, весело смеявшаяся каждому черепку, рассказывавшая про то время, когда здесь копал Патканов, и про перемены у реки, происшедшие за этот промежуток времени, — кажется, с 1892 года.

Еще большая толпа окружала нас на могилах у речки Могатки. В этот день, когда волостной рассыльный у Демьянска пригаташил водку, было много пьяного народа, и некоторые, порешив, что мы откапываем клады, чуть не в драку лезли, так что пришлось их довольно грубо погнать с могил. Здесь мы нашли несколько человеческих костей, в том числе один почти целый череп, наконечники стрел и какие-то украшения. Этим мы и закончили наши раскопки. Очень тяжело для нас было то, что проклятый разлив воды, подымавшийся еще после нашего приезда, лишил нас возможности точно обозреть долины речек Могатки и Болчарки, теперь там все было залито, и только береговые и боровые пески выступали над водой. Зато обилие трав, кувшинок и других водных растений было поразительным; во время экскурсии мы скользили почти по зеленому ковру в наших переметках.

Село Болчаровские юрты является административным центром остяцкой части края и представляет довольно большое и веселое поселение. От него идет хороший зимний тракт на Тобольск, и всю зиму сообщение здесь идет очень регулярно, дорога почти никогда не пустеет. Почта здесь передается через волость, которая летом отправляет рассыльного в Демьянск с лодочкой, а зимой на лошадях, и доставляется довольно правильно. В нем находятся 38 хозяйств, состоящих, не считая, конечно, волостных служащих, из 181 души. Живут почти все довольно зажиточно. Жилые домики прочные, с несколькими окнами, и зимой в них очень тепло. Жилища ничем не отличаются от домов русских крестьян-сибиряков. Здесь кроме остяков живут 20 русских семейств: кто на правах старожилов, кто как кортомщики. Почти все русские жалуются на то, что им приходится платить здесь кортом или зависеть от инородцев. В общем живут мирно, и ни драк, ни преступлений здесь почти не случается. Редко-редко кто посягнет здесь на чужое имущество, да и трудно скрыться в этих местах, где поголовно знакомы все от Тобольска до пустынного Пелыма. Преобладает здесь женский пол: на 78 мужчин 103 женщины, но только среди взрослых, среди детей наоборот: 43 мальчика и 37 девочек. Здесь есть хорошая школа, и дети ее посещают охотно. Местный учитель Хлынов, сын священника, пользуется большой любовью учеников и сельчан. Нам очень хотелось увидеться с ним и потолковать об его наблюдениях, но, на нашу беду, он незадолго до нас уехал в Тобольск с отцом, а затем там уж и остался. Грамотных здесь, правда, не очень-то много — всего 45 человек, да и то часть обладает весьма проблематичной грамотностью, но можно думать, что школа будет иметь успех, русские особенно охотно посылают в нее детей, даже за 30 верст от Богоданова и Чесноков.

Скота здесь держат довольно много, но очень бестолково. Всего к нашему приезду было 254 шт[уки] рогатого скота, 170 лошадей и 84 овцы. Но скот все слабосильный, большую часть лета сидящий на тальнике и, понятно, поэтому дающий мало молока. Для нужд населения его, однако, хватает с избытком, а часть, и довольно большая, пропадает в виде простокваши и творога, который почти целиком выбрасывается. Только наш

приезд дал кое-кому возможность продавать простоквашу, которую уважают здесь только русские, да и то очень мало. Семейств, совершенно лишенных скота, совсем нет, но распределение его очень неравномерно — от 3 до 20 штук рогатого скота и от 4 до 15 лошадей, причем встречаются почти все промежуточные цифры. Для прокормления скота приходится болчаровцам ставить не особенно много сена, всего около 13800 копен. Даже в худые годы им удается покончить с сенокосами недели в $2\frac{1}{2}$, но в этом году они ждали всего худшего, пойменные луга к концу июля еще не выходили из-под воды.

Местность вокруг Болчаровского, покрытая чудными борями, составляет вотчину четырех братьев Могатских. Почти все кортомá идут здесь в их пользу, а всего им приходится около 300 рублей в год — сумма по-местному очень огромная. Они страшно хитрили и грубили, когда их спрашивали о сумме получаемых ими кортомов, приходилось действовать перекрестными вопросами, а кое-где и угрожать жалобой в волость.

Ягодные уголья Могатских очень велики; когда в середине августа по постановлению схода начинается сбор брусники, то никто не приносит менее 35 пудов на хозяйство, а всего Болчаровское поставляет ягоды около 1850 пудов и за 1907 год выручило до 3600 рублей. Рыбные уголья здесь не так хороши. Отсутствие песков делает не особенно доходной статьёй неводьбу в Конде, и большинство рыбы ловится по речкам, куда под осень приходит взрослое мужское население села. Несколько озер, лежащих южней Болчарова, среди боров, также эксплуатируются болчаровцами, но не очень интенсивно. Лов рыбы далеко не так равномерен, как сбор брусники; при среднем улове в 30 пудов и заработке в 50 рублей кое-кто добывает до 200 пудов, а наиболее бедные хозяйства вместе $31\frac{1}{2}$ пуда.

Не особенно богата местность у села дичью и зверьем; былые годы, когда промышленники добывали по 10 оленей, по 5 соболей и по медведю, отошли в область преданий. Лишь 21 человек занимается здесь охотой, да и то на белку, оленей за год здесь убили лишь 13 охотников и всего 38 голов, а других зверей почти не видали. Зато оружие прогрессирует с каждым днем: нарезные и дробовые берданки сменяют «штуцера» и крем-

невки, а вместе с этим увеличивается и число убитой птицы. За последний год здесь добыто до 1800 тетеревов, рябчиков и глухарей — они поступают, однако, лишь в пищу семьи, но не идут на тобольский рынок.

Главная основа зажиточности болчаровца — это извоз и положение его как волостного села на пути в Тобольск, хотя, чтоб быть зажиточным здесь, не надо большого искусства. Дом здесь недорого стоит, пища еще меньше, а одежду остяки и кортомщики заводят хоть и хорошую, да уж носят до последних дыр.

Почти все они здесь обрусели и понемногу теряют и облик, и речь инородца. Только форма глаз и скуластость резко отличают их от русских пришельцев.

12

[Продолжить путь или возвращаться? — Плыдем дальше. — Гнус. — Блуждание по болоту. — Чесноковские юрты. — Мы с Годоминым собираем статистику. — Зимняя Пушта. — Торгующий крестьянин Архип Афанасьевич Коробейников. — Пир Лукулла].

Когда мы по окончании всех работ и сдаче фотографических заказов приступили к выяснению дальнейшего положения, то результаты получились крайне неутешительные, кое-кто из публики очень настойчиво говорил о возвращении; денег было мало, отсутствие сносной и регулярной пищи расстроило почти всем желудки и еще больше нервы. Но позор возвращения заставил всех идти дальше, было решено 28 числа двинуться вперед. Утром назначенного дня мы вынесли наши вещи из нялинской квартиры, сдали ему коллекции и спросили о плате за квартиру. Старик нас просил не беспокоиться и дать только на чай прислуге. Считая достаточным заплатить ей по 30 копеек в день, мы отдали старику 1 р. 80 коп., чем он остался доволен.

Не успели мы выехать, как старик Дмитрий Федулович выскочил, махая руками, из дому и стал отдавать нам деньги, говоря, что сыны его требуют либо полной платы за квартиру, либо возвращают деньги. Тогда я бросил ему еще рубль, хорошенько его изругав, и написал Шадрину, чтоб он забрал к себе наши коллекции. Читатели, быть может, удивятся этой низкой плате

в 1 рубль за 6 дней, но надо помнить, что здесь за 5 рублей снимают квартиру с прислугой, и нам не было смысла давать себя обдирать. Правда, после нам рассказывали, как дорого платил за квартиру К.Д. Носилов, но не всем же следовать его примеру.

Это происшествие нас сильно взволновало. Ведь оно грозило, развившись, создать нам массу затруднений. По счастью, остяки трусили, а русские отнеслись к нялинской проделке отрицательно.

Так как решено было идти поскорей к Нахрачинскому, чтобы оттуда на легком обратном пути начать съемку, то мы и поехали очень скоро, надеясь добраться в тот же день до Чесноковских юрт. Но, к несчастью, мы, напившись пред отъездом случайно не доваренного дежурным какао, испортили себе желудки и вследствие этого работали веслами крайне вяло и неохотно. Часов около шести дня мы остановились за каким-то большим поворотом на лугу и стали отдыхать и принимать иноземцевские капли. День был хороший, теплый, но благодаря ему мы подверглись снова нападению комаров и мошки. Вообще говоря, мы к ним отлично привыкли, да и не страшны они, когда едешь по реке или стоишь на открытом лугу. Малейший ветерок угоняет гнус далеко, слабый холодок совершенно мешает ему проявляться, а таких дней было в этом году хоть отбавляй. Но сейчас расстроенные нервы с трудом выдерживали борьбу с крылатым врагом, ожесточенная бессильная брань висела в воздухе. Только наступление ночи облегчило нас, и, хотя с голодным пустым брюхом, куда мы только для полоскания отправили несколько чашек кофе, мы все же сладко уснули.

На другой день мы встали сравнительно рано — около семи часов и, пройдя несколько верст, заметили стаю уток, взлетевших над большим осоковым болотом. Здесь мы пристали, чтоб сварить в первый раз молодую картофель, которую в день отправки нам накопили бабы по 20 коп. за ведро, а Агапьев с Рецким и я отправились на охоту — первые двое в лодочке по болоту, а я по берегу болота в глубь леса.

Я долго шел, ничего не замечая в густых кустах осоки, и лишь когда раздалась на озере три одновременных выстрела,

от которых немолчный гомон пошел по лесу, заметил испуганно взлетевшего тетерева и выстрелил наугад ему вслед. Тетерев низко-низко полетел над землей, а я бросился за ним, набирая воду в сапоги и перескакивая через лужи по гривкам. Когда я увидал, что мне тетерева не догнать, я решил вернуться, но, к моему изумлению, не смог. Вокруг меня блестела вода болота, а я стоял на узенькой тропинке, уходившей вправо в глубь леса.

Пройдя с версту по этой тропинке, я снова очутился среди болота, и не было видно выхода из него. Тот узкий проход, по которому я шел среди болота, пропал из глаз, закрытый деревьями и высоким камышом. Тогда я закричал, чтоб выяснить по ответному крику, где находится стоянка. Я был уверен, что она влево от меня, когда я стоял лицом туда, где должна была быть река. Но ответный крик раздался справа. Рецкий и Бабкин испуганно откликались мне. Не желая обходить болото, я снял с себя одежду и обувь и, подвязав почти у шеи рубаху, с ружьем в поднятой руке вошел в воду. Шел я с грацией, достойной гиппопотама, подминая и сворачивая камыши, а за мной черной лентой вилась проложенная дорога. Кое-где я погружался почти по шею, но благополучно перешел через три параллельных болотных ложбины и появился почти в костюме Адама пред удивленными товарищами. Им более моего посчастливилось: в то время когда я только искупался, они убили и ободрали трех роскошных селезней и одним их видом подняли настроение товарищей. Этому я тоже содействовал, дав им бесплатное зрелище человека, уподобившегося праотцам.

Пообедали мы в этот день довольно сносно. Запах свежего картофеля, обильно политого кокосовым маслом, был для нас лучше запаха роз, да, кроме того, товарищи нашли малинник и нарвали немного вкусной роскошной малины. А когда мы часов около семи подымались по крутой тропинке у чудного Чесноковского бора-кедровника на лужайку выше села, куда нам притащили ребята масла и молока, наше настроение было просто ликующим. В палатке, разбитой под роскошным кедром, мы напились какао с черным хлебом и весь вечер вели записки, лежа в пологу.

Знойный день сменился прохладным вечером, высоко над лесом сияла луна, а в душе светило солнце и чудилось, что наш бивуак уже не маленький и жалкий, а победный вечерний лагерь в чистых, залитых светом степях Украины.

Мне в эту ночь не лежалось в пологу. Я вышел на лужайку, причем упал в яму и обстрекался крапивой, а потом долго бродил по берегу, пока не скрылась далеко за лесом луна. Только тогда я подошел к пологу, где сладко спал, вздымая свою могучую грудь, Годомин.

Тихо стучали капли дождя, падая под утро на наш полог. Сыро, холодно вокруг, но пора вылезать, надо поспеть собрать статистику, пока не уехали чесноковцы на реку ставить запоры. Разделив между собой пополам село, мы пошли с Годоминым по домам.

Мне выпала легкая часть: три семьи русских кортомщиков, убогие, жалкие, в захудалых избенках, охотно давали сведения и жаловались на остяков. У них мы заказывали хлеб, и словоохотливые бабы долго рассказывали мне про свое житье-бытье. Две семьи одиноких старых остяков тоже обстоятельно давали ответы, но Годомину долго пришлось уговаривать своих остяков не врать, а один даже дерзко выругался и заявил, что не станет ничего говорить, но мы вдвоем уговорили его и сделали шелковым. Даже сам советовал после говорить правду какой-то глупой старой бабе, все боявшейся, что запишут, а потом убьют.

С этой неприятной работой, тем более неприятной ввиду мелкого дождика, сильно промочившего нашу одежду, мы закончили к 8 часам утра и, закупив картофеля и приняв хлеб, пошли к Зимним Пуштам. В этот день мы прошли сначала мимо низкого берега, где у срубленных кольев стояла толпа чесноковцев, готовясь запирать реку. Выглянувшее солнце дало нам возможность снять эту группу рыбаков, и, весело переговариваясь с ними, мы поехали дальше.

Местность здесь чрезвычайно живописна. Сплошные луга по левому берегу, бор и торфяник на правом ясно характеризуют прошлую историю края. Решив на обратном пути поосновательнее изучить эту местность, мы прошли ее, только изредка высаживаясь, когда охотились на уток и доставали растения с лугов.

Около пяти часов дня 31 июля мы вошли в узкую протоку, полную роголистника и мелких желтых кувшинок, и остановились на берегу ее за небольшой, довольно неказистой деревушкой, именуемой Зимней Пуштой. Не успели мы как следует оглядеться и устроиться, как подошедший к нам хорошенький белокурый юноша лет шестнадцати спросил от имени отца, где у нас старший. О такой персоне мы не имели и понятия, но когда все колебались и не знали, что сказать, пришлось мне назвать себя, и меня пригласили в дом к торгующему крестьянину Архипу Афанасьевичу Коробейникову.

Старик, отставной подшкипер, случайно прочитавший в «Сибирском листке» о нашей поездке, задумал зазвать нас к себе в гости. Это нам как нельзя больше понравилось. Во-первых, предстоял вкусный обед, по крайней мере, из двух блюд, а во-вторых, нас пригласили в баню, и товарищи охотно пошли стираться...

Угостил нас Архип Афанасьевич очень хорошо. Горячая вкусная похлебка, роскошная жареная рыба, какой-то пирог и к тому море сметаны; для нас это был не обед, а пир Лукулла, и мы страшно были довольны, что помимо нас появившаяся и сильно нас беспокоившая газетная заметка (которая нас, безусловно, обязывала) впервые сослужила нам хорошую службу. Если б не необходимость вести с ним разговор через рупор (старик был почти совершенно глух), то было бы совсем хорошо. Но моя физиономия с рупором у рта была так комична, что товарищи чуть со смеха не лопались.

Семья Архипа Афанасьевича, состоявшая из жены, такой же милой, как он сам, трех дочерей и двух сыновей, была с нами замечательно нежна и приветлива, да и вообще их немужицкие лица производили хорошее впечатление.

В Зимних Пуштах мы купили новую лодочку — такую же, как наша первая переметка, но гораздо новей, так как ощущали необходимость в ней для боковых экскурсий, в которые иначе могли уходить лишь два человека, и наш корабль поплыл далее уже с двумя лодочками на буксире. Они сильно замедляли ход, но мы с этим мирились.

[*Летние Пушты. — Гостеприимство пуштинцев. — Ермаковские юрты. — Григорий и Петр Ивановичи Елины. — Живописные берега*].

К отъезду из Зимних Пушт мы приготовились лишь 1 августа, так как долго ждали, чтоб нам изготовили запасные весла на смену наших старых, частью поломанных, частью давших трещины гребей. Под конец нам все же пришлось уехать без них и оставить Агапьева с новой лодочкой, поручив ему принять заказ и догонять нас. На место него с нами поехал молодой остяк, насилу уговоренный Архипом Афанасьевичем провести нас ближним путем по лайдам и протокам к Летним Пуштам. По его указанию мы плыли все время то сквозь травы, то сквозь кусты тальника мимо грив и боров и к закату солнца пришли в Летние Пушты.

У берега нас ждала там огромная толпа народа, каждый хотел взглянуть на невиданных гостей. Нас пригласили в хорошую просторную избу, напоили чаем, накормили сметаной и свежим хлебом и затем один за другим являлись давать сведения. Менее чем в два часа мы собрали полную статистику и, чрезвычайно довольные удачным днем, отправились к себе на ночевку. Между прочим из рассказов остяков оказалось, что по некоторым речкам, именно по Катыму, где охотник Осип Иванович бьет весной оленей, он нашел глубокое болото с чистой прозрачной водой, почти неизвестной на Конде, и слой какой-то твердой породы под небольшим слоем торфа. Сами они разно объясняют ее и, называя породу «рудой», то говорят о толстых льдах, то о железе. Нам очень улыбалась идея поездки туда в лодке, но 10 дней пути туда требовали больших затрат, и поехать в Катым от этого нам не пришлось.

Проснувшись под утро, мы сходили снова к гостеприимному остяку, в благодарность сняли с него фотографию, напились чаю и стали ожидать Агапьева. Когда он явился после 12 часов к нам, мы прицепили новую переметку и отправились к «Ермаку», как здесь сокращенно называют Ермаковские юрты.

Туда мы пришли 3-го числа, и после двух тихих хороших дней снова попали под грозу и страшный ливень. Было до-

вольно холодно, и приходилось жаться друг к другу в нашем тесном каюке. 2-го и 3-го числа мы ели сносную пищу. Картофель с похлебкой из уток, убитых по дороге при взлете их из камышей, нас сильно поддерживал. Теперь же мы ехали голодные, мокрые, а серое небо становилось все темней и темней. Наскучив ожиданием, я выскочил на песчаный берег и поднялся по тропинке. Наверху, на опушке у чудного бора, безмолвного и таинственного в своем мрачном виде, на сером фоне туч расположилось 6—7 домиков, таких же темных и невзрачных. Лишь земская квартира выделялась своим свежим видом недавно построенного крепкого дома.

Я не пошел к ней, а побрел наудачу по деревне, разыскивая, что бы купить съестного. Кое-где в окнах виднелись головки любопытных детей, но взрослых нигде не было видно. В одном дворе три свирепых пса бросились на меня, их отогнала вышедшая из дому старуха, а Рапко вступил с ними в драку. Старуха надеялась поживиться на мне и запросила невероятные цены за рыбу, чернику, хлеб и молоко. От первых, сильно привлекавших меня, я отказался, а молока и хлеба все же купил, хотя и вдвадорога. Мы кое-как поели, выпив по 1½ стакана молока и съев две четырехфунтовых ковриги хлеба. К вечеру я и Годомин снова вышли для статистики и покупок. Так как нам кое-кто снова отказался давать ответы, то мы решились на отчаянное средство. Придя на земскую, велели вызвать к нам всех хозяев поочередно и грозили чем могли... Статистика была собрана, а хозяева земской предложили быть их гостями. Целую кринку сметаны, полные тарелки творога, масла и прочего поставили перед нами радушные хозяева, а когда мы насытились и принялись за чай, то пошли уже веселые и интересные разговоры.

Наши хозяева, коренные остяки Григорий и Петр Ивановичи Елины, были оба женаты на русских. По сравнению с другими остяками они были гораздо развитее. Остяки почти не следят за природой. Их занимает только река, они знают, где есть старицы, где пробивает себе река новое русло, где растут перекаты, но больше ни о чем не думают. А эти два брата нам многое рассказывали о явлениях заболачивания реки, о росте рямников и развитии древесной растительности. Им был известен

почти каждый кедр в окрестности, а сами они уходили далеко в южные урманы за длинную протоку Урманскую, проходящую южней Конды от Ермака до Нахрачей.

Хотя утром был дождь, но делать было нечего, надо было ехать вперед. Распрощавшись с хозяевами, мы закружили по плесам Конды. Здесь она как змея причудливо вьется, то уходя вдаль, то возвращаясь почти назад, и снова и снова появлялись на горизонте оставленные Ермаки.

Очень скоро по отъезде мы попали под грозу и были вынуждены выстаиваться. На стоянке, не отъезжая, сварили картофель, и скудный обед в связи с только что прошедшей грозой снова вызвал руготню и споры. Мы варили обед почти что в болоте. Еле-еле достали несколько щепок. Вокруг нас все тянулись пойменные луга, и на них лишь кое-где торчали жалкие березы. Когда мы отъехали, вдали слышался плеск весел, скоро показалась земская лодка, и в ней сидел приятный и симпатичный на вид нахрачинский батюшка. Мы стали на якорь и сцепили лодки. Завязался разговор. Он был нам очень рад и все просил непременно ждать его в Нахрачинском. Он долго махал нам шляпой, отъезжая, а мы еще веселее отвечали, радуясь и новому знакомству, и дорожным слухам о нас. И он, и есаульский земкарь произвели на нас хорошее впечатление. От батюшки я, кроме того, надеялся получить сведения о путешествии Носилова, который гостил у него на Сосьве. Ввиду надвигавшейся тучи мы, по совету земкаря, остановились недалеко впереди на левом берегу в сенном шалаше и чудно выпались.

На следующий день, проплыв верст пять, мы решили отыскать пряницу, огибавшую уже ясно видный Есаульский бор и сокращавшую путь верст на десять. Миронов и Годомин пустились на розыски, а мы вновь варили обед в тех же неблагоприятных условиях, что и вчера, — по колено в воде.

Часа два блуждали товарищи и то и дело расстреливали воздух, не попадая в кружившихся чаек и уток. Над рекой вились, чуя дождь, мелкие чайки «кенарки». Их можно есть без ужаса и отвращения, мяса на них мало, но на похлебку годятся, и мы иногда сдабривали ими нашу похлебку. Насилу удалось Годомину найти среди травы узкую протоку — вход в пряницу,

и после обеда он поместился на руле. Шли мы с помощью ветра и быстро попали в протоку, уходя вдаль от берегов блестящей на солнце реки.

Местность, по которой мы плыли, была прямо-таки роскошна. Дыханье юга сказывалось сильнее и сильнее; все ярче становилась зелень и богаче разнообразие деревьев и кустарников; луга пестрели ромашкой и массой желтых цветков, а вся протока была покрыта пышным ковром кувшинковых и других водяных цветов. На их стеблях сидели ракушки мириадами, и нам снова приходилось жалеть, что недостаточность средств не дает возможности собирать богатую фауну беспозвоночных края и что благодаря разливу нельзя достать хороших проб дна, где мы предполагали присутствие лугового мела. Кое-где вода бурела от обилия планктона, но все это было не для нас. Оставалось только кулаки бессильно сжимать, ругая людей, не оказавших нам никакой поддержки. А когда тихий вечер опустился над равниной и в темном воздухе виднелись темные тени деревьев, змеились протоки и лайды и слышны были звуки животного царства в лесах, мы чувствовали себя точно не на Конде, а в далеких тропиках Индии.

14

[Блуждание по речным протокам. — Деревня Есаул. — Богатое застолье. — Старик Голошубин. — Мечты об исследовании верховий Конды. — Пришли в Нахрачинское].

Долго плыли мы по протоке, пока около часу ночи не вышли на Конду. Но нигде не видно было Есаульских юрт. Вокруг нас все было покрыто мраком; там, где на правом берегу за изгибом реки рос залитый водой тальник, мы стояли на якоре и силились решить, где же, собственно, Есаул. Решили мы только отправить двоих на разведку, а самим заняться варкой кофе. Зажгли лампочку в фонаре, пустили в ход керосиновую кухню и под ее гуденье отдыхали от долгой гребли, в то время как Агапьев с Годоминым пошли на разведку. Я стоял с ружьем в руке, ожидая, когда сигнальный выстрел известит нас, куда ехать, и силился различить вдали что-либо, похожее на огонек. Прошло с четверть часа после того, как уехали товарищи, и первый выстрел известил нас, что надо подниматься вверх по реке. Мы даже бросили было варить свой кофе, стали

садиться на весла, но снова раздалась уже два выстрела — сигнал ехать вниз. По этому направлению мы и пошли, выбравшись из тростника, и скоро на левом берегу увидели фигуры товарищей. Им сначала померещился огонь вверху, а затем Годомин набрел на берегу на стоявшие лодки и известил нас об ошибке. Оказалось, что мы вышли на реку выше деревни, случайно попав не в ту протоку, и теперь пришли к Есаулу верстах в двух от ее выхода.

Здесь, на поляне у могучих кедров, мы стали разбивать лагерь, но не успели покончить с работой, как к нам подошел какой-то мужчина, поздоровался и пригласил к себе. Он уже ожидал нас по слухам, и теперь на столе в его доме было все готово, весело пыхтел самовар и красовались тарелки грибов, сметаны, пирожков и прочей снеди. Разумеется, мы не заставили себя просить и энергично принялись за еду. Погудорив с хозяином, русским местным уроженцем, участвовавшим драгунном в японской войне, мы, чрезвычайно довольные, разошлись по своим пологам. Одно было неприятно при таких угощениях, что хозяева стояли навтыжку, и товарищи требовали от меня положить этому конец. Но, зная, что население лишь удивляться будет этому, я, конечно, оставлял. Прием на второй день был еще лучше. Остяки и вогулы (мы вступали уже в Вогульский край) были чрезвычайно любезны, русские то и дело звали к себе, угощали, советовались по поводу своих отношений к инородцам, и было видно, что, чем дальше мы станем подыматься по Конде, наше значение в глазах населения будет расти.

Особенно большое значение придавал нам старик Голошубин, коренной кондинский житель, много рассказывавший о Носилове и других личностях, появлявшихся в местном крае. Когда-то богатый торговец, он теперь обеднел, заботился лишь о том, чтоб лучше дожить свою жизнь, и сильно ненавидел остяков, с каждым годом становящихся самостоятельней и вымещающих прежние обиды. Часто они, конечно, доходят до прямых насилий и, приняв его (Голошубина) на вечное жительство, теперь то придираются к его потомству, то мешают производить рубку леса, сбор ягод, ибо «об этом отцами не уговорено», вообще стараются возместить былое. А между тем здесь было бы возможно укоренение русских, так как и

Есаул, и Ермак прямо чудные уголки края. Роскошные луга облегают их кругом, первые пробы посева хлебов (овес, ячмень) удаются роскошно и принадлежат уже к той местности, которая вполне пригодна к земледельческой культуре, а население почти сплошь (кроме части инородцев старого закала) явно стремится к ней. Далее, минуя Нахрачи, уже попадаете прямо в благодатный край, где земледелие уже ведется регулярно, но нам не пришлось там побывать.

Когда мы к ночи собрались на ночлег, я, обрадованный отношением к нам населения, уже лелеял мечты о том, чтоб плюнуть на этот неудачный год и идти все дальше и дальше к верховьям Конды, а там зимовать, поставив станцию и изучая местный край, а весной начать новую работу. Я рассчитывал на то, что достану у купца Попова в Нахрачах рублей 200 на несколько времени, чтоб устроиться, а потом уже смогу, съездив в Тобольск, найти пособие. Я в ту ночь голову бы поставил на пари, что это мне удастся, и когда утром мы отъехали, взяв добровольного проводника на Нахрачи, и я, и товарищи чувствовали себя веселее.

Благодаря нашему проводнику мы в тот же день к вечеру пришли в Нахрачинское, по дороге только раз чуть не засев на лугу, куда по ошибке провел нас вожатый, не соразмерившись с величиной лодки, и только часа два прошли под сильным дождем. К вечеру снова моросило, но это не помешало нам провести ночь в палатке, а вечер просидеть у костра, попивая наскоро сваренный какао.

В Нахрачинском я на второй день завязал знакомство с кое-какими старожилками и с местной интеллигенцией — писарем, учителем и фельдшером.

От крестьян я добился многого, нам предлагали помещение, рассказывали о местности, о жизни здесь, а старик Пуртов таинственно сообщил мне о стране, лежащей по течению северного притока Конды Юконды. В ее чудных борах, по его словам, масса зверя, и, что всего интереснее, в тех местах по речке Уинтье (кажется, соединяющей систему Конды с Обью), в бору <...>, верстах в 100 от селения Карым, находится каменистая почва (по Юконде) и лежат огромные валуны, и «среди них никогда никто не видел снега». И чудные планы зимних экс-

курсий и охоты вставали передо мной, а товарищи так же бодро смотрели вперед.

Не столь много дали нам местные интеллигенты — трусливый училишко, жалкий, убогий фельдшер и писарь. Они были нам наружно рады, выказывали полное уважение, кормили вареньем из чудной морошки, но со всего этого было мало толку, а отсутствовавший батюшка оказался черносотенцем, читавшим лишь «Русскую речь» и смертельно боявшимся политиков, несмотря на его ласковую встречу с нами.

15

[*Село Нахрачинское. — Пакины. — Купец Попов разрушает надежды на продолжение пути. — Болезнь Агапьева. — Отъезд Агапьева и Рецкого. — В обратный путь. — Подгоняемые течением и ветром, приплыли к Есаулу. — Три дня в Зимних Пуштах у Архипа Афанасьевича. — Чесноковский торфяник. — Блуждание Миронова на охоте*].

Село Нахрачинское — самое большое село на Конде. Около него есть старая, но красивая пароходная пристань, есть хорошая по внешности школа и церковь, несколько лавок богатых купцов Поповых²², о которых даже тобольский исправник мне говорил, как о пауках, обижающих остяков (вообще соблезнование и покровительство остякам считается — от правительства вплоть до революционеров — почему-то бон-тонным).

Здесь, в Нахрачах, когда-то жили вогульские князья, за восстание лишенные своего звания. О них давно забыли, но и теперь в роду Пакиных сосредоточено жреческое сословие края, и старик Пакин, где-то в тайных ларях хранящий серебряных «шайтанчиков», пользуется почетом на всем протяжении северо-западной Сибири и, выезжая (хотя очень редко) для шаманства, собирает огромную дань с инородцев. Непреклонный старик уже под суд попадал, но стал только осторожней, и о кладах его и шайтанах не знает точно даже родная семья.

---

²² Поповы — нахрачинские торгующие крестьяне, потомки местных священников и дьяконов. Добывали и заготовливали, а также скупали у местного населения рыбу, бруснику, кедровый орех. Сдавали в аренду невода. Имели склады муки, мелочные и мануфактурные лавки. А.Е. Попов ежегодно вывозил в Тобольск и дальше более 10 тыс. пудов рыбы и до 3 тыс. пудов брусники.

Вдали от Нахрачинских юрт, на другом берегу, есть остатки старинных городков — летних юрт. По слухам, туда ездил Носилов, но мы не смогли отправиться к ним — печальные обстоятельства коренным образом изменили наши планы.

Вообще говоря, я мало могу сказать о Нахрачах в силу того, что этими юртами лишь началась следующая волость, собирать статистику для них одних не стоило, и ни о богатстве ее, ни о прочих делах мы не собирали данных. Но знаем мы, что там гораздо крупнее развито скотоводство, кое-кто сеет овес, в устье Юконды добывается много рыбы, а боры и кедровники, расположенные к югу за Урманской протокой, дают много брусники и «кедры», т.е. кедровой шишки.

Местность эта прямо роскошна. Зелень лугов и боров видна отовсюду, и здесь есть особенно чудные уголки, как нежный, богатый цветами, кустарниками и осиной Сенькин бор в одной из пряниц, ведущих к Нахрачам, где Конда все сильнее прорывает себе новое русло, спрямляя свой путь.

Этот год был очень плох для нахрачинских обитателей, рыба плохо ловилась благодаря высокой воде. Сено ставили на завознях (больших лодках), кося с переметок в глубокой воде, и кое-кто уже поставил более 1000 копен, как прибывшая (уже после 11 августа) вода снесла его почти целиком.

За исполнение своего плана я принялся 9-го числа и пошел к Ивану Попову, о котором мне говорили учитель и фельдшер как о человеке, у которого мы можем успеть. Но на свою беду я попал к Попову в неудачное время. Этот субъект все время боролся за свое первенство в селе и теперь вследствие «непочтения» к нему со стороны батюшки, учителя, фельдшера и урядника объявил им бойкот, т.е. не продавал хорошего табаку и заставлял курить махорку. Он ожидал, что я перво-наперво зайду к нему, и потому, когда я явился, уже побывав у его врагов, он меня не очень милостиво принял и очень вежливо отказал. Мои воздушные планы, таким образом, сразу лопнули.

И вот теперь перед нами стоял вопрос о возвращении. Мы все же не совсем пали духом и решили снять хоть пройденный путь и на 11-е число назначили свой отъезд.

На беду, еще одно несчастье присоединилось сюда — заболел очень сильно Агапьев. В зеве у него образовались опухоли, и он

не мог уже принимать твердой пищи. Надо было поспешить с отправкой его домой, а если бы не нашли другого пути, то пришлось бы везти самим.

Тогда я воспользовался остатками того престижа, которым окружило нас население. Я пошел в волость и потребовал отправки его на земских. Я сильно боялся, что мне откажут, и действовал нахрапом, но выпад мой оказался удачным — ему дали казенный пакет, и к утру 11-го числа он выехал из Нахрачей, и провожатым с ним поехал Рецкий, а мы остались на берегу, наша семья вдруг осиротела.

А вдали за Нахрачинскими юртами синела даль, где скрывались красивые «туманы», огромные озера с высокими боровыми берегами, и манила к себе, а нам надо было уезжать. Теперь, когда стояла чудная погода и мы ожидали хорошую теплую осень после холодного дождливого лета, мы поставили паруса, и южный ветер, сменивший холодный NNO, стал нас относить от Нахрачинского к северу.

Крестьяне, прощаясь, предлагали нам вернуться на зимовку, обещая показать много интересных местностей, но мы навсегда прощались с Кондой, не надеясь продолжать свою работу.

Тихо и уныло потянулись мы в обратный путь; боясь потерять время и не успеть снять даже нижнее течение, мы решили вчетвером плыть поскорее до Болчарова, чтоб кончить там свою работу, и теперь перед нами только мелькали берега, то развертываясь в луговые равнины, то переходя к борам. В тот же день мы, погоняемые течением и ветром, пришли к Есаулу. Переночевали у Голошубина, подарили ему за радушный прием несколько фотографий и 12-го числа проплыли большой кусок дороги, обогнули Ермаковские юрты и к вечеру остановились на небольшой березовой гривке, застигнутые дождем. Сильно уменьшившиеся наши средства мы пополняли продажей пороха и на эти деньги приобретали картофель, молоко и масло... Сильный дождик, заставший нас на гривке, немного развеял нашу тоску, промочив нас и заставив заботиться о тепле, и за горячим картофелем в нашей палатке мы забыли о неудаче нашего путешествия.

В день 13-го числа мы прошли мимо Летних Пушт, обогнули замечательно красивый, построенный за наше отсутствие запор

и скоро подошли к нашей старой пристани у Зимних Пушт. Мы страшно жалели, что не могли снять вид запора — огромной изгороди через реку, украшенной флажками и крестами, из-за невозможности зарядить аппарат благодаря отсутствию темной комнаты, и одну из любопытных особенностей местного рыбного промысла на Конде мы не запечатлели.

В Зимних Пуштах мы провели целых три дня. Гостеприимный Архип Афанасьевич ни за что нас не отпускал и просил подождать, когда кончится пост, обещая задать нам пир. Это время нам пригодилось для составления записок, производства фотографических снимков и охоты. Товарищи по целым дням охотились и привозили порядочно уток. Жена Архипа Афанасьевича нас снабжала картофелем, сметаной и луком, и похлебка у нас выходила на славу. Но дыханье осени становилось сильнее и сильнее. Ночью был уже иней, и средняя температура ночи была очень низка. Нас по ночам сильно знобило, и, попривыкнув к невзгодам пути, мы легко переносили холод и были совершенно здоровы. Даже купались днем, когда температура воды бывала не выше 15° Цельсия. А угощали нас в Зимних Пуштах на славу, мы там как сыр в масле катались, и хотя это нас сильно задерживало, мы чувствовали себя хорошо.

16-го числа мы покинули гостеприимного хозяина. Мы спешили к Чесноковскому торфянику. Не зная его точных размеров, мы надеялись снять его на план и покопаться в нем порядком.

Дорога к торфянику тянется мимо огромных заболоченных пространств реки. Среди ковра водяных цветов узкими стрелками в реку врезаются гривы, окаймленные осоковыми болотами, а по пути до них расположился большой заболоченный березняк.

У этого березняка мы остановились перво-наперво, чтоб снять его и осмотреть вглубь. Взобравшись на высокий берег, где песок был наслоен на суглинки, мы очутились в темном лесу, заваленном гнилыми стволами берез, а стоящие стволы были покрыты трутовиками и лишаями. Тонкий слой мха меж трухлявыми стволами служил сильным агентом болота, и кое-где среди сырой черной почвы виднелись лужицы воды. Наклоненная вглубь поверхность березняка все больше и больше

заблачивалась и вдали переходила в болото, где уже виднелся слой торфа.

Этот мрачный лес был богат кустами малины. Позабыв о необходимости поскорей прибыть на трунду, мы увлеклись малиной и долго изучали вкус ягод, обеими пригоршнями наполняя рты. Это был чудовищный по величине подлесок малинника. Наевшись до отвращения, мы бросили это благое занятие и дружно сели на гребни. Вдали очерчивались берега торфяника, и к вечеру мы прошли мимо него и расположились на его нижнем конце.

Распределив между собой работу следующего дня, мы напились чаю и легли спать. Было сравнительно тепло. Мы с Годоминым устроились в палатке, другие двое в каюке. Отсутствие комаров давало возможность убраться в полога.

Когда мы проснулись под утро, Миронова не было среди нас. Он с ночи ушел на охоту, нарушив распределение работ, но мы ждали его к утреннему чаю. Нам пришлось, однако, напиться без него и отправиться на работу. Бабкин пошел по торфянику, чтоб определить его границы, а мы с Годоминым поехали в лодочке вдоль берега для осмотра обнажения торфяника.

Этот торфяник имел форму полукруга с диаметром до двух верст по берегу. Здесь сравнительно недалеко по берегу тянулся в глубине торфяника по уровню воды слой голубой глины, а на нее был напластован слой желто-коричневой глины. Я часто вылезал на берег для осмотра его, и почти каждый раз Годомину приходилось тащить меня из вязкой глины. Над ней лежал слой сначала бесструктурного землистого черного, затем коричневого слоистого торфа, очень мощный и ясно раздваивавшийся на два горизонта: темный нижний, лишенный древесных остатков, и светлый верхний с корнями и стволами берез и сосен. Наверху сильно развивалась нормальная растительность торфяников с низкорослой сосной и кривой березой. В верхнем слое глины я находил конкреции глинистого железняка — тонкие причудливые трубочки с веточками. Они круглыми и эллиптическими пятнами вырисовывались на слое глины, а кое-где стояли столбиками, отмытые водой разлива. От торфяника отрывались и неслись по реке глыбы торфа, и образец оторвавшегося куса мы взяли с собой с другими образцами. Под конец при выгля-

нувшем солнце мне удалось снять торфяник и даже на двух пластинках, и после этого мы вернулись домой. Ни одной окаменелости не видно было на обнажении его, и мы не стали искать их в глубине...

А Бабкин меж тем определил, что торфяник все больше и больше расходится, отходя от берега, и стало ясно, что перед нами не заболоченные залив или лес, а исчезнувшее озеро. Голубую окраску подстилающей его нижней глины можно отнести к влиянию животного населения озера, а коричневую верхнего слоя — к увеличению содержания окиси железа за счет больших масс получавшейся от гниения растений углекислоты. Торф нижних слоев, вероятно, принадлежит травно-осоковому периоду заболачивания, а верхний тому периоду, когда среди развившейся на торфянике древесной растительности появился моховой ковер.

Этот торфяник, по рассказам остяков, тянется далеко в глубь страны на юг, подходя к Чесноковскому сору и другим озерам, параллельным реке. Местность под торфяником имеет выпуклый вид, и вершина выпуклости служит водоразделом Конды и Иртыша. Там, в глубине торфяника, то выходя на свет в виде лайд и лыв, то скрываясь под торфом, течет речка Турсунка. Часть ее подходит к Иртышу, часть к Конде, и с водораздела она имеет прямо противоположное течение в ту и другую стороны. Поговаривали о прорытии «трунды»²³ в здешних местах, чтоб образовать прямой путь к Иртышу, но затею эту оставили именно вследствие этого двойного течения.

После обеда круто изменилась погода, ветер начал рвать палатку и бить о берег наш каюк. Пришлось укрепить их получше. Палатку мы обмотали варовиной, а лодку привязали за оба конца.

---

²³ Трунда — торфяное болото.

Речь идет о канале Иртыш-Конда, проект которого рассматривался в Тобольском губернском правлении, но не был осуществлен. П.П. Инфантьев в книге «Путешествие в страну вогулов» (СПб., 1910) на С. 192 указывает, что остяки нижнего течения Конды «...хлопочут о том, чтобы прорыть канал, который соединил бы местность реки Конды от села Болчаровского прямо с Иртышом. Канал этот, по их словам, придется прорыть всего на протяжении верст четырех, чтобы соединить кое-какие озера, а расстояние благодаря этому от села Болчаровского до Иртыша сократится вместо теперешних полутора сот всего до 45 верст».

Скоро начало моросить, стало очень холодно, а Миронова все не было. Беспокойство овладело нами. Товарищи поехали в Чесноковское за провизией и чтоб известить крестьян о пропаже охотника. Я остался один и часто бегал в лес, стреляя из ружья и призывая Миронова. Уже к вечеру приехали товарищи и привезли картофеля, молока и масла. О Миронове они узнали лишь то, что он утром стрелял в виду деревни и около него была собака. К ночи сильный холод заставил нас потеплее одеться и спрятаться от дождя. На душе было тяжело. Этого густого урмана не знали как следует даже старожилы, и мы должны были готовиться к мысли потерять товарища. Бабкин всю ночь не мог сомкнуть глаз. Сам пережив блуждание по лесу, он живо представлял себе умирающего от голода товарища и мучил нас разговорами о нем.

Всю ночь выла буря и сердито падали капли дождя. Мы поддерживали костер, чтоб товарищ мог увидеть нас, если выйдет где-нибудь на берег Конды. Но до самого утра, мрачного и туманного, никто не подходил к нашему огню. Утром мы сварили какао и стали готовиться идти на розыски. В какую сторону — мы и сами не знали. Какова же была наша радость, когда вдруг раздался плеск весел, лодочка прошла мимо берега, и два остяка с нашим Мироновым вышли из нее.

Он был страшно бледен и трясся, как в лихорадке. На нем не было сухой нитки, и сам он был мокр, как губка. Кое-как он переоделся, и, собрав всю нашу постельную одежду, полушубки, халаты и прочее, мы уложили его получше в каюк. Теперь еще предстояла опасность, что он заболит, а на беду наши скудные средства не позволили нам взять согревательных напитков и втирания. Но все же он отделался без болезни.

Он нам рассказал, что, гоняясь за птицей, забрел далеко в лес и верст 20—30 прошел по торфянику, минуя лайды и протоки и часто проваливаясь по живот в болото. Собаку кормил, стреляя белок, а сам к вечеру развел костер и на нем изжарил убитого рябчика и съел его, обмыв в болоте. Так как при нем не было спичек, то он разрядил два дробовых патрона, вместо дробы вложил обрывки своей рубахи и двукратным выстрелом в кучу хвороста удачно зажег ее. Этот костер разложил он под кедром и под ним провел ночь, поддерживая огонь.

К утру он вышел верстах в двадцати выше по реке за какой-то протокой и, узнав место, задумал идти по берегу к стоянке. Но ему мешала протока, и он уже разделся, чтоб переплыть ее, как вдруг увидал челноки и окликнул. Шумиловские остяки-охотники, ехавшие в них в Болчарово, сначала не решались идти на зов, но, увидав голого человека, подошли к нему и, рассыпавшись в любезностях, отвезли его к нам. Сами они ехали за порохом и дробью, надеясь скоро уходить на охоту в урманы. Мы попробовали снять их, но из-за скверной погоды не вышло никакого толку.

После их отъезда отправились за ними и мы. По дороге зашли в Чесноково, где нас приняли куда лучше, чем в прошлый раз, и купили продуктов, а затем стали добираться до Болчаровского. Весь день то переставал, то снова моросил дождь. Над рекою тянулись низкие свинцовые облака, то развертывавшиеся в полосы, то переходившие в дождевые тучи. Мокрые весла было трудно держать в руках, коченевших от холода. В мокром белье нелегко было сидеть на скамейках, а струйки воды, холодные и частые, текли по телу. Противный ветер не давал нам покою, приходилось грести безостановочно, и, как всегда в таких случаях, дело не обходилось без споров.

16

[Село Болчаровское. — Съёмки реки между Болчаровским и Богодановским. — Торг в Байбале иртышских крестьян с остяками об аренде ягодных мест. — За продуктами в Красный Яр. — Ненастье. — Продолжаем съёмку].

Часов около 9 вечера подошли мы к Болчаровскому, и мы с Мироновым, мокрые и озябшие, пошли искать пристанища в спящей деревне. В одном доме нам согласились поставить самовар и пустить одного на ночлег. Более мы никуда не пошли, вернулись к лодке, позвали товарищей и, посидев около часу в теплой комнате за чаем и обсушившись, оставили на ночевку Миронова, который больше всех нуждался в тепле. Сами мы пошли к своей лодке, фонарик которой белым пятнышком сиял сквозь холст каюка. Выложив вещи наперед и забаррикадировавшись от ветра, мы очень комфортабельно устроились и уснули.

Утро 19-го числа было прямо-таки роскошное. Ветер ночью сорвал нас с якоря и поднес к пристани, что было нам очень на

руку. Теперь над нами ярко светило солнце и не было ни малейшего ветерка. Я пошел на село за письмами в волость и по дороге узнал, что Алексей Нялин, приехавший после нас в Болчарово, нас чуть не в вымогательстве обвинил, и, когда Агапьев прибыл к нему на земскую, он очень скверно с ним обошелся. Я потребовал от писаря, чтоб он составил протокол, но он стал упрашивать меня этого не делать. Так как у меня не было особенной охоты возиться с «остяцким цыганом», как звали Алексея Нялина, то я согласился на его просьбу. Затем товарищи пошли к вдове умершего в наше отсутствие Шадрина и забрали наш оставленный ящик. Покончив со всем этим и продав еще несколько фунтов пороху, мы уехали.

В этот день мы начали уже нашу съемку и регулярно вели ее до конца. Наши импровизированные штативы — колья — сильно мешали делу; труба дальномера и пантометр колебались при сильном ветре, и рейка рябила в глазах красным и белым цветом своих делений. В непогоду это доводило нас чуть не до отчаяния, по получасу приходилось ждать, пока уляжется ветер, или втыкать штативы так глубоко, что отсчитывал я в трубу, лежа на земле или стоя на коленях в болоте. Но первые дни все же шло хорошо; ветер стих понемногу, и, начав 19-го числа, мы 21-го кончили съемку первого интервала между Болчаровским и Богодановским.

Когда мы 21-го вечером пришли в Богодановские юрты, то уже ясно заметен был здесь спад воды, легче становилось стоять на лугах, и пойма обнажилась. А о спаде вод в низовьях хѣдили невероятные слухи, будто на сору Конда уже вошла в свое русло и совершенно обнажились берега.

В Богодановском мы переночевали, купили хлеба, получили даже на память несколько «морковных шанежек», любимого лакомства сибирских крестьян, а одна старуха даже подала нам Христа ради половину рыбного пирога с просьбой помолиться за ее душу.

До Сиглина мы пошли напрямки на парусах благодаря тому, что этот промежуток был уже снят во время нашего прежнего пути, и, придя к Сиглину, мы расположились на берегу лишь для обеда.

Годомин попробовал при этом съездить в деревню за продуктами, но в пустой деревне (жители были на покосе) не было

ни души, и пришлось ему возвратиться ни с чем, так что теперь приходилось разделить имевшиеся запасы на порции.

После обеда мы продолжали нашу работу и к 24 числу вечером после очень удачного переезда при хорошей тихой погоде, когда благодаря прозрачности воздуха на 300 сажен хорошо можно было отсчитывать по рейке, снова пристали к старому месту у Байбалинских юрт.

В то время как я, лежа на берегу, вычерчивал съемку на карту, товарищи сварили чудный обед из нескольких убитых уток, и, пообедав, мы разошлись, кто на охоту, а кто по крестьянским домам. Я пошел на земскую, а затем к нашему старому знакомому Сергею Яковлевичу, где присутствовал при торгах о кортоме на ягоды с новоприбывшими «верховными» крестьянами с Иртыша. Споры были долгие и горячие, обе стороны никак не могли сойтись, и особенно командовали бабы, которым приезжие привезли мало водки. Уже остяки стали сдаваться и почти поладили на высокой цене по 7 рублей за пай, как снова заголосили бабы. У приезжих не оказалось «байков», т.е. водки, и весь торг был снова разрушен. Приезжие назавтра уехали с носом, грозясь когда-нибудь утопить остяков в вине, а Сергей Яковлевич энергично их поддерживал, ругая баб на чем свет стоит. Сам он не пьет и ненавидит пьянство, как губящий охотников разврат.

От него я пошел к Тимофею, и на той же лежанке, что и в первый раз, крепко-крепко заснул. Наутро жена Тимофея приготовила для нас вкусный пирог, а Бабкин с Мироновым набили несколько штук уток на реке верстах в девяти от Байбалы, так что и 24-го числа, и 25-го у нас было вдоволь пищи. Из-за охоты мы потеряли, однако, довольно много времени и, когда отъехали под вечер из Байбалинских юрт, очень скоро были вынуждены брать расстояние не более 60 сажен — темнота вечера мешала рассматривать рейку и отсчитывать деления. Пройдя версты три, мы остановились на ночевку.

25-го числа мы сняли очень большой кусок реки, а к вечеру на стоянке под соснами на гриве я праздновал годовщину своей ссылки. Утром пошел мелкий дождь, но скоро рассеялся; во время сборов в путь я снимал нашу гриву, а потом по рассеянности положил футляр с аппаратом на носовую часть лодки, и

сильный толчок лодки о берег сбросил его в воду. Насилу мы его извлекли со дна багром, и, к моему ужасу, затвор стал отказывать; после уже приходилось закрывать и открывать аппарат от руки изготовленной Годоминым медной крышечкой. Кое-как просушив аппарат в тени, мы продолжали свой путь и вечером, около пяти часов, пришли к Красному Яру, где стали на пустыре у полуразвалившихся домов.

По дороге мы встретились с болчаровским священником, возвращавшимся из Тобольска. Оказалось, что он хоть и горький пьяница, но все же лучше и искреннее нахрачинского. Долго говорить с ним нам не пришлось. Только Миронов, стоявший с рейкой на другом берегу, где заводи облегчали подъем по реке вверх, разговаривал с ним и пришел от него в восторг.

В Красный Яр съездил я с Мироновым за покупками. Зайдя к нашему старому знакомому Игнатию Пахтышеву, мы купили у его снохи хлеба, сметаны и сушеной старой-престарой оленины. Старик теперь решил наверстать потерянное и драл невероятно. Несмотря на это, пришлось купить все, что можно было, так как впереди не предвиделось возможности даже картофель достать. Кроме того, пришлось купить сахару, чтоб заменить наш старый, подмоченный керосином запас. Уже было полторы недели, как мы питались вонючими кусками сахара, пропитанными керосином, и пили лишь кирпичный чай. В тот же день наши охотники убили уток, из них трех положил одним выстрелом Годомин. Поэтому мы отложили сушеную оленину про запас и питались свежей дичью.

Вечером я определил приблизительное склонение магнитной стрелки пантометром по Полярной звезде и получил 13 градусов 40 минут восточного уклона в 11 часов ночи по отношению к Полярной звезде. Покончив с этой работой, мы улеглись в пологу, поставленном в палатке, и, защищенные от ветра, от холодного воздуха, расположились, как дома.

Когда утром я выглянул из палатки, погода уже страшно изменилась, крепчал ветер и нес еле заметно вперед сырые низкие тучи, и обильно моросил дождь. Об отъезде нечего было и думать, оставалось только получше укрыться от дождя и выждать.

Мы забрались в один полуразрушенный дом, кое-как забили часть окон, чтоб не было сквозного ветра, чего мы, впрочем, не предотвратили, и три дня провели в этом скверном помещении. Все эти дни было страшно холодно, барометр низко упал, и дождь моросил не переставая. 29-го мы не выдержали, попробовали пуститься в плавание, но переметку Миронова, ездившего с рейкой, почти мгновенно залило водой, и волей-неволей пришлось вернуться в дом и сидеть. Погода круто изменилась к утру 30-го числа. Выглянуло солнце, и улегся ветер.

Сначала для пробы я съездил с Годоминым на красноярский торфяник, чтоб снять растительность на нем, которой снимка у нас не было. Когда это нам удалось, мы вернулись и начали вновь работу по съемке.

В день 30-го числа мы прошли около 13 верст, максимум того, что можно было пройти шаг за шагом, снимая местность. На другой день, по нашим расчетам, оставалось всего семь верст, так что мы не сильно беспокоились о том, что завтра попадем к Алтаю, а это нам было важно из-за оставшихся у нас всего лишь двух ковриг хлеба.

Стоянка наша в тот день была чуть пониже того места, где в первый раз по пути в Красный Яр мы варили свой кисель и где блуждал Годомин.

Считая, что в Красном Яру мы пережили циклон, я полагал, что теперь установится ясная погода, но мы как будто снова пересекли его путь и попали в сильную бурю. День 31 августа был так холоден и мрачен, так часто шел дождь и бушевал ветер, что мы были уверены в невозможности доехать даже к ночи до Алтая. Лишь сильная необходимость заставила нас работать. Бабкин чуть не под волнами плыл, пренебрегая опасностью, на своей переметке, и я все время делал отсчеты, лежа на земле за щитом из годоминского пальто, да и то от ветра, качавшего дальномер, почти сутки спустя ходили перед моими глазами красные и белые пятна. Уже в виду Алтая ветер был так свиреп и так бил нас о берег, не позволяя ни на шаг отойти от места остановки, что пришлось звать Бабкина на помощь, и лишь со страшными усилиями удалось нам оттолкнуться. Несмотря на сильное течение Конды, ветер все же гнал нас куда попало, и около часу плыли мы одну версту, отделяв-

шую нас от Алтая. Ветер стих, как только наш каюк подошел к берегу.

Тогда началось опять осточертевшее беганье за хлебом и молоком по ругавшимся за назойливость крестьянам, и почти насильно приходилось отбирать продукты, никто не хотел ни продать, ни напечь нам хлеба ввиду страдного времени. Кое-как мы, однако, добыли хлеба на два дня, и теперь перед нами стояла перспектива жить лишь чаем, хлебом и наваром из оленины. Молока мы достали здесь в последний раз и в последний раз на Конде напились какао.

17

[Ярость ветра. — Последняя краюха хлеба. — Крайние меры для приобретения продуктов в Каме. — Невозможность съемки на Кондинском сору. — Пир в устье Конды. — Буря на реке. — Конец пути].

Первый день пути до Камы был очень удачен. Тучи ушли далеко на юго-запад, и погода стояла чудная. Шли мы довольно скоро, хотя часто задерживались на лугах и в лесах, осматривая почву. Обыкновенно всегда, когда я наводил инструменты, Годомин отсчитывал и записывал углы по пантометру, а после принимался копать землю, чтоб осмотреть почву и подпочву. На высоком правобережном лугу, целиком сложенном из луговой глины, книзу переходившей в суглинок, мы остановились, чтоб определить хоть раз скорость течения реки. Но это нам снова не удалось, все поплавки не прошли и 20 сажений, как прибились к берегу, а наша дистанция была взята в 200 сажений. Когда все лишнее дерево, бывшее в лодке в виде досок, остатков весел и т.д., ушло в дело, а на берегу не было ни куска дерева, пришлось волей-неволей уходить ни с чем, а более нам ни разу не попадалось на реке до сора такой тихой, удобной, безветренной погоды.

Скоро мы встретили каюк реполовского торговца Шалимова, спешившего для сбора ягод в Алтайские юрты, и с ним ехала учительница в Болчарово. Когда мы уезжали из Нахрачей, то Миронов подал прошение о зачислении его учителем в Нахрачи или Болчарово, откуда уходили учителя Голубов и Хлынов. Он надеялся, попав туда учителем, получить возможность изучать край, но теперь уже одно место для него было потеряно.

На другой день, т.е. 2 сентября, мы окончили съемку до Каменских юрт. Этот день был далеко не так благоприятен для нас, как первый. Хотя облака ни разу не покрывали всего неба, но ветер поднялся невообразимый. Около 12 часов сила его чуть не была равна силе урагана. Волны перелетали через нашу лодку и страшно били ее о берег; не будь она так крепко сделана, быть бы ей в тот день на дне реки. В момент наибольшей ярости ветра с юга медленно поднялась резко очерченная черная туча и заслонила солнце. Я возымел желание снять небо по направлениям S, O, N, E для сравнения облачной картины — тучи на юге, барашков на севере и тонких полосок [облаков] по сторонам. Из моей затеи, однако, ничего не вышло. Не приноровившись как следует к моментальным снимкам от руки, я лишь испортил 4 пластинки. Когда ветер утих, мы обогнули луг, отделявший новую реку от старицы, и подошли к Каме.

Пообедав наскоро олениной, которая в сухом виде равнялась по твердости подметке, а в вареном — подошве, и покончив с последней краюхой хлеба, мы решили озаботиться приобретением новых запасов. Для этой цели мы разбрелись по деревне и стали просить, чтоб нам продали или напекли хлеба. С этой приятной работой мы возились около 3 часов, и когда к вечеру пришли к лодке, то оказалось, что результаты у нас одинаковы. Занятые работой бабы отказались наотрез продать или печь хлеб, а о молоке или чем другом и говорить не приходилось.

Наше положение становилось критическим, без пищи мы могли бы надеяться добраться до Чилимки, где жена Барбачева, наверно, не отказала бы нам в хлебе, но работать без еды было совсем невозможно. Тогда мы решились на крайнее средство: я пошел на земскую и потребовал немедленно отдать мне имевшийся хлеб. Тогда хозяйка вытащила 6 брусничных шанег — небольших хлебцов, покрытых ягодой, и получила за них 30 копеек. С этой драгоценностью в руках я побежал на стоянку, крича: «Есть! Есть!». Бабкин бросился ко мне навстречу и, схватив шаньгу, стал ее усиленно грызть. Она оказалась далеко не вкусной, брусника на ней была страшно горька, но все же мы их бережно уложили в ящик припасов. А в то время Годомин отнес мешок муки к какой-то остячке, бросил его у нее в избе и

велел к утру напечь нам хлеба. Как ни ругалась остячка, но решила, очевидно, во избежание худшего, исполнить требование, и из Камы мы выехали нагруженные хлебом.

Третьего числа, выехав из Камы, мы отошли около 5 верст и нанесли их на план, а 4-го уже подошли к сору, где, по рассказам остяков, уже будто бы река вошла в русло. Но это оказалось неверным. Сор сильно уменьшился в ширину, ряды террас виднелись на мокрых берегах, но все еще она была достаточно широка, чтоб сделать невозможной его съемку из-за ветра, не давшему помощнику возможности ехать в переметке по сору. Его било к берегу, и раз пришлось Годомину, единственно умевшему благодаря своей силе двигаться против бури и волн, выручать Бабкина из беды. Оставалось лишь бегло заметить направление сора и идти напрямки к устью и к Реполову, или, как говорил Бабкин, «напроход на пароход». Вообще он любил каламбурить, и когда нам предстояло сидеть без пищи, бывало, говорил: «Даст Бог день, даст и пищу, попищим, попищим и так ляжем спать».

И вот 4-го числа на берегу покрытой березняком косы мы кончили нашу работу и последний раз пообедали, пока не добрались до Кондинского устья. Здесь мы покончили с нашей олениной, сварив ее целиком с оставшейся у нас зеленью. Эта сушеная зелень была вся покрыта плесенью и даже пахла, в кусках варившегося мяса завелись личинки мух, но голод брал свое, и это пойло мы уписывали с наслаждением. Даже старый завалящий картофель, рассыпавшийся еще во время оно по лодке, был нами пущен в дело.

Долго плыли мы в этот день по сору. Он страшно обмелел, и почти никакого течения не было на нем заметно, поэтому пришлось все время налегать на весла.

Часов около 7 вечера вдали показались сидевшие массой на воде лебеди. Мы подняли парус и пошли к ним, спрятавшись за парусом и надеясь подойти на выстрел. Но осторожные птицы подпустили нас саженой на 100 и скрылись из глаз. Пришлось только пожалеть о том, что у нас не было винтовок, и бросить мысль об интересной охоте.

Часов около 10, когда почти ничего не стало видно на горизонте, мы очутились у отлогого песчаного берега и спустили

Годомина для разведки. Он вскоре вернулся и ввел нашу лодку в безопасное место у юрт Аравант.

Аравантские уголья, принадлежащие осяткам Красноярских юрт, были сданы ими по окончании собственного сбора ягод иртышским крестьянам, и теперь в одной из изб мы услышали веселое пение. Придя туда, мы застали несколько парней и девок из села Реполова, и часть из них была детьми ссыльного аграрника-украинца. Мы им очень обрадовались и стали расспрашивать про то, что делается на родине и по Иртышу; мы надеялись узнать много новостей. Когда кончились обоюдные расспросы, мы ушли, чтоб не мешать этой компании, и развели костер на берегу. Сидя за чаем среди тощих кустиков на песчаных буграх, мы уже чувствовали себя дома, и товарищи, Миронов и Бабкин, страшно радовались возвращению, только Годомин готов был в любую минуту вернуться назад, если б ему указали на возможность закончить нашу работу — изучить и снять всю Конду. Если б не его настойчивость, мы, вероятно, давно бы возвратились без всякого успеха. Ночь мы ночевали с ним вдвоем в каком-то домишке, куда, за отсутствием лестницы, пришлось вскакивать на довольно основательную высоту, а товарищи провели ночь в лодке. Спать им пришлось довольно скверно, ветер бросал лодку о глыбы ортштейна на берегу, и они привязали ее накрест веревками, чтоб сообщить ей большую устойчивость, и над этим они провозились всю ночь.

К утру девицы-украинки наварили нам вареников с брусничкой, благо сахару и муки у нас было довольно, и, наевшись их досыта, мы пошли к устью, не заходя даже в Чилимку.

Часа за 4 миновали мы станок Реденькое и при чудной погоде, дружно работая веслами, прошли давно оставленные места, где вместо необозримого пространства воды расстилались теперь пологие песчаные берега, покрытые тонкой грядой почерневших водорослей. Вдали за лесом виден был дым парохода, раз даже слышался нам свисток, заставляя ясно рисовать себе картину давно оставленных мест. К вечеру мы уже были в устье Конды и остановились на старой стоянке, высоко-высоко стоявшей над упавшей водой. Берег темнел издали бурыми масса-ми ортштейна и огромным торфяником.

Немедленно же по приходе в устье мы отрядили Бабкина и Миронова к нашим знакомым в Борки за продуктами и для найма гребцов, так как своими силами мы не рассчитывали попасть в Реполово, куда надо было подниматься против бурного иртышского течения. Мы остались вдвоем и, поставив палатку, предались воспоминаниям о первых днях нашего путешествия, когда мы, еще полные надежд, обитали на этой узкой площадке. Еще стояли колья наших пологов и валялись старые банки и прочий выброшенный хлам. Те же старые вороны вились, каркая, над нашими головами. К ночи, после долгих часов ожидания, во тьме раздались голоса товарищей, и Годомин зажег смолистые ветки сосен, устроив импровизированные факелы, далеко проникавшие своим светом тьму, и ответил им своим зычным криком. В ответ ему Бабкин сказал, что ничего не достали, рабочих нет и т.д. Мы невольно испугались этой неожиданности, но когда товарищи вылезли из лодки, то оказалось, что в ней лежали вороха яиц, картофеля, луку, моркови, несколько чудных щук и крынки с молоком и сметаной. Пир в этот вечер и на другой день был великолепный, и жирная уха заставила забыть червивую оленину.

Гребцов они пока нанять не могли, лишь завтра, в праздничный день, можно было подыскать охотников, и нам пришлось ожидать в устье реки два дня. 5 и 6 сентября хорошая погода дала нам возможность побродить по лесу, сходить на Архиерейский сор и поохотиться на торфянике, где мы встречали не раз глухарей, но, к сожалению, ни одного не убили. 7-го погода испортилась, наступившее второе лето сменилось холодным дождем, и, на нашу беду, пришлось ехать самим, так как в такую дрянную погоду никто не решался ехать с нами. Крестьяне боялись попасть в бурю на Иртыше или простудиться. Долго мы увещевали борковцев, но пришлось в конце концов плюнуть и ехать без них. Ждать было нечего, впереди не предвиделось уже хороших дней, сентябрь здесь уже клонит к зиме. Выехав из устья довольно рано, мы долго-долго шли 10 верст, отделявших нас от Тюлиной, где проходил новый Иртыш. Приходилось напрягать все свои силы и еле-еле подвигаться вперед. Хуже всего в таких случаях приходилось мне. Так как я как гребец был похуже наших запевал Годомина и Миронова, то я должен был

переносить свое весло из одного кочетка в другой, противоположный, чтоб служить балансом против ветра и течения. А эта жонглировка полупудовым веслом была не из очень приятных.

Наконец мы добрались до острого мыса, за которым скрывался Иртыш, и здесь, где встречались два течения, ветер поднял такие волны, что нас забросало, как мячик, и окатило с ног до головы водой. Вырваться из водоворота мы долго не могли своими силами. Мы уже ждали гибели и уже бросились к мачтам, чтоб хоть не оторваться от лодки, но поднятый парус с силой бросил нас в гущу волн, и, перерезав их, лодка вошла в Иртыш. Порывы ветра вскоре утихли, и мы кое-как поташились на веслах. Часа через три тяжелой работы, где бечевой, где на веслах, лодка наша прошла мимо шедшего вниз парохода, и за изгибом реки показались Реполовские юрты. В них мы заказали себе чаю, взяли белого хлеба, сметаны и на последние 1 р. 40 к. наняли двух гребцов до Реполова. Сами мы не чувствовали себя в силах доехать скоро.

Часов около 12 ночи мы стали у Реполовской пристани, расплатились с гребцами и подарили им нашу маленькую лодочку. В Реполове прожили мы 7 дней, продали за бесценок пожитки, за 20 рублей отдали одному кулаку нашу лодку, чтоб получить возможность ехать в Тобольск, и, погрузив наши оставшиеся пожитки на «Барнаулец», оставили это село и в Тобольске закончили наше путешествие.

Путешествие от скуки

Только что прочитанный вами, уважаемый читатель, дневник до публикации почти сто лет пролежал в научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. В нем зафиксированы подробности, может быть, единственной в своем роде экспедиции: все ее участники были политссыльными, среди них не было ни одного профессионального исследователя-путешественника, но главной целью было объявлено научное описание Кондинского края.

Всему «виной» был недоучившийся 21-летний студент Киевского политехнического института Моисей Корсунский. Изобличенный в принадлежности к Киевской военно-революционной организации РСДРП и высланный на три года в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции, в начале осени 1907 г. он оказался в селе Самаровском в обширной компании таких же молодых людей из разных мест Европейской России.

Приближалась зима — время томительного вынужденного безделья, особенно для тех, чьим занятием был умственный труд. Хочешь не хочешь, а ты обречен на монотонное растительное существование, не к чему приложить силы. Оставалось только смириться с положением ссыльного и поставить крест на трех ближайших го-

М.Г. Корсунский.

Фотография из статейного списка об арестанте. Июнь 1907 г. Киев (ГУГО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60)

дах, заранее считая их потерянными. Но этому-то и воспрепятствовал Корсунский. Он подал сумасбродную, на первый и на второй взгляд, идею отправиться в длительное путешествие. И сумел заразить ею несколько человек. Свежи еще были впечатления от «Робинзона Крузо» и «Детей капитана Гранта», по-юношески открыты души окружающему миру, и так хотелось уйти от гнетущего положения поднадзорного на свободу, на простор.

24 октября 1907 г. из Самарова ушло письмо в Тобольск к губернатору Н.Л. Гондатти, в котором Корсунский извещал, что хотел бы в конце марта следующего года отправиться с тремя товарищами в Обдорск, откуда совершить 4–5-месячный лыжно-пеший переход по полуострову Ямал до океана и затем пройти берегом океана и Обской губы. В пути предполагалось вести глазомерную и нивелирную съемки, изучать геологию береговой полосы, собрать коллекцию флоры и фауны. Словно бы ничуть не сомневаясь в том, что губернатор, сам в молодости путешествовавший по Тобольскому Северу, должен поддержать благой порыв, Корсунский приложил к письму список необходимого снаряжения из 28 пунктов, не забыв включить в него две винтовки и два карабина¹.

Получив отказ, Корсунский не успокоился. 27 февраля 1908 г. он, теперь уже совместно с товарищем по ссылке, бывшим студентом Московского университета Агапьевым, обратился к губернатору с новым планом. На этот раз речь шла о том, чтобы со вскрытием реки вшестером отправиться в прямо противоположном направлении — к верховьям Иртыша — и возвратиться в сентябре². Но и это предложение не нашло поддержки.

Дальнейшая эволюция идеи дальнего странствия изложена самим Корсунским в дневнике. 21 июня 1908 г. тобольскому уездному исправнику из губернского управления было отправлено уведомление о том, что губернатор разрешил Моисею Корсунскому, Гершу Бабкину, Николаю Рецкому, Петру Годомину и Александру Агапьеву отправиться на реку Конду для научных исследований и предписал выдать им удостоверения и, в виде исключения, кормовые деньги за июнь, июль и август³.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Лл. 59–60.

² Там же. Л. 66.

³ Там же. Л. 113.

К этому моменту путешественники уже четвертый день находились в плавании, выехав из Самарова 17 июня с 15 рублями в кармане, запасом продуктов на полтора месяца вместо трех и в превосходном настроении. В качестве замены внезапно переведенному в другое место шестому товарищу Корсунский, как он сам писал 12 июня губернатору, «пригласил к участию в поездке сургутского ссыльного Тимофея Миронова... в силу того, что для несения всей предстоящей работы был необходим еще один человек»⁴. Эта вольность сошла Корсунскому с рук и не имела последствий, Миронова с дороги не вернули.

Теперь, когда весь путь от начала до конца прослежен читателем по дневнику, нужно сказать о результате. Хотя никакого задания ни от кого экспедиция не получала, как и финансового обеспечения, Корсунский организовал кой-какие действия для оправдания присвоенного ей названия «научная». В «Списке материалов, добытых на реке Конде», он указывает, что археологические находки и 25 экземпляров засушенных растений переданы в Тобольский музей. В архиве музея до настоящего времени сохранился и журнал съемки р. Конды от юрт Болчаровских до устья. Другую часть гербария, образцы воды и почв, журнал метеорологических наблюдений Корсунский хотел передать в Киевский университет и политехнический институт, 60 негативов — Географическому обществу, а материалы статистических опросов населения Конды намеревался предложить купить губернской администрации. В точности ли исполнил он эти намерения — неизвестно. Есть сведения о том, что собранный им и Рецким гербарий посылался из Киевского университета в Петербург ботанику Б.Н. Городкову и был возвращен⁵. В письме матери Корсунского к Н.Л. Скалозубову из Киева есть такая фраза: «Материалы его находятся в некоторых лабораториях наших профессоров и очень медленно обрабатываются».

Доехав на пароходе до Тобольска, Корсунский, по-видимому, заканчивал там экспедиционные дела, пытался кого-то заинтересовать новыми проектами, устроить дальнейшие судьбы свою и товарищей. 27 сентября 1908 г. губернское управление

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 73.

⁵ Городская хроника // Сиб. листок. 1908. 30 сент.; *Городков Б.* Очерк растительности низовьев реки Конды // ЕТГМ. Вып. 20. Тобольск, 1912. С. 3; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 151. Оп. 1. Д. 36. Л. 153.

извещало тобольского уездного исправника, что Корсунскому и Годомину разрешена вице-губернатором временная отлучка в Тюмень, срок которой не указан⁶.

10 февраля 1909 г. Р. Корсунская писала Н. Скалозубову: «В настоящее время положение сына моего отчаянное, срок ссылки кончается лишь 9 апреля 1910 г. Остаться 14 месяцев в Сибири оторванным от науки и своих близких, без всякого дела, не имея возможности сколько-нибудь зарабатывать, подвергаясь всяким лишениям и стеснениям, больше он не в силах, его душевное состояние очень плохое⁷. По всей видимости, она надеялась, что член Государственной Думы Н.Л. Скалозубов, известный своей готовностью хлопотать за каждого нуждающегося, сможет добиться досрочного возвращения сына на родину.

Однако другие документы свидетельствуют, что душевное состояние ее сына было далеко не столь упадочным. Более того, он был полон идей, регулярно уведомлял власти о своих новых занятиях, связанных с отлучками из Тюмени, и просил содействия в осуществлении проектов, порой очень похожих на авантюры. Так, 19 июня 1909 г. в письме к губернатору Корсунский просил разрешения остаться в Тюмени еще на 9 месяцев — до окончания срока работы по исследованию оврагов. 10 июля 1909 г. в секретной записке тюменскому уездному исправнику помощник начальника губернского жандармского управления писал: «Оставление Корсунского в Тюмени, конечно, нежелательно, и чем скорее он уедет отсюда, тем лучше»⁸. По-видимому, беспокойство местной власти он причинял не крамолой, а своими бесконечными инициативами и склонностью мало считаться с положением поднадзорного. При всем этом каким-то образом ему удавалось оставаться в Тюмени.

Как раз в это время, 14 июля 1909 г., Корсунский снова обратился к губернатору за разрешением отправиться в августе в составе научной экспедиции на зимовку на р. Вах. Когда губернатор поинтересовался, почему Корсунский до сих пор находится в Тюмени, а не в Самарово и кто его приглашает в научную

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Лл. 116.

⁷ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 55. Лл. 768 об.—769.

⁸ Там же. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Л. 128.

командировку, он ответил, что приглашен Киевским обществом естествоиспытателей, но отказался, т.к. уже поздно.

В последнем из известных нам обращений Корсунского к губернатору 20 января 1910 г. он извещал, что по окончании срока ссылки, которое было уже близко, решил поступить вольноопределяющимся в летный батальон и изучает теорию воздухоплавания. Одновременно он просил городское полицейское управление разрешить испытание построенного им планера⁹.

Важно еще отметить, что в Тюмени Моисей Корсунский обработал дневник экскурсии и пытался «протолкнуть» его в какое-нибудь периодическое издание, надеясь заработать гонорар. Сначала предлагал Географическому обществу, потом петербургскому журналу «Сибирские вопросы» и, наконец, Тобольскому музею. Сохранился отзыв о дневнике одного из ведущих деятелей музея В.А. Ивановского. По его мнению, работа Корсунского в представленном виде для ежегодника музея не годилась и могла быть напечатанной лишь при условии сокращения втрое или вчетверо и серьезной правки, вообще же больше она подходила для юношеского или литературного журнала либо для «Сибирской торговой газеты».

Нельзя не согласиться с общей оценкой В.А. Ивановского: это обычный литературно обработанный путевой дневник, мало содержащий в себе сведений научного характера. Но по прошествии без малого столетия этот текст, безусловно, имеет значение краеведческого документа и вместе с тем привлекает той магией, какая исходит от любого повествования о путешествии по незнакомым местам. И хотя текст и велик, мы решили оставить его без изменений, лишь дополнив подзаголовками.

Что сообщает нам дневник об его авторе? Это человек целеустремленный, настойчивый, инициативный. Запас его любознательности и деловитости неисчерпаем, и сам он готов работать ночь напролет. С людьми сходится легко. Находчив, психологически устойчив. Похоже, что в пути Корсунский не командировал и старался поддерживать дух товарищества. О товарищах он пишет скупно, никого не характеризует, не осуждает, не передает подробностей споров, конфликтов, не выражает от-

⁹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 60. Лл. 99, 136.

ношения к действиям и поступкам. Заметна только его близость к Годомину, и то как к сотруднику и не более.

И напоследок еще раз об итоге экспедиции. Публикуемый текст раскрывает нам как существенную часть итога то, чем была экспедиция для самих ее участников. Очертя голову они пустились в это бесшабашное плавание. Целое лето — с 17 июня по 8 сентября — шестеро молодых людей, сосланных в Сибирь за революционную деятельность, провели на свободе. Чем была эта свобода? Изнурительным трудом гребцов, блужданиями по реке и прибрежным лесам, ночевками под дождем, нескончаемыми заботами о пропитании, охотничьим азартом, узнаванием как Сибири и ее людей, так и самих себя. Были случаи, которые могли иметь трагический исход, но обошлось. Каждый из них совершил свое путешествие вовремя — в юности. После участия в «классовой борьбе» это было испытание совсем иного характера, востребовавшее иных личных качеств, заставившее забыть о газетах и прокламациях, о политических страстях. Этот опыт так или иначе должен был отразиться на судьбе каждого из них.

В. Белобородов

**И.В. Щеглов. Хронологический перечень
важнейших данных из истории Сибири:
1032–1882 гг.**

Указатель имен

Публикуя указатель имен к «Хронологическому перечню...», переизданному информационно-издательским концерном «Северный дом» в Сургуте в 1993 г., мы надеемся привлечь новых читателей к этому замечательному источнику сведений о деятельности тех, кто открывал, познавал, осваивал Сибирь, способствовал ее хозяйственному и духовному развитию — подлинных творцов истории.

Указатель составлен В.К. Белобородовым.

А

Абай, внук Кучума — 68	Абулхаир, хан малой киргиз-кайсацкой орды — 131, 135, 150
Абаков Кока, мунгальский князь — 82	Абульгази, историк — 54
Абакунович Александр, воевода — 19	Абульфед, арабский географ XIV в. — 27
Абдулин Сеткул, тобольский бурхарец — 87	Аввакум, протопоп — 81, 83, 84
Абиль-оглы, султан — 391	Август, кесарь — 80
Аблай, сын татарского хана Ишима, внук Кучума — 65, 71, 87	Авесов — 398
Аблай, киргизский султан — 148, 150, 164, 165, 171, 187, 190, 192	Аврамов, нарымский воевода — 92
Аблайханов Касим — 279	Аврамов, полковник — 286
Аблайханов Сюз, султан — 284	Аврамов, поручик — 286
Абрамов Н.А. — 31, 36	Агапий, епископ Томский — 306
Абугай, потомок Кучума — 78, 82	Агапитов Н.Н. — 432
Абулмамет-хан — 148	Агтаков Бегбелий, вогульский мурза — 33
Абулфеиз, киргизский султан — 171	Адамс — 248
Абулхаир, сын Кучума — 47, 252	Аделунг — 116
	Адрианов А.В. — 429, 432
	Адрианов — 426
	Азнабаев Тайдхан, баян-аульский заседатель — 315

- Аиса — 29
 Айдар — 68, 72, 78
 Айдыркин Джукенъ — 393
 Акулов, лейтенант — 286
 Алач, остяцкий князь — 38
 Алачев Дмитрий, стольник — 53
 Алачев Игичей, кондинский остяцкий князь — 53, 54
 Алачев Михаил, стольник — 53, 54
 Алачев Петр — 54
 Албаза, даурский князь — 77
 Албычев Петр, боярский сын — 61
 Алей, сын Кучума — 13, 50, 60, 65
 Александр I — 202, 242–244, 294
 Александр II — 229, 287, 311, 347, 348, 351, 353, 357, 364, 367, 370, 461
 Александров Черкас, татарский голова — 50
 Алексеев Федот, мореплаватель — 74
 Алексей Александрович, великий князь — 398
 Алексей Михайлович, царь — 75, 79
 Аленыны — 31, 32
 Алтынов Лозан, мунгальский царь — 85
 Алтын-хан — 57, 59, 60, 62, 63, 68–71, 81
 Алябьев — 384
 Алябьев, губернатор — 201
 Аминов, барон — 417
 Амосов Федор, боярский сын — 121
 Амурсана, тайша калмыков — 164, 165, 169
 Андреев, геодезист — 174, 182
 Андреев, подлекарь — 183
 Андреев, капитан — 201
 Андреев 2-й, подпоручик — 286
 Андреевич 2-й, подпоручик — 285
 Анжу, лейтенант — 225, 247–249
 Анкудинов Герасим, мореплаватель — 74
 Анна Ивановна, императрица — 129, 131, 135, 136, 252
 Анненков, поручик — 286
 Анненков, генерал-адъютант — 329, 335
 Аносов — 349, 407
 Антоний (Платковский), архимандрит — 118, 124, 128, 136
 Антоний, митрополит Тобольский — 87, 104, 151, 152
 Анучин Д.Г., генерал-губернатор Восточной Сибири — 422, 461
 Анучин Д.Н., профессор — 433
 Анцыферов Данило, казак — 109
 Арбузов, лейтенант — 285
 Аракчеев, граф — 224, 251
 Аран-Магомет, хорезмский султан — 54
 Аран-Мамет, хивинский хан — 105
 Аржаков, голова якутского племени — 134
 Аристов — 17
 Аристов, профессор — 460
 Аристов Н.Я. — 410
 Арлай — 56
 Арсений, архимандрит — 389, 391, 422, 461
 Арсеньев, историк — 89, 116, 156, 180, 194, 313, 426, 442, 453, 461
 Арсеньев, иркутский вице-губернатор — 131
 Артанзиев, остяцкий князь — 54
 Аршеневский, командир Иркутского драгунского полка — 197
 Аршинский Данило, начальник Нерчинского острога — 87
 Асманак, сын Кучума — 50
 Асташов, золотопромышленник — 294, 325
 Астомен Иосиф — 83
 Асхани Амбань Туши, китайский посол — 128, 132, 135

Асцелин, европейский путешественник XVIII в. — 27
Асыка, вогульский князь — 20, 21
Атласов, пятидесятник — 99
Атласов Владимир — 97, 102–104, 107, 108
Афет — 17
Ахте — 322
Аюка, торгоутский хан — 128

Б

Бабаджа, сын Кучума — 50
Бабаев — 176
Бабинов Артемий — 50
Багрянский Вениамин, епископ Иркутский — 216
Бадагла, князь томских татар — 54
Бадеев Антон Галактионов — 81
Баженов Косма — 139
Байков — 155
Байков Федор Исакович, боярский сын — 79, 80, 89
Бакмейстер — 116
Баландин С.И. — 294
Баландины — 294
Баллюзек Лев, флигель-адъютант — 363
Бантыш-Каменский, историк — 62, 77, 80, 82, 87–89, 93, 101, 112, 122, 126, 129, 131, 150, 171, 288, 289, 426, 442, 458
Барак, хан киргиз-кайсацкой орды — 148, 192
Баранов — 419
Барбот-де-Марни — 201
Бардак, остяцкий князец — 47, 54
Баренц, мореплаватель — 48, 49, 85, 90, 393
Баринов Александр Андреевич — 247
Бармин, архангельский купец — 181
Барс, остяцкий князец — 54
Бартенев, письменный голова — 54

Барятинский, стольник и воевода — 93
Барятинский, штаб-ротмистр, князь — 285
Басандай, князь томских татар — 54
Басарга, князь нарымских остяков — 50
Басаргин, поручик — 286
Басов Емельян — 151, 154, 155
Батенков, подполковник — 286
Баторий Стефан, польский король — 429
Батур-Контайша — 89
Батый — 188
Баучин Девлет — 56
Бахов Иван, якутский купец — 164, 167, 168
Бегиш, татарский князец — 42
Бедарев Алексей, боярский сын — 72
Безносиков — 205, 219
Безродный, сенатор — 288, 322
Бейтон — 93, 94
Бейтонова — 217
Бекбулат, татарский хан — 25, 28, 43
Бекетов Петр, енисейский сотник — 66, 68, 79
Беклемишев Алексей, туринский воевода — 87
Бекович-Черкасский, князь — 113
Белокопытов Максим, казак — 139
Белосельский Михаил, воевода — 60
Бель, лекарь — 116
Бельков — 228
Бельский Постник, воевода — 55
Белявский — 245
Беляев — 287
Беляев 1-й, мичман — 286
Беляев, 2-й, мичман — 286
Бем, начальник Камчатки — 132, 152

- Беневский Мориц-Август — 182, 184
 Бергманы, рудознатцы — 65
 Беренс, купец — 324
 Беринг — 74, 122, 129, 133, 134, 149–151, 155
 Берстель, подполковник — 286
 Бестужев — 316
 Бестужев Александр — 285
 Бестужев Михаил — 286, 287
 Бестужев Николай — 286, 319
 Бестужев Петр — 286
 Бестужева Анна Гавриловна, графиня — 151
 Бестужев-Рюмин Михаил — 285
 Бечаснов, прапорщик — 285
 Бибиков Юрий, нерчинский воевода — 92
 Билингс, капитан — 155, 198, 248
 Биней, калмыцкий князь — 54
 Бирон — 126, 150, 165
 Бичурин Иакипер — 249
 Благодравов Вениамин, епископ — 363
 Бланкенгаген, врач — 204
 Бларенберг, полковник — 318
 Блулов, граф — 359
 Бобрищев-Пушкин 1-й, подпоручик — 286
 Бобрищев-Пушкин 2-й, подпоручик — 286
 Бобровский, купец — 159
 Бобровы Семен и Хрисанф, раскольники — 370
 Богатырь-хан калмыцкий — 86
 Богданов М.А. — 316
 Богданов Мартын, купец — 100
 Богданович, полковник — 380
 Боголюбский И. — 291, 293, 297, 299–301, 308, 314, 317, 323, 331, 333, 336, 345, 349, 357, 359, 365, 366, 368, 380, 389, 393, 403, 408, 414, 416, 453, 461
 Бодиско 1-й, лейтенант — 286
 Бодиско 2-й, мичман — 286
 Бойе — 219
 Бок И. — 458
 Болотников — 55
 Болотов Иоасаф, иеромонах — 205, 212
 Болтин — 15, 75
 Болтин, иркутский вице-губернатор — 131
 Болховитинов Евгений, митрополит Киевский — 459
 Болховский С.Д., воевода, князь — 40, 41, 43
 Большев, топограф — 403
 Борбоша Богдан, атаман — 32
 Борисов 1-й, подпоручик — 285
 Борисов 2-й, подпоручик — 285
 Босман Корнелий, мореплаватель — 65
 Бочаров, штурман — 188
 Боянда, посол хана Едигера — 26
 Бояр, остяцкий князь — 37
 Брагин, промышленник — 155
 Брандт, купец — 304
 Брем — 411
 Бремзен, подполковник — 133
 Бриген фон дер — 286
 Брин фон, тобольский губернатор — 320
 Брун, капитан парохода — 418
 Брызгалов Федор, иеродиакон — 109
 Брылкин — 357
 Брюс А.Р., граф — 130
 Брязга Богдан, атаман — 32, 38
 Бугор Василий, казачий десятник — 65
 Будогосский, полковник — 355
 Буза Елеса (Елисей), казачий десятник — 69, 70
 Буйносов-Ростовский Алексей, тобольский воевода — 82
 Букей-хан — 276
 Булгаков Тимофей — 76
 Були-хан — 272
 Бунге Н.Х. — 339
 Бургари, поручик, граф — 286

Бурмейстер, капитан парохода — 418, 420
Бурнашов — 201
Бурро Стефан — 26
Бурцов — 128
Буссе, генерал-губернатор Амурской области — 351
Бутенев — 318, 319
Бухгольц, основатель Омской крепости — 112, 113, 115, 134, 135
Бушен фон — 15
Быков — 185
Бэр, академик — 312
Бюцов Евгений, консул — 379, 430

В

Ваганов — 322
Вагин В.И., историк — 159, 179, 193, 212, 218, 219, 224, 225, 227, 232–234, 239, 242, 243, 245–253, 268, 270, 273, 274, 277, 288, 294, 296, 302, 305–307, 309–311, 313, 314, 316, 317, 326, 335, 365, 398, 452, 457
Вагин Меркурий, казак — 111
Вадковский, прапорщик — 285
Вакулин — 219
Вали, хан киргизской орды — 205, 251, 276
Валий, киргизский султан — 192
Валиханов Т.Ч. — 375
Валли, китайский царь — 62
Валуев, геометр — 116
Вальдбург-Цейль, граф — 411
Валютка, чукотский старшина — 213
Варлаам (Коссовский), епископ — 53, 107, 152, 320
Василий, обдорский остяцкий князь — 53
Василий Великий — 54
Василий Мангазейский — 53, 83
Васильев, ссыльный — 323
Васильев Мартын, пятидесятник — 71

Веденяпин 1-й, подпоручик — 286
Веденяпин 2-й, прапорщик — 286
Вейпрехт, полярный исследователь — 90
Велькупшош — 459
Вельяминов, воевода — 60
Вельяминов И.А., генерал-губернатор Западной Сибири — 277, 288
Вениамин, иеромонах — 249
Вениамин (Благодравов), епископ — 363
Венцель К.К. — 334
Венюков — 94, 217, 255, 344
Венюков М.И. — 329, 344, 347, 401, 433
Вердеревский — 52
Веревкин, полковник — 367
Верещагин, дьячок — 250
Веселовский — 145
Виггинс — 403, 411
Вилегин Иван — 118
Виллоби Гуго, адмирал — 24
Витковский Н.И. — 426
Вишневский, лейтенант — 286
Вишневский Иустин, епископ — 216
Владимир, епископ — 427
Владимир Александрович, великий князь — 380
Владиславич Савва, граф — 124
Влангели, посланник в Пекине — 386
Власов Василий, раскольник — 120
Власов, воевода — 92, 94
Воейков — 435
Воейков И., воевода — 50
Войт В. — 460
Волконский Михаил, воевода — 47
Волынский — 148, 165
Волынский Артемий — 150
Волынский Василий Васильевич, томский воевода — 55
Вольф, штаб-лекарь — 286

Воротников, учитель — 378
Врангель — 225, 247–249, 379
Враницкий, полковник — 286
Врасский, письменный голова — 54
Врех фон — 111, 112
Всеволожский Руф Родионович, дворянин — 73
Вульф, полковник — 154
Выгодский — 286

Г

Габайдулла — 276, 279
Гавриил, митрополит — 320
Гагарин Иван, нерчинский воевода — 92
Гагарин Матвей Петрович, сибирский губернатор — 104, 108, 110, 111, 114–116, 118, 134
Гагарины, князя — 98, 103
Гаге К. — 420, 426, 427
Гагемейстер, историк — 66, 78, 84, 116, 126, 128, 132, 144, 159, 169, 171, 176, 178, 197, 198, 203, 208–210, 215, 217, 231, 236, 239, 253, 288, 291, 297–301, 308, 314, 315, 318, 326, 327, 330, 335–344, 453, 458
Галахов — 156
Галдаң-Бокошту — 88, 90, 91, 96
Галдан-Церен Джунгарский — 129, 150
Галкин Иван, атаман — 67, 73
Галкин-Врасский — 431
Гантимур — 86, 89
Гасфорт, генерал-губернатор Западной Сибири — 335
Гвоздев, геодезист — 130
Геденштром — 224, 225, 230, 232, 234, 239, 244, 248, 249, 458
Гельмерсен — 344, 365
Гемскерк Яков, мореплаватель — 49
Генс, штурман — 130
Генезер — 174

Георги, историк — 72, 185, 217, 234
Георгий, святой — 24
Герасим, схимонах — 88
Герасим, основатель Иркутского Вознесенского монастыря — 53
Герберштейн Сигизмунд — 15, 23, 24
Гердеболь, горный инженер — 130
Герман — 168
Геродот — 27, 98
Гизо — 222
Гилев, геодезист — 198
Гильденштедт — 234
Гирс, тайный советник — 370, 430
Гладилов, приказчик Демидова — 83
Гладышев, поручик — 145
Глазенап, командир Сибирского корпуса — 232
Глазунов — 128
Глазунов Иван, секретарь посольства — 116, 125
Глашенап С.П. — 403
Глебов, енисейский воевода — 99, 101
Глебов — 165, 286
Глен — 357, 379
Гловатский Сильвестр, митрополит — 87
Глотов, промышленник — 149, 155
Глухин Иван — 101
Глухов Иван, сибирский воевода — 40, 41, 43, 44
Гмелин Иоанн Георг, историк — 56, 133, 134, 156, 157, 162, 163, 193, 234
Годлевский — 344
Годунов Борис — 41, 51
Годунов Борис Федорович — 48
Годунов Матвей Михайлович, тобольский воевода — 62, 64
Голгочь, ключевской тайон — 131

Голенищев, начальник Камчат-
ки — 301
Голиков, купец — 199, 205
Голицын — 251, 286
Голицын А.Б. — 299
Головин, якутский воевода — 70
Головин, окольник — 79
Головин — 145, 169
Головин, подштурман — 144
Головин Василий Петрович, во-
евода — 51
Головин Федор Алексеевич, гла-
ва посольства в Китай — 94, 101
Головкин Михаил Гаврилович,
кабинет-министр — 179
Головкин Юрий Александрович
— 219, 221, 222, 226
Головнин Василий Михайлович,
начальник морской экспеди-
ции — 232
Голодников — 322
Голохвастов, воевода — 86
Голсонов, бурятский тайша —
239
Голубков, золотопромышленник
— 299
Гондюхин — 189
Гоппе — 433
Горбачевский, подпоручик — 285
Горелый Андрей, казак — 77
Горохов, золотопромышленник
— 294
Горский, купец — 325
Горчаков — 404
Горчаков Алексей, письменный
голова — 92
Горчаков П.Д., генерал-губерна-
тор Западной Сибири — 310,
318, 329, 335
Горчаков Петр Иванович, воевода
— 47
Гофман — 151, 328
Гречанин Степан, боярский сын
— 69, 70, 82
Григорий, верхотурский священ-
ник — 93

Григоровский Н.Г. — 441
Григорьев К.Н., губернатор Якут-
ской области — 340
Гроза Иван, сподвижник Ермака
— 32
Громницкий, поручик — 286
Громов П.В., иркутский протоие-
рей — 125, 428
Гудзон, английский мореплава-
тель — 56, 90
Гуляев — 278
Гумбольдт Александр, путеше-
ственник — 98, 295
Гурьев — 251
Гусейнов Мухамет-Джан, муфтий
— 204
Гуторов — 110
Гутчинсон — 347
Гында, остяцкий князь — 54
Гурята Рогович — 16, 17

Д

Давыдов — 149
Давыдов, гидрограф — 217
Давыдов, полковник — 285
Далай (Датай)-тайша — 63, 65
Даль, шкипер — 411, 416
Дальман, капитан парохода — 416
Даниил, чернец — 91
Даниил, иеромонах — 249
Данилевский — 319
Данул, тунгусский старшина — 59
Датубул, хан — 272
Даян-тайша — 77
Девлет-Гирей — 71, 73
Дегарича, полковник — 165
Дежнев Семен — 73, 150
Делавар — 188
Делиль, астроном — 133, 148
Делонг Жорж, лейтенант — 432,
433
Демидов Акинфий Никитич —
123, 133, 154, 156, 157
Демидов Павел — 219, 231, 232
Демидовы — 83, 113, 120, 144, 145,
150, 154, 311

Де-Пуант — 342
Деспот-Зенович А.И. — 401
Джакимбек, султан большой орды — 318
Джакман Чарльз, мореплаватель — 34
Джанходжа — 349
Джафар — 334
Дженкинсон, английский путешественник — 27
Дивов, мичман — 285
Диксон, мореплаватель — 417
Димитрий, царевич — 47
Дионисий (Хитров), епископ — 384
Дмитрий (Туптало), митрополит — 87, 104
Добрынин Логин, купец — 104
Долгорукий Федор, князь — 126
Долгорукие — 130, 145
Долгоруков — 113
Долгоруков Михаил Федорович, сибирский губернатор — 121, 131
Домес Степан — 145
Дометиан, священник — 83
Доможиров, письменный голова — 48
Донской Дмитрий — 19
Достоевский Ф.М. — 330
Дружинин — 149, 155
Дубенский Андрей — 66
Дулга — 272
Дуран-Тайбун — 70
Дуров — 330
Дыбовский — 344, 364
Дьяков Федор — 51
Дьяконов Осип, дьячок — 112

Е

Евгений (Болховитинов), митрополит — 104, 156, 158, 185, 190, 191, 194, 202, 218, 219, 234, 459
Евреин-Зеп, индийский шах — 89
Евреинов, геодезист — 117
Евреинов, купец — 143

Евставьев Ермак, атаман — 66
Евфимия — 73
Едигер (Етыгар) — 25, 26, 28, 29, 38, 43
Едриси, арабский географ — 27
Екатерина II — 78, 171–173, 185, 187, 188, 193, 194, 202
Елецкий Андрей Васильевич, основатель г. Тара — 48
Елизавета Петровна, императрица — 51, 148, 179
Ель-Истархи, арабский географ — 27
Енисейский Иван, дворянин — 112
Ентальцев, подполковник — 286
Епанча, татарский князец — 33, 34, 52
Ердени-Батур — 71, 73, 77, 81, 88
Еремеев Иван — 76
Ермак — 25, 30–43, 63, 85, 245, 300, 315, 425, 435, 450
Ермоген — 53
Ермолай, атаман — 36
Ермолин Илья, десятник — 67
Есипов Савва, летописец — 37, 39, 243
Ефрем (Рязанов), епископ — 389

Ж

Жолобов Алексей, вице-губернатор Иркутской провинции — 131, 135, 138–141, 165, 166

З

Заболоцкий Ерофей, посол — 84, 91
Заболоцкий-Бражник Василий Иванович — 22
Завалишин Д.И. — 285, 287, 319, 422, 433
Завойко, контр-адмирал — 342, 343, 351
Загорецкий, поручик — 286
Загоскин М.В., журналист, писатель — 356, 378, 398, 421

Заикин, подпоручик — 286
Зайков, штурман — 184
Замысловский Е.Е., историк — 20,
24, 42, 79, 426, 454, 459
Запольский, генерал-майор —
335
Засекин, унтер-офицер — 116
Зверев, откупщик — 118
Зверинский В. — 458
Зейман — 148
Зеленый — 174
Земарх — 272
Зиновьев Михаил, казак — 104,
106
Злобин Иван — 141
Зосима — 45
Зост А.И. — 425, 442, 457
Зотов, купец — 238, 299
Зотов — 312
Зотовы — 294
Зубов Борис, томский воевода —
73
Зуев — 185, 234
Зыбин Александр — 151
Зырянов Герасим — 202

И

Ибн-Батута, арабский путеше-
ственник — 24
Иван III Васильевич — 20–22
Иван IV Грозный — 24–26, 28, 29,
31, 38, 42, 450
Иванов, декабрист — 286
Иванов, штурман — 277, 288
Иванов Вахромей, дяк — 49, 51
Иванов Курбат, пятидесятник —
72
Иванов Постник — 71
Иванов Родион, кормщик — 95
Ивашев, ротмистр — 286
Ивтемир — 26
Игнатий (Римский-Корсаков),
митрополит — 83, 87, 93
Игнатов — 431
Игнатьев, геометр — 116
Игнатьев Исай — 73

Игнатьев Н.П., генерал-майор —
355
Игумнов — 225
Избрант-Идес — 31, 96, 101
Извеков, начальник Камчатки —
152
Измайлов, штурман — 188
Измайлов Лев Васильевич, по-
сланник в Китай — 116–118,
124, 125, 134
Израиль, иеромонах — 249
Израиль, настоятель Чикойского
монастыря — 84
Изьян-Лунь, богдыхан — 174
Иисус Христос — 84, 104
Иларион (Лежайский), архиман-
дрит — 112
Иларион (Трусов), архимандрит
— 150
Илитен, брат Кучума — 50
Илларион (Трусов), иеромонах —
136
Илличевский — 271
Ильин — 329
Ильин, штурман — 248
Иннокентий, епископ — 135, 152,
221, 428
Иннокентий, святитель — 216
Иннокентий, митрополит Мос-
ковский — 410, 422
Иоанн (Максимович), митропо-
лит — 53, 87, 110
Иаонн, игумен — 28
Иоасаф (Хатунцевич), архиман-
дрит — 150, 151
Иоасаф (Болотов), иеромонах —
205
Иоганнесен, норвежский рыбо-
промышленник — 386
Иогансен, капитан — 419
Иосиф, патриарх — 83
Иринея (Нестерович), архиепис-
коп — 303, 304, 461
Ирман, оберберггауптман — 294
Исаевич Савватий — 166
Исаков — 460

- Исбрантом Брант, мореплава-
 тель — 48
 Исленев — 182
 Истомин Иосиф — 83
 Ишбердей, вогульский князец —
 37
 Иши-Магомет, каракалпакский
 хан — 119
 Ишим, сын Кучума — 60, 65
- К**
- Казанцев Г.Ф. — 294
 Казанцевы — 294
 Казнаков Н.Г., генерал-губерна-
 тор Западной Сибири — 404,
 405
 Кайданов — 325
 Кайсаров, татарский воевода —
 92
 Калашников, писатель — 166
 Калининковы, солепромышлен-
 ники — 20
 Калистратов — 438
 Калка, мунгальский тайша — 86
 Калпак, князь югорский — 20
 Камаев, обер-аудитор — 232
 Каменский И.Ф. — 440
 Каменский Павел — 249
 Кампенгаузен — 251
 Канай, сын Кучума — 50
 Канкрин, министр финансов —
 310, 319
 Канси, китайский богдыхан — 93
 Капцевич, генерал — 252, 271—
 273, 276, 277, 288, 312, 321
 Карамзин, историк — 15, 17, 25,
 28, 29, 39, 40, 44, 45, 450, 459
 Карача — 35, 38, 40—42, 46
 Кардашевский И.Г. — 221
 Карл XII — 111
 Карльсен, норвежский рыбопро-
 мышленник — 386, 393
 Карсаков, генерал — 345
 Касимов Кенисары, султан — 277
 Касимов Мамет Исуп, посол —
 89
- Касимов Сарыджан, киргизский
 султан — 276, 303, 305, 312
 Кастрен, лингвист — 327
 Катырев-Ростовский Иван — 55
 Кауфман К.П., генерал — 376,
 384, 401, 434
 Каховский Петр — 285
 Кашкар, татарский князец — 34
 Кашкарбай — 165
 Кашкаров — 185
 Кашкин Е.П. — 190, 191
 Каян Мергень, посол — 60
 Кегель, агроном — 300
 Келлет, капитан — 332
 Кенесары, султан — 312, 313, 316,
 317, 323, 325, 326, 328, 334, 341,
 348
 Кеппен, горный инженер — 329,
 415
 Кибер — 247
 Кигинь — 272
 Кизинг, штаб-хирург — 168
 Киндерман, генерал-майор —
 154, 163
 Киндяков, геодезист — 145
 Киприан (Старорусенков), архи-
 епископ — 45, 63
 Киприан, митрополит — 169
 Киреев, прапорщик — 286
 Киреев Иван, стрелецкий голова
 — 40
 Кирилов Иван, статский совет-
 ник — 137
 Киселев, коллежский регистра-
 тор — 241
 Киселев Петунка, казак — 60
 Кислянский, воевода — 92
 Кичень, посол — 60
 Клапрот — 226
 Клиндер, военный инженер — 398
 Клоков, форштмейстер — 304
 Ключников — 188, 375
 Кноп — 418, 420, 432
 Кобелев, сын боярский — 103
 Кобелев Иван, казачий сотник —
 190

- Кобяков Григорий, посланник в Китай — 87
 Ковалевский, полковник — 334
 Ковальский — 328
 Кованько, горный инженер — 331
 Ковригин В. — 317, 374, 461
 Кожевин, землемер — 225, 230
 Кожевников, поручик — 286
 Кожин, поручик — 113
 Козакевич, лейтенант — 332
 Козлов, казак — 64
 Козодавлев О.П., министр внутренних дел — 244
 Козыревский Иван, казак — 103, 109
 Козьмин, штурман — 247, 248, 295
 Кокорев Осип — 60
 Колесников Василий — 72, 73
 Колесов Василий, пятидесятник — 106, 112
 Коломнетин Ф.В. — 81
 Колотыгин — 241
 Колпаковский — 363, 391, 434
 Колычев, стольник — 125
 Коль — 347
 Кольб — 353, 374
 Кольцо Иван, атаман — 30, 32, 39–41, 63
 Кольцов-Масальский В.В., тобольский воевода — 46, 47
 Кондинский, купец — 324
 Коновницын 1-й, подпоручик — 286
 Корибут-Кубитович — 387
 Корнилий, архиепископ Тобольский — 86, 87
 Корнилов, губернатор — 219, 227
 Корнилович, штабс-капитан — 286
 Корниловы, бр. — 158
 Корнильев — 196, 201
 Коробков, купец — 299
 Корсак — 353, 374
 Корф — 225, 243, 245, 246, 252
 Костомаров — 32
 Костров Н.А. — 433
 Кох — 165
 Кохрэн Джон, капитан английского флота — 249
 Коцебу — 274
 Кочанов — 99
 Кочанов Василий — 114
 Кочубей — 251
 Кошелев, начальник Камчатки — 132
 Кошелев, штурман — 143
 Красильников, геодезист — 133
 Краснокутский — 286
 Красовский И.И., томский губернатор — 440
 Краузе — 432
 Крашенинников — 133, 156, 163
 Кривошапкин — 299, 309
 Кривцов, подпоручик — 286
 Крижанич Юрий — 84
 Криницын, капитан — 155
 Кропоткин П.А. — 344, 375
 Кропотов Прохор — 90
 Круг Ф. — 459
 Кругликов, казак — 110
 Крузенштерн — 219, 222, 223, 360
 Крупышев, казак — 130
 Крыжановский Юрий, ясачный сборщик — 90
 Крылов, следователь — 136
 Крылов Петр Никифорович — 165, 166
 Крюков, промышленник — 205, 206
 Крюковы, бр., декабристы — 219, 286
 Кузнецов, купец — 291, 294, 296, 299, 344
 Кузнецов П.И. — 461
 Кук, капитан — 90, 190, 198
 Кум-Ханчей Алтын, мунгалский царь — 60
 Кумыш, сын Кучума — 50
 Куракин, сенатор — 288, 322
 Куракин И.С., воевода — 60, 62
 Курбатов — 431
 Курбский Черный Федор — 21

Курсин, капитан судна — 418
Куткин, статский советник — 228
Кутухта — 125
Кучум — 25, 28–32, 35, 36, 38–40,
42, 43, 47–51, 60, 65, 68, 69, 73,
78, 82, 84
Кюхельбекер — 285, 286
Кушелевский — 365

Л

Лаба, действительный статский
советник — 212, 224
Лаба, посол — 69, 70
Лавинский, генерал-губернатор
Восточной Сибири — 271, 277,
302–305
Лаврентий, диакон — 93
Лаврентий, иеромонах — 112, 150
Лавров, генерал — 207
Лавров Молчан, голова — 63
Лавровский — 179
Ладыженский, полковник — 323
Лазарев — 155
Лазарев, лейтенант — 247
Лаксман Адам, поручик — 145,
203
Лаксман Эрик, академик — 185,
191
Ламаев Семен — 108
Ламартиньер — 79
Ланг Лоренц, секретарь посоль-
ства в Китае — 116, 119, 121,
125
Лангрене — 222
Ланделл Генрих, пастор — 438
Лапейруз — 223
Лапин, купец — 184
Лаппа, подпоручик — 286
Лаптев Дмитрий — 137, 145, 147,
149
Лаптев Харитон — 145, 147, 149
Лаптевы, бр. — 133, 150, 168
Лассенчус — 137
Латкин, купец — 238
Латкин Н., золотопромышлен-
ник — 317

Лача, князь томских татар — 54
Лебедев, студент — 185
Левандиан Александр — 98, 105
Левашов, лейтенант — 155
Ледебург, ботаник — 288
Лейбович Л.И. — 17, 459
Леман — 319
Ленц Р.Э. — 429
Леонтьев — 438
Леонтьев, геодезист — 182
Лепехин, академик — 234
Лепехин Яков, верхотурский ата-
ман — 83
Лерберг А.Х. — 15, 16, 18, 19, 21,
23, 25, 459
Лерхе, томский губернатор —
368
Лесной — 291
Лещано, иркутский губернатор
— 211, 213
Лжедмитрий — 54
Лилиенфельд София — 151
Лисовский, атаман — 135
Лисовский, поручик — 286
Лисянский, капитан — 219
Литвинцев Иван — 139, 140
Литке Ф.П. — 252, 285
Лихарев, майор — 115, 117, 134
Лихарев, подпоручик — 286
Лихарев Иван, основатель Ту-
ринска — 52
Лихачев П.И. — 426, 442
Лобанов, купец — 158, 186
Лобанов-Ростовский А.В. — 62
Логинов, казак — 81
Ломоносов М.В. — 174, 178
Лонг, капитан — 379
Лоншаков, комиссар — 140
Лопатин, горный инженер — 379
Лопатин А.Н. — 375
Лопухин Ст. — 151
Лорер, майор — 286
Лосев, землемер — 296
Лоскутов, нижеудинский ис-
правник — 165, 225, 246
Лоузан — 81

Лоузан Монгольский — 77, 82, 91
Лоузан Торгоутский — 82
Лохман — 116
Лугуй, остяцкий князец — 44
Лудлов, горный чиновник — 227
Лужин Федор, геодезист — 117, 120
Лунин, подполковник — 286
Лучшев — 398
Лысов, геодезист — 182
Лыченицын Афанасий — 29
Львов Матвей, воевода — 47
Львов Ф.Н. — 330
Любимов — 327
Люблинский — 286
Людовик-Филипп, король — 222
Ляпа Степан, воевода — 19
Лятик, князь — 21
Ляхов Иван, купец — 158, 183–185
Ляхов Максим — 239

М

Маак Р.К. — 344, 345, 355, 378, 458
Магницкий — 272, 273
Мадатов — 237
Майков Л.Н. — 33, 36, 39, 40, 426, 442, 450, 458, 459
Майнов В. — 149, 150, 176, 420, 460
Майтмас, татарский князец — 34
Мак, норвежский мореплаватель — 393
Макарий, иеромонах — 91, 304
Макарий (Глухарев), миссионер — 292, 427
Макарий (Дарский), епископ — 363
Макарий (Невский), начальник Алтайской миссии — 427
Макартней, английский дипломат — 204, 222
Македонский Александр — 17
Максимов С.В. — 85, 107, 129, 148, 170, 179, 183, 184, 187, 189, 197,

201, 202, 247, 250, 287, 305, 319, 330, 365, 460
Максимович — 344
Малыгин, лейтенант — 141, 142
Малявинский — 294, 299
Маметкул — 29, 35–38, 41
Мамик, хан — 22
Мамрук, обдорский князь — 52, 54, 82
Мандрак, князь телесов — 68, 72, 73, 78
Мансуров Иван, воевода — 43, 44
Манькин-Невструев — 130, 279, 397, 460
Мария, императрица — 346
Марко Поло — 23, 27
Марков Алексей — 110, 113
Маркс М.О. — 416, 429, 438
Мартиниан, архимандрит — 107
Мартос — 161, 201
Мартынов Василий — 68
Мартынов Осип, пятидесятник — 108
Мартьянов Н.М. — 274, 415, 417
Марцелин Аммиан — 27
Марьин, купец — 324
Масальский Иван, тарский воевода — 50
Масальский Василий, князь — 51
Матвей, протодиакон — 70
Матеш, чешский король — 22
Матюшкин, мичман — 247, 249
Махмет (Мамук), сибирский хан — 22
Мачик — 82
Машаров — 294, 299
Меглицкий, горный инженер — 331
Медведев, купец — 159
Медведникова Елизавета — 246, 311, 313
Мейендорф — 237
Мейер — 127, 460
Меллар — 194
Мельвиль — 432

- Менандр Константинопольский — 27
 Меншиков А.Д. — 129, 289
 Меншиковы — 126, 130
 Мерик Джон, английский посол — 58
 Мерлин, майор — 131
 Мессершмидт Даниил Готлиб — 116, 117, 137
 Мефодий Патарийский — 17
 Мещеринов Г.В., генерал-губернатор Западной Сибири — 432
 Мещеряк Матвей, атаман — 30, 41, 46
 Миддендорф — 249, 322
 Миллер Герард Фридрих — 15, 23, 25, 26, 28–33, 37, 38, 40, 41, 44, 47, 48, 52, 55, 60, 133, 134, 158, 163, 181, 193, 194, 425, 450, 452
 Милованов Игнатий, посол в Китай — 87
 Милютин Б.А. — 363, 378, 381, 385, 454
 Минин, штурман — 133, 144, 147
 Миних — 150, 151
 Мирович, енисейский воевода — 156
 Миронов — 108, 240
 Митьков, полковник — 286
 Михаил, архиерей — 188
 Михаил Федорович, царь — 51, 54, 60, 62, 69–71, 76
 Михайлов Яков, атаман — 30
 Михеев Михаил — 360
 Мишнев Андрей — 20
 Многогрешный Д.И., гетман — 88
 Мозгалеvский, подпоручик — 286
 Мозган, подпоручик — 286
 Моисеев, прапорщик — 313
 Молдан, югорский князь — 21
 Молла, сын Кучума — 50
 Молчанов, воевода — 49, 59
 Молюк — 54
 Морозко, казак — 99
 Морозов Савва — 392
 Моряков — 236
 Мотора, казак — 77
 Мошков Иван — 151
 Муравьев, геодезист — 145
 Муравьев, капитан — 247
 Муравьев, лейтенант — 136
 Муравьев Александр, полковник — 286
 Муравьев Александр, корнет — 286
 Муравьев Артамон, полковник — 285
 Муравьев-Амурский Н.Н., генерал-губернатор Восточной Сибири — 170, 329, 334, 343, 350, 355, 433, 461
 Муравьев-Апостол М.И. — 285
 Муравьев-Апостол С.И. — 285
 Мурашкин Иван, стольник — 30, 31
 Мусин-Пушкин, лейтенант — 286
 Муханов, штабс-капитан — 286
 Мушкетов — 426
 Мюллер Фердинанд — 438
 Мюнстер — 24
 Мясников Н.Ф., коммерции советник — 299, 324
 Мясниковы — 294, 327, 330
 Мясной Иван, воевода — 44
 Мятлев В.А., сибирский губернатор — 160, 165
- ## Н
- Нагель, иркутский губернатор — 204, 210
 Нагиба, казак — 78
 Нагой И.Г., воевода — 47
 Надир, персидский шах — 150
 Назаров — 236
 Назимов, штабс-капитан — 286
 Най Корнелис, мореплаватель — 48
 Налтанов — 361
 Наполеон I — 343
 Нырков Лев, воевода — 101
 Нарышкин, полковник — 286

Нарышкин Василий Васильевич — 186—189
Наумов, воевода — 83
Наумов Михаил, голова — 81
Небольсин П., историк — 31, 36, 37, 42, 58, 92, 153, 179, 189, 197, 210, 236, 240, 284, 294, 453, 457, 460
Невельский — 322, 332
Неводчиков Михаил — 154, 155
Негри, посол — 249
Нейман, руководитель экспедиции — 386
Нейман К.К. — 403
Нектарий, архиепископ — 70
Немцов, иркутский губернатор — 188, 189
Немча, князь томских татар — 54, 55
Непейцын Дмитрий, посол — 25, 26
Неронов — 295
Нессельроде, министр иностранных дел — 276, 280, 317
Нестеров, обер-фискал — 115
Нестеров А.П. — 398
Нефедьев Василий — 75
Нечаевский Кузьма — 101
Нечай, атаман — 54
Нижегородцев, купец — 285
Никитин Афанасий, купец — 38
Никифоров, капитан — 318
Никодим (Казанский), епископ — 360
Никодим (Сребрицкий), митрополит — 87
Никон, патриарх — 84
Николай I — 274, 285, 289, 294, 312
Николаев Иван, воевода — 92
Нил (Исакович), иркутский архиепископ — 313, 326
Нильсон, капитан — 418
Новгородов Иван — 131
Новицкий, генерал-майор — 207
Новосильцев М.И., воевода — 55
Ноип Эрдень — 98

Норденшельд — 90, 149, 150, 176, 407, 411, 417, 419, 420
Носович С.И., иркутский губернатор — 434, 440

О

Обак, князь теленгутов — 55, 57, 60, 65, 67, 68
Оболенский, поручик — 285, 287
Обухов Лаврентий, воевода — 85
Овидий — 449
Овцын — 133, 136, 137, 141, 143
Огарев, генерал-поручик — 199
Огарков, подьячий — 68, 69
Одоевский, корнет — 286
Омулевский — *см.* Федоров И.В.
Он, князь — 21
Онсом, хан — 21, 22
Орехов, купец — 184
Оржицкий, штаб-ротмистр — 286
Орлов — 341
Осипов Микитка — 50
Оскар, шведско-норвежский король — 417, 419
Османов Петр, сосьвинский князь — 54
Остерман — 151
Очарой-Саин-хан — 89

П

Павел I, митрополит Тобольский — 92, 94, 95
Павел I, император — 184, 186, 205, 210, 216
Павел II (Конюшкевич), митрополит — 87, 166, 181
Павел Петрович, великий князь — 174
Павлинов, консул — 390
Павлищев Н.И. — 309, 315, 318, 324, 325, 343, 345, 357, 363, 367, 370, 375, 376, 384, 387, 390, 392, 397, 402, 461
Павлов, лейтенант — 136
Павлов Иван, атаман — 57
Павлов И.В. — 438

- Павлуцкий, майор — 157
 Павлуцкий Дмитрий, капитан — 130
 Паклевский-Козелло — 324, 325
 Паландер — 90
 Пализер, английский мореплават-
 тель — 386
 Палладий, иеромонах — 330
 Паллас Петр Симон — 72, 116,
 119, 168, 169, 217, 234
 Пан Никита, атаман — 30, 40
 Панкратьев — 111
 Панов, капитан — 176
 Панов 2-й, поручик — 285
 Парфентьев, полковник — 118
 Пахомий — 151
 Пахтусов — 277, 304, 307
 Пашков — 81
 Пашков Афанасий, енисейский
 воевода — 79
 Певцов — 418
 Педашенко, иркутский губерна-
 тор — 434
 Пекарский — 111, 112, 116–118,
 460
 Пелева, князь юкагиров — 73
 Перепелицын, посол — 32
 Перепелицын Василий, воевода
 — 38, 39
 Пермяков Яков, казак — 110, 111
 Перовский, оренбургский воен-
 ный губернатор — 315, 317, 341
 Перфильев Иван, боярский сын
 — 82
 Перфильев Максим, атаман —
 65, 67, 70, 78
 Пестель, сибирский генерал-гу-
 бернатор — 224, 225, 228, 232,
 233, 243–245, 271, 321
 Пестель Павел, полковник — 285
 Пестерев — 348
 Пестов, подпоручик — 285
 Пестов И., енисейский губерна-
 тор — 53, 227, 253, 299, 458
 Пет Артур, английский море-
 плаватель — 34
 Петлин Ивашка, казак — 62
 Петр, архимандрит — 249
 Петр (Екатерининский), епископ
 — 352
 Петр Великий — 83, 105, 111, 115,
 117, 120, 124, 152, 165, 169, 214,
 277, 356, 412
 Петр II — 129
 Петр III — 130, 183
 Петрашевский — 330
 Петриковский, начальник Кам-
 чатки — 109, 113
 Петров (Петрулин), майор — 168
 Петров Иван, атаман — 28
 Петров Иван, десятник — 59
 Пиеттомин Ваули — 318
 Пирали, султан малой киргизс-
 кой орды — 217
 Писарев Григорий, начальник
 Охотска — 132
 Писарев М.Я., врач — 398, 431,
 437
 Писемский Гаврило Иванович,
 казачий голова — 54, 55
 Плано Каркини, путешествен-
 ник — 23
 Плещеев Алексей Львович, си-
 бирский губернатор — 131, 139,
 150
 Плотников, купец — 325, 431
 Повало-Швейковский, полков-
 ник — 285
 Поджио, подполковник — 285
 Поджио, штабс-капитан — 286
 Поджио А.В. — 319
 Подрезов Матвей — 139
 Полетика И. — 317, 373, 374, 461
 Ползунов, механик — 179, 435,
 461
 Поливанов, полковник — 286
 Полтев Семен — 92
 Полуэктов, якутский воевода —
 109
 Поляков И.С. — 344, 375, 426, 438
 Пономарев — 155
 Пономарев, майор — 247

Попов, геодезист — 133
Попов, полковник — 227
Попов С.С. — 316
Поповы, купцы — 252, 284, 291,
294, 299, 308, 311, 323, 349
Поротов Иван — 114
Пороховщиков Петр — 299
Порфирьев Иван, боярский сын
— 92
Поршенников Иван — 89
Посошков — 127
Поспелов — 201
Поспелов, штурман — 227
Постельс — 285
Посьет — 356
Потанин, сотник — 305
Потанин Г.Н. — 344, 383, 411, 426,
427, 459
Похабов Иван, боярский сын —
73, 82, 88
Поярков Василий — 72, 73
Прайс, адмирал — 147, 342
Пржевальский Н.М. — 344, 412
Приклонский И.В. — 94
Приклонский М.В., тобольский
воевода — 92
Прибыло, промышленник — 155
Прибылов, штурман — 187, 285,
329
Принтц А., штабс-капитан — 368,
370, 371, 460
Прокопьев, посадский — 157
Пронский П.И. — 60
Прончищев, лейтенант — 133,
134, 137, 141, 142, 149, 150, 322
Протасов — 299
Протодяконов, купец — 184
Птолемей — 27
Пуант де — 147, 342
Пугачев Емельян — 184
Путинцев, переводчик — 233
Путятин Е.В. — 345, 348, 350, 351
Пуцилло М.П. — 26, 61, 62, 66,
69, 70, 78, 82, 86, 118, 194, 425,
460
Пушкарев — 155

Пушкарев, геодезист — 182
Пушкин, сибирский комендант
— 118
Пушкин А.С. — 109, 131, 202, 460
Пушкин В.Н. — 51
Пушкин О.М. — 51
Пушкин Савлук, мангазейский
воевода — 51, 53
Пушин, коллежский асессор —
285
Пушин, капитан — 286
Пушин Иван, стрелецкий сотник
— 59
Пушин Федор — 68
Пшеницын, геодезист — 230
Пыткей, югорский князь — 21
Пьянков — 399
Пясецкий — 403

Р

Рагузинский, посланник в Китай
— 122, 125, 126, 222
Радищев — 201, 202
Радлов — 426
Раевский — 426, 442, 458
Райдуков Дмитрий — 54
Райдуков Юзор, казымский князь
— 54
Ракитин, иркутский воевода —
114, 120, 165
Рамке, член Лондонского Биб-
лейского общества — 242
Расмусен, капитан парохода —
418, 420
Рафаилов Метхи — 237
Рахманин — 158
Ребров Иван — 78
Резанов Николай Петрович, ка-
мергер — 219
Рейнеке, начальник Камчатки —
152
Рейслен, врач — 239
Реклю Э., французский географ
— 329, 412
Ремезов С.У. — 33, 40–42, 101,
102, 425, 426, 442, 457

Репин, штабс-капитан — 286
Решетников — 230
Решетников, купец — 325
Ржевский, енисейский воевода — 84
Ридер, садовник — 300
Рикорд — 145, 232, 250
Римский-Корсаков — 341
Рин Корнелий, голландский мореплаватель — 49
Риггер Карл — 59, 82, 126, 130, 168, 197, 200, 344, 371, 383, 411, 459
Рогозин, помощник штурмана — 277
Розе — 295
Розен, поручик — 286
Розенбах, генерал-адъютант — 434
Розмыслов, поручик — 181, 182
Романов — 349
Романов Гаврила — 89
Романовы — 51
Романовский, генерал — 375
Ромодановский Д.В. — 83
Ромодановский Никита — 29
Ртищев Т.Г., тюменский воевода — 94
Рубруквис, путешественник — 23, 27
Рудановский — 341
Рукин Черкас, сотник — 61
Руперт, генерал-губернатор Восточной Сибири — 312, 318
Румянцев Н.П., канцлер — 227, 230
Рыбинский — 155
Рылеев, подпоручик — 285
Рычков, академик — 234
Рязанов — 145, 324
Рязанов Девлет Хосю, служилый татарин — 26
Рязанов Собаня, служилый татарин — 26
Рязанов Я.М., купец — 284, 294, 299

С

Сабанский Петр, боярский сын — 68, 72
Савватий — 45
Савельев — 15
Савельев Афанасий — 92
Сайков, промышленник — 155
Саламатов, иркутский мещанин — 243
Салтык-Травин И.И., воевода — 21
Сальватори — 237
Самеке (Шемяка), хан средней орды — 132
Самианг, тайша — 167
Самойлов, купец — 188
Самойлов Степан — 179
Самойлович Иван, гетман — 95
Самсон Соломон — 128
Самсонов, посланник — 70
Санников — 222, 225, 230, 248
Сапожников — 131
Саргачик — 22
Сарыджан, султан — 341, 349
Сарыджанов Кашкарбай, султан — 397
Сарычев — 149, 155
Сарычев, лейтенант — 198
Сван — 242
Сверчков, капитан — 120
Свиньин, комиссар — 151
Свистунов, корнет — 286, 319
Севастьянов Василий (Щепеткой), управляющий Камчаткой — 109
Сейдяк — 38, 43, 46
Селиванов Кондратий, скопец — 185
Селифонтов, геодезист — 141
Селифонтов, сибирский генерал-губернатор — 212, 216, 218, 219, 224
Сельский И.С. — 388
Семенов П.П., вице-председатель Императорского Русского географического общества

- 24, 27, 37, 74, 77, 106, 123, 130, 132, 141, 144, 147, 149, 155, 157, 159, 177, 183, 198, 206, 223, 225, 230, 233, 239, 275, 289, 291, 294, 299, 300, 302, 305–307, 309, 313, 314, 317, 325–328, 332, 334, 341, 344, 345, 347–349, 351, 354, 357, 360, 366, 367, 371, 376, 379, 383, 384, 387, 393, 403, 412, 423, 426, 458, 459
- Семенов Никита — 74
- Семивский — 37, 125, 131, 174, 193, 194, 227, 233, 236, 458
- Сенге — 81, 85, 88
- Серафимович — 46, 67, 81, 84, 86, 109, 119, 152–154, 167, 170, 172, 179, 192, 219, 459
- Сербский Савва, священник — 126
- Серебренников — 155
- Серяков — 102
- Сецен-хан, правитель Монголии — 73
- Сибиряков, купец — 186, 243
- Сибиряков А.М., купец — 417, 420, 424, 438
- Сибиряков М.В., купец, иркутский городской голова — 198
- Сиверс — 207
- Сигизмунд, польский король — 28
- Сидоров М.К., купец — 252, 364, 365, 387, 416
- Сильвестр (Гловацкий), митрополит — 87
- Симонов, есаул — 305
- Синельников Н.П., генерал-губернатор Восточной Сибири — 390, 400, 440
- Синесий (Иванов), архимандрит — 53
- Синицын, издатель — 369, 398, 461
- Синявин Алексей — 92
- Сицкие — 51
- Скобелев, генерал — 412, 431
- Скорняков, гласный — 429
- Скорняков-Писарев Г. — 131, 132, 141
- Скряба Василий — 20
- Скуратов, лейтенант — 141, 142, 144
- Слепцов Григорий, протоиерей — 213
- Словцов П.А., историк — 29, 41, 64, 66, 69, 78, 86, 90, 101, 134, 135, 143, 152, 165, 166, 191, 196, 199, 200, 228, 242, 245, 251, 313, 320–322, 451–453, 455, 457
- Словцов И.М. — 416
- Соймонов, полковник — 170, 198
- Соймонов Ф.И. — 148, 165, 166, 172
- Соколов Кузьма, казак — 113
- Солдатов, купец — 238
- Соловьев, промышленник — 155
- Соловьев, член Русского географического общества — 344, 345
- Соловьев С.М., историк — 29, 42, 149, 450, 459
- Солунский Димитрий, святой — 37
- Сосновский — 392, 403
- Софроний (Кристалевский), епископ Иркутский — 53, 184
- Софоний (Сокольский), епископ Туркестанский и Ташкентский — 391
- Спасский — 243, 249
- Спафарий Н.Г. — 77, 89, 101, 426, 442
- Спенер — 111, 112
- Сперанский М.М. — 159, 173, 212, 224, 225, 233, 234, 239, 242–246, 249–252, 257, 268, 270, 288, 314–316, 320, 321, 365, 452, 457
- Спиридов, майор — 285
- Сретенский С.А., писатель — 428
- Стадухин Василий — 110
- Стадухин Михаил — 72, 74
- Сталибрас, член Лондонского Библейского общества — 242
- Станюкович — 285

- Старков Василий, посол — 71
 Степанов, губернатор — 227, 274
 Степанов Иван — 97
 Степанов М. — 341, 360, 364, 368, 375, 379, 384, 387, 460
 Степанов Онуфрий — 79, 81
 Стерлегов, штурман — 144, 147
 Столыпин — 246
 Страбон — 27
 Строгановы — 25–33, 35, 38–40, 42, 43, 450
 Струве Г.О. — 403
 Студитский — 252, 460
 Ступин, полковник — 114
 Суворин — 443, 445
 Суворов В.И., генерал-майор — 170, 177
 Судейкин Алексей, посадский человек — 139
 Сукин В.Б., воевода — 44
 Суклем, вогульский князец — 37
 Сулешов, тобольский воевода — 65
 Султамаметев Чанчар, киргизский султан — 218
 Сумароков — 201
 Сумароков П. — 393, 427
 Сургучев Андрей — 127
 Сутгоф, поручик — 285
 Суфрубий, старшина кургизско-китайской орды — 204
 Сухарев, следователь — 136, 139
 Сухарев А.М., сибирский губернатор — 151, 160
 Сыроватский, купеческий сын — 225
 Сырян, калмыцкий посол — 86
 Сытин, иркутский вице-губернатор — 135
- Т**
- Тайбуга — 21, 22, 25
 Тайшин Петр — 97, 98
 Тайшины, обдорский княжеский род — 52, 54
 Таксаки Эномотто, японский вице-адмирал — 404
 Талицкий Григорий — 104
 Таль, купец — 325
 Тамас, посол Кучума в Москве — 29
 Тамерлан — 170
 Тарлов, татарский мурза — 65, 67
 Татаринов, подьячий — 135
 Татаринов, сотник — 230
 Татищев, историк — 15, 16, 20, 83
 Татищев, действительный статский советник — 135
 Таушан — 35
 Таян, татарский князь — 54, 57
 Тевяшов, воевода — 188
 Тегнер Г. — 420, 426, 427
 Тецков, купец — 324
 Течик, князь югорский — 20
 Тизенгаузен, полковник — 286
 Тимковский Е.Ф. — 249
 Тихменев — 376
 Тогум, киргизский султан — 204
 Толбузин Алексей, воевода — 93, 94
 Толедо — 61
 Толкачев, купец — 299
 Толстой, прапорщик — 286
 Толстой, сенатор — 325
 Толстых Андриян — 155
 Торсон, капитан-лейтенант — 286
 Тохтамыш — 19, 20
 Транквилион Кирилл, архимандрит — 61
 Трапезников И.Н. — 369, 418, 420
 Трапезников Никифор, иркутский купец — 151, 154, 243, 402
 Трауэрнихт, якутский воевода — 110, 111
 Траханиотов Н.В., воевода — 47, 52
 Трескин, иркутский губернатор — 224, 225, 232, 233, 245, 271
 Третьяков — 225
 Третьяков Иван, посадский — 76

Третьяков П., автор статьи — 355, 361, 460
Трубецкой, полковник — 285
Трубецкой Д.Т., тобольский воевода — 65
Тугачевский, дворянин — 63
Тугачевский Яков, посол — 68, 69
Тугю (Дулга) — 272
Тумашевы — 86, 88
Тургенев — 82
Тургенев, действительный статский советник — 285
Тургенев И.С. — 432
Турукай, монгольский князь — 73, 75
Тушету-хан — 124
Тырков В.Ф., боярский сын — 54
Тюменец Василий, атаман — 59
Тюрин — 155
Тютчев, капитан — 286
Тюфин, купец — 325, 431

У

Убуши-хан — 183
Уваров С.С. — 245
Уваровский Иван — 114
Уил, миссионер — 242
Улеб — 16
Уллоа — 61
Ултын-хан — 55
Ульрих Иван Антонович — 151
Унгли-Ей, хан — 77
Уразмахмет, султан — 46
Урусов, поручик — 114
Усов Ф. — 229
Усольцев А.Ф. — 355
Ушатый П.Ф. — 22

Ф

Фаленберг, подполковник — 286
Фальк, академик — 94, 95, 120, 124, 185, 217, 234
Федор, схимонах — 54
Федор, сибирский митрополит — 112

Федор Алексеевич, царь — 54, 90, 160
Федор Иоаннович, царь — 23, 43, 46, 49, 54
Федоров, подштурман — 130
Федоров И.В. (Омулевский), писатель — 441
Федоров Тугарник, атаман — 49
Федченко — 344
Фезл-Уллах-Рашид-Эдин, персидский историк — 274
Феодосий, игумен — 91
Фигурин — 248
Фидлер, лекарь — 55
Филарет, архиепископ Черниговский — 83
Филарет, епископ Харьковский — 85
Филарет, историк церкви — 91, 93, 104, 107, 113, 121, 128, 150, 166, 205, 213, 459
Филарет, патриарх — 51, 63, 84
Филатов, канцелярист — 182
Филатьев Евстафий — 89
Филев Антон, посланник в Китай — 87
Филимон, иеродиакон — 112
Филимонов, священник — 119
Филимоновы — 294
Филиппов Н. — 458
Филипс Артур — 317, 329, 371, 374, 453, 460
Филофей (Лешинский), митрополит — 53, 87, 104, 105, 107, 110, 124, 151, 152, 168, 427
Финш — 411
Фирсов Дмитрий, боярский сын — 78
Фишер И.Э., историк — 15, 21, 22, 36, 37, 71, 133, 158, 181, 452, 457
Фламинг, голландский китобой — 85
Флоринский В.М. — 28, 62, 77, 80, 82, 87–89, 101, 113, 122, 126, 129, 131, 150, 424, 426, 442, 458

Фойницкий — 206
Фок, подпоручик — 286
Фонвизин, полковник — 286
Фохт, штабс-капитан — 286
Фра-Мауро, венецианский географ — 23
Франке, профессор — 111, 112
Франклин — 332
Фрауэндорф К.И., иркутский губернатор — 166, 177
Фребель — 386
Фролов — 94
Фролов 2-й, подпоручик — 286
Фунтусов, купец — 397
Фурман, капитан — 286

Х

Хабаров Ерофей, атаман — 71, 77-79, 81
Хайдер-хан, бухарский эмир — 249
Хакимбек, султан — 318
Хаминов, купец — 324
Ханбабин Досан, султан — 306
Хангалов М.Н. — 432
Ханходжа, хан — 192
Ханходжин Сивванкул, султан — 306
Ханыков — 319
Харахула, джунгарский тайша — 62, 71
Харченко, купец — 438
Харчин Федор — 131
Хвойнов — 186
Хвостов, гидрограф — 217
Хвостов, томский губернатор — 354
Хилков, воевода — 81
Хитров Иван, верхотурский воевода — 82
Хлопова М.И. — 60
Хметевский, начальник Камчатки — 152
Хорлек, калмыцкий тайша — 58, 60, 66, 71, 72, 77
Хохлов, посланник в Бухару — 62

Хрипунов Данил, письменный голова — 51
Хрипунов Яков, енисейский воевода — 64, 66
Хубин, китайский стольник — 128
Худояр-хан — 408

Ц

Цаган-гыген — 371
Цебриков, лейтенант — 286
Цермбштедт — 61
Цзэн, китайский посол в Париже — 420, 430
Цзя-Цин, богдыхан — 222
Цзянь-Лунь, богдыхан — 183, 204
Цибульский З.М. — 409, 424, 441
Циволька, прапорщик — 307, 312, 313
Циклер Иван — 99
Цысан-хан — 75

Ч

Чебаевский, купец — 154
Чебуков Третьяк, боярский сын — 29
Чекановский — 344, 364, 401, 438
Чекин, геодезист — 147, 149
Чекоров Киприан — 361
Челюскин, штурман — 133, 142, 149, 150, 322
Ченслер Ричард, английский капитан — 24
Черкасов, поручик — 286
Черкасов Дмитрий, боярский сын — 64
Черкаские — 51
Черкаские — 104
Черкасский Александр, князь — 135
Черкасский А.М., сибирский губернатор — 115, 121
Черниговский Никифор — 85
Чернышов, крестьянин — 183
Чернышов, ротмистр — 286

Черняев, туркестанский генерал-губернатор — 370, 434
Черский И.Д. — 364, 401, 427, 438
Чижов, лейтенант — 286
Чинги — 21
Чингис, хан — 22, 59
Чингисов Сартай — 276, 279, 280
Чингисов Турсун Джамантай, султан — 276
Чипп, мореплавателъ — 432
Чириков, мореплавателъ — 128, 133
Чириков Петр, боярский сын — 108
Чириковы — 81
Чичагов — 176–178
Чичерин Д.И. — 148, 172, 182
Чулков — 61, 76, 460
Чулков Даниил, письменный голова — 44–46
Чун-Хоу, китайский посол — 420
Чупалов Николай, купец — 228
Чупрой, купец — 154
Чурыгай, султан — 200
Чюн, калмыцкий посол — 86

Ш

Шадибек, хан — 19, 20
Шаим, сын Кучума — 50
Шалауров, купец — 164, 167, 168, 171, 176
Шаниаз, хивинский хан — 103
Шапошников Василий — 83
Шапп д'Отерош, аббат — 119, 168
Шарыгин Андрей, голова — 62
Шахирев, поручик — 286
Шаховской, тарский воевода — 92
Шаховской, майор — 286
Шаховской Мирон, письменный голова — 51
Шашков С.С. (Серафимович) — 165, 179, 421, 440, 441, 459
Шваненберг, шкипер — 416
Шварц — 344
Шварц, полковник — 250
Шварц, астроном — 331, 403

Шведов И.Г. — 394, 395, 440
Швецов, купец — 324
Шекша, ляпинский князь — 54
Шекшин Матвей, ляпинский князь — 54
Шелехов Г.И., промышленник — 155, 187, 188, 199, 205, 206
Шелковник Семен, казак — 74
Шемяка, хан — 252
Шенкурский Василий, воевода — 20
Шереметев, тобольский воевода — 89
Шереметев, граф — 130
Шеренг, тайша — 164
Шериф, капитан парохода — 418
Шестаков, дворянин — 109
Шестаков, ясачный сборщик — 140
Шестаков Афанасий, казачий голова — 127, 129, 130
Шестунов М.П. — 45, 53, 398, 441, 459
Шибанский, царевич — 26
Шилов, купец — 184
Шимков, прапорщик — 286
Шипов И.А., сибирский губернатор — 150, 151
Шишкин А., купец — 325
Шишкин Ф., купец — 324
Шлаттер — 179
Шмидт — 357, 379
Шпанберг, лейтенант — 128, 133, 141, 145
Шпер, врач — 227
Шпрингер — 178
Шренк, академик — 345, 431, 432
Штейнгель, подполковник — 286
Штеллер Г.В. — 133, 156, 163
Штер — 280, 337–339, 453, 458
Штинников Андрей — 131
Штраленберг, капитан — 110, 116
Штубендорф Ю.И. — 334
Шуйский, воевода — 57
Шуйский Василий, царь — 54–56

Шульгин Никанор, казанский
воевода — 58
Шунь-чжи, богдыхан — 79

Щ

Шапов А.П. — 120, 375, 410, 411,
421, 449, 460
Щебунин — 357
Щеглов И.В. — 13, 132, 200, 223
Щеголев, золотопромышленник
— 299
Щеголева — 402
Щепин-Ростовский, штабс-капи-
тан — 285
Щербатов, историк — 20, 25
Щербатов, воевода — 73
Щербачев, капитан — 174
Шукин С.С. — 165, 224, 384, 441
Щуровский — 344

Э

Эдуард VI, английский король —
25
Элиот — 345
Эренберг — 295
Эрман — 297
Этерикан — 183

Ю

Югов, купец — 158
Юлборус, хан — 145
Юмшан, вогульский князь — 21
Юньжэнь, богдыхан — 122
Юрак — 361
Юстиниан II, император — 272
Юшневский А.П. — 285, 319

Я

Ягужинский, генерал — 129
Ядрей, воевода — 18
Ядринцев Н.М. — 37, 93, 136, 153,
155, 173, 179, 193, 206, 219, 224—
227, 233, 246, 278, 310, 313, 316,
334, 342, 344, 364, 377, 382, 402,
409, 411, 425, 426, 431, 433, 442,
453, 458, 459
Языков Д. — 459
Якоби И.В., иркутский намест-
ник — 193
Яковлев, корнет — 236
Яковлев, владелец заводов — 294
Яковль Михаил, воевода — 20
Якуб-бек — 340, 384, 408, 417
Якубович, капитан — 285
Якушкин И.Д., капитан — 285,
287, 319
Ялычев Бурнаш, атаман — 28
Яниш — 42
Янов Ф.О., воевода — 52
Ярышкин Петр — 80
Ярышкин — 90

Оглавление

Источник

- А. Иконников.* Из Березова 5
- Гр. Дмитриев-Садовников.* «Предание,
исторический рассказ
Котцкого княжества Алачевых» 52
- Гр. Дмитриев-Садовников.* «Население
Котцкого монастыря
или Кондинского села русским народом» 57
- А. Демин.* Остяцкие сказки: Ответы на вопросы,
присланные Г. Потаниным 60
- А. Петрушин.* Югра-44 102

Послесловие

- В. Белобородов.* «...на прямой путь и полезный труд» 45

Деятели прошлого

- В. Белобородов.* Дмитрий Большой (Чиновник
Д.Г. Скорняков) 49
- В. Белобородов.* Агроном М.М. Степанова 109
- Р. Дормидонтов.* Охота в моей жизни 114

Тропа жизни

- Е. Грошева.* Пять тысяч километров по снежной целине:
Рассказывает геодезист Геннадий Андреевич Шевелев 118

Фольклор

- А. Демин.* Сказка о дьяволе и дьяволихе 69
- А. Демин.* Сказка про огненную реку 70
- А. Демин.* Остяцкая сказка 74
- А. Демин.* Сказка о царском сыне 79

Краеведение

- В. Цысь.* О некоторых особенностях установления
Советской власти в с. Самарово в 1918 г. 83

Историческое расследование

- А. Петрушин.* Лицензия на убийство 89

Наследие

- В. Белобородов.* Плотникова иллюстрировал Чукомин 127
М. Сибиряков. Клад Кучума 129

Справка

- Г. Кушнир.* Наши сокровища: К 85-летию Государственного
архива в г.Тобольске 228

Путешествия

- М. Корсунский.* Очерк экскурсии на Конду
летом 1908 года 232
В. Белобородов. Путешествие от скуки 319

Приложение

- В. Белобородов.* И.В. Щеглов. Хронологический перечень
важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг.:
Указатель имен 325

ПОДОРОЖНИК

Краеведческий альманах
Вып. 5

Редактор-составитель В.К. Белобородов

Операторы ПЭВМ Д. Никифоров, Н. Нохрина
Корректор Н. Тиунова
Дизайнер (обложка) В. Дыба-сын

Подписано в печать 11.12.2004 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура «TimesET».
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Усл.-печ. л. 20,46. Тираж 300. Заказ № 3235

ООО «Издательство Юрия Мандрики»
Лицензия ИД №06344 от 28.11.01 г.

Адрес для переписки: 625003, г. Тюмень, а/я 501.
Тел. (345-2) 25-12-84.
e-mail: mandrika@tmn.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Зауралье».
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.

265612006
Библиотека Югры

